ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ОКТЯБРЬ И ЗАЩИТА ЗАВОЕВАНИЙ РЕВОЛЮЦИИ

РУССКОЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО XVI—XVII вв.

ПОЛИТИКА США В ОБЛАСТИ ВООРУЖЕНИЙ

УЗЕЛ СВЯЗИ ГЕНШТАБА В ГОДЫ ВОЙНЫ

ДОГОВОР 907 г. РУСИ С ГРЕКАМИ

ЕЩЕ РАЗ О КОНСТАНТИНОВСКОМ РУБЛЕ

2

МОСКВА · 1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ, МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1978

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Ю. И. Кораблев — Проблема защиты завоеваний революции . . . 3
Е. С. Петропавловский — Некоторые аспекты источниковедения материалов общероссийских съездов, конференций и совещаний РСДРП 22
Академик **Л. В. Черепнин,** член-корреспондент АН СССР **В. Т. Пашуто** — Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVII вв.) 41
В. И. Титков — Исторические свершения народной Монголии . . . 54
Г. И. Святов — О политике США в области строительства вооруженных сил и ограничения вооружений 66

ВОСПОМИНАНИЯ

Б. А. Платонов — Узел связи Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны 93

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

М. М. Глейзер (Ленинград) — Советский червонец 106
А. Н. Сахаров — Русско-византийский договор 907 г.: реальность или вымысел летописца? 115

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

Академик **М. А. Коростовцев, Н. Н. Гурина** (Ленинград) — 70-летие академика Б. Б. Пиотровского 136

В высшей школе

В. В. Каргалов — Спецкурсы и спецсеминары по истории СССР . . 139

Рецензии

В. Е. Полетаев, Г. А. Шаджюс (Вильнюс) — Р. Пуллат. Социальная структура Советской Эстонии. Сравнительно-исторический анализ основных тенденций развития 145
А. Паананен (Финляндия) — Т. Бартеньев, Ю. Комиссаров. Тридцать лет добрососедства (к истории советско-финляндских отношений) 147
И. И. Джорджадзе — Хаджи Мурат Ибрагимбейли. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток 149
И. Я. Трифонов (Ленинград) — О. Ф. Сувениров. Коммунистическая партия — организатор политического воспитания Красной Армии и Флота. 1921—1928 152
В. А. Георгиев — «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы Российского министерства иностранных дел. Серия II (1815—1830). Т. I (IX); т. II (X) 154
Б. А. Фролов — «Первобытное искусство» 159
Ю. П. Гавриков — «Иностранные монополии на Кубе, 1898—1958 годы» 162
Е. С. Макова — Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма 164
А. Аникст — М. А. Барг. Шекспир и история 167

Новые книги 170
Статьи в советских периодических изданиях 173

Хроникальные заметки 176

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

А. Н. Чистозвонов — IX «Неделя» по экономической истории в Прато 181

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

А. В. Козырев — «ООН и разоружение 1970—1975 гг.» 186
С. М. Хенкин — Шепард Формен. Бразильское крестьянство . . 190

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 193
Заметки о статьях: А. И. Старцев — Дневник Надежды Турчаниновой (май 1863 — апрель 1864 г.); **И. И. Янчук** — Партизаны на первом этапе Мексиканской революции; **Л. Б. Алаев** — Эволюция аграрной структуры Индии в колониальный период; **Т. Л. Лабутина** — Политические клубы Лондона в период Реставрации 195
Рецензии на советские издания 203

Хроникальные заметки 204

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

И. И. Майданов — Трудящиеся Белоруссии в борьбе с контрреволюцией (1918—1921 гг.) 207

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А. С. Аванесов (Кисловодск), **Ю. М. Доронин** (Ессентуки) — Один из первенцев русской гидроэнергетики 211
Член-корреспондент АН СССР **В. Л. Янин** — К истории константиновского рубля 213

Сведения об авторах 221
Резюме статей на английском языке 222

) Издательство «Правда», «Вопросы истории», 1978 г.

СТАТЬИ

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ЗАВОЕВАНИЙ РЕВОЛЮЦИИ

(октябрь 1917 — февраль 1918 гг.)

Ю. И. Кораблев

Советским Вооруженным Силам исполнилось 60 лет. Созданные Коммунистической партией для защиты завоеваний Великого Октября, они с честью пронесли свои боевые знамена через все испытания минувших лет. Обороноспособность нашей страны ныне прочна как никогда. «Советский народ,— отмечалось на XXV съезде КПСС,— может быть уверен, что плоды его созидательного труда находятся под надежной защитой» [1]. Решая сложные проблемы совершенствования обороноспособности государства, наша партия неизменно руководствуется ленинским учением о защите социалистического Отечества, учитывает исторический опыт военного строительства. Октябрь, опыт СССР, опыт мирового социализма убеждают в том, что «социализм может утвердиться лишь в том случае, если власть трудящихся сумеет защитить революцию от любых атак классового врага» [2].

★

В. И. Ленину, глубоко изучившему труды основоположников марксизма и опыт революционной борьбы трудящихся масс, еще на заре создания партии было совершенно ясно, что рабочий класс, поднимаясь в союзе с беднейшим крестьянством на социалистическую революцию, встретит ожесточенное вооруженное сопротивление эксплуататоров и что сломить это сопротивление можно лишь военными средствами. Ленин восстановил похороненные ревизионистами II Интернационала выводы и указания К. Маркса и Ф. Энгельса о военных задачах пролетариата в революции и ее военной защите. Творчески развивая их в новых исторических условиях, он обосновал значение военных вопросов в классовой борьбе пролетариата, разработал военную программу пролетарской революции, теорию и тактику вооруженного восстания, показал пути революционизирования старой армии. Создавая теорию социалистической революции, Ленин выдвинул принципиальное положение о защите социалистического Отечества. Огромное значение для теоретического и практического решения этих и других вопросов имело творческое развитие Лениным учения марксизма о войне и армии.

Правильность этой программы блестяще подтвердила победа Великого Октября. Разработка и реализация военной программы партии рабочего класса в социалистической революции не означали, будто коммунисты, как утверждают буржуазные идеологи, являются приверженцами

---

[1] «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. 1. М. 1976, стр. 109.

[2] Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. М. 1977, стр. 18.

насилия в любом случае, во что бы то ни стало. Ленин подчеркивал, что рабочий класс предпочел бы взять власть мирным путем. Однако, поскольку буржуазия повсюду вооружена и первой применяет насилие против трудящихся, пролетариат вынужден вооружаться, овладевать военными знаниями, организовываться в революционную армию для того, чтобы победить буржуазию, защитить свои завоевания.

Партия большевиков, созданная и руководимая Лениным, в ходе трех революций показала на практике образцы использования военного дела в интересах пролетариата. По указаниям и советам Ленина большевики овладевали всеми формами и средствами борьбы, как мирными, так и немирными, изучали наряду с политической военную тактику, осваивали искусство политического и военного руководства массами в период открытых классовых битв [3]. Сам Ленин систематически изучал военную науку. Его статьи и письма «Падение Порт-Артура», «Разгром», «Задачи отрядов революционной армии», «В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете», «От обороны к нападению» и другие вооружали партийные кадры знанием не только основ революционной тактики, но и закономерностей развития военного дела, которые партия учитывала, готовя победоносный штурм царизма и капитализма [4].

Созданные в 1917 г. на опыте боевых дружин 1905 г. отряды Красной гвардии вместе с перешедшими на сторону революции частями армии и флота составили боевые силы Октябрьского вооруженного восстания и первую военную опору диктатуры пролетариата [5]. В боевых дружинах, красногвардейских отрядах, в военных организациях большевиков воспитывались и закалялись военные кадры пролетарской революции, из которых вышли первые организаторы, военачальники, полководцы и политработники Вооруженных Сил Советского государства. Вместе с другими деятелями партии они составили в центре и на местах руководящее ядро Вооруженных Сил Страны Советов в годы гражданской войны и интервенции.

В области военных вопросов партии большевиков пришлось вести борьбу с оппортунизмом на два фронта: с одной стороны, против ревизионистской идеологии и практики правых социалистов, меньшевиков, которые фактически отрицали необходимость применения пролетариатом оружия против буржуазии и вообще пытались освободить марксизм от военных вопросов, а с другой — против «левого» авантюризма, против «левых» догматиков, которые абсолютизировали вооруженную форму борьбы. Благодаря Ленину большевики, передовые пролетарии задолго до Октября выработали правильное отношение к военным вопросам, овладевали военными знаниями, всесторонне готовили широчайшие массы трудового народа к решительному штурму буржуазно-помещичьего строя и сокрушили его, опираясь на вооруженные силы социалистической революции. Многолетняя деятельность большевистской партии по завоеванию на сторону пролетариата солдат и матросов в огромной степени облегчила решение этой задачи [6].

«Советская власть,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в докладе на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР,— родилась под знаком ленинского Декрета о мире, и с той поры вся внешняя политика

---

[3] См. «Военные организации российского пролетариата и опыт их вооруженной борьбы». М. 1974.

[4] См. «О военно-теоретическом наследии В. И. Ленина». М. 1964; Д. М. Гринишин. О военной деятельности В. И. Ленина. Киев. 1966; Н. Н. Азовцев. В. И. Ленин и военная наука. М. 1971.

[5] См. «Вооруженные силы Великого Октября». М. 1977.

[6] См. П. А. Голуб. Большевики и армия в трех революциях. М. 1977.

нашей страны пронизана миролюбием»[7]. Ленин неоднократно указывал, что социализму чуждо стремление к агрессии, к войнам, захватам, что его идеалом является разоружение. Советская республика, говорилось в написанной им резолюции VII съезда Советов, «желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство»[8]. В первые годы своего существования Советское государство десятки раз обращалось с мирными предложениями к державам Антанты — всем вместе и порознь. Однако мировая буржуазия не хотела допустить утверждения на земном шаре нового, социалистического общественного строя. Буржуазии Антанты и США нужно было, чтобы Россия отвлекала на себя силы германского блока. Поэтому правительства этих стран не только игнорировали все мирные предложения государства рабочих и крестьян, но стали активно готовиться к свержению вооруженным путем Советской власти с целью реставрировать в России капиталистический строй.

Чтобы отстоять свои революционные завоевания и добиться мира, рабочим и крестьянам России пришлось взяться за оружие. «Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли»[9],— говорил Ленин. Вопросы организации обороны первой страны победившего пролетариата после Октября впервые в революционной практике марксизма встали перед партией большевиков как неотложная задача. Решая ее, Ленин разработал цельное и стройное учение о защите социалистического Отечества. Проблему защиты революции и социализма он рассматривал в широком плане как охватывающую все стороны жизни и деятельности партии, народа и государства — экономическую, политическую, идеологическую, дипломатическую и военную. Объем и характер конкретных задач, вытекающих из необходимости защиты социалистического Отечества, определяются международным и внутренним положением государства, соотношением классовых сил внутри страны и на международной арене.

Задачу защиты социалистического Отечества в период гражданской войны и интервенции Советскому государству и Коммунистической партии пришлось решать в условиях победы социалистической революции в одной стране. Международный пролетариат оказывал поддержку и помощь своему передовому отряду — пролетариату России, организуя движение против антисоветской интервенции, посылая своих представителей для участия в вооруженной защите оплота социализма. Но сохранялось неравенство материальных сил империализма и Советской республики. Оно усугублялось разрухой, блокадой, захватом врагом важнейших топливных, сырьевых и продовольственных районов страны, неимоверной усталостью населения от империалистической бойни. Сказывалось и отсутствие у молодого пролетарского государства опыта в создании своей военной организации. Однако Республика Советов нашла в себе силы преодолеть огромные трудности, отстоять завоевания революции. «Мы победили в грозовые, тревожные годы гражданской войны и вооруженной интервенции, когда решался вопрос — быть или не быть Советской власти»[10]. Огромное значение в достижении этой победы имело то, что партия и Советская власть руководствовались в своей деятельности ленинскими идеями о защите социалистического Отечества, выработанными Лениным научными принципами ведения справедливой войны против внешней и внутренней контрреволюции. Они основывались на познании и использовании закономерностей войны, на учете положения Страны Советов. Так, установка Ленина — сначала подавить

---

[7] Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 25.
[8] В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 413.
[9] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 138.
[10] Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 4.

сопротивление внутренней контрреволюции, чтобы подготовиться к отпору интервентам,— исходила из учета того, что империалисты, занятые войной друг с другом, не в состоянии были помочь российской буржуазии крупными военными силами, без которых она не могла противостоять триумфальному шествию Советской власти.

Ленин резко выступал против «шапкозакидательских» настроений, навеянных легкостью побед на внутреннем фронте. На уроках нашествия германского империализма он наглядно показал, к каким пагубным последствиям могут привести недооценка сил противника и упрощенный подход к оценке военных возможностей империалистических держав. Он называл авантюрой утверждения Троцкого и Бухарина о том, что враг не решится и не сможет наступать против революции [11]. Надо трезво исходить из того факта, предупреждал Ленин, что в случае нападения извне Советской стране придется иметь дело не с «гнилушками» вроде Керенского и Корнилова, а с силами международного империализма, «со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала» [12].

В условиях, когда империализм располагает мощной экономической и военной силой, указывал Ленин, долгом партии и государства становится строжайший учет сил. В связи с этим Ленин придавал огромное значение выработке и осуществлению принципиально выдержанной и гибкой внешней политики Советской республики как важнейшего средства защиты социалистического Отечества. По его мысли, внешнеполитическая деятельность партии и правительства должна быть направлена на предотвращение войн, на пресечение попыток применения империалистами военной силы против стран социализма и всех народов, на умелое использование противоречий в лагере империалистов, чтобы свести на нет их попытки создания единого антисоветского фронта, на сохранение мира.

Никто не умел так, как Ленин, мобилизовать массы на вооруженную защиту социалистического Отечества. И в то же время именно он твердо и решительно добивался подписания тяжелого Брестского мира, поскольку при отсутствии армии нельзя было иначе спасти революцию от разгрома германским империализмом. Благодаря исключительной выдержке, принципиальности и железной воле Ленина были разбиты антимарксистские взгляды троцкистов и бухаринцев и отброшена их явно гибельная политика. Заключение Брестского мирного договора явилось ярким образцом мудрости и гибкости ленинской внешней политики, умения отступить в порядке, когда это необходимо, чтобы выиграть время и подготовиться к грядущим боям. Завоеванная благодаря ленинской тактике мирная передышка дала возможность укрепить союз рабочего класса и беднейшего крестьянства, принять меры для оздоровления хозяйства страны, развернуть строительство Вооруженных Сил. Без этого Советская республика не смогла бы устоять против атак международного империализма. Коммунистическая партия в интересах защиты социализма делала все от нее зависящее, чтобы продлить мирную передышку и превратить Советскую республику в крепость, способную выдержать новый натиск империализма. Мы обещаем рабочим и крестьянам, заявлял Ленин, сделать все для того, чтобы иметь мир, чтобы отдалить момент войны. Но если империалисты обрушат на нас военную силу, рабочие и крестьяне «будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой» [13].

Поскольку экономика является основой обороноспособности страны, Ленин считал главной задачей экономический подъем республики,

[11] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 12, 14.
[12] Там же, стр. 12, 8.
[13] Там же, стр. 525.

умелое использование в интересах обороны возможностей нового способа производства, что и помогло Коммунистической партии превратить страну в кратчайший срок в единый боевой лагерь. Советская военная и гражданская промышленность, пройдя трудный путь от демобилизации почти всех военных заводов до новой мобилизации их в конце 1918 г., сумела обеспечить более высокое насыщение действующих частей Красной Армии, чем в старой армии. Если царское правительство искало выход из трудностей, делая огромные заказы вооружения и боеприпасов за рубежом, то Советская республика вышла победительницей из тяжелой борьбы с хорошо оснащенными силами внутренней и внешней контрреволюции без какой-либо помощи извне вооружением, боеприпасами, снаряжением. Мы победили материально более сильные армии, отмечал Ленин, «не получая ниоткуда ни единого патрона» [16].

Огромное значение придавал Ленин привлечению всего народа к защите завоеваний революции, к созданию необходимых предпосылок успешного военного строительства. Нельзя сделать страну обороноспособной, указывал он, без величайшего героизма народа, осуществляющего смело и решительно великие революционные преобразования. Партия большевиков упорно и энергично работала над прояснением политического сознания широких масс, особенно крестьянства, раскрывая разницу между старой, империалистической, войной и новой, революционной, войной, которую Советская республика вынуждена вести, помогала массам преодолеть состояние усталости от войны, от разрухи, поднимала их на защиту завоеваний революции. Развитие политического сознания трудящихся Ленин считал главным средством повышения энергии и социальной активности масс в защите социалистического Отечества. «Сила, по буржуазному представлению,— говорил Ленин,— это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинуясь указке империалистических правительств... Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [17].

На опыте нашей страны была убедительно продемонстрирована истинность фундаментального ленинского положения о том, что только рабочий класс, ведомый Коммунистической партией, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового общественного строя. Еще накануне Октября Ленин писал о том, что партия большевиков, ведущая за собой большинство трудящихся масс, твердо знающая свой путь, показавшая на деле способность дать всему народу верный выход, в состоянии спасти и возродить страну, укрепить ее обороноспособность, повести борьбу за мир, а в случае, если предложение мира будет отвергнуто, стать *«самой «военной»* партией» и повести «войну действительно революционно» [18].

Партия рабочего класса смело взяла на себя полную ответственность за военную защиту страны, доведенной до грани национальной катастрофы преступной политикой правящих эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии. «Мы — оборонцы после 25 октября 1917 г.,—писал Ленин.— ...Когда мы были представителями угнетенного класса, мы не относились легкомысленно к защите отечества в империалистской войне, мы принципиально отрицали такую защиту. Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего

---

[16] В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 111.
[17] В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 21.
[18] В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 245.

организовывать социализм, мы требуем от всех *серьезного* отношения к обороне страны» [19]. Долгом пролетариата и его партии становилась основательная подготовка к оборонительной войне при осторожнейшем учете сил. Силу пролетарской партии и рабочего класса, указывал Ленин, составляло всегда то, что «он смело, прямо, открыто смотрит в лицо опасности, не боится признать ее, трезво взвешивает, какие силы стоят в «его» и в «чужом», эксплуататорском, лагере» [20].

Организуя оборону социалистического Отечества, Ленин придавал первостепенное значение обеспечению и усилению ведущей роли рабочего класса по отношению ко всем трудящимся. В истории, указывал он, «бывало не раз, что рабочим и угнетенным классам удавалось взять в свои руки власть, но не бывало ни разу, чтобы им удавалось удержать ее. Для этого нужно, чтобы рабочие обладали не только способностью подняться на героическую борьбу и свергнуть эксплуатацию, но и способностью к организации, к дисциплине, к выдержке» [21]. Эта способность и воплощается в диктатуре пролетариата, которая призвана обеспечить необходимое единство воли и действий рабочего класса и всех трудящихся. Поэтому важнейшим принципом организации обороны Советской республики было всемерное укрепление диктатуры пролетариата. В тех условиях это означало внедрение строжайшей дисциплины и самодисциплины рабочих и всех трудящихся, создание стройной и четкой системы органов управления государством и руководства обороной страны, овладение искусством управления, проведение строжайшей централизации и беспрекословное исполнение распоряжений органов Советской власти и ее представителей, осуществление беспощадного подавления как эксплуататоров и внутренней контрреволюции, так и мелкобуржуазной распущенности.

Пролетариат многонациональной России оказался на высоте своих исторических задач. Ожесточенному вооруженному, политическому и идеологическому сопротивлению реакции, дезорганизации экономики и контрреволюционному саботажу, кровавому буржуазному террору он противопоставил высочайшую организованность и сознательную дисциплину, сплоченность вокруг Коммунистической партии, революционную бдительность [22]. Силу партии большевиков Ленин видел в беззаветной преданности рабочего класса, в теснейшей связи партии с народом, в научном характере ее политики, в способности возглавить массы и бесстрашно повести их на борьбу.

Развязанная сразу же после победы Октября внутренней контрреволюцией вооруженная борьба, вылившаяся в гражданскую войну и империалистическую интервенцию, заставила партию выдвинуть задачу военного подавления свергнутой буржуазии и обороны Советской страны на первый план. В условиях, когда политическое положение зачастую сводилось к военному, дело защиты завоеваний революции в решающей степени зависело от единства политической и военной стратегии, от централизованного руководства вооруженными силами революции, от сосредоточения материальных сил [24].

Это единство обеспечивала своей политикой партия большевиков. С первых же шагов своей деятельности в качестве правящей партии она взяла твердую линию на безраздельное, централизованное руководство вооруженными силами и обороной страны. ЦК РСДРП(б) категорически отверг требования передачи всех революционных полков в распоря-

---

[19] В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 292.
[20] Там же, стр. 362.
[21] Там же, стр. 453.
[22] См. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М. 1977, стр. 5.
[23] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 234, 250, 305.
[24] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 36—38.

жение городской думы [25], разоружения рабочих и отказа от сопротивления войскам Керенского, которые предъявили меньшевики и правые эсеры на переговорах об условиях соглашения с другими партиями (конец октября — начало ноября 1917 г.) [26]. Вслед за этим ЦК партии резко осудил оппортунистическую позицию Каменева и его сторонников, которые, идя навстречу притязаниям левых эсеров, провели 2 ноября 1917 г. во ВЦИК, вопреки директивам ЦК, резолюцию, грозившую большевикам в случае ее осуществления потерей преобладающего положения в правительстве, во ВЦИК и утратой руководства вооруженными силами. Резолюция, предложенная Каменевым, предусматривала вывод из-под контроля правительства, а следовательно, и правящей партии, войск Петроградского и Московского военных округов путем передачи их в распоряжение уполномоченных Советов рабочих и солдатских депутатов [27]. Это означало, что Советское правительство лишилось бы централизованного управления регулярными войсками в решающих пунктах [28]. Ленин, ЦК партии потребовали от Каменева и других оппозиционеров подчинения партийной дисциплине и проведения политики ЦК. По предложению ЦК Каменев был снят с поста председателя ВЦИК. 6 ноября новая резолюция ВЦИК о продолжении переговоров с другими партиями констатировала, что революционный порядок в столице обеспечивается Петроградским военно-революционным комитетом и «никакого вооруженного отряда в распоряжение городской думы предоставлено быть не может» [29]. Таким образом, ЦК партии во главе с В. И. Лениным отбил попытку эсеров и меньшевиков лишить правящую партию пролетариата политического и военного руководства и разоружить революцию.

Во время сотрудничества партии большевиков с левыми эсерами (декабрь 1917 г.— начало июля 1918 г.) условием их участия в центральных и местных военных органах было обязательство проводить политику защиты социалистического Отечества, однако действия левых эсеров не всегда отвечали этому условию. Бюро ЦК РКП(б), приняв 4 апреля 1918 г. решение о допущении представителя левых эсеров П. П. Прошьяна в Высший военный совет, обусловило это подчинением общим решениям и в случае больших разногласий выходом из ВВС [30].

Руководство Коммунистической партии военным строительством являлось решающим принципом защиты социалистического Отечества, залогом победы над врагами. «Рабочие массы не смогут удержать в своих руках завоеванной ими в Октябрьские дни власти,— подчеркивал ЦК РКП(б) в одном из своих директивных писем,— если не будет мощного, проникнутого единой волей, едиными стремлениями ядра» [31]. В принятом ЦК РКП(б) по предложению Ленина специальном постановлении «О политике военного ведомства» подчеркивалось, что партия несет ответственность за политику военного ведомства, которое осуществляет свою деятельность на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее ЦК и под его непосредственным контролем [32]. Историче-

---

[25] Петроградскую городскую думу В. И. Ленин считал «центром корниловцев» (там же, стр. 64).

[26] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918». М. 1958, стр. 236.

[27] См. «Декреты Советской власти». Т. I. М. 1957, стр. 35.

[28] См. А. И. Разгон. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М. 1977, стр. 152—153.

[29] «Декреты Советской власти». Т. I, стр. 52.

[30] М. П. Ирошников. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Л. 1974, стр. 78.

[31] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Изд. 8-е. Т. 2, стр. 32.

[32] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917—1968». М. 1969, стр. 35.

ский опыт показал, что именно Коммунистическая партия дала и дает единственно верный ориентир в борьбе за победу социалистической революции, защите ее завоеваний, строительстве нового общества.

Основываясь на ленинских положениях о защите социалистического Отечества, Коммунистическая партия с первых дней Октябрьской революции взяла на себя организацию защиты ее завоеваний. Партия во главе с Лениным организовала разгром первых антисоветских мятежей и других происков контрреволюции, обеспечила победу Советской власти по всей стране, вывела страну из-под смертельного удара германского империализма и использовала кратковременную передышку для организации обороны страны, укрепления тыла и создания Красной Армии. Ленинские выступления и работы помогли партии в короткий срок внедрить в сознание широчайших слоев трудящихся благородную идею необходимости защиты социалистического Отечества, поднять их на справедливую войну против интервентов и белогвардейцев, вселить уверенность в победе, привлечь миллионные массы рабочих и крестьян к активной вооруженной борьбе. Диктатуру пролетариата, руководство Коммунистической партии и организуемое ею сознательное и активное участие в защите Отечества широчайших народных масс Ленин считал основными отличительными чертами нового, революционного метода обороны социалистического государства [33].

★

Главным средством военной защиты завоеваний революции должны были стать вооруженные силы государства диктатуры пролетариата. Они были необходимы для подавления выступивших против Советской власти свергнутых классов и для защиты от вооруженной интервенции. «Военное сопротивление,— указывал Ленин,— нельзя сломать иначе, как военными средствами» [34].

Победа Октября внесла коренные изменения в существо военных задач пролетариата и условия их решения. До завоевания власти партия, пролетариат создавали отряды революционной армии для свержения старого строя в условиях подполья, преследований со стороны буржуазно-помещичьей власти. Это были разрозненные, слабо вооруженные отряды, представлявшие собой лишь зачатки военной организации нового строя. Завоевав государственную власть, пролетариат использовал ее для планомерного, централизованного строительства вооруженных сил [35]. Ликвидация монополии буржуазии и помещиков на руководство военным делом открывала возможность пролетариату в неизмеримо больших масштабах, чем прежде, овладевать военными знаниями, выдвигать из своей среды военачальников и полководцев, делать рабочих и крестьян сознательными защитниками социализма.

Ввиду возможности «самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами», указывал Ленин, «пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией» [36]. При этом проблема заключалась в том, чтобы найти пути, формы сочетания энтузиазма, революционного творчества угнетенного класса, игравшего до сих пор роль «серой скотины» для командиров из господствующего класса, с использованием «того запаса буржуазной науки и техники милитаризма», без

---

[33] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 35—36, 123, 195, 342, 360, 415; т. 41, стр. 5—6, 27, 31.

[34] В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 177.

[35] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 2, стр. 62.

[36] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 139.

которых пролетариат «не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны» [37].

В историческую ночь 26 октября Ленин, заслушав доклад о взятии Зимнего дворца, предложил Военной организации при ЦК партии создать вооруженные силы для защиты победившей революции [38]. По свидетельству Н. И. Подвойского, вскоре после разгрома мятежа Керенского — Краснова [39] Бюро военной организации составило записку об основах построения новой армии. О принципах, изложенных в этой записке, ему приходилось несколько раз беседовать с Лениным [40]. Вопрос этот обсуждался и на фронтах. Бывший начальник Революционного полевого штаба Ставки работник «Военки» М. К. Тер-Арутюнянц писал: «Как только у нас был свободный вечер или несколько часов, мы собирались в вагоне Крыленко и часто по прямому проводу связывались и говорили с Питером, с Лениным и Подвойским, о том, как построить армию» [41].

Партии и Советскому государству пришлось вести строительство новой армии одновременно с процессом слома старой армии. Теоретически предполагалось, что постоянная армия будет сломана, ликвидирована одним ударом и заменена всеобщим вооружением народа. «Армия,— писал Ленин,— есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся... Первой заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новою» [42]. Именно по этому пути пошла Парижская Коммуна, которая первым же своим декретом провозгласила упразднение постоянной армии и замену ее всеобщим вооружением народа в виде Национальной гвардии. К этому времени Парижская Коммуна располагала 215 батальонами Национальной гвардии, сформированными в рабочих и других демократических кварталах города [43].

Однако обстановка в России после победы Октябрьской революции была иной, она и продиктовала отказ от быстрой и единовременной ликвидации старой армии и замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Коммунистическая партия и Советское правительство не могли пойти на ликвидацию старой армии сразу, одним декретом. Несмотря на Декрет о мире, продолжалась война, необходимо было удерживать огромный внешний фронт. Эту задачу не могла выполнить Красная гвардия вследствие своей малочисленности и слабой военной подготовки. Другой вооруженной силы, кроме старой армии, у Советского государства тогда еще не было. До заключения мира нельзя было ни на один день прекратить работу по организации снабжения армии на фронте и в тылу продовольствием и боеприпасами, а без налаженного аппарата эту задачу осуществить было невозможно. Решающее значение при определении судьбы старой армии имел тот факт, что к моменту Октябрьской революции половина русской армии и флота оказалась на стороне пролетариата. «Речь шла,— пишет акад. И. И. Минц,— не

---

[37] Там же.

[38] В. В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917—1918 гг. Хроника событий. М. 1977, стр. 6.

[39] Организация Советской властью разгрома мятежа Керенского — Краснова и других военных выступлений контрреволюции в первые месяцы Советской власти наиболее обстоятельно освещена в кн.: В. Д. Поликарпов. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 — февраль 1918. М. 1976.

[40] Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М. 1970, стр. 163.

[41] ИМЛ при ЦК КПСС. Архив секретариата истории гражданской войны, ф. 3, оп. 2, п. 14, д. 4, л. 8.

[42] В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 295.

[43] «Всемирная история». Т. VII. М. 1960, стр. 21, 29.

об обычной,.. вымуштрованной постоянной армии, а об армии военного времени, вобравшей в себя весь цвет народных сил, революционизированной, «наполовину большевистской», по политическим симпатиям солдат, имеющей опыт создания второй армейской власти и ее готовые организационные ячейки в виде солдатских комитетов» [44]. Все это явилось результатом многолетней революционной деятельности партии большевиков в армии и на флоте по подготовке перехода солдат и матросов на сторону народа. Таким образом, налицо было благоприятное соотношение классовых сил в стране и в армии — в пользу пролетариата, что позволяло партии большевиков рассчитывать, что ей удастся временно использовать старую армию для защиты революции от внешнего врага.

Вместе с тем оставлять старую, хотя и революционизированную, армию в неприкосновенности тоже не представлялось возможным. Буржуазия и помещики, развязывая гражданскую войну, всячески пытались использовать старую армию для борьбы против Советской власти, создавая в ней контрреволюционные очаги, организуя мятежи и заговоры [45]. Значительная часть офицерского состава старой армии враждебно встретила Октябрьскую революцию и явилась активной силой контрреволюции, не говоря уже о большей части генералитета, в руках которого находились армейский аппарат, управление войсками, связь, обслуживание армии. Многие армейские комитеты высших ступеней, включая общеармейский комитет при Ставке верховного главнокомандующего, оставались в подчинении меньшевиков и эсеров, которые еще имели возможность, применяя такие средства, как ложь и клевета, провокации и запугивание, влиять на солдатские (крестьянские) массы. Используя мелкобуржуазные колебания крестьянства, контрреволюция могла втянуть часть солдат в борьбу против Советской власти. Решительный слом старой армии означал бы подрыв господства, авторитета и влияния буржуазии и ликвидацию попыток использования отдельных частей армии для реставрации в стране старых порядков.

Учитывая все эти обстоятельства, партия большевиков основным путем слома старой армии избрала путь ее полной демократизации и постепенного роспуска при одновременном создании новых вооруженных сил с привлечением в них солдат и офицеров старой армии, готовых с оружием в руках защищать власть Советов [46]. Демократизация старой армии подняла дух солдат и боеспособность войск, предотвратила полный развал фронтов. «Если когда-нибудь будет возможность беспристрастного изучения положения нашей армии в эпоху революции,— отмечал в своем отчете Военный отдел ВЦИК,— то для всех станет ясно, что только полная демократизация армии и признание власти за армейскими организациями, выбранными широкими солдатскими массами, и та политика мира, которая велась Советом Народных Комиссаров, способна была удержать армии на фронтах до середины зимы 1918 г. и спасла страну от неминуемого самовольного и стихийного отхода армии в тыл» [47].

Большевистские организации в армии настойчиво боролись за поддержание революционного порядка в войсках, стремились предотвратить стихийную демобилизацию. Большевики призывали солдат во что бы то ни стало удержать фронт до заключения мира с Германией.

17 декабря 1917 г. Ленин встретился на совещании с представителями армий и фронтов из числа делегатов Общеармейского съезда по демобилизации армии, проходившего в Петрограде, и с руководящими

---

[44] И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 3. М. 1973, стр. 415.

[45] В. Д. Поликарпов. Указ. соч., стр. 73—154 и др.

[46] О процессе слома старой армии, ее демократизации см.: С. М. Кляцкин. На защите Октября. М. 1964, стр. 26—28, 51—71; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М. 1965, стр. 353—395; И. И. Минц. Указ. соч., стр. 414—424.

[47] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 12, л. 4.

работниками Наркомвоена [48]. Стремясь выяснить с максимальной точностью моральное и боевое состояние войск, отношение солдат к миру и к возможной революционной войне, определить пути оздоровления армии, Ленин предложил представителям фронтовых и армейских солдатских организаций заполнить составленную им анкету из 10 вопросов, при этом подсчет голосов делегатов должен был производиться по каждому вопросу отдельно [49]. В архивах не удалось разыскать всех ответов на ленинскую анкету, но в фонде Наркомвоена нами найден сводный документ, суммирующий ответы делегатов 5-й, 7-й, Особой армий и ряда делегатов, не указавших свою принадлежность к определенной армии [50]. Мнение большинства этих делегатов сводилось к тому, что армия не способна к прочной обороне и к организованному отступлению. Комиссар Наркомвоена по демобилизации армии М. С. Кедров свидетельствовал, что «только единичные анкеты с известными натяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии» [51].

18 декабря Совнарком обсудил доклад главковерха Н. В. Крыленко о положении на фронте, состоянии войск и результатах анкеты среди представителей армии [52]. В написанной Лениным резолюции по этому вопросу говорилось о необходимости продолжать мирные переговоры, принять усиленные меры по реорганизации армии, при сокращении ее состава и усилении боеспособности, по обороне Петрограда от возможного прорыва немцев [53]. К 21 декабря старый Генеральный штаб по заданию Наркомвоена разработал проект ближайших практических мер по реорганизации старой армии и укреплению фронта. Генштаб считал возможным сохранить 100 дивизий, пополнить их до штатов военного времени и одновременно сформировать 36 дивизий из солдат-добровольцев в тыловых округах общей численностью в 360 тыс. человек [54]. Однако данные об усиливавшемся с каждым днем разложении армии, расширении потока самодемобилизации, самовольном отходе с позиций в тыл все новых частей и другие факты показывали все яснее невозможность удерживать фронт с помощью старой армии.

К началу января 1918 г., по сведениям ставки старой армии, действующие войсковые части на пяти фронтах (Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский и Кавказский) составляли 173 пехотные дивизии, несколько десятков кавалерийских дивизий, около 2 тыс. пулеметных команд, более 1,5 тыс. артиллерийских батарей [55]. Но боевое состояние этой армии вследствие неимоверной усталости, полуголодного состояния и нежелания солдат продолжать ненавистную войну было самым низким. «Все утомлены войной, части, стоящие на фронте, требуют смены» — таков был лейтмотив сводок с фронта. Убедительным доказательством разложения старой армии были факты увеличивающегося дезертирства: к началу 1918 г. с фронта в среднем уходило более 3 тыс. солдат в неделю [56]. Из множества фронтовых соединений и частей лишь отдельные полки с крепкими большевистскими организациями представляли в какой-

---

[48] «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» (далее — «В. И. Ленин. Биохроника»). Т. 5. М. 1974, стр. 139; см. также В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 179—180.

[49] «Историк-марксист», 1938, кн. 1, стр. 21.

[50] ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 63, лл. 28, 77. В связи с обнаружением этого документа текст 77-го примечания в 35-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина о том, что «ни ответов на вопросы, ни материалов, суммирующих ответы, в архивах не обнаружено», нуждается в уточнении.

[51] «Ленин и Красная Армия». М. 1958, стр. 9.

[52] «В. И. Ленин. Биохроника». Т. 5, стр. 142.

[53] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 181.

[54] С. М. Кляцкин. Указ. соч., стр. 78—79.

[55] С. М. Кляцкин. Начальный период строительства армии Советского государства (октябрь 1917 — январь 1918 г.). «История СССР», 1962, № 2, стр. 91.

[56] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 31, л. 147; ЦГАСА, ф. 2031, оп. 1, д. 353, л. 222.

то степени боеспособную силу. Это были латышские, сибирские и некоторые другие полки общей численностью около 30—50 тыс. человек [57]. Бывший член Военно-революционного комитета Западного фронта и комиссар при начальнике штаба верховного главнокомандующего большевик Р. И. Берзин писал: «Я должен констатировать факт, что самые образцовые и стойкие части, оставшиеся на позиции до самой демобилизации, были те части, где сильные партийные ячейки большевиков фактически держали их в своих руках. Но как только после первых переговоров о мире в Бресте последовал приказ о демобилизации более старых годов, никакие силы не могли бы удержать солдат на позиции» [58].

К концу декабря 1917 г. у Ленина окончательно сложился вывод, что старая армия стала полностью небоеспособной. В беседах с военными работниками он предостерегал от переоценки ее состояния и возможностей, показывал беспочвенность расчетов на организацию военной защиты Советской республики силами старой армии. Ленин отмечал позднее, что Советское правительство сделало все возможное для того, чтобы облегчить положение, укрепить и удержать на фронте «эту неслыханно, неизмеримо уставшую армию», но сама действительность показала, что после трех лет антинародной войны она воевать «ни в коем случае не может и не хочет» [59]. Учитывая все эти обстоятельства, ЦК партии и Советское правительство вынуждены были осуществлять демобилизацию старой армии, несмотря на то, что рядом находился такой сильный враг, как германский империализм, способный в любой момент бросить свои дивизии на Советскую республику. Одновременно с демобилизацией старой армии и мерами по сохранению и укреплению фронта развернулась разработка проектов и планов строительства новой армии.

Общие закономерности и принципы создания и укрепления вооруженных сил социалистических государств впервые были определены Лениным на основе идей Маркса и Энгельса. К ним относятся: обязательный слом в той или иной форме военной организации свергаемого господствующего класса, руководство пролетарской партии всем делом военного строительства, соответствие социально-политического облика вооруженных сил характеру социалистического общественного и государственного строя, единство армии и народа, правильное сочетание национальных и интернациональных моментов в военном строительстве, исходя из принципов пролетарского интернационализма, классовый принцип формирования и обучения армии и флота как вооруженной опоры диктатуры пролетариата. Определение назначения, характера и задач военной организации социалистического государства было важнейшим условием успеха военного строительства. Не меньшее значение имел правильный выбор конкретных организационных форм новой армии. Единых взглядов по этим вопросам в партии тогда не было. «Вопрос о строении Красной Армии,— указывал Ленин,— был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы шли от опыта к опыту,.. нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача» [60].

Энгельс, признанный знаток военных вопросов, предполагал, что одновременная победа социалистической революции в главных капиталистических странах позволит отказаться от постоянных армий и заменить их всеобщим вооружением народа. Вооруженные народные массы, говорил он в 1845 г., воодушевленные идеей борьбы за подлинное отечество трудящихся, своей невиданной стойкостью и храбростью превзой-

---

[57] «50 лет Вооруженных Сил СССР». М. 1968, стр. 22.

[58] Р. И. Берзин. Этапы в строительстве Красной Армии. «Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне». М. 1962, стр. 106.

[59] В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 377.

[60] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 137—138.

дут механическую выучку постоянных армий оставшихся буржуазных государств [61]. Позднее Энгельс высказывал предположение о возможности сочетания в военном строительстве пролетарского государства милиции и постоянной армии, отмечая при этом, что окончательное решение может быть дано только практикой [62]. Вывод о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа в форме милиции стал программным требованием социал-демократии. Из этого требования исходил Ленин, разрабатывая накануне Октября проблему слома буржуазного государства и замены его пролетарским.

В соответствии с Программой РСДРП всеобщее вооружение народа и рабоче-крестьянскую милицию партия противопоставляла ненавистной трудящимся старой, постоянной армии, оторванной от народа и направляемой против него. В капиталистических странах постоянные армии служили и служат захватническим целям и агрессивным замыслам эксплуататорских классов, орудием подавления трудящихся внутри страны. Таких целей не могло быть у социалистического государства. Накануне Октября Ленин не раз заявлял, что партия большевиков, придя к власти, немедленно предложит всем воюющим народам заключить мир без аннексий и контрибуций. Всего вероятнее, указывал Ленин, что Советское правительство, опираясь на громадную поддержку политики мира всеми народами, на всеобщее возмущение грабительской войной, несмотря на враждебное отношение к Советам буржуазии всего мира, сразу получит перемирие и согласие на открытие мирных переговоров [63]. Как отмечал он позднее, теоретически мыслилась на известное время мирная обстановка, которая позволила бы быстро пройти переходные ступени и получить благоприятные условия и значительное время для государственного строительства [64]. Наличие революционной ситуации в ряде стран Европы и вдохновляющий пример революционной России позволяли надеяться на социалистические революции в ряде стран вслед за Октябрьской революцией в России. Это могло создать такое соотношение сил в пользу социализма, при котором стало бы возможным создание военной организации в форме милиционной армии.

Однако маршрут мировой социалистической революции оказался гораздо более сложным, чем представлялось, что, в свою очередь, осложнило и решение военного вопроса. Окончательный выбор формы военной организации зависел от конкретной международной и внутренней обстановки, складывающейся после победы революции. Первые месяцы после ее победы (ноябрь — декабрь) и явились временем поисков путей и форм военного строительства. «Среди всей той массы вопросов, в которой приходилось разбираться коллегии,— отмечалось в одной из справок Наркомвоена,— важнейшее место занимал все же вопрос о будущей вооруженной силе, которая должна была заменить прежнюю разложившуюся армию» [65]. В различных организациях, на совещаниях в Наркомвоене выдвигались предложения и проекты реорганизации в новую армию старой демократизированной армии, расширения и преобразования Красной гвардии путем введения всеобщей красногвардейской повинности, создания милиционной армии [66].

Сохранение старой, хотя и демократизированной армии и превращение ее в вооруженную опору Советской власти, как уже отмечалось, было невозможно вследствие ее разложения, нежелания большинства

---

[61] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 539.

[62] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 518; Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М. 1956, стр. 674.

[63] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 232—233.

[64] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 47.

[65] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 3.

[66] Там же, лл. 3—4; Н. М. Потапов. Воспоминания. Записки о первых шагах военного строительства. «Военно-исторический журнал», 1968, № 1.

солдат воевать из-за крайней усталости, почти полной потери боеспособности войск. Красная гвардия, выполнившая с честью роль основной боевой силы Октябрьского восстания и вооруженной опоры Советской власти в период ее триумфального шествия, была малочисленна и слаба в военном отношении для того, чтобы дать отпор силам внутренней и внешней контрреволюции. Советская власть не могла пойти и на введение всеобщей красногвардейской повинности, ибо это привело бы к обескровливанию рабочего класса и ослаблению диктатуры пролетариата. Замена постоянной армии всеобщим вооружением народа в форме милиционной армии позволяла осуществлять военную подготовку и оборону страны с наименьшим отрывом населения от производительного труда, но для строительства милиционной армии требовались время и благоприятная внутренняя и международная обстановка.

Проблема создания военной организации социалистического государства была новой и сложной, поэтому сразу принять оптимальное решение было нельзя. Требовалось известное время, чтобы выработать определенную генеральную линию военного строительства, наметить его конкретный план. В трудах некоторых исследователей конца 50-х — начала 60-х годов встречается утверждение, что после победы Октябрьской революции проводилась идея создания «милицейских сил» «для поддержания внутреннего порядка в стране» [67] и что организация вооруженных сил в форме милиции была главным содержанием военной политики партии в этот период [68]. Высказывалось также мнение, что с первых дней Советской власти партия и правительство приступили к осуществлению выработанного Лениным плана одновременного строительства как милиционной, так и кадровой армии [69]. Однако это мнение не подтверждается убедительным документальным материалом. В архивных фондах отложились проекты и планы, отражающие процесс творческих поисков и споров, но эта работа, по свидетельству Н. И. Подвойского, тогда еще «не имела каких-либо практических результатов» [70].

Среди документов Ленина, Совнаркома, ЦК партии, Наркомвоена и Генштаба, относящихся к ноябрю — первой половине декабря 1917 г., мы не находим сведений о наличии принятого конкретного плана строительства новых вооруженных сил в форме либо милиции, либо кадровой армии, либо смешанного типа. Ленин глубоко сознавал необходимость скорейшей организации надежной защиты завоеваний революции, но он видел, что немедленный призыв к созданию новой армии в условиях огромной усталости народа от войны, ненависти к военщине и стремления как можно скорее получить мир не дал бы желаемых результатов. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что Советское правительство, приняв Декрет о мире, а затем приступив в ноябре 1917 г. к мирным переговорам с Германией, добившись прекращения военных действий, фактически уже начало осуществлять революционный выход из империалистической войны. Оно надеялось, что заключенное с Германией перемирие в ближайшем будущем «перейдет в общий демократический мир для всех народов Европы» [71]. Советское правительство страстно призывало к миру, обращаясь ко всем народам и правительствам. Мирные переговоры в Бресте были встречены всеобщим одобрением народных масс. В этих условиях призыв к немедленному строительству новой армии не был бы понят ими, а враги большевизма не пре-

---

[67] Д. М. Гринишин. Военная деятельность В. И. Ленина. Изд. 2-е. М. 1960, стр. 358.

[68] А. Ф. Данилевский. В. И. Ленин и вопросы военного строительства на VIII съезде РКП(б). М. 1964, стр. 17.

[69] С. М. Кляцкин. На защите Октября, стр. 138—139: «Исторический опыт КПСС в строительстве социализма и коммунизма и его международное значение». М. 1974, стр. 47.

[70] Цит. по: Ю. И. Кораблев. Указ. соч., стр. 172.

[71] «Декреты Советской власти». Т. I, стр. 197.

минули бы использовать это для обвинения Советской власти в «красном милитаризме» и тем самым на время сбить с толку часть трудящихся.

Требовалось время для того, чтобы значительные массы трудящихся, в первую очередь солдат, осознали и поддержали идею о необходимости защиты завоеваний революции с оружием в руках. С учетом этих обстоятельств Ленин и подходил к вопросам военного строительства. Он рекомендовал не торопиться с изданием воззваний и других официальных документов, внимательно изучать, что говорится в массах по этому вопросу, еще и еще раз проверить свои выводы. Он отклонил предложение Наркомвоена выпустить от имени Совнаркома «Манифест о социалистической войне» с призывом к созданию новой армии как несвоевременное и предложил прежде поставить вопрос о новой армии в местных Советах, в первую очередь в Петроградском, с тем чтобы они приняли соответствующее решение [72].

Ход переговоров в Бресте и события на фронте во второй половине декабря заставили резко усилить внимание к практическим вопросам строительства новой армии. Именно к этому времени в правящих кругах Германии по вопросу о мирных переговорах с Советской Россией взяла верх так называемая военная партия во главе с Людендорфом, Гофманом и Гинденбургом. Со дня на день можно было ожидать формального ультиматума и возобновления военных действий. Отказ держав Антанты и США от участия в переговорах о мире также свидетельствовал об их агрессивных замыслах в отношении Советской республики. В это же время правительства Антанты предрешили вопрос об антисоветской интервенции. 10 декабря Англия и Франция заключили между собой соглашение о разделе «зон влияния» в России [73]. 22 декабря Н. В. Крыленко сообщил телеграммой в Совнарком о тревожном положении на Румынском фронте в связи с самовольным массовым уходом солдат в тыл. Крыленко констатировал, что «положение на фронте принимает безнадежный характер» и поэтому «необходимы экстренные меры по формированию в тылу» [74].

Таким образом, задача немедленного создания формирований новой армии диктовалась усилением военной угрозы при почти полной потере боеспособности старой армией.

В течение второй половины декабря 1917 г. и в начале января 1918 г. состоялся ряд совещаний ответственных работников Совнаркома, Наркомвоена, Красной гвардии, Военной организации при ЦК РСДРП (б). Обсуждались и вырабатывались принципы строительства новой армии, планы конкретных мероприятий, инструкции. Опубликованы были воззвания Главковерха Н. В. Крыленко, Всеармейского съезда по демобилизации старой армии, разъяснявшие необходимость создания новой армии, призывавшие солдат, рабочих и крестьян вступать в ее ряды. Проблема ускоренного создания новой армии выдвинулась на первый план.

Большой интерес представляет найденный нами в архиве Наркомвоена документ с записью «Положений, выработанных совещанием коллегии по военным делам с тов. Лениным, Дыбенко и Сталиным» от 22 декабря и предложений Генерального штаба [75]. Если Генштаб исходил из

---

[72] См. «В. И. Ленин. Биохроника». Т. 5, стр. 154.

[73] См. «История внешней политики СССР». Т. I. М. 1976, стр. 47, 72.

[74] «В. И. Ленин. Биохроника». Т. 5, стр. 152; ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 137.

[75] ЦГАСА, ф. 11, оп. 1, д. 1125, л. 4. На документе имеется надпись: «В. И. Ленину». Совещание руководящих военных работников центра созвано было по его указанию 22 декабря 1917 г. в связи с сообщениями Н. В. Крыленко, о которых говорилось выше. В нем принимали участие от Совнаркома и ВЦИК В. И. Ленин и И. В. Сталин, от коллегии Наркомвоена — П. Е. Дыбенко, К. А. Мехоношин, Н. И. Подвойский, Э. М. Склянский, начальник Генерального штаба Н. М. Потапов и несколько его сотрудников (см. «В. И. Ленин. Биохроника». Т. 5, стр. 152; «Исторический архив». 1962, № 1, стр. 87; Н. М. Потапов. Указ. соч., стр. 67—68).

идеи сохранения старой армии путем оздоровления и замены безнадежных частей, то меры по укреплению фронта, выработанные коллегией Наркомвоена под руководством Ленина, определялись необходимостью создания новой армии. Вот эти меры: 1) разъяснение трудящимся необходимости подготовки к войне в защиту социалистического Отечества; 2) организация добровольческих отрядов из красногвардейцев и солдат тыловых частей; 3) снятие максимума матросов с кораблей, чтобы сцементировать ими добровольческие отряды; 4) издание декрета о всеобщей трудовой повинности для обеспечения армии продовольствием, вещами, фуражом, транспортом, топливом; 5) возможное увеличение содержания и солдатских пайков участвующим в социалистической войне; 6) внедрение духа добровольчества в уже сформированные маршевые роты. Заключительный пункт «Положений» гласил: «Оставить в комитетах только ядро работников, остальных поставить во главе вновь сформированной армии»[76]. «Положения» предусматривали, что армия будет добровольческой на началах постоянной армии, что она будет сцементирована красногвардейцами, матросами и лучшими революционными элементами старой армии, что правительство и Советы должны проявить максимум заботы о солдатах новой армии.

23 декабря на экстренном совещании представителей Наркомвоена, Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б) и Главного штаба Красной гвардии Петрограда было решено приступить к разработке декрета об организации новой армии[77]. Вопросы создания новой армии обсуждали солдатские организации, управления фронтов и Ставка. Так, 24 декабря Управление Северного фронта в телеграмме всем комиссарам армий и корпусов предложило «поставить вопрос во всех организациях, начиная с ротных комитетов, о необходимости одновременно с демобилизацией приступить тотчас же к созданию Красной революционной Армии, в рядах которой должны оставаться из числа увольняемых старших сроков службы добровольцами все, кто чувствует в себе силу идти на борьбу с контрреволюционной буржуазией, откуда бы она ни повела наступление, изнутри или извне России»[78].

26 декабря вопрос о создании социалистической армии рассматривался на собрании Военной организации при ЦК партии. Докладчик В. И. Невский, обосновывая необходимость формирования социалистической армии, говорил: «Нам нужно создать такие кадры социалистической армии, чтобы они сознательно пошли на борьбу по закреплению социалистических завоеваний», чтобы защищать революцию «как извне, так и изнутри»[79]. Н. И. Подвойский изложил план формирования 300-тысячной армии из добровольцев, которая должна была стать костяком вооруженных сил Республики Советов. Военная организация единодушно высказалась за создание социалистической армии не только из рабочих, но и из трудящихся крестьян, за организацию партийных ячеек в частях и усиление агитационной, организационной и вербовочной работы. Был создан штаб для технической работы[80].

29 декабря 1917 г. пленум Петроградского Совета, обсудив вопрос о создании социалистической армии, обратился с призывом к рабочим и солдатам Петрограда вступать в ее ряды. Пролетариат покажет всему миру, говорилось в воззвании, «образец подлинно народной, подлинно демократической армии, знающей, во имя чего она приносит жертвы, сознающей себя плотью от плоти, костью от кости рабочего класса

---

[76] ЦГАСА, ф. 11, оп. 1, д. 1112, л. 4.

[77] С. М. Кляцкин. На защите Октября, стр. 80—81.

[78] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 56.

[79] «Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции». Сборник документов. М. 1977, стр. 419—420.

[80] Там же, стр. 419—426.

и крестьянства, готовой в каждый момент исполнить свой долг перед своим классом, перед новой социалистической Россией. Пусть же десятки и десятки тысяч петроградских рабочих откликнутся немедленно. Пусть закипит работа по вербовке добровольцев в социалистические полки. Время не ждет. Да здравствует социалистическая армия!» [81]. В постановлениях пленума Петроградского Совета и его солдатской секции не только обосновывалось создание новой армии, но и провозглашались ее принципы как армии социалистической. Важно отметить, что ввиду угрозы нападения на Советскую республику империалистических агрессоров Совет высказался за постоянную армию, построенную на началах товарищеского взаимоуважения и дисциплины. Отказ от постоянной армии, отметила солдатская секция Совета, ослабил бы боевую мощь республики.

Постановление Петроградского Совета стало сигналом массовой кампании за создание регулярных вооруженных сил революции. 1 января 1918 г. В. И. Ленин, напутствуя в Петрограде отправлявшийся на Западный фронт первый сводный отряд бойцов новой армии, в своей речи сказал, что приветствует в их лице «первых героев-добровольцев социалистической армии» [82], которая призвана защищать завоевания Октябрьской революции от капиталистов всего мира. В письме Общеармейскому съезду по демобилизации армии от 3 января В. И. Ленин выразил уверенность, что *«великая задача создания социалистической армии»*, несмотря на все трудности переживаемого момента, *«будет решена... успешно»* [83]. 4 января 1918 г. была опубликована «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая декретировала «вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имущих классов» [84].

Так в теории и революционной практике марксизма впервые появилось новое понятие — социалистическая армия. Его появление было связано, во-первых, с необходимостью решения проблемы вооруженной защиты революции и социализма от покушений классовых врагов; во-вторых, с задачей создания качественно иной военной организации, соответствующей характеру нового строя.

По предложению Ленина вопрос о создании Красной Армии 15 января 1918 г. был поставлен на обсуждение солдатской секции III Всероссийского съезда Советов. Солдаты и матросы, делегаты съезда, одобрили намеченные Коммунистической партией и правительством мероприятия по созданию Красной Армии. III съезд Советов принял утвержденную ВЦИК «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», провозгласившую создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и утвердил решения солдатской секции съезда, одобрившей проект декрета о создании Красной Армии. Лишь после этого по предложению Ленина проект декрета был вынесен на рассмотрение Совнаркома, заседание которого состоялось 15 января 1918 г., и единодушно принят. Одновременно создавалась Всероссийская коллегия по организации Красной Армии. 16 января был принят Декрет о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Эти декреты означали переход к организованному и централизованному формированию, вооружению, обучению воинских частей на определенных основаниях.

После редактирования проекта декрета Лениным и сделанных им дополнений в принятом декрете о создании Красной Армии были четко и ясно сформулированы основы армии нового типа. Она комплектова-

---

[81] «Известия». 3.I.1918.
[82] В. И. Ленин ПСС. Т. 35, стр. 216.
[83] Там же, стр. 224.
[84] Там же, стр. 222.

лась по классовому принципу из рабочих и трудящихся крестьян. По способу комплектования и организации Красная Армия создавалась как постоянная армия. Придя к выводу о необходимости строительства постоянной армии, партия и Советская власть взяли за основу принципиально иные положения, чем те, на которых построены буржуазные армии. В отличие от них Красная Армия создавалась как вооруженная организация самих трудящихся масс, отстаивающая их интересы. Она основывалась на единстве народа и армии. Партия выступала не вообще против всякой постоянной армии, а против армии, оторванной от народа и используемой против него; она высказалась решительно против казарменной муштровки и палочной дисциплины.

Новая постановка вопроса о форме военной организации социалистического государства в условиях победы социализма в одной стране явилась творческим вкладом в развитие марксистско-ленинской теории. Ленин первым из марксистов выдвинул и теоретически обосновал задачу создания не милиционной, а постоянной регулярной социалистической армии и определил принципы ее строительства. Основной его вывод заключался в том, что регулярная армия «свойственна упрочившейся власти всякого класса, в том числе и пролетариата» [85]. Это положение было закреплено в Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б), в решении съезда по военному вопросу, а позднее — в решениях VI конгресса Коммунистического Интернационала, где говорилось: «Для защиты от империализма пролетариату нужна сильная, дисциплинированная, хорошо вооруженная и боеспособная Красная Армия. При современных условиях эти задачи может выполнить лишь постоянная армия, образующая ядро вооруженных масс трудящегося населения... Только победа пролетарской революции в ряде крупных капиталистических государств могла бы... иметь последствием то, что в своей военной политике пролетарское государство сумеет приступить непосредственно к замене постоянной Красной Армии классовой милицией» [86]. Правильность, жизненность этого вывода проверены историческим опытом первой страны социализма и других социалистических государств.

Исторический переход от Красной гвардии к Красной Армии происходил вначале на основе добровольчества, что не было ни ошибкой, ни случайностью. Это была неизбежная переходная форма, обусловленная конкретной исторической обстановкой. Добровольческий принцип дал возможность создать ядро новой армии из передовых, наиболее сознательных представителей рабочего класса и беднейшего крестьянства. Добровольческий период подготовил условия для создания массовой регулярной армии на основе союза рабочего класса со средним крестьянством, что и было осуществлено в 1918—1920 годах.

60 лет назад, в февральские дни 1918 г., только что сформированные первые добровольческие части Красной Армии получили боевое крещение в схватках с войсками империалистической Германии. В память об этих исторических боях и днях мобилизации трудящихся на защиту социалистического Отечества был установлен в 1919 г. День Красной Армии, который и отмечается с тех пор 23 февраля. Борьба малочисленных и слабо экипированных сил Красной Армии и Красной гвардии против хорошо вооруженной регулярной германской армии не привела и не могла привести тогда к разгрому немецких захватчиков. Но февральские дни показали готовность советских людей встать на защиту своего социалистического Отечества, беспримерную стойкость и мужество первых бойцов социалистической армии. Оказалось, что бойцы рождающейся Красной Армии обладают такими высокими морально-боевыми качествами, каких не могут иметь солдаты империали-

---

[85] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 287.

[86] «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М. 1933, стр. 320.

стических армий. Красногвардейцы и красноармейцы шли в бой, воодушевленные идеей защиты завоеваний социалистической революции. Военная слабость молодой Красной Армии была временным явлением, а ее высокий моральный дух — характерной особенностью армии нового типа.

Части Красной Армии, получившие боевую закалку в боях с немецкими захватчиками, составили ядро сформированных позднее регулярных частей и соединений, которые прославили себя в боях с интервентами и белогвардейцами. Многие из командиров и комиссаров этих отрядов стали выдающимися военачальниками и политработниками, героями гражданской войны. «Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом»[87],— говорил Ленин на VII съезде партии. Из опыта организации отпора нашествию германского империализма партия извлекла важнейшие уроки для работы по укреплению обороноспособности страны и строительству Красной Армии.

★

60-летний исторический опыт Советского государства показал правильность и жизненность ленинской политики Коммунистической партии, неизменно сочетавшей заботу об обеспечении мирных условий для строительства нового общества со всесторонней подготовкой страны к обороне и к решительному отпору врагам в случае посягательства на безопасность Страны Советов, с воспитанием воинов армии и флота, всех советских людей в духе ленинских идей защиты социалистического Отечества. «Ни у кого не должно быть сомнений и в том,— говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС,— что наша партия будет делать все, чтобы славные Вооруженные Силы Советского Союза и впредь располагали всеми необходимыми средствами для выполнения своей ответственной задачи— быть стражем мирного труда советского народа, оплотом всеобщего мира»[88]. Этого требуют интересы социализма, интересы обеспечения мира и безопасности народов. Поэтому защиту социалистического Отечества Конституция СССР 1977 г. определяет как важнейшую функцию Советского государства, дело всего народа.

---

[87] В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 26.
[88] «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1, стр. 109.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ОБЩЕРОССИЙСКИХ СЪЕЗДОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ И СОВЕЩАНИЙ РСДРП

Е. С. Петропавловский

80 лет назад, с 1 по 3 (13—15 по нов. ст.) марта 1898 г., в Минске состоялся I съезд Российской социал-демократической рабочей партии, провозгласивший ее образование. В решениях съезда были определены организационные принципы строения партии, в Манифесте съезда изложены общие принципы ее деятельности. Съезд явился важным событием в деле соединения социализма с рабочим движением России и оформления разрозненных социал-демократических организаций, групп и кружков в единую марксистскую партию пролетариата. Собрался съезд на рубеже XIX и XX вв., в период перехода капитализма в России в империалистическую стадию, в период подъема революционного рабочего движения в стране. В жизни социал-демократии России 1898 год, как указывал В. И. Ленин, завершил период «детства и отрочества». «Образование партии весной 1898 года,— писал он, имея в виду решения I съезда,— было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы»[1].

Материалы, связанные с созывом и проведением I съезда РСДРП, положили начало формированию фондов документов партии и ее руководящих органов как исторических источников.

Документы российской социал-демократии занимают особое место среди письменных источников по истории России конца XIX и начала XX в. (эпоха империализма). Одной из важнейших их составных частей являются материалы общероссийских съездов, конференций и совещаний РСДРП. Необходимость их всестороннего источниковедческого изучения определяется рядом причин. Эти материалы содержат сведения по широкому кругу вопросов марксистско-ленинской теории, истории КПСС и истории страны. Включают они различные виды документов, происхождение которых связано со многими особенностями, сказавшимися на них как на источниках. Они систематически использовались в качестве источника в прошлом и используются в наши дни, но источниковедчески изучены недостаточно.

Необходимость выделения материалов коллективных органов РСДРП конца XIX — начала XX в. в отдельную группу и специального их источниковедческого рассмотрения вытекает из того, что они во многом отличаются от материалов съездов, конференций, совещаний партии, проходивших после победы Великого Октября. Созыв в нелегальных и полулегальных условиях, в подполье и за границей, наличие в РСДРП фракций и вхождение в нее отдельных национальных социал-демократических организаций, имевших националистические тенденции, оппортунистические ошибки (Бунд) или расходившихся с большевика-

[1] В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 181.

ми по отдельным вопросам (социал-демократия Польши и Литвы), определили многие их черты и особенности как исторических источников. Эти особенности, не снижая общей ценности источника, потребовали при публикации этих материалов в послеоктябрьский период многолетней подготовительной работы.

Ценнейший вклад в разработку проблем источниковедения документов съездов, конференций и совещаний РСДРП внес Ленин. Он разработал методологию и методику их источниковедческого анализа, включающие материалистический и диалектический подход к их содержанию, партийность и историчность, выяснение условий их происхождения, сопоставление различных решений и их проектов, текстов речей и резолюций, проверку высказывавшихся на заседаниях идей и формулировок документов с объективными закономерностями общественного развития, с политической деятельностью их авторов. Ленинская методика предусматривает применение статистических приемов, проверку достоверности сообщаемых фактов, установление авторства документов, дат их возникновения и многие другие источниковедческие вопросы. Богатый материал для изучения ленинских принципов источниковедческой работы с протоколами, резолюциями, программными и уставными документами и с примыкающими к ним материалами дают такие его произведения, как «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Как не следует писать резолюции», а также другие его книги, статьи, речи.

Советская историческая наука уже сделала первые шаги в области изучения вопросов источниковедения материалов съездов, конференций, совещаний РСДРП. Однако нет пока работ, суммирующих накопившийся источниковедческий опыт, обобщающих вопросы методологии и методики их источниковедческого анализа, рассматривающих совокупность возникающих в ходе их изучения задач и пути их решения. В литературе затронуты лишь отдельные проблемы, источниковедчески рассмотрены только немногие документы (Программа, Устав, некоторые резолюции, отдельные отчеты). Специально источниковедению материалов съездов, конференций и совещаний РСДРП посвящены несколько статей, но в них затрагиваются только отдельные вопросы темы [2]. Источниковедческие вопросы материалов съездов, конференций, совещаний РСДРП затрагиваются в некоторых монографиях, учебных пособиях и статьях по источниковедению истории КПСС и СССР [3]. Однако ав-

---

[2] З. П. Костыгова, М. А. Двойнишников. Важнейший источник изучения истории Коммунистической партии СССР. «Вопросы истории», 1954, № 2; С. М. Петров, Ю. И. Кораблев. О предисловии к новому изданию протоколов съездов и конференций КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 6; З. В. Ждановская. Протоколы партийных съездов как источник истории партии (1903—1905 гг.). «Вестник Московского университета», серия истории, 1961, № 2; Г. Н. Шаншиев. Издание протоколов II съезда РСДРП. «Вопросы истории КПСС», 1963, № 7; А. М. Совокин. VI съезд партии и исторические источники. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 7; М. А. Пережогин. Ленинские проекты резолюций партийных съездов как источник для изучения истории КПСС. «Труды» Московского историко-архивного института, 1970, Т. 27; М. Я. Варшавчик. Матеріали партійних зъїдів як джерело вивчення історії КПРС. Український історичний журнал», 1971, № 1 (материал этой статьи вошел в кн: М. А. Варшавчик. Источниковедение истории КПСС. М. 1973); В. В. Малиновский. Доклады комитетов и групп РСДРП II съезду партии как источник для изучения истории местных партийных организаций. «Второй съезд РСДРП и местные партийные организации России». Пермь. 1973; Е. С. Петропавловский. Первые издания материалов съездов, конференций и совещаний РСДРП как исторический источник. «Федоровские чтения. 1975». М. 1977.

[3] В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев. 1961, стр. 41, 70—71, 127—128; его же. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 г. М. 1962, стр. 20, 148—167; З. В. Ждановская, П. Б. Жибарев, А. Т. Маслова, А. И. Широков, А. Г. Шпынов. Обзор источников истории КПСС (Курс лекций). М. 1961, стр. 43—52, 56, 84—87, 117—119, 134—142, 196—203; М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М. 1967, стр. 40, 58—65; его же. Вопросы источниковe-

торы этих работ, как правило, не выделяют материалы дооктябрьского периода из других документов данного вида источников, а если и выделяют, то рассматривают кратко, в общих чертах. Отдельные источниковедческие вопросы рассматриваются в предисловиях, примечаниях, сносках к послеоктябрьским переизданиям протоколов, резолюций и материалов дореволюционных партийных съездов, конференций, совещаний. Вопросы источниковедения нашли частичное отражение также в историко-партийной литературе, в том числе посвященной съездам, конференциям, отдельным партийным документам. Обширный материал такого характера содержится в многотомной «Истории КПСС» (тт. 1, 2, 3, кн. 1. М. 1964, 1966, 1967). Некоторые выводы и соображения о протоколах и резолюциях партийных съездов и конференций дооктябрьского периода как источнике содержатся также в работах, касающихся ряда аспектов ленинской методики работы с документами коллективных органов партии как с источниками [4].

Современное состояние разработки проблем источниковедения материалов дооктябрьских съездов, конференций, совещаний РСДРП указывает на то, что исследователям предстоит еще осветить широкий круг вопросов: во-первых, дать анализ общих проблем марксистско-ленинского источниковедения в применении к данному источнику; во-вторых, выявить его специфику, особенности происхождения, состав материала и т. д. В настоящей статье рассмотрены лишь отношение Ленина и Коммунистической партии к материалам дооктябрьских съездов, конференций и совещаний РСДРП как к источнику; состав этого источника и его значение для изучения истории РСДРП и истории России, некоторые особенности происхождения этих документов, направления их источниковедческого анализа.

Ленин не раз указывал на значение партийных документов для изучения истории РСДРП и многих вопросов истории России. Обращаясь к его высказываниям, надо учитывать, что, говоря об изданиях протоколов коллективных органов партии, он имел в виду всю совокупность документов, включаемых в публикацию. Высокую оценку Ленин дал материалам II съезда РСДРП. В предисловии к книге «Шаг вперед, два шага назад» он указывал на обязанность каждого члена партии «тщательно изучать наш партийный съезд» и подчеркивал, что «будет считать свою работу не пропавшей даром, если ему удастся дать хотя бы толчок к широкому и самостоятельному изучению протоколов партийного съезда» [5]. Рассматривая протоколы и решения этого съезда как важнейший источник сведений о внутрипартийном положении, он писал Кавказскому союзному комитету РСДРП: «Пусть не слушают они (кавказские товарищи.— *Е. П.*) сплетней против большинства. Скоро выйдут в свет полные протоколы съезда, и тогда дело будет ясно для всех» [6]. В письме Н. Е. Вилонову (декабрь 1903 г.) Ленин замечал, что до выхода в свет проколов II партийного съезда и съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии нельзя подроб-

---

дения истории КПСС. М. 1972, стр. 20—24; его же. Источниковедение истории КПСС, стр. 243—257; З. В. Ждановская. Значение подготовительных материалов В. И. Ленина как источников истории КПСС. «Вопросы истории КПСС». 1968, № 10; «Источниковедение истории СССР». М. 1973, стр. 330—337; М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР. Советский период. Изд. 2-е. М. 1976, стр. 37—49.

[4] М. А. Ковальчук. Труды В. И. Ленина как источник изучения II съезда партии. «Вестник Ленинградского университета», серия истории, языка и литературы, 1962, № 2, вып. 1; Н. Н. Маслов. Ленин как историк партии. Л. 1969, стр. 139—141, 148—153; О. Г. Обичкин. Устав КПСС. М. 1970; В. В. Горбунов. Ленинский метод исследования документов II съезда РСДРП. «Вопросы истории КПСС», 1973, № 6; Л. А. Аполонов. Ленин о съезде как верховном органе партии (по материалам нелегальных съездов РСДРП). Казань. 1974, стр. 126—130.

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 190.

[6] В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 310.

но изложить суть раскола между большевиками и меньшевиками[7]. На заседании Совета РСДРП (январь 1904 г.) он отметил, что для выяснения причин внутрипартийного раскола придется обратиться к протоколам II съезда «за справками»[8].

Оценивая значение материалов II, III и IV съездов для изучения положения в РСДРП, Ленин в предисловии к сборнику «За 12 лет» писал: «С.-д. партия, несмотря на раскол, с 1903 по 1907 год... дала публике наибольшие сведения о своем внутреннем положении (протоколы съездов второго общего, III большевистского, IV или Стокгольмского общего)»[9]. Но не только насыщенность документов коллективных органов партии сведениями о положении в РСДРП отмечал Ленин. Не раз указывал он и на их важность для изучения и многих других вопросов. Так, о протоколах Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП (1906 г.), содержащих сведения о вооруженной борьбе масс, солдат и матросов в 1905—1906 гг., Ленин писал, что «это — чрезвычайно ценный материал, и за почин в его собирании и обработке все сознательные с.-д. рабочие поблагодарят военно-боевую конференцию», советовал «всем членам партии ознакомиться с чрезвычайно интересными» ее протоколами, «*изучать* их»[10]. Высокой его оценки заслужили материалы VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б), особенно сведения о деятельности Советов[11].

О значении, которое придавал Ленин протоколам и резолюциям партийных съездов, документам, решениям конференций и совещаний как источникам, говорит тот факт, что он сам систематически привлекал их при освещении широкого круга вопросов. Многие его работы и выступления насыщены ссылками на эти документы. Письмо И. Ф. Арманд от 24 апреля 1914 г. свидетельствует о неослабевающем интересе Ленина к материалам II съезда. «Из... библиотеки (Орловского; она у Камского),— писал он,— пожалуйста, достань... *протоколы II съезда* РСДРП и пошли мне их поскорее»[12]. Эти материалы широко использовал Ленин не только при рассмотрении вопросов внутрипартийной жизни, но и в работах, затрагивающих проблемы истории России, классовой борьбы, стратегии и тактики пролетариата, общественной мысли и т. д. (см., например, «Аграрная программа социал-демократии в русской революции», «О праве наций на самоопределение», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Социал-демократия и выборы в думу», «Услышишь суд глупца... (из заметок с.-д. публициста)», «Избирательная кампания рабочей партии в Петербурге», «Выборная кампания социал-демократии в Петербурге»).

В качестве источника по истории революционного рабочего движения в России и истории РСДРП документы съездов, конференций, совещаний систематически использовали видные деятели большевистской партии[13]. Постоянный интерес к материалам съездов, конференций, со-

---

[7] См. там же, стр. 331—332.
[8] В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 123.
[9] В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 102.
[10] В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 289, 282, 290.
[11] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 377.
[12] В. И. Ленин. ПСС. Т. 48, стр. 282.
[13] См., например, «Доклад большевиков Международному социалистическому конгрессу в 1904 г». «Из истории создания партии нового типа». М. 1963; Павлович [П. А. Красиков]. Письмо к товарищам о II съезде РСДРП. Женева. 1904; Орловский [В. В. Воровский]. Совет против партии. Женева. 1904; [В. В. Воровский]. Комментарий к протоколам второго съезда Заграничной лиги русск. революционной социал-демократии. Женева. 1904; его же. К истории марксизма в России. Соч. Т. I. М. 1933; Галерка [М. С. Ольминский]. Борьба за партию после II съезда РСДРП. Сборник статей 1904—1905 гг. М. 1933; Галерка и Рядовой [М. С. Ольминский и А. А Богданов]. Наши недоразумения. Женева. 1904; М. Лядов. История Российской социал-демократической рабочей партии. Ч. I. СПБ. 1906; Н. Батурин. Очерк по истории с.-д. в России. Сочинения. М.-Л. 1930, и др.

вещаний партии проявляли местные социал-демократические организации и передовые рабочие, для которых они были руководством в революционной борьбе и источником сведений о положении в стране и внутрипартийной жизни. Секретарь исполнительной комиссии Московского окружного комитета партии писал, например, в ЦК РСДРП, что комиссия «просит... выслать протоколы Лондонского съезда... Знакомство самих организованных рабочих с политическими линиями, проведенными на съезде,.. способствует упрочению взглядов «большевизма» [14]. С аналогичной просьбой в Заграничное бюро ЦК обращались из Латвийской [15] и других социал-демократических организаций России. В свою очередь, ЦК РСДРП, Н. К. Крупская, являвшаяся в различные годы секретарем редакций газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий» и секретарем Заграничного бюро ЦК, транспортные комиссии сообщали организациям о подготовке к изданию, выходе и пересылке им документов коллективных органов партии [16].

Таким образом, материалы общероссийских съездов, конференций и совещаний РСДРП не только как политические документы, но и как источник широкого круга сведений были высоко оценены современниками: Лениным, его сподвижниками, партийными массами в России. За годы Советской власти документы съездов, конференций и совещаний РСДРП прочно заняли место среди наиболее часто используемых источников. К ним обращаются и братские коммунистические партии, изучая опыт ленинской партии по руководству революционной борьбой масс в России.

Обширен отложившийся в документах общероссийских съездов, конференций и совещаний РСДРП материал. Особую ценность они представляют как источник для изучения распространения марксизма в России, истории РСДРП, большевизма. Это один из основных источников по истории партии, деятельности ее центральных и местных организаций, различных направлений в социал-демократии. Характеризуя значение материалов II съезда РСДРП, Ленин высказал соображение, относящееся к документам и других общепартийных съездов, которые «дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу» [17].

Материалы общероссийских съездов, конференций, совещаний насыщены сведениями о борьбе Ленина, революционной социал-демократии, большевиков с оппортунизмом. Анализ решений III съезда партии и Женевской (1905 г.) конференции меньшевиков помог, например, Ленину раскрыть различия тактических принципов большевиков и меньшевиков в революции 1905—1907 годов. Протоколы, резолюции, заявления, отчеты — важный источник для изучения роли многих деятелей РСДРП в революционной борьбе, их участия в различных событиях. Записи выступлений на съездах, сведения о голосованиях помогают определить позицию отдельных делегатов, их политическое лицо. Протоколы являются одним из основных источников для изучения самих партийных съездов и конференций: их истории, подготовки, хода заседаний, обсуждавшихся вопросов, борьбы мнений, деятельности фракций и групп.

Материалы съездов, конференций, совещаний РСДРП как источник для исследования истории России используются значительно реже.

---

[14] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, ч. 2, д. 842, л. 1.

[15] Там же, д. 973. л. 4 об.

[16] Там же, д. 729, лл. 1,4, 4об., 5 об., 6; д. 842, л. 1; ф. 26, оп. 1, д. 208, л. 1; д. 214, л. 1; д. 231, л. 1.

[17] В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 189.

А между тем в них содержатся важные сведения по гражданской, экономической, политической истории страны, истории общественной мысли, революционной борьбы масс против царизма и капитализма. Они дают как общую картину событий, так и конкретный материал по губерниям, городам, волостям, заводам, воинским частям. Освещены в них многие аспекты положения в стране на разных этапах истории России конца XIX и начала XX века. Текущему моменту уделили внимание II—VI съезды. V—VII общероссийские конференции приняли резолюции, включавшие анализ политического и экономического положения России, задачи пролетариата и РСДРП. Вопросы эти рассматривали также Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б), Расширенное совещание членов ЦК РСДРП(б) с большевиками — делегатами Демократического совещания [18]. Протоколы и документы II—VI съездов содержат обширный круг сведений о политическом и экономическом положении рабочих, об их классовой борьбе в Петербурге (Петрограде), Москве, Баку, Твери, Туле, Киеве, Иваново-Вознесенске, Сибири, Закавказье, на Украине, в Белоруссии, на Дону, в горнозаводских районах юга России и Урала, во многих других промышленных центрах и городах. О революционных выступлениях рабочих рассказывали делегаты партийных съездов и конференций. Так, на III съезде приводились факты революционных выступлений после 9 января 1905 г. в Саратове, Риге, Харькове и других районах страны. О положении и борьбе пролетариата накануне, во время и после Февральской революции 1917 г. говорилось на VII (Апрельской) Всероссийской конференции и на VI съезде партии [19].

Ценные, а в ряде случаев уникальные сведения дают материалы съездов и конференций о деятельности рабочих и социал-демократических организаций в России и за границей, о митингах, демонстрациях, боевых группах, рабочей печати, нелегальных изданиях, подпольных типографиях и библиотеках, транспортных группах, о революционной агитации и пропаганде, об их влиянии на трудящиеся массы и т. д. Эти данные содержатся в выступлениях делегатов, устных и письменных отчетах ЦК, местных социал-демократических организаций, партийных издательств, редакций ЦО. Об издательской деятельности, печатной агитации и пропаганде обширный материал имеется, например, в отчетах ЦК РСДРП, «Отчете издательства «Вперед» III съезду РСДРП», «Докладе Комитета библиотеки и архива РСДРП III партийному съезду», отчетах и выступлениях представителей ряда местных социал-демократических организаций [20].

Значительное место занимают в документах коллективных органов партии вопросы крестьянского движения. Глубокий анализ программых положений пролетариата и его революционной партии по крестьянскому вопросу дан во многих выступлениях Ленина и предложенных большевиками резолюциях. Фактические сведения включают устные и письменные доклады местных партийных организаций, выступления делегатов. О крестьянских волнениях сообщали многие делегаты II и III съездов. Так, М. Г. Цхакая (Барсов) информировал III съезд РСДРП о волнениях крестьян в Гурии, Мингрелии, Кахетии, Имеретии, Тифлисской губернии, Горийском уезде и других районах Грузии [21]. Выступле-

[18] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 1, стр. 249—251, 329—330, 452—455, 465—467, 511—512.

[19] «Третий съезд РСДРП». Протоколы. М. 1959, стр. 136, 143—144, 145; «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)». Протоколы. М. 1958, стр. 129—162 и др.; «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы. М. 1958, стр. 14, 15—20, 23, 44—45, 78, 82—83 и др.

[20] «Третий съезд РСДРП», стр. 472—482; 520—537; «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП». Протоколы. М. 1963, стр. 92—93 и др.

[21] «Третий съезд РСДРП», стр. 229—238.

ния делегатов IV и V съездов, проекты и принятые решения содержат программные положения и фактические сведения о крестьянском движении в 1905—1907 годах. Серьезное внимание большевиков к защите интересов крестьянства, борьбе его трудовой части отразилось в протоколах и документах VI съезда РСДРП(б) [22]. В них имеются также данные о выступлениях крестьян.

В протоколах, резолюциях, отчетах центральных и местных организаций РСДРП нашли отражение революционные выступления в воинских частях и на флоте. Так, о событиях на броненосце «Потемкин» в 1905 г. говорил на IV съезде Е. М. Ярославский [23]. Ценные сведения о революционной работе в армии, о выступлениях солдат и матросов в 1905—1906 гг. имеются в протоколах Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. О выступлениях в 1917 г. в отдельных гарнизонах и на кораблях сообщали VI съезду Н. И. Подвойский (Петроград), Е. М. Ярославский (Москва), А. Ф. Мясников (Минск), К. И. Римша (Рижский фронт), В. Н. Залежский (Гельсингфорс), И. П. Флеровский (Кронштадт), П. Н. Мостовенко (Румынский фронт) [24] и другие делегаты.

Документы социал-демократических организаций включают сведения о положении угнетенных национальностей России, их борьбе в различных районах страны, о программе партии по национальному вопросу, деятельности большевиков среди национальных меньшинств.

Протоколы, отчеты, решения — один из источников изучения истории вооруженных выступлений народных масс. Доклады, речи делегатов, документы освещают как вопросы марксистско-ленинского учения о восстании, так и конкретные факты. Сведения о волнениях на заводах, фабриках, в деревнях приводились делегатами II съезда и в представленных ему отчетах местных партийных организаций. Много внимания уделил этому вопросу III съезд. Ленин определил на съезде тактику пролетариата в восстании. В обсуждении этого вопроса участвовали многие делегаты, в том числе А. В. Луначарский (Воинов), А. А. Богданов (Максимов), Н. В. Романов (Лесков), М. Г. Цхакая (Барсов), Н. А. Алексеев (Андреев), П. П. Румянцев (Филиппов) и другие. Их речи содержат значительный фактический материал. О вооруженных демонстрациях в Одессе и Екатеринославе сообщал М. С. Лещинский (Жарков), о выступлениях в Одессе и Николаеве — Н. К. Крупская (Саблина), о подготовке к восстанию в Баку — Рыбкин (Летучий) [25]. IV съезд получил информацию о вооруженных выступлениях в Прибалтике, Москве, Грузии и других районах страны. Обсуждал эти вопросы и VI съезд партии [26].

Документы съездов, конференций и совещаний РСДРП — ценный источник для изучения истории возникновения и деятельности Советов как в период революции 1905—1907 гг., так и после Февральской революции 1917 года. Документы коллективных органов партии содержат материал о внешней и внутренней политике центральной государственной власти (царского, а затем Временного правительств) и деятельности их органов на местах, о государственных думах, отношении к ним различных классов, думской тактике большевиков и меньшевиков.

Протоколы, резолюции, письменные отчеты — важный источник изучения характера и истории непролетарских партий и организаций: монархических, черносотенных, крупной буржуазии и либерального дво-

---

[22] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 77, 81, 83, 88—89, 94, 253, 255 и др.

[23] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП». Протоколы. М. 1959, стр. 373.

[24] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 59—67, 68—69, 72—78, 83—85.

[25] «Третий съезд РСДРП», стр. 98—121, 123—124, 141, 152,—153.

[26] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», стр. 100, 373—374, 383—384; «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 14, 18—20, 27, 255—257 и др.

рянства, мелкой буржуазии и т. д. В выступлениях и документах Ленина, большевиков дана их марксистская оценка. Так, о созданной Гапоном организации, ее структуре, численности, формах работы говорилось на III, IV съездах [27]. Сведения о националистических партиях содержатся в выступлениях М. Н. Покровского (Домов) и Р. А. Пельше (Карклис) на V съезде РСДРП [28]. О различных буржуазных партиях после Февральской революции, их контрреволюционной, антинародной деятельности говорят документы VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). Материалы съездов, конференций, совещаний партии отражают и многие другие аспекты истории России эпохи империализма.

Ценной особенностью состава материала является наличие в нем сведений, помогающих источниковедческому изучению и анализу самих протоколов и резолюций коллективных органов партии. Доклады Ленина, выступления делегатов, извещения, решения, фактические справки содержат сведения об исторической обстановке и положении в партии, об условиях созыва и проведения съездов, конференций, совещаний, об обстановке на их заседаниях. Включают они и имеющую источниковедческое значение критику отдельных речей, резолюций. Так, Ленин, его соратники вскрывали партийную, классовую сущность многих выступлений и документов, проводили их текстологический анализ, исправляли отдельные фактические ошибки, разоблачали многие фальсификации оппортунистов. Содержание протоколов, отчетов, решений помогает и работе с источниками, отложившимися в лагере контрреволюции (фонды архивов карательных органов царского и Временного правительств, пресса правительственная, буржуазная, мелкобуржуазная), их анализу и источниковедческой критике.

Одну из задач источниковедческого изучения исторических документов составляет их классификация. В отношении материалов съездов, конференций и совещаний РСДРП в этом направлении делаются пока лишь первые шаги. В зависимости от целей классификации здесь, как и при работе с другими видами источников, группировка различная. В данном случае можно предложить два ее возможных направления. Во-первых, по партийности и идейному содержанию: документы и выступления Ленина, революционных марксистов, большевиков; оппортунистов; колеблющихся между революционным и оппортунистическим направлениями. Во-вторых, по видам делопроизводства и документации. Здесь могут быть выделены следующие группы:

1. Протокольные записи, стенограммы; письменные тексты и тезисы выступлений, составленные ораторами; записи речей, сделанные в ходе заседаний отдельными делегатами. По составу материала это наиболее обширная группа. Она включает почти все рассматривавшиеся вопросы, содержит обширный круг сведений. В «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» Ленин писал, что даже ему, участнику партийных съездов, протоколы дают ценнейшие сведения: «Запомнить в точности все происшедшее на съезде... совершенно невозможно... Опыт предыдущих съездов (II и III)... показал мне, что даже при напряженном внимании нет никакой возможности составить на память точной картины съезда. Когда выходили в свет протоколы II и III съезда, я читал эти протоколы, как новые книги, хотя участвовал сам на съезде, ибо эти книги, действительно, давали мне немало нового и заставляли исправлять целый ряд неточных или неполных личных впечатлений от съезда» [29]. К этой же группе примыкают выпускавшиеся иногда «Бюллетени», излагающие содержание заседаний.

---

[27] «Третий съезд РСДРП», стр. 143, 145, 179, 317, 378—381; «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», стр. 232, 398, 399.

[28] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 419, 426—429.

[29] В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 3.

2. Программные и уставные документы, дополнения и изменения к ним, а также проекты Программы, Устава, их разделов и параграфов, вносившиеся до и после их принятия на различных съездах и конференциях. Программа давала научный анализ исторического развития России, определяла стратегию и тактику пролетариата и его революционной, марксистской партии на период подготовки и проведения буржуазно-демократической, а затем социалистической революций. Однако ценность отдельных проектов и принятых разделов, формулировок Программы и Устава как источников различна, поскольку они выдвигались как революционной социал-демократией, так и оппортунистами.

3. Резолюции и решения, являющиеся важнейшим источником изучения истории партии, истории России и ее общественной мысли в эпоху империализма. К ним примыкают различные проекты резолюций и их формулировок. Они включают широкий круг вопросов теоретического и исторического характера. Принятые резолюции выражали утвержденную на данный период политическую, организационную, тактическую и т. д. линию партии или того или иного направления в РСДРП. Резолюции, отдельные их разделы, формулировки и их проекты отражают взгляды предложивших их большевиков, меньшевиков, бундовцев и представителей других направлений в РСДРП.

4. «Извещения» о созыве или о состоявшихся заседаниях коллективного органа партии, «обращения» и «манифесты», принятые съездом или группой делегатов. Они содержат обзоры и оценки положения в стране, состояния революционного и социал-демократического движения, информируют о подготовке или итогах съезда, конференции, совещания.

5. Письменные отчеты и доклады организаций РСДРП; ответы делегатов на анкетные вопросы, опросные листы. Ко II съезду партии Ленин разработал список вопросов для докладчиков — «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду»[30]. 34 вопроса и подвопросы к ним охватывают широкий круг проблем истории рабочего и социал-демократического движения на местах в конце XIX и начале XX века. Ленин писал: «Надо приложить все силы, чтобы доклады были полнее и солиднее: чем большую *долю* идеальной программы доклада выполнит каждая группа, тем полнее и точнее будет представлено на нашем съезде все движение в целом, тем прочнее будут результаты съезда»[31]. В подготовке докладов участвовали видные искровцы: Н. Э. Бауман (Московский комитет), Б. М. Кнунянц (Бакинский комитет), Л. М. Книпович и С. И. Гусев (Тверской комитет), А. М. Стопани («Северный рабочий союз»), Н. К. Крупская (Русская организация «Искры»). Для делегатов III съезда Ленин подготовил анкету. Г. И. Крамольников вспоминал: «Мы должны были дать сжатый отчет о состоянии делегировавшей нас организации за период от II до III съезда»[32]. На VI съезде партии заполнялся «Опросный лист для делегатов Всероссийского съезда» с 41 вопросом по истории революционного и социал-демократического движения в районе, откуда приехал делегат, и о деятельности там большевиков и других партий в 1917 году[33]. Как источник отчетный материал не равноценен. Некоторые отчеты составлены организациями оппортунистическими (например, отчеты Бунда) или находившимися под влиянием оппортунистов (например, доклады II съезду «Южного Рабочего» и «Союза горнозаводских рабочих юга России», отчет ЦК III съезду). Часть отчетов составлена делегатами уже на самом съезде или конференции. «Делегатские доклады,.. к сожа-

---

[30] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 72—82.

[31] Там же, стр. 72.

[32] Г. И. Крамольников. Из воспоминаний делегата III съезда партии. «Рассказы о Ленине». М. 1964, стр. 213.

[33] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 317—318.

лению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов»[34],— писал Ленин об отчетах II съезду РСДРП.

6. Письменные заявления организаций, делегатов и ответы на них съездов, конференций. В них получили отражение сведения о созыве и проведении заседаний, приглашении на них организаций и отдельных лиц, конфликтные ситуации, отдельные организационные вопросы и т. д.

7. Приветствия на имя собравшихся от организаций и отдельных лиц; ответы на них.

8. Материалы комиссий (мандатных, по голосованию и т. д.), связанные с проверкой полномочий делегатов, приглашением гостей, документацией голосования. Кроме того, создавались комиссии для предварительного обсуждения отдельных вопросов (например, программная), для обработки и издания протоколов. К сожалению, эти документы почти не сохранились.

Документы съездов, конференций и совещаний РСДРП относятся к тем видам источников, на состав и характер материала которых оказали существенное влияние не только общие исторические условия, но и многие особые объективные и субъективные обстоятельства. К ним относятся общее положение в РСДРП, размежевание российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков, наличие различных группировок, расстановка сил внутри партии к моменту созыва съезда, конференции, совещания; обстоятельства и условия созыва и проведения каждого съезда, конференции, совещания, взаимоотношения их участников; система фиксирования выступления; отдельные события на заседаниях и между ними и многое другое. Все это влияло на содержание прений, характер ряда принятых решений. Важное источниковедческое значение в этом плане имеет изучение состава делегатов, выяснение взглядов и политической позиции каждого из них, его роли в социал-демократическом движении; принадлежности к той или иной социал-демократической организации, фракции, группе; позиции на заседаниях и при голосовании.

На происхождение и качество материала существенно влияли организационная подготовка съезда, конференции, совещания и условия их проведения. Так, высокую источниковую ценность документов II съезда РСДРП во многом определили тщательность его подготовки, организованность и единство «искряков», как тогда говорили, большая работа по руководству съездом, проводившаяся Лениным, Плехановым, революционными марксистами. Протоколы каждого заседания обсуждались и утверждались съездом, в них вносились уточнения и исправления. Решающее влияние на высокое качество протоколов и материалов III съезда оказали умелая организация его созыва и проведения, большевистский состав делегатов, деловой характер работы. Ленин «строго следил, чтобы не было отклонений от порядка дня, соблюдался регламент,— вспоминает Г. И. Крамольников.— Он создавал общее настроение, требовавшее, чтобы съезд не превращался в парламент, а больше походил бы на штаб партии, руководящей революционными боями»[35]. Протоколы заседаний были обсуждены и утверждены.

Иначе обстояло дело с протоколами IV и V съездов. Еще до публикации протоколов IV съезда Ленин писал: «Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III съездов, мы не получим»[36]. Объяснялось это напряженными взаимоотношениями между ленинцами и оппортунистами, недостатками в подготовке съезда, непредставлением многими ораторами после выступления рукописного текста или тезисов своих речей, недостаточно ответственным отношением со стороны секретарей к запи-

---

[34] В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 225.
[35] Г. И. Крамольников. Указ. соч., стр. 213.
[36] В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 8.

сям и рядом других причин. Съезд обсудил только незначительную часть протоколов. Протоколы V съезда по многим причинам, в том числе и организационным, по своему качеству, точности записей выступлений, полноте сохранившегося материала также уступают протоколам II и III съездов РСДРП. Записи выступлений съездом не обсуждались и не утверждались.

Велико значение как источника материалов VI съезда РСДРП(б), однако его протоколы значительно беднее протоколов предыдущих съездов партии по полноте и точности записей. На это обстоятельство указывал в 1932 г. Е. М. Ярославский: «Они велись не совершенно,..— вспоминал он,— протоколы... очень не полны, и возможно, что тут не все отмечалось» [37]. Сказывались полулегальные условия съезда, недостаточный опыт петроградских партийных работников, проводивших секретарские записи. По личной инициативе подробные записи выступлений вел и делегат К. А. Козлов [38]. Они помогли составлению окончательного текста протоколов. Протоколы на съезде не утверждались. «По окончании съезда,— вспоминала Л. Р. Менжинская,— мне и тов. Москвину доставило много трудностей разобрать все записи и составить протокол съезда» [39]. Неудачно сложилась и дальнейшая судьба этих протоколов: утрачены первоначальные записи, сводный экземпляр и рукопись, готовившаяся для первого издания. Оригиналом служит теперь первое издание 1919 года.

Важнейшей задачей источниковедческого анализа является выяснение идейной, классовой, партийной направленности источника. Особое значение имеет этот анализ при использовании материалов дооктябрьских партийных съездов, конференций и совещаний, так как в их работе участвовали делегаты с различными взглядами по многим вопросам — большевики, меньшевики, представители различных групп и организаций РСДРП. Документы эти содержат бесценное ленинское наследие, охватывают многие проблемы марксистско-ленинской теории, раскрывают стратегию и тактику большевиков, пролетариата. В то же время они содержат и материал, отражающий взгляды оппортунистов, их клеветнические утверждения, извращения марксистской теории, фальсификации истории страны и РСДРП.

Задача идейного анализа документов определяется ленинскими указаниями о необходимости избежать опасности оказаться в плену враждебных источников, научиться выявлять в них клевету. «Как грязны должны быть источники,— писал Ленин,— подменяющие борьбу идей распространением клевет!» [40]. Он обращал внимание на необходимость уметь за любой фразой, заявлением «разыскивать *интересы* тех или иных классов» [41]. Так, Ленин показал, что, приняв оппортунистическую резолюцию о вооруженном восстании, конференция новоискровцев (1905 г.) оказалась «в хвосте монархической буржуазии» [42]. На V съезде, разбирая вопрос об отношении к буржуазным партиям, Ленин вскрыл антимарксистский характер проекта резолюции меньшевиков, не отвечавший «ни на один вопрос из тех, которые обязан себе поставить всякий марксист, если он желает определить отношение рабочей партии к партиям буржуазным» [43].

Различны причины идейных ошибок, встречающихся в выступлениях, резолюциях и их проектах. У некоторых ораторов они были следствием недостаточного знания отдельных вопросов марксистско-ленинской

---

[37] Цит. по: А. М. Совокин. Указ. соч., стр. 42.
[38] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. XI.
[39] «Яков Михайлович Свердлов. Воспоминания и статьи». Л. 1926, стр. 94.
[40] В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 426.
[41] В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 47.
[42] В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 62.
[43] В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 335.

теории. Так, большевик М. Г. Цхакая (Барсов) на III съезде говорил, что К. Маркс «считал безнадежными революции, вызванные войнами» [44], на деле же К Маркс и Ф. Энгельс признавали возможность таких революций [45]. Более серьезный характер носят ошибки по отдельным принципиальным вопросам. Например, на IV съезде несколько большевиков предлагали раздел земли; на V съезде М. Н. Лядов говорил, что кадетская Дума якобы «послужит... средоточением» [46] вооруженного восстания масс.

Особого подхода требуют выступления и документы оппортунистов, отражающие, во-первых, их антинаучные взгляды и оценки исторических событий, во-вторых, содержащие искажения взглядов революционного марксизма, Ленина, большевиков, фальсификации революционных событий и истории РСДРП. Эти положения оппортунисты либо выдвигали до съездов, конференций, совещаний и повторяли на них, либо впервые высказывали на заседаниях, а затем использовали в идейной борьбе. Выявление и разоблачение теоретических и фактологических фальсификаций восстанавливают историческую правду и имеют важное значение в борьбе с современными фальсификаторами истории России, российской социал-демократии, большевизма, поскольку многое из их клеветнических утверждений заимствовано у противников Ленина, в том числе из записей их выступлений в протоколах и документах общероссийских съездов, конференций, совещаний РСДРП.

Круг вопросов, представленных оппортунистами в ложном свете в их выступлениях на съездах, довольно широк. К ним относится, например, утверждение, что взгляды Ленина, российской социал-демократии во многом тождественны народовольчеству. Подобные заявления содержат выступления на II съезде оппортуниста В. П. Махновца (Акимов), на IV съезде меньшевика А. С. Пикера (Мартынов), Г. В. Плеханова, на V съезде меньшевика П. Б. Аксельрода [47]. Подобные фальсификации истории КПСС и России взяты на вооружение современными буржуазными авторами — Л. Шапиро, Д. Гейером [48] и др. Ленин, высоко ценя положительные стороны революционного народничества, в то же время решительно разоблачал всякое идейное и организационное отождествление РСДРП с народовольчеством. Он указывал, что вопреки взглядам народников борьбу против самодержавия, борьбу за социализм «должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение» [49].

Многие меньшевики искажали характер РСДРП. Так, на V съезде Аксельрод заявил, что это партия «мелкобуржуазной интеллигенции» [50]. Разоблачая подобную клевету, Ленин в 1910 г. писал: «Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. РСДРП», а кое-кто из социалистов «перенимает эту лживую теорию» [51]. Объектом фальсификаций служили стратегия и тактика пролетариата и его партии в революции 1905—1907 гг. на Женевской конференции меньшевиков (1905 г.), в их выступлениях на IV и V съездах. На IV съезде меньшевик Н. Н. Жордания (Костров) приписал Ленину утверждение, что РСДРП не время заниматься профсоюзами, что «не мы должны их организовывать» [52]. Опровергая эту

---

[44] «Третий съезд РСДРП», стр. 133.

[45] См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 236—242, 571—578.

[46] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 63.

[47] «Второй съезд РСДРП», стр. 127; «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», стр. 192; 141—142; «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 506—507.

[48] D. Geyer. Lenin in der Russischen Sozialdemokratie. Köln. 1962, S. 4; L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union, L., 1970, p. 40.

[49] В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 460.

[50] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 505.

[51] В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 81.

[52] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», стр. 215.

ложь. Ленин на съезде напомнил, что уже в работе «Что делать?» он писал о необходимости организации рабочих и по профессиям. Меньшевик О. А. Ерманский (Руденко) исказил высказывания Ленина о Государственной думе. Ленин опроверг это утверждение в «фактической поправке» [53]. В ложном свете пытались представить меньшевики отношение большевиков к Советам. Ю. О. Цедербаум (Мартов) на V съезде заявил, что большевики якобы «сначала повели войну против Советов» [54]. Ошибочное, отрицательное отношение к Советам, противопоставление их партии А. А. Богдановым, Б. М. Кнунянцем, конференцией Северных комитетов [55] меньшевики намеренно приписали всем большевикам. Как известно, Ленин, открывший историческую роль Советов как органов восстания и новой формы революционной власти, не раз указывал, что необходимы «*и* Совет рабочих депутатов *и* партия» [56].

При использовании нормативных партийных документов необходим анализ их с точки зрения партийности, классовости заложенных в них идей. Когда историками используются проекты, работа эта упрощается, так как известно, от какого направления в РСДРП они исходят. Четко выражают определенные идеи и политические взгляды документы, принятые на съездах, конференциях, совещаниях, где присутствовали только большевики-ленинцы или только меньшевики и т. д. Так, в решениях III и VI съездов РСДРП, VI (Пражской) и VII (Апрельской) конференций выражены взгляды Ленина, большевиков, революционной пролетарской партии. Документы бундовских, меньшевистских конференций и совещаний оппортунистичны. Ленин писал, например, о решениях Женевской конференции меньшевиков (1905 г.): «Лучше этого материала для идейной борьбы с отколовшейся частью партии мы не могли бы ничего себе представить» [57]. Однако значительная часть общепартийных съездов, конференций, совещаний РСДРП включала делегатов от различных направлений в социал-демократическом движении. В этом случае принятые нормативные документы нередко содержат как ленинские, большевистские, так и оппортунистические положения. Как известно, ленинский Устав партии, принятый II съездом, включает § 1 с мартовской формулировкой о членстве в партии. IV съездом в Программу партии были включены меньшевистские требования по аграрному вопросу. На Второй конференции РСДРП («Первой всероссийской») в ноябре 1906 г. 18 голосами меньшевиков и бундовцев против 14 голосов большевиков, польских и латышских социал-демократов была принята резолюция «О тактике РСДРП в избирательной кампании» [58], допускавшая соглашения с «оппозиционно-демократическими партиями», то есть с кадетами. Ленин от имени делегатов большевиков подал «Особое мнение», в котором указал, что ввиду неприемлемости этого решения большевики, латыши и поляки прямо противопоставили ему «свою платформу, свои лозунги, свою тактику избирательной кампании» [59]. Имели место и другие случаи принятия от имени РСДРП решений оппортунистического характера [60]. То обстоятельство, что некоторые решения, принятые коллективными органами РСДРП как общепартийные, носили антиле-

---

[53] Там же, стр. 289.

[54] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 529.

[55] «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 2, стр. 104.

[56] В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 61.

[57] В. И. Ленин. ПСС. Т. 10, стр. 318.

[58] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 1, стр. 188—189.

[57] В. И. Ленин. ПСС. Т. 10, стр. 318.

[60] Так, в предложенную Лениным резолюцию январского (1910 г.) Пленума ЦК РСДРП «О положении дел в партии» меньшевики включили пункт 1-й. Ленин писал о нем: «Я — как и вся редакция «Пролетария» — боролся против него самым решительным образом. Пункт был проведен меньшевиками и поляками» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 271).

нинский, оппортунистический характер, указывает на необходимость при работе с ними глубокого идейного анализа. Встречающиеся в литературе общие оценки документов РСДРП дооктябрьского периода — такого, например, рода: «руководящие, директивные документы партии являются великим творческим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, образцом творческого марксизма», «результатом обобщения опыта революционного творчества масс» [61] и т. п.— требуют уточнения. Такие характеристики полностью относятся к документам, выработанным Лениным, большевиками, но не могут применяться к документам и отдельным их частям, разработанным оппортунистами.

Иногда на характер принятых решений влияла и степень тщательности их обсуждения. II съезд партии принял одновременно две различные по своему духу резолюции «Об отношении к либералам»: Плеханова — Ленина и Старовера (А. Потресова). Обсуждение их было скомкано, и обе резолюции собрали равное число голосов. «Прений... почти не было, так как... этот вопрос стоял в конце, а съезд и так очень затянулся,— вспоминал А. В. Шотман.—...Голосовали предложенные резолюции в конце заседания, стоя, собираясь выходить» [62]. Кроме того, три делегата голосовали за обе резолюции.

В задачи источниковедческого анализа входит и выявление фактологических ошибок, встречающихся в материалах съездов, конференций, совещаний. Причины их различны. Во-первых, имела место намеренная ложь оппортунистов, стремившихся подтасовкой фактов доказать свою правоту. Так, на V съезде Цедербаум (Мартов) утверждал, что в апреле 1907 г. Петербургская конференция РСДРП решила не приглашать в Совет уполномоченных представителя социал-демократической партии в Думе [63]. В действительности же решено было «созвать всех уполномоченных с.-д. и примыкающих к с.-д. по районам» [64]. Во-вторых, ошибки непреднамеренные. Выступавшие неточно (по памяти) приводили цитаты, называли авторов некоторых произведений. Встречаются, хотя и очень редко, недостоверные факты. Так, В. Н. Лосев (Валерьянов) ошибся, утверждая, что «Петербургский комитет перепечатал без комментариев петицию Гапона». Ошибку эту исправили несколько делегатов [65]. На VI съезде М. С. Ольминский оговорился, когда заявил, что первая программа партии «принята на I съезде» [66].

Одной из особенностей, сказавшейся на материалах съездов, конференций, совещаний партии дооктябрьского периода как на источнике, является неполнота сохранившегося первичного материала, прежде всего записей докладов и выступлений. Секретарские записи в протоколах не всегда аутентичны произнесенным речам. «Протоколы,— писал Ленин,— дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты»; протокольные записи в отличие от стенограммы дают речи лишь «в виде конспектов» [67]. О протоколах III съезда М. Н. Лядов писал: «Сколько чрезвычайно важных речей Ильича совершенно пропало... его блестящие, иногда двухчасовые речи... изложены... сухо, на двух-трех страничках» [68]. Кроме объективных причин (физическая невозможность секретарски записать полный текст), влияли и субъективные факторы, связанные с личностью секретаря, его умением, культурой, скорописью, способ-

---

[61] В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в — 1917 г., стр. 149, 150.

[62] А. Шотман. Как от «Искры» возгорелось пламя. М. 1934, стр. 115.

[63] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 321.

[64] «Пролетарий», 2.V.1907.

[65] «Третий съезд РСДРП», стр. 143, 145, 717.

[66] «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 1.

[67] В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 208; т. 13, стр. 8.

[68] М. Лядов. Из жизни партии в 1905—1907 годах. Воспоминания. М. 1956, стр. 82.

ностью уловить мысль оратора и т. д. Н. К. Крупская писала, например, что не все делегаты III съезда «были хорошими секретарями»[69]. Л. Р. Менжинская отмечала, что не все протоколисты на VI съезде «оказались достаточно искусными»[70]. Характер записи определялся и степенью внимательности ведущих протокол. «Не счесть, сколько раз товарищи секретари, заслушавшиеся оратора, в ущерб своим записям, замечали негодующий взгляд Ильича»,— вспоминал о III съезде В. Н. Лосев[71]. На Поронинском совещании (1913 г.) А. В. Шотман и Е. Ф. Розмирович протоколировали доклад Ленина по национальному вопросу. Конец доклада оказался записанным 3—4 строчками. «Увлекшись интересным докладом, мы забыли... записывать»[72],—вспоминал Шотман.

К работе некоторых съездов были привлечены и немногочисленные стенографы, однако это не помогло существенно повысить качество записей. На IV съезде было два стенографа. С объемом работы они не справлялись (записали лишь часть речей), но, рассчитывая на них, секретари многое не записывали. На V съезде речи Ленина, большевиков и латышских социал-демократов одновременно с протоколистами стенографировал делегат Н. С. Каржанский, самостоятельно изучивший стенографию в тюрьме. Расшифровка стенограмм вместе с Лениным выявила их недостатки. Каржанский вспоминал, что запись была плохая, какие-то отрывки «с целым рядом незаписанных, но явно подразумевавшихся слов (я их ставил в кавычки, как мой домысел). Был ряд крючков под вопросом: не то одно слово, не то другое, не то третье. Эти слова... особенно смущали»[73].

Влияли на секретарские записи и ораторские данные выступавших, тематика речей, логичность и ясность изложения. Вспоминая выступления Ленина на III съезде, М. Г. Цхакая отмечал их железную логику[74]. А. М. Горький указывал на умение Ленина говорить о сложнейших вопросах политики просто, слитно, законченно, в то время как речи Мартова изобиловали словами, делавшими их часто непонятными[75]. Партийная принадлежность секретаря также сказывалась на содержании и полноте записи. По этой причине часто для параллельного протоколирования назначали секретарей от фракций. «Секретари выбирались по одному с каждой стороны, на каждое заседание»[76],— вспоминал И. Х. Лалаянц о II съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Ленин придавал позиции секретарей большое значение. В период борьбы за созыв III съезда состоялся Совет партии. «Ценя значение Совета»...— писал Ленин Плеханову,— мы *сразу* предложили такого секретаря, который *никакого* участия в раздорах не принимал и который не был опротестован и другой стороной»[77].

Большое значение для улучшения качества протоколов имела дальнейшая работа над первичными записями. Уточнению запротоколированных речей и восполнению пропусков помогала сверка записей с письменными текстами выступлений, которые должны были сдавать ораторы, однако делали это не все, часто представлялись лишь сжатые конспекты. Исправления вносились также в ходе обсуждения и утверждения протоколов предыдущих заседаний на тех съездах, где эта работа проводилась. При составлении окончательного текста протоколов выступлений имели место сокращения. Иногда изменения в текст своей

---

[69] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. 1. М. 1969, стр. 292.
[70] «Яков Михайлович Свердлов», стр. 94.
[71] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. 1. М. 1956, стр. 348.
[72] А. Шотман. Указ. соч., стр. 259.
[73] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. I, стр. 412, 413.
[74] Там же, стр. 351.
[75] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. 2. М. 1969, стр. 240—241.
[76] «Воспоминания о Втором съезде партии». М. 1934, стр. 93.
[77] В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 349.

речи вносили и сами ораторы при просмотре секретарской записи. В письме Р. С. Землячки из Петербурга в редакцию «Пролетария» (1906 г.) сообщалось, что некоторые участники 1-й конференции организаций РСДРП, ведущих работу в войсках, по памяти восстанавливали протоколы [78]. При подготовке к печати протоколов V съезда Ф. Дан потребовал включить замечание о выборах в ЦК, «какого нет в протокольных материалах» [79]. Бывали случаи, когда ораторы, правя протокольные записи своих речей, дополняли их новыми разделами, фразами, вычеркивали часть текста. Редактируя выступления, некоторые делегаты V съезда вписывали «много того, о чем не было даже и вскользь упомянуто на съезде», — пишет участник съезда Н. С. Каржанский. Ленин говорил ему по этому поводу, «что не надо фантазировать, а надо честно воспроизводить то, что было сказано» [80]. Считая переделки и дополнения недопустимыми, он писал Дану: «Сокращать что бы то ни было в протоколах съезда, удалять кое-что из описания того, что было, никто не имеет ни формального, ни морального права» [81]. Протокольная запись не всегда точно отражала происходившее. С. И. Гусев вспоминал о 30-м заседании II съезда. Обсуждался проект одной из резолюций. «В протоколах,— пишет он,— момент этот изображен так: Председатель Ленин... Резолюция Мартова поставит нас в совершенно невозможное положение. (Сильное волнение, крики, протесты). Мартов берет резолюцию обратно, энергично протестует против заявления Ленина (шум в зале усиливается). «Энергично протестует»,— сказано слабо и неверно, ибо Мартов закатил чудовищную истерику» [82].

К сожалению, часть материала утрачена. Некоторые речи или их части отсутствуют. Например, нет докладов Ленина на IV съезде по аграрному вопросу, о современном моменте и классовых задачах пролетариата, заключительного слова, его выступления об отношении к Государственной думе [83]. Вспоминая о IV съезде партии, Н. С. Каржанский пишет, что «многие важные речи, произнесенные там, не были восстановлены и утеряны» [84]. Отсутствует конец речи большевика Б. Ландышева на V съезде [85]. Не сохранились протоколы многих конференций, совещаний. Не велись на съездах протоколы заседаний большей части комиссий и фракций. В работе «О праве наций на самоопределение» Ленин пишет, что на II съезде «главная работа (по выработке проекта Программы.— *Е. П.*) была сосредоточена в *программной комиссии*. Ее протоколы, к сожалению, не велись» [86]. Нет некоторых документов (приветствий, отчетов, резолюций, подсчетов голосов). Во многих протоколах не указаны фамилии председательствовавших на заседаниях.

Восстановление хотя бы части отсутствующего материала требует применения ряда источниковедческих приемов. Так, восполнить часть сведений позволяют упоминания о них в самих протоколах. Например, факт состоявшегося ленинского доклада по аграрному вопросу на 5-м заседании IV съезда подтверждает запись: «Председатель... Представляю слово первому докладчику» [87]. Как известно, докладчиком по этому вопросу был Ленин. На основе анализа прений предположительно установлено, что на 14-м заседании этого съезда после речи А. В. Лу-

---

[78] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 377, оп. 1, д. 22, л. 1.
[79] Там же, ф. 17, оп. 1, ч. 2, д. 729, л. 6об.
[80] Н. С. Каржанский. Воспоминания о партийных съездах. «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 10.
[81] В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 327.
[82] «Воспоминания о Втором съезде РСДРП». М. 1973, стр. 101.
[83] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», стр. XVI.
[84] Н. С. Каржанский. Указ. соч., стр. 7.
[85] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 364.
[86] В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 308.
[87] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», стр. 55.

начарского (Воинова), но до речи Г. А. Алексинского (Алексеева) выступал Г. В. Плеханов по вопросу «Об оценке современного момента и классовых задачах пролетариата» [88]. По протоколам II съезда выявлено, что на 12-м и 13-м заседаниях были заслушаны отсутствующие в материалах доклады Саратовского и Екатеринославского комитетов, приняты несохранившиеся решения о сочувствии стачечникам России, о благодарности редакции «Искры» за разработку проекта Программы [89]. В протоколах V съезда сообщается о зачтении утраченного приветствия «английских социалисток» [90].

Часть сведений о содержании отсутствующих в источнике докладов и документов дают другие записи в протоколах, а также произведения и воспоминания Ленина и его соратников. Об основных идеях ленинского доклада по аграрному вопросу на IV съезде свидетельствует, например, запись в протоколе, что докладчик защищал положения своей брошюры «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» [91]. Об этом выступлении Ленин пишет и в «Докладе об Объединительном съезде РСДРП». Об основных положениях, изложенных им на IV съезде в докладе «О современном моменте и классовых задачах пролетариата», можно судить также по его «Докладу об Объединительном съезде РСДРП» и по работам того периода «Рабочая партия и ее задачи при современном положении», «Современное положение в России и тактика рабочей партии» и др. Об обсуждении национального вопроса на программной комиссии II съезда Ленин сообщает в работе «О праве наций на самоопределение» [92].

Необходимой частью источниковедческой работы с материалами съездов, конференций, совещаний является их текстологический анализ, помогающий решению ряда задач. Он включает различные приемы, в частности сопоставление текстов документов и выступлений. Параллельное рассмотрение текстов проектов решений по тому или иному вопросу дает картину выработки окончательной резолюции, ее формулировок. Сравнение вариантов документа, подготовленного той или иной фракцией, группой, помогает установить процесс формирования окончательной их точки зрения. Сопоставление проектов резолюций по тому или иному вопросу, предлагавшихся разными фракциями, группами и лицами, позволяет выявить характер расхождений точек зрения.

Значительный интерес в источниковедческом плане представляет и литературно-стилистический анализ текстов. Так, документы, предложенные Лениным, большевиками, отличаются четкостью мысли, ясностью и определенностью формулировок, в то время как документы меньшевиков, бундовцев во многом рыхлы, формулировки их часто носят неопределенный характер, двусмысленны.

Работа с материалами съездов, конференций, совещаний РСДРП как с источниками выдвигает также задачу установления действительных фамилий делегатов. В целях конспирации делегаты регистрировались и выступали под партийными кличками или литературными псевдонимами. На II съезде, например, В. И. Ульянов — «Ленин», Н. Э. Бауман — «Сорокин», П. А. Красиков — «Павлович», Д. И. Ульянов — «Герц», Н. К. Крупская — «Саблина» [93]. Так обстояло дело и на других съездах, конференциях дооктябрьского периода. В ряде случаев при избрании в ЦК и другие руководящие органы партии имена баллотировавшихся и избранных в целях более глубокой конспирации заменялись

---

[88] Там же, стр. 623—624, прим. 89.
[89] «Второй съезд РСДРП», стр. 161, 162, 49 и 440, 258 и 440.
[90] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП», стр. 161.
[91] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», стр. 55.
[92] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 308.
[93] «Второй съезд РСДРП», стр. 443—444.

буквами «N», «NN» и т. д. По тем же соображениям в принятых решениях и резолюциях также употреблялись партийные клички. Так, в ряде решений Совещания расширенной редакции «Пролетария» (июнь 1909 г.) А. А. Малиновский (партийная кличка Богданов) указан как «Максимов». Упоминаются в этих документах «т. Марат», «делегат М. Т.»[94]. Во многих выступлениях и документах зашифровывались и наименования партийных организаций[95].

Для установления подлинных имен и названий привлекаются архивные материалы, личные воспоминания и другие источники. Так, на II съезде говорилось о делегатах Горнозаводского союза без указания имен. И. Н. Машинский в своих воспоминаниях внес уточнение: среди них была Е. Г. Маньковская[96]. Весьма важно установление авторов обсуждавшихся и принятых документов и отдельных их формулировок. Работа эта помогает выяснению взглядов каждой фракции в социал-демократии, выявлению точек зрения тех, кто готовил проекты решений. В основном установление подлинных имен делегатов и названий организаций было осуществлено Истпартом, а затем ИМЛ при ЦК КПСС при переиздании материалов общероссийских съездов, конференций и совещаний РСДРП. Однако эта работа еще не доведена до конца и продолжается.

Особенностью документации дооктябрьских съездов, конференций и совещаний является наличие в них материалов голосований по обсуждавшимся вопросам и при выборах. Обстоятельство это также выдвигает перед исследователем ряд источниковедческих задач. Ленин придавал большое значение изучению и анализу результатов голосований. Он разработал специальную программу и методику их использования. Так, на основе данных голосования на II съезде партии им проведен анализ общих результатов голосований, сгруппированы итоги по отдельным вопросам и по фракциям и по направлениям в РСДРП, изучено голосование отдельных делегатов по разным вопросам, составлены диаграммы, отражающие борьбу мнений, и т. д.[97]. Глубокий анализ голосований дан Лениным в работе «Шаг вперед, два шага назад».

Обращаясь к данным о голосованиях, необходимо учитывать, что в некоторых случаях они неточны или вообще отсутствуют. Не всегда фиксировали, например, на II съезде число голосов, поданных за то или иное предложение. «К сожалению, в протоколах не сохранилось никаких указаний на число голосов, которое собрали отвергнутые поправки Мартынова, Махова и Либера по данному вопросу»[98],— писал Ленин по поводу голосования по одному из программных вопросов. Отсутствуют иногда сведения о поименном голосовании и его результатах. Это затрудняет уточнение позиций отдельных лиц, определение состава группировок и размежевания сил. Так, Ленин указывает, что по вопросу о кооптации в ЦО и ЦК на II съезде «было даже поименное голосование, к сожалению, не сохранившееся в протоколах»[99]. Не всегда учитывалось, кто и как голосовал. Иногда неточен подсчет отдельных итогов голосования. Так, в протоколе II съезда указывается, что при обсуждении первой и второй частей вынесенного на обсуждение съезда § 2 Устава Бунда против было подано 39 голосов, за — 5, воздержалось — 8, то есть 52 голоса[100], делегаты же имели 51 решающий голос.

---

[94] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 1, стр. 267, 269, 270, 272.

[95] Такими зашифровками насыщены, например, решения многих пленумов ЦК РСДРП (см. там же, стр. 244—247 и др.).

[96] «Второй съезд РСДРП», стр. 160; «Каторга и ссылка», 1928, № 8—9, стр. 16.

[97] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 323—335, 475—479.

[98] Там же, стр. 224.

[99] Там же, стр. 288.

[100] «Второй съезд РСДРП», стр. 321.

Источниковедческое значение имеет и знание того, где проходили съезды, конференции, совещания, где были подготовлены решения, составлены отчеты. В том случае, когда заседания проходили за границей, возможно было продолжительнее обсуждать вопросы, тщательнее вести протоколы, редактировать материал. В России, в нелегальных условиях, эти возможности были ограничены, протоколы не велись. Место созыва влияло в известной мере и на состав собравшихся, на количество работников, нелегально приехавших из России, на представительство партийной интеллигенции и рабочих. Все это иногда сказывалось на соотношении большевиков и меньшевиков, бундовцев, на характере прений и принятых решений. Имеет значение и место написания документов. Так, отчеты местных организаций, привезенные делегатами из России, содержат более полный и точный фактический материал, чем составленные по приезде за границу по памяти и по имеющейся здесь периодической и листковой печати.

В ряде случаев возникала необходимость установить точные даты заседаний съездов, конференций, совещаний и принятия ими решений, так как в целях конспирации они скрывались. В подлинниках протокола II съезда, например, отсутствуют даты начала его работы и заседаний. Их выяснение потребовало специального исследования. Основным источником стала хранившаяся в архиве ИМЛ при ЦК КПСС тетрадь Ленина с «Дневником заседаний II съезда РСДРП». Там указаны даты многих заседаний и время выступления ряда ораторов. Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками (26 декабря 1912 г.— 1 января (8—14 января) 1913 г.) в целях конспирации названо «Февральским 1913 г.», Поронинское совещание (23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 г.) по той же причине — «летним» [101]. Исходя из принципа историзма, необходимо определить точные даты разработки проектов партийных документов, их принятия, а также изменений, внесшихся в них в дальнейшем. В зависимости от исторического периода и развития взглядов различных направлений в РСДРП изменялись характер и формулировки документов.

Таковы некоторые аспекты источниковедения материалов дооктябрьских общероссийских партийных съездов, конференций и совещаний.

---

[101] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 1, стр. 354, 373.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (XVI—XVII вв.) *

Академик Л. В. Черепнин,
Член-корреспондент АН СССР В. Т. Пашуто

Образование европейских централизованных государств — проблема большого научного значения. Ее исследование содействует раскрытию как закономерностей всеобщей истории, так и особенностей, присущих отдельным странам. Здесь много может дать сравнительно-историческая методика, основанная на марксистском учении об общественных формациях. Типология не самоцель, а средство познания объективных законов движения и смены формаций. «Типы» же исторического развития не отвлеченная абстракция, а социологическое обобщение, помогающее пониманию многообразия и сложности исторической действительности. Применение сравнительного метода продуктивно, когда сопоставляются явления одновременные, но находящиеся на разных уровнях развития или происходившие в разное время, но переживавшие сходную стадию.

Централизованные государства возникают на стадии развитого и позднего феодализма. Понятие «централизованное» предполагает наличие единой верховной власти, устанавливающей на принадлежащей ей государственной территории единый административный, подлежащий контролю со стороны центра аппарат, одни законы, общие вооруженные силы и т. д. Конечно, «единство» отнюдь не означает «единообразие», а тем более «внеклассовость». Особенности территориальные, национальные, сословные сохраняются, но входят в общегосударственную систему, охраняющую интересы господствующего класса [1].

Образование централизованных государств подготовлялось развитием экономических связей, преодолевающим присущий средневековью партикуляризм. Но эти связи еще не достигли уровня экономической консолидации капиталистического типа. Поэтому и государственная консолидация носила незавершенный, относительный характер [2]. Централизованные государства отличались по своей структуре от раннефеодальных; те возникали на заре феодализма и представляли собой неустойчивое единство. Путь стран, которые шли от раннефеодальных государств к централизованным, лежал через период политической раздробленности. Формирование централизованных государств связано со

---

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (август 1975 года).

[1] «Документы советско-итальянской конференции 8—10 апреля 1968 года». М. 1970, стр. 166—172 (выступление Ф. Вальсекки).

[2] А. А. Зимин. В. И. Ленин о «московском царстве» и черты феодальной раздробленности в России XVI века. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М. 1970, стр. 290—293.

складыванием устойчивых этнических общностей — народностей, которые затем превращаются в нации. История знает и национальные и многонациональные централизованные государства [3].

В России образование централизованного государства было процессом длительным. Оно сложилось здесь к концу XV — началу XVI в. в результате объединения политически разрозненных русских земель (княжеств, республик) и ликвидации феодальной раздробленности. На протяжении XVI—XVII вв. происходило дальнейшее развитие централизованного государства от сословно-представительной монархии к абсолютизму, сложившемуся к XVIII веку. Рассмотрению этого второго этапа и посвящена настоящая статья.

Важнейшей предпосылкой политической консолидации были глубинные социально-экономические процессы в недрах феодализма, захватившие сферу аграрных отношений, промышленного производства, обмена. Изживая последствия разорения, причиненного русскому народу монголо-татарским нашествием, страна уже с XIV—XV вв. встала на путь хозяйственного подъема, который характеризовался ростом производительных сил, внутренней колонизацией, распространением сельскохозяйственных культур, промыслов, ремесла, растущим территориальным разделением труда, увеличением товарного производства, возникновением новых городов, укреплением областных рынков и экономических связей [4].

В составе Русского государства, занимавшего громадную территорию, оказались объединенными области, различные как по географическим условиям, так и по уровню экономики и общественных отношений. Это было одной из причин сложности его эволюции. Можно наметить несколько регионов, представлявших разные варианты общественных отношений феодального типа. Там, где господствовало наследственное вотчинное и (обусловленное несением военной службы) поместное землевладение, получило распространение барщинное хозяйство и феодализм принял характер крепостного строя. На Севере, в Подвинье, на землях, некогда подчиненных Новгородской республике, условия для развития поместной системы и крепостного права были менее благоприятны. Для этого региона характерны государственные формы эксплуатации «черных» земель, которые находились во владении зависимых крестьян (государственный феодализм). Отсутствие крепостнического режима благоприятствовало хозяйственной (особенно промысловой) деятельности черносошного крестьянства, его имущественному расслоению, накоплению капиталов, применению наемного труда. При благоприятных условиях это сулило возможность зарождения буржуазных явлений [5]. Южные и восточные окраины были регионом, куда в XVI—XVII вв. бежало крестьянство, спасаясь от крепостной неволи. На Дону, Яике, Тереке скоплялась казачья вольница и складывались очаги антифеодального сопротивления, хотя и само казачество социально дифференцировалось и частью феодализировалось: зажиточная верхушка начинала эксплуатировать бедноту.

При отсутствии всероссийского рынка, господстве феодального способа производства, заторможенности процесса так называемого первоначального накопления экономическая консолидация отставала от госу-

---

[3] В советской историографии имеется ряд работ о централизованных государствах Западной Европы (см., например: В. В. Штокмар. Очерки по истории Англии XVI века. Л. 1957; Е. В. Гутнова. Возникновение английского парламента. М. 1960; А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л. 1965; «История Франции». Т. 1. М. 1972; «Европа в средние века: экономика, политика, культура». М. 1972).

[4] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960.

[5] Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. 1960; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962.

дарственных (внешнеполитических, военных, финансовых) потребностей в ней. Поэтому большую роль в ходе централизации играл фактор политический. Правительство активно укрепляло крепостническую базу централизованного государства. Налицо была взаимосвязь решения назревших задач национального возрождения России с применением единственно доступных в истощенной Золотой Ордой стране средств — поместной системы, барщины, крепостничества. Понятно, что крупные этапы внешнеполитической активности были генетически связаны с внутриполитическими осложнениями и взрывами классовой борьбы. Например, между Ливонской войной и восстанием И. И. Болотникова такая связь бесспорна. Законами конца XVI — первой половины XVII в. была оформлена в общегосударственном масштабе система крепостного права. Но примерно с XVII в. появились и завязи капиталистических отношений, началось развитие всероссийского рынка, активно выступал торговый капитал, питавший и промышленность, возникали предприятия простой кооперации и мануфактуры (и не только казенные), складывался (хотя еще очень узкий) рынок рабочей силы. Однако новые явления эпохи позднего феодализма не означали краха формации; она господствовала и сохраняла достаточно резервов для дальнейшего развития [6].

Образование централизованного государства в России было связано с изменением общественной структуры. Произошли перемены в составе и положении господствующего класса. В период раздробленности взаимоотношения бояр и слуг с великими и удельными князьями строились на началах сюзеренитета — вассалитета и оформлялись договорами о «вольности» службы и праве вассала на «отъезд» от сюзерена. С установлением государственного единства подобные средневековые порядки исчезают. Входят в силу отношения подданства монарху всех феодалов. Их служба утрачивает добровольный характер. Часть боярской аристократии — противников великокняжеской власти была уничтожена или устранена с политической арены в острой междоусобной борьбе [7]. Однако общая численность господствующего класса возросла. В связи с новыми задачами внутренней и внешней политики потребовалось расширение государственного аппарата. Ряды бояр и дворян, служивших московскому великому князю (царю), пополнялись из среды новых служилых людей других (когда-то независимых) княжеств. Развитие сословного строя привело к образованию системы «чинов» — «думных», «московских», «городовых»,—сменивших прежнюю вассально-иерархическую структуру. В лагере феодалов существовали противоречия, но всех их объединяли крепостнические интересы, о чем свидетельствуют коллективные дворянские челобитные правительству.

Материальным обеспечением служилых людей являлась земля, обрабатываемая трудом зависимых (в разных формах) крестьян, и потому формирование сословного строя означало усиление крепостного права. Наряду с вотчинным землевладением приобретает большое значение поместная система: раздавая в условное держание помещикам «черные», дворцовые, конфискованные боярские земли, правительство создавало твердую социальную опору своей политике государственной централизации.

Русский город сохранял феодальный облик, однако формирование всероссийского рынка, рост торговли и промышленности придавали ему новые черты [8]. Применительно к XVI—XVII вв. еще рано говорить о сло-

---

[6] Н. М. Дружинин. Социально-экономические условия образования русской нации. «Вопросы формирования русской народности и нации». М.-Л. 1958, стр. 195—197.

[7] А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М. 1960; его же. Опричнина Ивана Грозного. М. 1964; Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л. 1966; его же. Опричный террор. Л. 1969.

[8] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Тт. I—II. М.-Л. 1947—1948.

жившейся русской буржуазии, но средневековое сословие горожан проявляло себя в общественной жизни достаточно активно. Горожане, как и дворяне, предъявляли правительству в коллективных челобитных свои сословные требования. Они добивались создания условий для торгово-промышленной деятельности, устранения с русского рынка иностранного купечества, защиты от притеснений приказной администрации, ликвидации на посадах привилегированного феодального землевладения. И в среде посадских людей усиливалось расслоение. «Гости», торговые люди «гостиной» и «суконной» сотен — владельцы крупных денежных капиталов, предшественники будущей буржуазии,— захватывали в свои руки руководство посадскими делами, подчиняли рядовых торговцев и ремесленников и кабалили городской плебс. Из посадской бедноты, из крестьян, уходивших на заработки, формировалась наемная рабочая сила. Она находила применение в ремесленных мастерских, на транспорте, на мануфактурах. Это был зародыш предпролетариата.

Однако новые явления при всей своей значимости не могли в социальном плане изменить феодального характера русского города. «Капиталисты-купцы» («гости») имели право приобретать вотчины и тем самым вливаться в состав феодалов. Недовольство засильем боярской знати и страх перед выступлениями крестьян и городского плебса толкали рядовых посадских людей на союз со служилым дворянством. Крепостнической оставалась и правительственная политика в отношении посадов [9]. И в то же время в городе нарастали силы, впоследствии подточившие крепостной строй.

Образование Русского централизованного государства было связано с усилением классовой борьбы и изменением ее форм. Обострение классовых противоречий вызывалось причинами и экономическими (ростом вотчинной эксплуатации в условиях развития товарно-денежных отношений), и социальными (закрепощением крестьян, ухудшением положения горожан), и политическими (увеличением налогового гнета, появлением новых повинностей в связи с централизацией). Распространенной формой народных движений становятся вооруженные восстания. Эта форма была известна и при феодальной раздробленности. Теперь, однако, народные движения приобретают более широкий территориальных охват и (особенно в XVII в.) ярко выраженную антикрепостническую направленность. Их примечательная черта — непрерывность: крестьянская война начала XVII в., крестьянско-казацкие выступления 30-х годов XVII в. под водительством И. Балаша, волнения середины этого столетия в столице и других городах, «медный бунт» 1662 г., крестьянская война 1669—1670 гг., возглавленная С. Т. Разиным, движения московских стрельцов 80-х годов XVII века. Затишья были редки и непродолжительны. Заметны и связи между выступлениями в центре и на периферии, между движениями крестьян и холопов, казаков и работных людей [10].

Два народных восстания (Болотникова и Разина) приняли форму крестьянских войн [11], когда из-под власти государства выпадала значительная территория, которая временно оказывалась в руках повстанцев, вводивших там свои порядки. Возникали два лагеря: правительственный, дворянско-крепостнический и повстанческий, антикрепостнический; две армии (правительственная и народная) вели между собой (иногда

---

[9] А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л. 1962, стр. 248—322.

[10] Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Народные движения в России XVII—XVIII вв. и абсолютизм. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М. 1964.

[11] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М. 1951; И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Тт. I—II. Л. 1966—1972.

длительные) военные действия. Это были гражданские войны. Конечно, классовая расчлененность была еще нечеткой, и среди восставших не раз оказывались временные попутчики, затем их предававшие. При всей разобщенности отдельных очагов движения намечались его главные руководящие центры. Преобладали стихийность действий, наивный монархизм и слабость политического сознания крестьянства, но постепенно возрастала организованность, отчетливее становились дотоле неслыханные лозунги, звучавшие в документах повстанцев. Военно-организационное начало в эти народные движения в значительной мере вносило казачество. Характерной чертой крестьянских войн было участие в них наряду с русскими трудовых масс других народов, входивших в состав Русского государства. Это содействовало укреплению межнациональных связей, развитию традиций совместной классовой борьбы угнетенных народов России [12].

Классовая борьба оказала воздействие на процесс централизации. В правление Ивана Грозного наметились два направления в развитии государственного строя России: сословно-представительная монархия и самодержавие (крепостническая диктатура). Одновременное существование и противоборство этих двух политических форм, отвечавших политическим идеалам разных групп феодалов, объясняются отмеченной выше противоречивостью социально-экономического развития.

Первая форма, отчетливо выявившаяся после реформ Ивана Грозного середины XVI в., представляла собой сочетание учреждений приказного аппарата с органами сословного представительства в центре (земские соборы, а также боярская дума) и на местах (городовые приказчики, земское выборное управление в черносошных волостях и городах) [13]. Земские соборы, возникшие с 40-х годов XVI в., не имели письменной конституции и созывались царем нерегулярно. В них по положению участвовали члены боярской думы и высшего духовенства, а также выборные или вызванные правительством представители дворян и (не всегда) посадских людей; представителей крестьян, как правило, на них не было. На земских соборах рассматривались вопросы внутри- и внешнеполитического характера, при решении которых правительство хотело заручиться поддержкой сословий. Введение сословного представительства через земские соборы было, по существу, отрицанием старых вечевых форм политической жизни, сохранявших элементы демократии.

Иван Грозный был идеологом самодержавия. В 1564 г. он, не отменяя сословно-представительных учреждений, ввел наряду с ними «опричные» порядки, присущие другой государственной форме — неограниченной монархии (деспотизму).

В периоды междуцарствий земским соборам приходилось выполнять новую функцию — избрание на престол государей (в 1598 г.— Бориса Годунова, в 1612—1613 гг.— Михаила Романова). Роль земских соборов возросла во время крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII века. Размах гражданской войны и подъем национально-освободительного движения пробудили деятельность земских советов, приведшую к созданию народных ополчений. Действиями ополчений руководили земские соборы, характер которых изменился: из органов, созываемых правительством, они превратились в орган, возглавивший правительство, ибо царский престол пустовал. И позднее, когда соборы снова стал созывать царь, их роль была уже более значительной. В их организации усилилось выборное начало. Полнее стало участие посадских людей («третьего сословия»). Крестьянская война и польско-шведская интервенция ослабили самодержавие, и правительст-

---

[12] И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв. М.-Л. 1966.

[13] С. О. Шмидт. Становление российского самодержавства. М. 1973.

во первого Романова в своей политике стремилось опереться на земские соборы. В начале царствования Михаила Федоровича соборы собирались почти ежегодно. На них выносились вопросы о борьбе с народными движениями, восстановлении хозяйства страны, податном обложении, вооруженных силах, внешней политике и т. д. Некоторые соборы (1648—1649 гг., 1650 г.) действовали в обстановке социальных волнений, когда царской власти особенно нужна была поддержка представителей дворянства и купечества. В свою очередь, власть тоже должна была считаться с их запросами.

Во второй половине XVII в. деятельность земских соборов постепенно замирает. Это означало, что они сыграли свою роль в укреплении централизованного государства. На смену сословно-представительной монархии шел абсолютизм [14].

Значительная роль в политической жизни централизованного государства принадлежала церкви. Содействуя объединению Руси, она стремилась к верховной власти. Такие крупные государственные деятели, как митрополит Макарий (XVI в.) или патриарх Филарет (XVII в.), по существу, являлись соправителями Ивана Грозного и Михаила Федоровича. На церковных «соборах», где иногда присутствовали царь и высшие светские сановники, разбирались не только духовные, но и светские государственные дела. Иногда соборы носили смешанный, церковно-земский, характер (Стоглав, 1551 г.). Некоторые церковные иерархи делали попытки подчинить себе царскую власть, в результате чего возникали конфликты между церковью и государством. Таковы конфликты митрополита Филиппа с Иваном Грозным и патриарха Никона с Алексеем Михайловичем. В обоих случаях царская власть подавила претензии духовных иерархов. Формирование абсолютизма было связано с подчинением церкви государству [15].

Русское централизованное государство возникло как национальное, ибо его основное этническое ядро, преобладающее в экономическом, политическом и культурном отношениях, составляла русская (великорусская) народность, генетически восходящая к народности древнерусской, сложившейся на восточнославянской основе еще в эпоху Древней Руси. Русское централизованное государство выступает, таким образом, как преемник Древнерусского. В этом — одно из условий его жизнеспособности. Конечно, это не простая реставрация старой формы, а новообразование — результат длительного процесса этнического развития в условиях борьбы за национальную независимость [16].

Но при преобладании и ведущей роли русской народности централизованное государство в России было многонациональным по своему составу; предпосылки этого также существовали еще в Древней Руси — крупной многоэтнической державе [17]. В результате земледельческой колонизации, торговли, обмена производственными навыками и культурными достижениями еще в то время закладывались связи между славянами и другими народами Восточной Европы. Отдельные неславянские земли политически были связаны с русскими княжествами различного рода отношениями вассалитета, данничества и т. д. Эти связи были подорваны в период феодальной раздробленности. Процесс этногенеза привел к выделению из древнерусской народности (наряду с русским — великорусским народом) народов белорусского и украинского. Их зем-

---

[14] Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)».

[15] Н. В. Устюгов, Н. С. Чаев. Русская церковь в XVII в. «Русское государство в XVII веке». М. 1961.

[16] «Вопросы формирования русской народности и нации».

[17] В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства (см. А. П. Новосельцев и др. Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965).

ли были отторгнуты от великорусских и попали (или путем договоров между феодалами, или в результате захвата) под власть Великого княжества Литовского, Польши, Венгрии. Временному разобщению русского и других народов европейской части страны содействовали иго Золотой Орды, завоевание крестоносцами Прибалтики и утверждение там орденских колоний

Образование Русского централизованного государства как многонационального было сложным процессом, обусловленным совокупностью объективных и субъективных факторов. К числу объективных условий вхождения народов в состав России относятся: историческая традиция их многовекового общения с Русью как в повседневной хозяйственной жизни, так и в освободительной борьбе против иноземных завоевателей, нужда в защите от врагов. Субъективный фактор оказывал воздействие на взаимные отношения русского правительства с отдельными народами в той или иной конкретной обстановке. Различны были формы присоединения народов к Русскому государству. В одних случаях это был добровольный акт (Башкирия), в других — результат военных действий (Казанское и Астраханское ханства) или военно-служилой, промышленной, крестьянской колонизации (Сибирь). Иногда принятие русского подданства отражало интересы местных феодальных верхов или племенных вождей, а иногда и народных масс (в борьбе за Казань часть местного населения поддерживала русское правительство). Воссоединению Украины и Белоруссии с Россией предшествовала широкая освободительная борьба.

Создание многонационального Русского государства было прогрессивным явлением. Но последствия его имели противоречивый характер. Политическое объединение народов, различных по уровню развития, культуре, быту, с одной стороны, создавало более благоприятные условия для крестьянского труда, обогащая его опыт; с другой — увеличивало пестроту, многоукладность социально-экономических отношений. Возрастала роль крепостнического государства в укреплении феодальных отношений. Потребность держать народы в подчинении побуждала власть усиливать государственный аппарат, она принималась в расчет при определении форм и норм их эксплуатации. Классовая структура многонациональной России неуклонно усложнялась. Национальный признак общественной дифференциации (русские и «нерусские») все больше подчинялся признаку классовому (господствующие верхи и трудовые массы).

Есть еще один аспект проблемы образования Русского многонационального государства — международный. Восстанавливая на великорусской основе государственное ядро европейского региона страны, московское правительство одновременно действовало как наследник прав Древней Руси на все ее земли, славянские и неславянские. Русское централизованное государство выступало как оплот национального освобождения и возрождения славянства, как прогрессивная сила в низвержении Золотой Орды и немецкого Ордена — государств, не имевших исторических корней в Восточной Европе и принесших ее народам тяжелый иноземный гнет.

Политика России встречала противодействие со стороны держав, завладевших (или стремившихся завладеть) ее землями. На юге и востоке ей угрожала Турция, распространившая свою власть на Северное Причерноморье, поставившая в зависимость от себя Крым, посягавшая на Поволжье и Украину. На западе и севере угрозу для России таили объединение Ливонского и Тевтонского орденов, уния Польши с Литвой и ее союзы с Венгрией, а также союзы Речи Посполитой с Трансильванией и Швецией и раздел ими, при участии Дании, владений разбитого Россией Ливонского ордена. Антирусские планы находили поддержку со

стороны папской курии, продолжавшей отстаивать обреченную идею универсализма католической церкви [18].

Внешняя опасность постоянно висела над Россией. Россию XVI—XVII вв. сравнивают иногда с боевым лагерем, сдерживавшим напор вражеских сил [19]. Внешняя опасность ускоряла централизацию, которая помогла Русскому государству укрепить свой авторитет на международной арене. Росли его связи с Австрией, Италией, Испанией, Англией, Францией, Нидерландами. Складывалась общеевропейская система союзов государств, в которой Россия заняла в XVII — начале XVIII в. достойное место среди великих держав [20].

★

Чтобы сравнительно-исторически оценить образование Русского централизованного государства, надо взглянуть на политическую карту Европы XVI—XVII веков [21]. К этому времени в результате внутренних противоречий и турецкого натиска пала Византия. Под власть Турецкой военно-деспотической державы попали балканские народы, часть Венгрии. В ряде самостоятельных централизованных государств (Франция, Англия до революции, Испания, Португалия, Швеция, Дания, Россия), являвшихся по форме сословно-представительными или абсолютистскими монархиями, происходили сложные изменения. В Голландии в XVI в. возникла буржуазная республика. Австрия была частью империи Габсбургов, в состав которой вошли также земли потерявших государственную самостоятельность Чехии и западной Венгрии. Государственная централизация Речи Посполитой оказалась незавершенной. Раздробленность сохранялась в Германии и Италии, хотя там раньше, чем в других странах, зародились капиталистические отношения. Сословное представительство в нецентрализованных государствах или вырождалось в дворянскую анархию, или вызывало к жизни партикулярные и уродливые (тиранические и им подобные) формы абсолютизма. Тормозящее воздействие на общественный прогресс оказывал теократически-монархический (папский) и имперский (немецкий и испано-австрийский) универсализм. Его крах подтвердил, что будущее в Европе принадлежало прочным централизованным (национальным и многонациональным) государствам.

Примечательно, что в XVII в. в основе формирующейся системы европейских государств (как и внутри их) причудливо переплетались и взаимодействовали феодально-крепостнические и капиталистические порядки, дополняемые обширной, в большей части внеевропейской, сферой колониальных владений. Формы сочетания феодальных и капиталистических явлений в Европе многообразны. Одни страны — особенно Англия, Франция, Нидерланды — раньше пошли к капитализму; другие — в их числе Россия — сделали в этом направлении лишь первые шаги; третьи — как Италия, Германия, Испания — надолго приостановились в своем движении; наконец, были народы, еще не знавшие капиталистического развития. Но Европа в целом шла от феодализма к капитализму, и в этом движении определенную прогрессивную роль играла Россия.

Вряд ли целесообразно заниматься здесь формальным сопоставлением сходства и различия между Русским и другими европейскими го-

---

[18] E. Winter. Rußland und das Papsttum. T. I. B. 1960.

[19] В. О. Ключевский. Сочинения. Т. II. М. 1957, стр. 396—398.

[20] Б. Ф. Поршнев. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. 1970; Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI—начале XVII в. М. 1973; Л. А. Никифоров. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. «Россия в период реформ Петра I». М. 1973.

[21] «Всемирная история». Т. IV. М. 1958.

сударствами. Полезнее поставить некоторые общие методологические вопросы, прежде всего проблемы синхронности и стадиальности исторического развития.

Ликвидация политической раздробленности — важный рубеж в истории Русского государства—приходится на конец XV — начало XVI века. К этому же времени относится создание единых государств в Англии (вслед за окончанием в 1485 г. войны Алой и Белой Роз и приходом к власти династии Тюдоров), во Франции (после присоединения в 1477 г. Пикардии, Нивернэ, герцогства Бургундского, в 1481 г.— Прованса, в 1491 г.—Бретани), в Испании (после объединения в 1479 г. Кастилии и Арагона и завоевания в 1492 г. Гренады). Следовательно, это время—существенная грань в истории позднефеодальных европейских государств.

Но уровень их общественного развития не был одинаков. Одни находились в преддверии процесса так называемого первоначального накопления, другие опутывало крепостничество. Поэтому, анализируя стадиальную близость происходивших там процессов, полезно отступить от принципа синхронности и сопоставить явления разновременные. Очевидно, например, что к концу XV в. Россия не дошла еще до уровня социально-экономического развития, которого достигла тогда Франция. Тому были свои причины: иго Золотой Орды, аграрный характер страны и относительная слабость городов, наличие на окраинах больших незаселенных пространств, незавершенность феодализации, отрыв от морей и пр. Поэтому некоторые явления французской действительности, значительно предшествующие политическому объединению (например, временное разорение деревни в результате войн и феодальных смут, бегство сельского населения, захват феодалами крестьянских земель), напрашиваются на сопоставление с более поздней русской действительностью (после Ливонской войны и накануне крепостнического законодательства). Явления были сходные, условия и пути их преодоления разные: в одной стране установилась личная свобода крестьян, в другой — крепостное право.

Известная асинхронность явлений общественной жизни наблюдается и в сфере классовой борьбы как фактора централизации государств. В ряде стран Европы уже во второй половине XIV—XV в. народные движения перерастали локальные рамки и выливались в крупные крестьянские войны и городские восстания. Во Франции это Жакерия (1358 г.), восстание «тюшенов» (1382—1384 гг.), в Англии — крестьянская война, возглавленная Уотом Тайлером (1381 г.), в Италии—движения Дольчино (1300—1304 гг.), «тукинов» (1382—1387 гг.), в Чехии— гуситские войны (1419—1434 гг.), в Испании—восстания в Кастилии (1437 г.), на Балеарских островах (1450—1451 гг.), в Каталонии (1462—1472 гг.). Особенно выделяется мощное антифеодальное движение—Великая крестьянская война в Германии (1524—1525 гг.), с которой начинается эпоха буржуазных революций в Европе (в Нидерландах, Англии).

В России крестьянские войны развернулись с начала XVII века. Но, несмотря на разновременность, в них, во всяком случае в первой, было много общих (и сильных и слабых) черт с названными восстаниями: с одной стороны, антифеодальная направленность, массовость, стойкость наступления и сопротивления, а с другой — стихийность, неорганизованность, нечеткость классовых позиций, отсутствие осознанного политического идеала, царистские иллюзии. Масштабы крестьянского движения в России (громадном централизованном государстве) были шире, чем в других странах Европы, участие в нем городского населения уже, а противоборство правительственного и повстанческого лагерей выражено более резко. Неизвестны случаи переговоров предводителей рус-

ских повстанческих отрядов с царями[22], подобных переговорам Гильома Каля с королем Наваррским Карлом Злым или Уота Тайлера с английским королем Ричардом II. Монархические же настроения русских крестьян выражались в поддержке самозванцев — претендентов на царский престол. Для ряда антифеодальных народных движений Западной Европы характерна борьба против католической церкви и связь с еретическими течениями. В России крестьянские войны носили светский характер, участие старообрядцев не меняло их общей гражданской направленности.

XVII век вписывается в мировой исторический процесс как особый период истории классовой борьбы. Понимая ненадежность выводов, основанных на простых хронологических совпадениях, остановимся все же на одном из них. В 1648 г. имело место восстание в Москве, направленное против феодалов и приказной администрации; некоторые приказные были убиты. В августе 1648 г. произошло революционное выступление в Париже. В январе 1649 г. был казнен английский король Карл I Стюарт. Между этими тремя событиями нет причинной связи. Разнятся они и по характеру. В одном случае — антифеодальное движение, в другом — вооруженное восстание народных масс и буржуазии в условиях «фронды», в третьем — буржуазная революция. Но во всех случаях это усложнение форм классовой борьбы.

Общественно-политические движения в централизованных государствах не раз выливались в гражданские войны, в которых так или иначе участвовали все классы. В разных странах на их облик накладывали отпечаток взаимоотношения между сословиями и королевской властью, между дворянством и буржуазией, между разными группами феодалов («дворяне мантии» и «дворяне шпаги» во Франции, «старые» и «новые» дворяне в Англии). Направление и результаты гражданских войн в значительной мере зависели от степени участия в них народных масс. При всем различии условий, причин, характера, форм классового протеста в разных странах можно найти и нечто общее в его проявлениях. Борьба не прекращалась, не затихала и, несмотря на временные спады, в целом шла на подъем. Плебейская часть городов действовала в союзе с крестьянами и боролась против фискального гнета и помещичьей (сеньериальной) эксплуатации. Правительства жестоко подавляли восстания, применяя значительные военные силы.

В России крупная гражданская война разгорелась в начале XVII века. Она также вовлекла в свой водоворот все классы и сословия и прежде всего крестьянство. Династический кризис, борьба за власть между феодальными партиями, широкое крестьянское и казачье движение, политическая активность горожан, национально-освободительная борьба с иностранной интервенцией — таковы основные ее черты, которые в совокупности подходят под понятие «гражданская война».

Исторически сословно-представительная монархия обычно предшествовала абсолютизму, но в разных странах соотношение обеих форм централизации имело свои особенности. Главный признак первой формы государства — наличие института сословного представительства, созываемого монархом для решения вопросов внутренней и внешней политики. Это генеральные штаты (Франция), парламент (Англия), кортесы (Испания), риксдаг (Швеция), сейм (Речь Посполитая). Кроме общегосударственных, были и местные собрания сословий (штаты во Франции). Имелись подобные местные сословные организации и в раздробленной Германии (ландтаги, сеймы), и в Чехии, и в Речи Посполитой (сеймики)[23]. В России учреждением, аналогичным генеральным штатам,

[22] «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. III. Л. 1970, стр. 457.

[23] St. Russocki. Protoparlamentaryzm Czech do początku XV w. Warszawa. 1973; «Wies—rada—sejm—parlament». Kolobrzeg. 1972.

парламенту, кортесам, риксдагу и т. п., был земский собор. Иностранные наблюдатели и называли его этими привычными им терминами [24].

В ряде европейских стран сословное представительство зародилось в XIII—XIV вв., еще до того, как в них было достигнуто политическое единство. Первый известный нам земский собор был созван после объединения вокруг Москвы русских княжеств (в середине XVI в.). Но имеются (правда, не совсем четкие) сведения о собранных князьями Ярославом (XII в.) в Галиче и Всеволодом во Владимире (XIII в.) совещаниях представителей сословий. Эти первые опыты сословного представительства, однако, сникли под игом Орды. Время действия земских соборов в России — это эпоха утверждения абсолютизма при Ришелье во Франции, при Тюдорах в Англии. Здесь нет синхронности, но есть общее в развитии от сословной монархии к абсолютизму. Исследователи сопоставляли земские соборы с сословно-представительными учреждениями других стран [25]. Одни говорили об их полном «тождестве», другие подчеркивали специфику представительных органов. Но и при наличии последней это явления одного порядка. Были различия в правах сословий, в их взаимоотношениях с королевской (царской) властью, в функциях и порядке созыва и деятельности. В зависимости от условий сословные учреждения то действовали в союзе с монархом, то заявляли о своих претензиях. Но общий характер государства от этого не менялся.

Рассмотрим теперь вопрос о месте Русского централизованного государства среди других этнически неоднородных феодальных политических образований, возникавших на европейской территории нашей страны и пытавшихся простирать на нее свою власть. Древнерусское государство не было единственным в этом регионе. Его образование сопровождалось упадком Хазарского каганата, его развитие—соперничеством с Волжской Болгарией. Разорение же его монголо-татарами привело к появлению последнего по времени возникновения раннефеодального государства в Европе — Литовского. С ним эра раннефеодальных государств ушла в прошлое. От этого прошлого Русскому централизованному государству досталось в наследие многообразие этнических (славянских и неславянских), экономических (земледельческих, кочевых, охотничье-промысловых), политических (монархических, удельно-княжеских, боярско-республиканских), идейных, конфессиональных (православие, мусульманство, иудейство, язычество) и культурных форм. На этой богатой основе продолжалось его дальнейшее развитие.

И Золотая Орда, и немецкие Ордена, и Великое княжество Литовское пришли в упадок. Золотая Орда, кочевое феодальное государство, паразитируя на эксплуатации земледельческих народов, раздробилось в смутах соперничающих ханов и было сломлено освободительной борьбой подчиненных монголо-татарами народов [26]. Марксистская историография по достоинству оценила место в многовековом прошлом Европы и недолговечных немецких феодальных колоний в Прибалтике — продукта крестовых походов. Когда окрепшие государства Польши, Литвы и России потребовали восстановления своих исторических прав, была решена участь и Тевтонского и Ливонского орденов [27]. Великое княжество Литовское возникло в результате включения земель Белоруссии,

---

[24] М. Н. Тихомиров. Российское государство XV—XVII веков. М. 1973, стр. 42—69.

[25] В. Н. Латкин. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПБ. 1885; В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 11—14.

[26] А. Н. Насонов Монголы и Русь. М.-Л. 1940; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960; Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973.

[27] А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М. 1972, стр. 252 сл.

Украины и России в состав поначалу сравнительно небольшого Литовского государства [28]. Подчинение Белоруссии (явившееся следствием не завоевания, а договора литовских и белорусских феодалов, напуганных Ордой и Орденом) дало Литве серьезные резервы в 200-летней борьбе против Ордена. По мере укрепления Русского централизованного государства народы, подвластные Литве, находили в России все более надежную опору. Поэтому попытки Литвы предстать в качестве второго центра объединения европейского региона нашей страны были с самого начала обречены на неудачу [29].

Если определять место России среди окружающих ее многоэтнических держав, также простиравших свою власть на земли европейского региона нашей страны, то следует прежде всего обратить внимание на отсутствие в большинстве из них централизованных государств. Не была централизованным государством Турция, феодальная деспотия, отставшая в общественно-политическом развитии от России. Произвол, свойственный военно-административной ленной системе, ограбление собственного и подвластных народов путем высоких натуральных поборов, жестокая регламентация предопределили в дальнейшем упадок этой огромной державы [30], в которой турецкое ядро составляло незначительную часть.

Венгерское королевство, включавшее земли Хорватии, Словакии, Трансильвании, Словении, Карпатской Украины, подрывали распри магнатских лиг и своеволие дворянства. Венгрия не смогла противостоять наступлению Турции (1526 г.), распалась и после многих десятилетий освободительной борьбы утратила самостоятельность, оказавшись в составе Австрийской империи (1699 г.) [31].

Польша пережила время политической консолидации и формирования сословно-представительной многонациональной монархии в сложных условиях. Борясь за освобождение своих поморских земель из-под немецкой власти, она одновременно пыталась распространить свое господство на Литву, Белоруссию, Украину, Латвию и Эстонию. Несмотря на победу над Орденом, полного воссоединения польского Поморья с родиной осуществить не удалось, а восточная экспансия повлекла за собой ослабление королевской власти и торжество дворянской (шляхетской) демократии. Речь Посполитая не выдержала столкновения с Русским государством. Украина в результате освободительной борьбы воссоединилась с Россией (1654 г.).

Швеция, сбросив власть Дании, пережила подъем и превратилась в великую державу прежде всего за счет древнерусских владений, отнятых (в Финляндии, Карелии, Ижоре) у России или (в Эстонии и Латвии) у Ливонского ордена и Польши. Однако эти, в основном заморские, колониальные приобретения не спасли Швецию от поражения в Северной войне с Россией.

Централизованных государств в Европе было не так уж много. Складываясь, они претендовали на многоэтническую структуру за счет владений друг друга, а также нецентрализованных (итальянских, немецких и иных) земель. Это привело к подчинению чешских, словацких, части польских (а позднее и украинских) земель Австрийскому государству, ирландских — Англии, нидерландских — Испании, норвежских и исландских — Дании и т. п.

Россия объединяла земли, этнически, экономически и конфессионально издавна к ней тяготевшие. Эти земли в большинстве своем не

---

[28] В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М. 1959.

[29] Х. Ловмяньский. Русско-литовские отношения в XIV—XV вв. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М. 1972.

[30] В. П. Мутафчиева. Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI век. София. 1962.

[31] «Die Geschichte Ungarns». Budapest. 1971, S. 120—193.

имели традиций самостоятельной государственности, и потому России не было нужды прибегать к помощи разного рода династических комбинаций и уний, федераций и автономий, чтобы удержать над ними свою власть. Московское правительство, проводя политику объединения, использовало все ее объективные и субъективные преимущества: историческую традицию; религиозную общность восточных славян; обширность своей страны; экономическую заинтересованность держав Северо-Восточной Европы в товарах русского рынка; численное превосходство славянского народонаселения страны; византийское, южнославянское, итальянское культурное наследие; умелую дипломатию, намечавшую достижимые цели с учетом противоречий среди политических противников. В процессе дальнейшего исторического развития Русское централизованное государство доказало свою прочность и жизнеспособность.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕРШЕНИЯ НАРОДНОЙ МОНГОЛИИ

В. И. Титков

Дореволюционная Монголия представляла собой одну из наиболее отсталых стран азиатского континента. Господство феодально-крепостнических отношений было серьезным тормозом в развитии страны. Монгольское общество состояло из двух антагонистических классов — светских и духовных феодалов-эксплуататоров и крепостного аратства, лишенного всяких прав. В экономике страны преобладало натуральное хозяйство. Все это создавало благоприятную почву для ограбления аратов иностранным торгово-ростовщическим капиталом, в руках которого находилась фактически внутренняя и внешняя торговля. Наряду с этим иностранные колонизаторы и местные феодалы активно вовлекали в сферу своей деятельности ламаистскую церковь, которая своей реакционной идеологией оказывала пагубное влияние на сознание трудящихся. Длительное господство в стране реакционных сил — колониализма, феодализма и ламаизма, тесно сотрудничавших между собой в эксплуатации страны, привело монгольское население на грань вымирания. Социальный и политический кризис монгольского общества принял угрожающие масштабы. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция указала монгольскому народу выход из этого кризиса.

Правительство Советской России в августе 1919 г. в своем обращении к монгольскому народу и правительству Внешней Монголии заявило об аннулировании всех кабальных договоров, соглашений и долгов, навязанных царизмом Монголии[1]. В этом обращении Монголии предлагалось немедленно вступить в дипломатические отношения с Советским государством и торжественно заявлялось, что ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии. Однако стоявшая в то время в стране у власти феодально-теократическая верхушка не торопилась с ответом на обращение, более того, она в тесном сотрудничестве с местной реакцией и ламаистской церковью пыталась ослабить влияние идей Октября и дискредитировать ленинскую миролюбивую политику Советского государства.

Под непосредственным воздействием Октябрьской революции и при интернациональной поддержке рабочего класса Советской России в Монголии в 1921 г. победила народная революция, в результате которой страна обрела свободу и независимость. Таким образом, 1921 год стал переломным в истории монгольского народа. «Монгольская народная революция, явившаяся неотъемлемой частью мирового революционного процесса,— говорится в программе Монгольской народно-революционной партии (МНРП),— означала коренной поворот в истории монгольского народа. В результате ликвидации колониального режима и создания независимого народного государства Монголия отпала от ми-

---

[1] «Очерки истории Монгольской народно-революционной партии». М. 1971, стр. 19—20.

ровой системы империализма и примкнула к новому, рожденному Октябрем миру — миру социализма»[2].

По своим целям и задачам народная революция в Монголии была антиимпериалистической, антифеодальной, народно-демократической. В ее развитии четко прослеживаются два важных этапа: общедемократический (1921—1940 гг.) и социалистический, начавшийся с 40-х годов. Организатором и вдохновителем народной революции выступила МНРП, созданная 1 марта 1921 г. Д. Сухэ-Батором и его соратниками. Огромное значение имели встречи и беседы В. И. Ленина с монгольскими революционерами, в том числе с Сухэ-Батором. В этих беседах Ленин подчеркивал: «Единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы»[3].

Созданное в марте 1921 г. Временное народное правительство Монголии сразу же приступило к осуществлению основной задачи — освобождению страны от оккупировавших ее китайских милитаристов и белогвардейских банд и установлению тесных связей с Советской Россией[4]. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма и искренним стремлением видеть Монголию свободной и независимой, идя навстречу просьбе Временного народного правительства Монголии, Советская Россия оказала братскому монгольскому народу непосредственную помощь в освобождении страны от иностранных колонизаторов.

После победы народной революции Монголия взяла курс на развитие равноправных отношений со всеми народами. В сентябре 1921 г. ее правительство заявило о своей готовности установить нормальные дипломатические отношения со всеми странами мира[5]. На это обращение вскоре откликнулось правительство Советской России, остальные государства организовали заговор молчания, надеясь на реставрацию в Монголии прежних феодальных порядков. 5 ноября 1921 г. в Москве было подписано первое равноправное соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией[6]. В его разработке принял непосредственное участие Ленин. Этот исторический документ был пронизан принципами пролетарского интернационализма, духом равноправия и уважения независимости и суверенитета. Он заложил основы совершенно нового типа межгосударственных отношений, которые явились прообразом тех братских связей, которые ныне успешно развиваются между социалистическими странами. В соответствии с советско-монгольским соглашением 1921 г. Советское правительство официально признало народное правительство Монголии, ее государственную независимость.

В состоявшейся в ноябре 1921 г. беседе с монгольской правительственной делегацией, в составе которой был Сухэ-Батор, Ленин высказал идею о возможности некапиталистического пути развития Монголии к социализму[7]. Руководствуясь этим положением, III съезд МНРП (1924 г.) принял генеральную линию на развитие страны по некапиталистическому пути, опираясь на интернациональную помощь и поддержку Советского Союза. Одновременно III съезд МНРП защитил генеральную линию партии от нападок со стороны нарождавшихся эле-

---

[2] «XV съезд Монгольской народно-революционной партии». М. 1966, стр. 168—169.

[3] В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 232.

[4] «Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921—1924 гг.». Документы. М. 1960, стр. 9—10.

[5] «Советско-монгольские отношения 1921—1974». Документы и материалы. Т. I. 1921—1940. М. 1975. стр. 46.

[6] Там же, стр. 58—61.

[7] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 233.

ментов национальной буржуазии и разгромил контрреволюционную группу Данзана, которая, получая помощь со стороны империалистических держав, ставила своей конечной целью реставрацию в стране феодального режима. Большое внимание съезд уделил становлению и укреплению народной кооперации как важнейшего условия для обеспечения перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Важное место в истории Монгольского государства занимает 1-й Великий Народный Хурал, состоявшийся в ноябре 1924 г. в Улан-Баторе. Он одобрил внешнюю и внутреннюю политику народного правительства. Его основные решения были направлены на окончательную ликвидацию класса феодалов, устранение экономической зависимости от иностранного капитала и создание необходимых условий для осуществления генерального курса МНРП на некапиталистическое развитие страны. Одновременно 1-й Народный Хурал принял первую демократическую конституцию, в которой Монголия провозглашалась народной республикой и в законодательном порядке закреплялись революционные завоевания монгольского народа. Основная задача МНР, указывалось в конституции, заключается в уничтожении остатков феодально-теократического строя и укреплении нового, республиканского порядка на основе полной демократизации государственного управления. Конституция объявляла общенародным достоянием землю и ее недра, отменяла частную собственность на них. Церковь отделялась от государства, провозглашалось равноправие мужчин и женщин, равенство всех национальностей [8].

После победы народной революции стране предстояло преодолеть колоссальные трудности, связанные с ее крайней отсталостью, отсутствием современных производительных сил и национального рабочего класса. Создание экономического базиса МНР практически началось на пустом месте. Положение усугублялось еще и тем, что строительство нового общества осуществлялось в условиях ожесточенной классовой борьбы: свергнутый класс феодалов упорно сопротивлялся и не хотел сдавать своих позиций. К тому же международная реакция, всячески поддерживая внутренние контрреволюционные силы, представляла собой угрозу для государственной безопасности Монголии. Империалистические агрессоры неоднократно пытались посягнуть на ее независимость. В силу этих обстоятельств республика вынуждена была держать в постоянной боевой готовности многотысячную регулярную армию, расходовать на оборонные цели больше половины своих бюджетных средств и использовать много других материальных и людских ресурсов

В процессе осуществления генерального курса МНРП на развитие страны по некапиталистическому пути монгольскому народу пришлось преодолеть также трудности, вызванные появлением в партии в конце 20-х годов правого уклона и в начале 30-х годов — «левых» перегибов. Социальной базой как правого, так и «левого» оппортунизма в МНРП была мелкобуржуазная стихия. Партия не имела еще настоящего пролетарского ядра, необходимой марксистско-ленинской закалки и политического опыта.

Оказавшись в руководстве партии и государства, правые открыто выступили с ревизией генеральной линии партии. Суть их позиции состояла в том, чтобы путем всевозможных уступок нарождавшейся национальной буржуазии, бывшим феодалам и реакционному духовенству попытаться реставрировать в стране прежние феодальные порядки. Одновременно в области внешней политики они стали проводить курс на сближение с капиталистическими странами и ослабление дружествен-

[8] «Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921—1924 гг.», стр. 191—200.

ных отношений с Советским Союзом. Истоки правого оппортунизма заключались прежде всего в отходе от классового анализа социальных проблем страны, а его идейной базой был мелкобуржуазный национализм.

Большой вред успешному развитию антифеодальной революции причинили «левые», которые грубо исказили генеральную линию МНРП и навязали стране проведение сплошной коллективизации не на основе добровольности, как это вытекает из ленинского кооперативного плана, а путем декретирования. В частности, они в административном порядке стали создавать сельскохозяйственные артели и даже коммуны. В результате кооперативному движению был причинен огромный вред, что отрицательно сказалось на развитии национальной экономики в целом. «Левые» глубоко заблуждались в оценке этапа, характера и движущих сил народной революции, не учитывали конкретные социально-экономические условия и специфические особенности развития МНР. Состоявшийся в июне 1932 г. III Чрезвычайный пленум ЦК МНРП и Центральной партийной контрольной комиссии исправил левацкие перегибы. Пленум указал на необходимость ускоренного развития основной отрасли экономики — животноводства. Наряду с этим он признал целесообразным создание на добровольных началах простейших форм производственных кооперативов [9]. Таким образом, благодаря верности принципам марксизма-ленинизма и идейной помощи со стороны Коминтерна МНРП успешно преодолела правый уклон и «левые» перегибы и сумела защитить свою генеральную линию. Неуклонное развитие и укрепление МНРП на основе марксистско-ленинских принципов, расширение и упрочение ее интернациональных связей, творческое освоение ею всемирно-исторического опыта КПСС, подчеркивает Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал, явились «важнейшим фактором, обеспечившим завоевание нашим народом исторических побед в строительстве нового общества» [10].

В первые же годы народной революции были осуществлены такие важные социально-экономические мероприятия, как отмена крепостного права, национализация земли и введение налогообложения на основе классовой политики, в частности предоставление льгот беднякам и середнякам и обложение прогрессивными налогами хозяйств феодалов и капиталистических элементов. В деле ликвидации феодальных отношений большую роль сыграла осуществленная поэтапно экспроприация феодальной собственности: в 1932 г. завершилась конфискация скота и другой собственности у светских, а в 1939 г.— у духовных феодалов и монастырских хозяйств. Эти мероприятия народного государства явились важнейшим этапом на пути к завершению ликвидации феодальных отношений в экономике. Одновременно велась борьба по устранению засилья в экономике иностранного торгово-ростовщического капитала. «На демократическом этапе,— отмечается в программе МНРП,— был сначала ограничен, а затем полностью вытеснен из экономики страны иностранный торгово-ростовщический капитал, который носил хищнический характер и являлся серьезным препятствием в развитии производительных сил страны. В борьбе с иностранным капиталом важное значение имело установление государственной монополии внешней торговли» [11].

Не менее трудной проблемой была ликвидация засилья ламаистской церкви и пагубного влияния ее реакционной идеологии на жителей страны. Используя религиозность населения, ламаистские монастыри пытались отвлечь его от борьбы за социальный прогресс и новую жизнь.

---

[9] «Очерки истории Монгольской народно-революционной партии», стр. 135.
[10] См. Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. 1962—1973 гг. М. 1974, стр. 339.
[11] «XV съезд Монгольской народно-революционной партии», стр. 170.

Они препятствовали проведению в жизнь практически любых мероприятий партии и правительства. Более того, церковь серьезно тормозила развитие производительных сил и была помехой в укреплении обороноспособности страны, поскольку отвлекала каждого четвертого мужчину в стране от сферы материального производства и заставляла его вести паразитический образ жизни в монастыре. Учитывая религиозность подавляющей массы населения, МНРП и народное правительство проводили в отношении религии и духовенства политику постепенного расслоения ламства, с тем, чтобы шаг за шагом изолировать его низшие и средние слои от реакционной верхушки и приобщить их к общественно полезному труду. Такая политика принесла свои плоды: ламаистская церковь к концу 30-х годов уже не представляла собой серьезной опасности, практически она потерпела крушение как в организационном, так и в идеологическом отношении, а многие ламы, отказавшись от духовного сана, стали работать в различных отраслях народного хозяйства.

Осуществление всех указанных мероприятий позволило значительно укрепить материальную базу государственно-кооперативного сектора, повысить материальное благосостояние и культурный уровень жизни монгольского народа.

Еще в начале 30-х годов в МНР были заложены основы национальной промышленности, вместе с которой зародился и рос молодой рабочий класс, ставший к 40-м годам ведущей политической силой монгольского общества. «На основе проведения последовательных антифеодальных мероприятий, завершившихся экспроприацией феодальной собственности,— указывается в программе МНРП,— был окончательно ликвидирован класс феодалов. В ходе создания и развития новой экономики и культуры возник национальный рабочий класс и выросла народная интеллигенция. Сформировался союз рабочего класса и трудового аратства — политическая основа народно-демократического строя. Революционно-демократическое государство трудового народа Монголии, представлявшее собой разновидность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, постепенно перерастало в диктатуру рабочего класса» [12].

К 1940 г. в МНР в целом завершился первый общедемократический этап народной революции, и с 40-х годов начался второй ее этап — социалистический. Состоявшийся в конце марта — начале апреля 1940 г. X съезд МНРП констатировал, что страна вступила в новый период — период создания основ социализма [13]. Строительство основ социализма съезд выдвинул как главную задачу. Для ее осуществления необходимо было всемерное развитие и укрепление социалистического сектора народного хозяйства, производительных сил страны, постепенная социалистическая перестройка сельского хозяйства при одновременном повышении товарности аратских хозяйств, обеспечение количественного и качественного роста национального рабочего класса, дальнейшее развертывание культурной революции, неуклонное повышение материального благосостояния трудящихся. Однако решению этих задач помешала вторая мировая война, в годы которой монгольский народ оказал советскому народу братскую помощь в борьбе с германским фашизмом и японским милитаризмом.

На социалистическом этапе революции неизмеримо возросла руководящая и направляющая роль МНРП, о чем свидетельствует разработка ею основных направлений движения МНР по пути социализма. В рамках этого этапа четко прослеживаются два периода: первый (1940—1960 гг.) и второй (1961 г.— настоящее время). Рубежом между ними служит завершение социалистического преобразования сельского

[12] Там же, стр. 171—172.

[13] «Очерки истории Монгольской народно-революционной партии», стр. 178.

хозяйства в конце 50-х годов. Для каждого из указанных периодов МНРП была разработана программная установка с учетом общих закономерностей и накопленного опыта братских стран по социалистическому строительству, конкретных исторических условий и специфических особенностей развития МНР.

С окончанием второй мировой войны и образованием мировой социалистической системы создались наиболее благоприятные условия для строительства в МНР основ социализма. В феврале 1946 г. был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР [14], а также Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между двумя странами. Установилось и стало расширяться сотрудничество МНР и с другими социалистическими государствами. С 1948 г. экономика Монголии начала развиваться на базе перспективных планов, что положительно сказалось на росте производительных сил страны.

В годы первых двух пятилеток (1948—1952, 1953—1957 гг.) и последующей трехлетки (1958—1960 гг.) МНРП большое внимание уделяла вопросам социалистического переустройства сельского хозяйства, руководствуясь при этом положениями ленинского кооперативного плана и опытом колхозного строительства в СССР. Производственное кооперирование сотен тысяч мелких единоличных аратских хозяйств представляло собой одну из сложнейших проблем в условиях Монголии. МНРП творчески, с учетом местных специфических условий решала вопросы социалистического переустройства сельского хозяйства и добилась в этом деле больших успехов: в 1959 г. было завершено производственное кооперирование индивидуальных аратских хозяйств. Это означало, что во всем народном хозяйстве одержали победу социалистические производственные отношения. Таким образом, восторжествовала генеральная линия МНРП на некапиталистическое развитие МНР.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства явилось базой для успешного решения другой важной проблемы — обеспечения страны хлебом собственного производства благодаря широкому развитию новой отрасли экономики — земледелия на основе освоения больших площадей целинных земель. Если до недавнего времени МНР удовлетворяла свои потребности в хлебе главным образом путем импорта, то начиная с 60-х годов благодаря большим успехам в земледелии она не только полностью обеспечивает себя зерном, но и экспортирует его. Наряду с этим успешно развивается новая отрасль сельскохозяйственного производства — овощеводство. Широкие мероприятия осуществляются и в области животноводства.

В послевоенные годы дальнейшее развитие получило советско-монгольское сотрудничество, что значительно содействовало укреплению экономики страны и превращению МНР из чисто животноводческого в социалистическое аграрно-индустриальное государство. В корне изменился экономический базис монгольского общества, принципиально иной стала его социальная структура. Теперь монгольское общество представлено двумя дружественными классами — рабочими и кооперированными аратами, с которыми активно сотрудничает народная интеллигенция. В ходе демократических и социалистических преобразований в МНР произошли глубокие изменения в духовной жизни народа, в развитии культуры, народного образования, здравоохранения и науки. Осуществлена культурная революция, создана социалистическая по содержанию и национальная по форме культура монгольского народа. Теперь каждый четвертый гражданин МНР учится в каком-либо учеб-

---

[14] «Советско-монгольские отношения 1921—1966 гг.». Сборник документов. М. 1966, стр. 156—158.

ном заведении. С 1961 г. в стране функционирует Академия наук, в составе которой 12 научно-исследовательских институтов [15].

В результате происшедших коренных социально-экономических преобразований МНР начиная с 60-х годов вступила в новый период социалистического строительства — всемерного развития и завершения создания материально-технической базы социализма. Основные задачи этого периода были намечены в решениях XIV (1961 г.) и XV (1966 г.) съездов МНРП и всесторонне разработаны в новой программе партии, принятой XV съездом. В этой программе с марксистско-ленинских позиций обобщен опыт борьбы партии и народа по обеспечению некапиталистического пути развития Монголии к социализму, намечены конкретные пути и методы осуществления задач по завершению создания материально-технической базы социализма, совершенствованию социалистических общественных отношений и воспитанию нового человека, четко разработаны внешнеполитическая линия и интернациональные задачи партии. «Главной задачей МНРП на период завершения строительства социализма в МНР,— говорится в программе партии,— являются всемерное развитие производительных сил социалистического общества на базе достижений современного научно-технического прогресса, обеспечение высоких темпов роста экономической мощи страны и подъема социалистической культуры, совершенствование социалистических общественных отношений, усиление коммунистического воспитания трудящихся, достижение на этой основе дальнейшего повышения материального благосостояния и культурного уровня народа... Партия ставит перед собой цель превратить МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну, имеющую рациональную структуру добывающей и перерабатывающей промышленности, правильное и целесообразное сочетание основных отраслей социалистической экономики» [16].

Как видно из итогов четвертой (1966—1970 гг.) и пятой (1971—1975 гг.) пятилеток, эти программные задачи партии успешно выполняются. Экономическое развитие страны приобретает все большую индустриальную направленность. «Об этом свидетельствует тот факт,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК МНРП XVII съезду партии,— что в 1975 г. социалистическая промышленность произвела почти 40% совокупного общественного продукта МНР. В суммарной чистой продукции сельского хозяйства и промышленности она занимает ныне 52% против 47 в 1970 году. За этими показателями уверенная поступь страны по пути индустриального развития, важные изменения в структуре нашей экономики» [17].

XVII съезд МНРП, состоявшийся в июне 1976 г., подвел итоги выполнения пятой пятилетки и утвердил «Основные направления развития народного хозяйства и культуры МНР на 1976—1980 годы».

Монголия в годы пятой пятилетки сделала крупный шаг вперед в развитии своей экономики и культуры [18]. Были перевыполнены намеченные XVI съездом МНРП (июнь 1971 г.) задания по росту общественного производства. За пятилетку совокупный общественный продукт увеличился на 44,5%, а национальный доход — на 38% против 23% в годы четвертой пятилетки. Повысилась на 25% производительность общественного труда, что позволило обеспечить за этот счет около $^3/_4$ прироста национального дохода [19]. Характерно, что высокие темпы развития общественного производства сопровождались также улучшением каче-

[15] «Монгольская Народная Республика». М. 1976, стр. 87.
[16] «XV съезд Монгольской народно-революционной партии», стр. 177.
[17] «XVII съезд Монгольской народно-революционной партии». М. 1977, стр. 33.
[18] Там же, стр. 23.
[19] Ю. Цеденбал. Важный рубеж в строительстве социализма. «Проблемы мира и социализма», 1976, № 8, стр. 15.

ства продукции, выпускаемой важнейшими отраслями народного хозяйства. Активно внедрялась во многие области экономики новая система планирования и экономического стимулирования, что положительно сказалось на увеличении объема производства и повышении его эффективности. Свыше 40% получаемой валовой продукции промышленности поступало в конце пятой пятилетки от предприятий, работающих по этой системе.

За годы пятилетки значительно укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства. Государство вложило в его развитие 1,8 млрд. тугриков, или в 1,4 раза больше, чем за предыдущую пятилетку. В частности, сельское хозяйство получило 4,5 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 1,5 тыс. зерноуборочных комбайнов, свыше 3 тыс. грузовых и специализированных автомашин и много другой сельскохозяйственной техники. Среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства вырос на 26% по сравнению с уровнем четвертой пятилетки [20]. Большая работа была проведена по увеличению производства кормов, обводнению пастбищ и строительству теплых помещений для скота. Это позволило обеспечить сравнительно стабильный уровень развития животноводства. Общее поголовье всех видов скота достигло 24,3 млн. голов (в 2,5 раза больше, чем в 1920 году). Теперь МНР занимает первое место среди социалистических стран по количеству скота и объему животноводческой продукции, приходящихся на душу населения [21]. Получила дальнейшее развитие новая отрасль сельского хозяйства — земледелие. Посевные площади расширились за 1971—1975 гг. на 12%, главным образом благодаря освоению целинных земель, повысилась урожайность основных культур, производство кормов выросло в 2 раза. Среднегодовое производство зерна за пятилетие увеличилось на 47%, картофеля и овощей — на 40 процентов [22]. В результате МНР стала полностью удовлетворять свои потребности в хлебе за счет собственного производства и значительно укрепила кормовую базу животноводства. МНРП и народное правительство принимали меры по дальнейшему совершенствованию экономики имеющихся в стране 259 сельскохозяйственных объединений и 45 госхозов, в том числе 11 кормовых. Сельхозобъединения и госхозы являются основными производителями и поставщиками сельскохозяйственной продукции. В среднем одно сельхозобъединение располагает 452 тыс. га земельных угодий и 69 тыс. голов общественного скота, а один животноводческий и земледельческий госхоз в среднем имеет 11 тыс. га посевных площадей и 36 тыс. голов скота [23].

В центре внимания МНРП и правительства МНР в годы пятой пятилетки оставались важнейшие проблемы развития промышленности, повышения эффективности производства, использования производственных мощностей и улучшения качества выпускаемой продукции, а также вопросы совершенствования управления промышленностью, подготовки квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технических работников. В результате были успешно решены задачи, поставленные в этой области XVI съездом МНРП. Общий объем валовой продукции промышленности за 1971—1975 гг. увеличился на 55,2% при среднегодовом темпе ее прироста в 9,2%, а производительность труда в промышленности повысилась на 37%. Значительно возросло производство основных видов промышленной продукции на душу населения, в частности электроэнергии — на 29%, угля — на 17%, шерстяных тканей — на 26%, хлебобулочных изделий — на 18%, муки — на 10 процентов. Особенно быстрыми темпами развивались такие отрасли промышленности, как

[20] «XVII съезд Монгольской народно-революционной партии», стр. 117—118.
[21] Ю. Цеденбал. Важный рубеж в строительстве социализма, стр. 16.
[22] «XVII съезд Монгольской народно-революционной партии», стр. 27.
[23] Там же, стр. 25—26.

энергетическая, шерстеобрабатывающая, стройматериалов. Экспортная продукция промышленности возросла в 2,4 раза [24]. Добились серьезных успехов все виды транспорта и связи. В целом грузооборот повысился на 45%, перевозка грузов — на 46%, а пассажиров — на 65 процентов [25]. Увеличился парк самолетов гражданской авиации, что имеет большое значение в специфических условиях МНР с ее огромными расстояниями.

Объем капитальных вложений в народное хозяйство за 1971—1975 гг. увеличился в 1,3 раза, достигнув 7 млрд. тугриков, из них в сферу материального производства было направлено 70 процентов [26]. Были построены и сданы в эксплуатацию десятки земледельческих, животноводческих и кормовых хозяйств, молочных и племенных ферм, предприятия по производству ковров, овчинно-шубных изделий, биопрепаратов, заготовке и обработке древесины, мясокомбинат и пищевые комбинаты, предприятия по добыче плавикового шпата, производству стройматериалов. Проведены реконструкция и расширение действующих предприятий легкой, пищевой и топливно-энергетической промышленности.

Одновременно была осуществлена широкая программа социальных мероприятий, что значительно повысило материальное благосостояние и культурный уровень жизни монгольского народа. По сравнению с предыдущей пятилеткой на социально-культурные нужды государство выделило в 1,5 раза больше финансовых средств. Это позволило увеличить реальные доходы на душу населения на 17%, повысить на 7% среднюю заработную плату рабочих и служащих. Средние денежные доходы членов сельскохозяйственных объединений от общественного хозяйства и личных подсобных хозяйств возросли на 27 процентов [27]. В годы пятой пятилетки была решена одна из важных социальных проблем — повышение заработной платы ряду категорий низкооплачиваемых работников, освобождение большой группы рабочих и служащих от уплаты подоходного налога с заработной платы и существенное снижение ставок этого налога при одновременном увеличении пенсий и пособий рабочим и служащим. За те же годы была усовершенствована система дополнительной оплаты труда членов сельскохозяйственных объединений. Повысился на 33% максимальный размер их пенсий. Заметно улучшились жилищные условия и коммунально-бытовое обслуживание трудящихся. Большие успехи имеются и в деле медицинского обслуживания населения.

Новых рубежей достигли народное образование, культура и наука. Успешно осуществляется охват всеобщим неполным средним образованием детей школьного возраста. Для отраслей народного хозяйства подготовлено за годы пятой пятилетки свыше 23 тыс. специалистов, в том числе более 8 тыс. с высшим образованием. Профессионально-технические училища выпустили за то же время 28 тыс. молодых квалифицированных рабочих для многих отраслей народного хозяйства.

«Главная социально-экономическая задача шестой пятилетки,— говорится в «Основных направлениях развития народного хозяйства и культуры МНР на 1976—1980 годы»,— состоит в обеспечении дальнейшего подъема общественного производства, повышения его эффективности, улучшения качества работы во всех отраслях народного хозяйства и культуры, достижения на этой основе неуклонного роста материального благосостояния и культурного уровня жизни народа» [28].

---

[24] Там же, стр. 32—33.
[25] Там же, стр. 118.
[26] Там же, стр. 119.
[27] Там же, стр. 119—120.
[28] Там же, стр. 123.

Новым пятилетним планом предусматривается значительное увеличение капиталовложений в народное хозяйство. Их общий объем превысит почти в 2 раза соответствующий показатель пятой пятилетки. В итоге сильно возрастут основные производственные фонды народного хозяйства, увеличатся трудовые ресурсы и число занятых в сфере материального производства, повысится совокупный общественный продукт и национальный доход. Предполагается, что свыше половины последнего будет произведено промышленностью, строительством и связью. Предусматривается значительное повышение общественной производительности труда.

МНРП и правительство МНР уделяют большое внимание дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства, обеспечению устойчивого его роста, всемерному укреплению кооперативного строя и совершенствованию производственных отношений на селе, дальнейшему подъему производительных сил сельского хозяйства. Главная задача шестого пятилетнего плана в этой области состоит в том, чтобы обеспечить дальнейший стабильный рост производства продукции животноводства и земледелия для удовлетворения растущих потребностей населения в продовольствии, а промышленности — в сырье. Намечено выделить более половины всех капиталовложений на развитие сельского хозяйства. Планируется увеличить на одну треть среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции. Разработаны и осуществляются мероприятия по увеличению производства мяса, молока, шерсти и другой продукции. К концу пятилетки намечается также увеличить общее поголовье скота. Значительно расширятся посевные площади за счет освоения целинных земель. Государство выделяет сельскому хозяйству в годы шестой пятилетки 7,5 тыс. тракторов, 2 тыс. комбайнов, свыше 1,6 тыс. автомашин и много другой сельскохозяйственной техники [29].

Шестая пятилетка явится периодом решения крупномасштабных задач хозяйственного и культурного строительства, которые имеют важное значение в деле превращения МНР в индустриально-аграрную страну и дальнейшего повышения уровня ее экономического развития. В решении этих проблем основную роль будет играть промышленность. Ее главная задача в новой пятилетке состоит в дальнейшем, более полном удовлетворении всевозрастающих потребностей народного хозяйства и населения в промышленной продукции необходимого ассортимента, в увеличении экспортных ресурсов путем неуклонного наращивания промышленного потенциала страны, значительного улучшения качества выпускаемой продукции, повышения эффективности производства [30]. К концу текущей пятилетки значительно увеличатся валовая продукция промышленности и доля промышленной продукции в национальном доходе. Разработаны мероприятия по ускорению темпов развития таких ведущих отраслей народного хозяйства, как топливно-энергетическая, горнодобывающая, легкая и пищевая промышленность, производство стройматериалов. Характерно, что капиталовложения на развитие промышленности будут в три раза больше, чем в предыдущей пятилетке. Намечается сдать в эксплуатацию почти в два раза больше новых энергетических мощностей, произойдет соединение центральной энергосистемы МНР с энергосистемой Советского Союза, в результате чего существенно возрастет энерговооруженность труда в народном хозяйстве республики и повысится расход электроэнергии на душу населения. Увеличатся производственные мощности в угольной промышленности за счет расширения и реконструкции основных угольных карьеров и шахт и сооружения новых угольных карьеров. Возрастет объем продукции горнорудной промышленности [31].

---

[29] «Новости Монголии», 31.XII.1976.
[30] «XVII съезд Монгольской народно-революционной партии», стр. 136, 162.
[31] «Новости Монголии», 31. XII. 1976.

На основе роста общественного производства, эффективности и качества продукции будет обеспечено дальнейшее повышение материального благосостояния и культурного уровня жизни монгольского народа. Политика МНРП в этой области исходит из того, что увеличение реальных доходов трудящихся должно основываться на непрерывном повышении производительности общественного труда. Новым пятилетним планом предусмотрено осуществить систему мер по дальнейшему улучшению материального благосостояния монгольских трудящихся. За пятилетие значительно увеличится фонд потребления [32].

Большое внимание МНР уделяет развитию братских отношений со странами социалистического содружества, особенно с Советским Союзом, а также активному участию в Совете Экономической Взаимопомощи, членом которого она состоит с 1962 года. Это дает ей немалый экономический эффект и содействует ее поднятию до уровня экономически развитых стран — членов СЭВ. Например, за последние 15 лет основные фонды промышленности Монголии увеличились в 3,7 раза, объем промышленного производства на душу населения — в 1,9 раза, среднегодовые темпы роста промышленности составили 8,6 процента [33]. Положительное влияние на развитие экономики МНР оказывает осуществление Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. Этой долговременной программой предусматривается создание оптимального комплекса в народном хозяйстве МНР и оказание ей помощи в этом деле другими странами — членами СЭВ [34]. Шестая пятилетка предусматривает ряд мероприятий, осуществление которых позволит обеспечить выполнение заключенных с Советским Союзом и другими социалистическими странами соглашений на двусторонней и многосторонней основах по вопросам развития экономического и научно-технического сотрудничества на период 1976—1980 годов. Произойдет значительное увеличение товарооборота МНР, главным образом за счет расширения торговли со странами — членами СЭВ.

В шестой пятилетке большое внимание уделяется вопросам дальнейшего расширения и углубления братского всестороннего сотрудничества между МНР и СССР. «Подытоживая достигнутые успехи и намечая очередные задачи,— подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК XVII съезду МНРП,— мы всегда с чувством глубокой признательности и гордости отмечаем великую созидательную силу монголо-советской дружбы, замечательные плоды нашего тесного многогранного сотрудничества с Советским Союзом. Исключительно важное значение в жизни монгольского народа имеет братская, подлинно интернационалистская помощь СССР» [35]. Огромное значение для ускорения экономического развития МНР имеют подписанные в октябре 1976 г. советско-монгольские документы, в частности соглашение об экономическом сотрудничестве и товарообороте между СССР и МНР на 1976—1980 годы. Эти документы воплотили основные направления дальнейшего расширения и углубления хозяйственного, научно-технического и культурного сотрудничества между обеими странами. К концу пятилетки при технико-экономической помощи Советского Союза в МНР будет построено около 300 промышленных, сельскохозяйственных, жилищно-коммунальных и других объектов. Непосредственно силами советских строительных органи-

---

[32] Там же.

[33] Ц. Давадорж. Что дает Монголии участие в СЭВ. «Проблемы мира и социализма», 1976, № 10, стр. 71.

[34] «Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ». М. 1971, стр. 13—15.

[35] «XVII съезд Монгольской народно-революционной партии», стр. 9.

заций намечено возвести около 80 промышленных и сельскохозяйственных объектов. Будут сооружаться также школы, больницы, жилые дома (общей площадью 450 тыс. кв. м) и другие коммунально-бытовые объекты [36]. Осуществляя тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами, МНР вносит важный вклад в укрепление мировой системы социализма, в борьбу с империализмом, активно выступает за упрочение мира и международной безопасности, за развитие и углубление процесса разрядки.

Исторические свершения МНР за 57 лет ее существования неразрывно связаны с укреплением нерасторжимых уз братской дружбы советского и монгольского народов, рожденной Великим Октябрем. Крупным вкладом в дальнейшее развитие и укрепление братской дружбы между СССР и МНР были состоявшиеся в 1966 и 1974 гг. дружественные визиты в Монголию советских партийно-правительственных делегаций во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Подписанный 15 января 1966 г. в Улан-Баторе Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР [37] явился еще одним свидетельством укрепления тесных связей между советским и монгольским народами. «Дружба с народной Монголией, нашим старейшим соратником по борьбе за социализм,— говорил Л. И. Брежнев 26 ноября 1974 г.,— это для нас, советских людей, дело чести и интернационального долга» [38].

Под руководством своего боевого авангарда — МНРП монгольский народ добился за первые два года шестой пятилетки значительных успехов. Заметно расширилась и укрепилась материально-техническая база народного хозяйства страны, повысился уровень материального благосостояния и культуры трудящихся. По сравнению с 1975 г. национальный доход возрос на 7,1%. Валовая продукция промышленности в 1977 г. увеличилась на 3,3% [39]; ряд отраслей промышленности, такие, как топливно-энергетическая, горнорудная, металлообрабатывающая, швейная, текстильная и кожевенная, перевыполнили годовые плановые задания. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, труженики сельского хозяйства сумели собрать в 1977 г. неплохой урожай зерновых и предотвратить немалые потери скота. Все это свидетельствует о том, что задания шестой пятилетки претворяются в жизнь.

Монгольская Народная Республика в наши дни — это динамично развивающееся социалистическое государство, располагающее современной промышленностью, развитым сельским хозяйством, передовой культурой и наукой и уверенно идущее вперед, по пути прогресса, мира и социализма.

---

[36] «Новости Монголии», 31. XII. 1976.
[37] «Советско-монгольские отношения 1921—1966 гг.», стр. 320—322.
[38] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 206.
[39] «Новости Монголии», 24.XII.1977.

О ПОЛИТИКЕ США В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ

Г. И. Святов

Проблемы строительства вооруженных сил являются частью внешней, военной и экономической политики США. В то же время они представляют собой и самостоятельный круг вопросов, тесно связанных с приоритетами и альтернативами государственной политики США, их внешнеполитической доктриной и военно-политической стратегией, оценкой американскими правящими кругами изменений в расстановке сил на мировой арене, а также с эволюцией советско-американских отношений. При принятии правительством и конгрессом США решений относительно политики в области вооружений определяющим фактором считается проблема обеспечения «достаточного» военного потенциала в современных условиях и в перспективе. Вместе с тем наращивание и модернизация вооружений осуществляются с учетом возможной регламентации этого процесса на основе двусторонних и многосторонних соглашений об ограничении вооружений.

В 70-х годах в военной политике США на смену стратегии «гибкого реагирования» пришла стратегия «реалистического сдерживания», несколько сократилась численность американских вооруженных сил, внесены изменения в концепции строительства стратегических сил и сил общего назначения [1]. Особую актуальность приобретает поэтому анализ политики США в области строительства вооруженных сил и ограничения вооружений в 60-е и 70-е годы. Методологической основой такого анализа являются выводы основоположников марксизма-ленинизма о примате экономических интересов над политическими, о соотношении между войной и политикой, о войне как о специфическом инструменте классовой политики [2] и принципиальные оценки, содержащиеся в документах КПСС и Советского правительства, в докладах и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

В речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве 26 октября 1973 г. Л. И. Брежнев указывал, «что и в условиях разрядки международной напряженности продолжается и даже усиливается процесс, который представляет собой материальную подготовку мировой войны. Военные бюджеты стран Североатлантического блока увеличиваются на 2—3 миллиарда долларов ежегодно, а за этими цифрами стоят все но-

---

[1] К стратегическим ядерным силам США относятся межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), ракетные атомные подводные лодки и стратегические бомбардировщики, а также системы противовоздушной обороны (ПВО), противоракетной обороны (ПРО), раннего предупреждения. К силам общего назначения относятся сухопутные силы армии, морская пехота, оперативно-тактическая авиация ВВС, корабли и авиация ВМС.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 164; В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 224; «Ленинский сборник» XII, стр. 409.

вые типы орудий истребления — новые, все более разрушительные ядерные бомбы и снаряды, новые, все более мощные ракеты, танки и самолеты, военные корабли и подводные лодки. Качественное совершенствование оружия приобрело невиданные ранее масштабы». Л. И. Брежнев указывал, что гонка вооружений и разрядка международной напряженности не могут развиваться на параллельных курсах[3]. На встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 13 июня 1975 г. Л. И. Брежнев выдвинул идею, предусматривающую заключение соглашения о запрете создавать новые виды и системы оружия массового уничтожения, «еще более страшного оружия, чем даже ядерное»[4]. На заключительном этапе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе он еще раз подчеркнул, что суть дела сводится к материализации разрядки, наполнению ее конкретным содержанием, дополнению политической разрядки военной, реальными мерами по сокращению вооружений.

Проблемам сдерживания опасной для дела мира гонки вооружений и разоружения, углубления военной разрядки в советско-американских отношениях уделено большое внимание в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии и в речи Л. И. Брежнева на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Генеральный секретарь ЦК КПСС еще раз подчеркнул, что Советский Союз стремится претворить в жизнь владивостокскую договоренность 1974 г. и не допустить начала новой фазы гонки вооружений, что свело бы на нет уже достигнутое. Л. И. Брежнев заявил, что Советский Союз не увеличивает из года в год своих военных расходов и добивается общего согласованного сокращения военных бюджетов, что он готов договориться об отказе от создания новых, еще более разрушительных типов оружия[5].

Выработанная XXV съездом КПСС Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов требует «добиваться прекращения растущей, опасной для дела мира гонки вооружений и перехода к сокращению накопленных запасов оружия, к разоружению»[6].

В речи на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 г. Л. И. Брежнев вновь подчеркнул, что Советский Союз готов «хоть завтра приступить к мерам по разоружению, либо крупным, радикальным, либо для начала хотя бы частичным»[7]. Все это свидетельствует о настойчивом стремлении Советского государства добиться закрепления разрядки международной напряженности путем реального сдерживания гонки вооружений.

Иным был американский подход к этим проблемам. Политика США в области строительства вооруженных сил и ограничения вооружений уже не раз обстоятельно рассматривалась советскими учеными[8]. Су-

[3] См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 332—334.

[4] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 320.

[5] См. там же, стр. 472—475; «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе». К итогам конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М. 1976, стр. 5—8.

[6] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5, стр. 476.

[7] Л. И. Брежнев. Речь на Пленуме Центрального Комитета КПСС 25 октября 1976 года. М. 1976, стр. 40—41.

[8] См., например, работы последних лет: Г. А. Арбатов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М. 1970; его же. О советско-американских отношениях. «Правда», 2.IV.1976; его же. Советско-американские отношения сегодня. «Правда», 11.XII.1976; его же. Советско-американские отношения сегодня. «Правда», 3.VIII.1977; «Вооруженные силы капиталистических государств». М. 1971; В. С. Зорин и др. США: проблемы внутренней политики. М. 1971; А. Каренин. Философия политического насилия. М. 1971; «Доктрина Никсона». М. 1972; Ю. В. Катасонов. Военное программирование. М. 1972; «Американская историография внешней политики США. 1945—1970». М. 1972; «Научно-технический прогресс и революция в военном деле». М. 1973; М. А. Мильштейн, Л. С. Семейко. Ограничение стратегических вооружений: проблемы и перспективы. «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 12; Ан. Громыко, А. А. Кокошин. Внешнеполитическая страте-

ществует по данной проблеме и обширная американская литература [9]. В ней нашла отражение острая политическая борьба в США между сторонниками реалистического курса, направленного на разрядку международной напряженности, мирное сосуществование и взаимовыгодное экономическое сотрудничество стран различных социальных систем, и его противниками, выступающими за политику «с позиции силы», за продолжение и наращивание гонки вооружений.

В 60-х годах на строительство вооруженных сил США повлиял переход от стратегии «массированного возмездия» к стратегии «гибкого реагирования». Для первой были характерны балансирование на грани ядерной катастрофы, упор на возможность «первого удара», наносимого стратегической авиацией, ударными авианосцами и превосходящими ядерными силами передового базирования. Вторая же исходила из концепции «сдерживания» посредством гарантированного уничтожения «противника» «вторым ударом», «существенного ядерного превосходства» и готовности сил общего назначения к «двум с половиной» войнам: одновременно с Советским Союзом в Европе, с КНР в Азии и еще с каким-либо противником в другом регионе земного шара («полвойны») [10]. Идеологической базой стратегии «гибкого реагирования» был антикоммунизм и переоценка Соединенными Штатами своих возможностей в борьбе с национально-освободительным движением и социальными изменениями, происходящими в мире.

Как указывал министр обороны Р. Макнамара, возглавлявший Пентагон с 1961 по 1968 г., подход США к наращиванию вооруженных сил определялся, согласно инструкциям, полученным от президентов Кеннеди и Джонсона, задачей установить и обеспечить все необходимое для реализации стратегических планов США «без каких-либо определенных бюджетных ограничений, но с максимальной экономической эф-

---

гия США на 70-е годы. «Международная жизнь», 1973, № 9; Н. Н. Иноземцев. О новом этапе в развитии международных отношений. «Коммунист», 1973, № 13; «Стратегия империализма и борьба СССР за мир и разоружение». М. 1974; Ю. А. Шведков. США середины 70-х годов. М. 1974; Ю. Н. Листвинов. Обычное оружие в ядерном веке. М. 1975; А. А. Кокошин. Прогнозирование и политика. М. 1975; В. В. Журкин. США и международно-политические кризисы. М. 1975; его же. Эволюция «кризисной политики» и «кризисной дипломатии» США. «Вопросы истории», 1975, № 4; К. Георгиев. Кто же подхлестывает гонку вооружений. «Правда», 4.VIII.1976; В. Исраэлян. Путь к военной разрядке. «Правда», 11.VIII.1976; Г. А. Трофименко. США: политика, война, идеология. М. 1976; его же. Эволюция военно-политической стратегии США после второй мировой войны. «Вопросы истории», 1976, № 9; Д. Устинов. Страж мирного труда, оплот всеобщего мира. «Коммунист», 1977, № 3; «Ограничение стратегических вооружений — проблема, которая может и должна быть решена». «Правда», 14.IV.1977.

[9] H. Baldwin. Strategy for Tomorrow. N. Y. 1970; S. Possony, J. Pournell. The Strategy of Technology. Cambridge. 1970; H. Scoville. Toward a Strategis Arms Limitation Agreement. N. Y. 1970; H. Alheldt, P. Sonntag. Stability and Strategic Nuclear Arms. N. Y. 1971; E. Bottom. The Balance of Terror. Boston. 1971; A. Enthoven, K. Smith. How Much is Enough? Shaping Defense Program. 1961—1969. N. Y. 1971; M. Halperin. Defense Strategies for the Seventies. Boston. 1971; F. Ikle. Every War Must End. N. Y. 1971; S. Melman. The War Economy of the United States. N. Y. 1971; R. Barnet. Roots of War. N. Y. 1972; R. Garwin. Antisubmarine Warfare and National Security. «Scientific American», July 1972; H. Kahn, B. Bruce-Briggs. Things to Come. N. Y. 1972; R. Tacker. A New Isolationism: Threat or Promise? N. Y. 1972; B. Brodie. War and Politics. N. Y. 1973; A. Buchan. Power and Equilibrium in the 1970's N. Y. 1973; W. Kintner, R. Foster. National Strategy in a Decade of Change. An Emerging U. S. Policy. Lesington. 1973; R. Lapp. The Arms and Strategy. L. 1973; J. Newhouse. Cold Down: The Story of SALT. N. Y. 1973; A. Quanbeck, B. Blechman. Strategic Forces: Issues for the Mid-Seventies. Washington. 1973; K. Tsipis. Strategic and Tactical Antisubmarine Warfare. Stockholm. 1973; H. Kissinger. American Foreign Policy. N. Y. 1974; N. Polmar. Strategic Weapons: An Introduction. N. Y. 1975; «Current Issues in U. S. Defense Policy». Ed. by D. Johnson, B. Schneider. N. Y. 1976; «Setting National Priorities. The Next Ten Years». Ed. by H. Owen, C. Schultze. Washington. 1976.

[10] Об эволюции стратегического курса США см. упомянутые выше работы В. В. Журкина и Г. А. Трофименко.

фективностью»[11]. Главным в развитии вооруженных сил США этого периода было резкое наращивание (особенно в первой половине десятилетия) стратегических ракетно-ядерных сил, создание, по существу, их двух новых компонентов: баллистических ракет на подводных лодках-ракетоносцах и твердотопливных МБР во взрывостойких подземных шахтах, а также увеличение почти в 1,5 раза (до 3,5 млн. человек) численности американских вооруженных сил общего назначения[12]. Все это привело к значительному росту военных ассигнований, особенно после 1964 г., когда США стали принимать непосредственное участие в агрессивной войне в Юго-Восточной Азии. В целом же для 60-х годов были характерны более сбалансированный подход к развитию различных видов вооруженных сил и повышение внимания к обычным вооружениям и средствам ведения локальных войн.

В строительстве и модернизации наземного, подводного и авиационного компонентов стратегических наступательных ядерных сил США основное внимание уделялось повышению их выживаемости. В то время — с 1961 по 1968 г.— количество средств доставки стратегических ядерных зарядов выросло с 1762 до 2358 за счет увеличения количества стратегических ракет при одновременном уменьшении численности стратегических бомбардировщиков. Количество стратегических ядерных зарядов возросло с 3900 до 4200. Были созданы ракетные атомные подводные лодки (656 ракет), около 40% стратегических бомбардировщиков несли боевое дежурство на аэродромах в состоянии 15-минутной готовности, 1054 ракеты «Титан-2» и «Минитмен» были развернуты во взрывостойких подземных шахтах с возможностью запуска через несколько минут после получения команды. Вследствие этого число стратегических ядерных зарядов, доставка которых обеспечивалась малоуязвимыми дежурными средствами, увеличилось в три раза[13].

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области ПРО велись в США с 1956 года. В начале 60-х годов проводились эксперименты по перехвату боеголовок межконтинентальных ракет «Атлас» с помощью противоракет «Найк-Зевс». В 1967 г. было принято решение о развертывании действующей системы ПРО США и выделены соответствующие ассигнования для развертывания «разреженной» (ограниченной) системы ПРО «Сентинел», предназначенной, по официальным заявлениям Пентагона, для «защиты населения и промышленного потенциала США» от гипотетической угрозы со стороны КНР в 70-е и 80-е годы, уменьшения степени ущерба в случае ракетно-ядерной войны с СССР и защиты территории США от случайных и несанкционированных запусков ракет. Впоследствии эти же задачи с некоторыми изменениями возлагались на систему ПРО «Сейфгард», предназначенную для защиты подземных комплексов МБР, а также территории США от ограниченных ракетно-ядерных ударов и случайных и несанкционированных запусков ракет.

В 60-е годы в США велась острая борьба между сторонниками обезоруживающего «первого удара» по «потенциальному противнику» и сторонниками «гарантированного обеспечения ответного удара». К сторонникам второй точки зрения принадлежал и Макнамара. В середине 60-х годов, будучи министром обороны США, он начал проводить ее в жизнь. Макнамара считал, что достаточно эффективную систему ПРО, ориентированную на СССР, создать невозможно. При решении вопроса о целесообразности создания системы ПРО от будущих китайских ракетно-ядерных возможностей Макнамара стремился главным образом к обеспечению «ядерных гарантий» союзникам США в Азии и западной ча-

---

[11] R. MacNamara. The Essence of Security. N. Y. 1968, p. 87.
[12] A. Enthoven, K. Smith. Op. cit., p. 269.
[13] R. MacNamara. Op. cit., p. 74.

сти Тихого океана, учитывая, очевидно, что в случае их войны в этом регионе с КНР даже при непосредственном участии американских вооруженных сил (как в корейской и вьетнамской войнах) США и их союзникам трудно рассчитывать на победу без использования оперативно-тактического ядерного оружия на поле боя. Однако при существовании даже ограниченной угрозы ответного удара китайскими МБР и баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ) по городам США применение такого оружия становится маловероятным. В этом, по мнению ряда американских специалистов, и состояло главное назначение системы ПРО «Сентинел» с ее примерно 1400 пусковыми установками противоракет [14]. Кроме того, сторонники развертывания в США системы ПРО, ориентированной против Советского Союза, рассчитывали на увеличение таким путем степени своего «стратегического превосходства», на создание в последующем плотной системы ПРО и приобретение возможности нанесения «первого обезоруживающего удара» и защиты от ответного удара.

Что же касается боевых возможностей сил общего назначения, то в 60-е годы в 1,5 раза увеличилось количество регулярных дивизионных эквивалентов армии и морской пехоты (с 17 до 24). Количество авиакрыльев [15] ВВС и ВМС возросло с 40 до 46, а кораблей — с 819 до 932, была реализована крупная программа производства нового вооружения и техники со значительно более высокими тактико-техническими характеристиками [16]. Большое внимание уделялось повышению возможностей сил обеспечения стратегической мобильности армии США: авиационных и морских, военно-транспортных средств, предназначенных для стратегических переброс крупных контингентов армии на отдаленные театры военных действий. Число регулярных и резервных танковых и механизированных соединений армии США увеличилось на 110%. Если в 1961 г. в армии и морской пехоте США насчитывалось 3100 вертолетов, из которых только 200 были турбовинтовыми, то к середине 1970 г. в составе этих сил насчитывалось 7500 турбовинтовых вертолетов, в результате чего их общая грузоподъемность выросла на 300%. ВВС США в 1968 г. имели около 3 тыс. самолетов оперативно-тактического назначения — примерно столько же, сколько и в 1961 г., однако их полезный груз (вес оружия, доставляемого к целям) увеличился на 50%. Продолжалось строительство ударных авианосцев, а количество многоцелевых атомных подводных лодок выросло с 13 до 33 [17].

Важным моментом строительства вооруженных сил США в 60-е годы наряду с наращиванием числа стратегических ракет и увеличением удельного веса обычных вооружений было количественное увеличение и качественное усовершенствование ядерного оружия сил общего назначения — оперативно-тактического ядерного оружия, создание и принятие на вооружение носителей как с ядерными, так и обычными зарядами. Так, в Европе количество оперативно-тактических ядерных зарядов увеличилось в три раза и к середине 60-х годов составило более 7 тысяч [18].

Понимая, что главным назначением стратегических ядерных сил должно быть предотвращение всеобщей ядерной войны, но в то же время стремясь сохранить определенную степень «ядерного превосходства» на более низких уровнях эскалации, Макнамара в начале 60-х годов выступил с концепцией «контрсилы», суть которой он изложил следующим образом: «Соединенные Штаты пришли к выводу, что... принципы воен-

---

[14] Ibid., p. 165.

[15] Крыло — основная организационная и тактическая воинская часть американских ВВС, она включает в себя две—пять эскадрилий. Два-три крыла составляют авиадивизию.

[16] R. MacNamara. Op. cit., p. 82.

[17] Ibid., pp. 82—83.

[18] См. A. Enthoven, K. Smith. Op. cit., p. 184.

ной стратегии в гипотетической ядерной войне должны быть в некотором роде близкими к принципам обычных военных операций прошлого. Это означает, что главной военной задачей в ядерной войне... должно быть уничтожение вооруженных сил врага. Посредством резервирования ударной мощи для уничтожения общества противника, если это потребуется,.. мы даем вероятному противнику самые сильные побудительные мотивы воздержаться от нанесения удара по нашим городам» [19]. Основные задачи в этой концепции отводились ядерным силам оперативно-тактического назначения и стратегическим бомбардировщикам. В дальнейшем в 1974—1975 гг. министр обороны США Дж. Шлесинджер подключил к решению этих задач и часть стратегических ракет, что вносит дополнительный дестабилизирующий фактор в проблему сдерживания ядерной войны [20].

Стратегия «гибкого реагирования», задуманная как инструмент политики «с позиции силы», как средство борьбы с национально-освободительными движениями и социальными преобразованиями в мире, не оправдала себя. Это признают и многие американские политологи. Об этом же свидетельствует поражение американского империализма во Вьетнаме. Последующим развитием ее стала объявленная республиканской администрацией Р. Никсона в конце прошлого десятилетия стратегия «реалистического сдерживания», принятая на 70-е годы. В ее основе лежит более реалистическая оценка роли США на мировой арене, чем это было при формулировании Дж. Кеннеди курса «глобальной ответственности». Это видно, в частности, из доктрины «разделенной ответственности» («доктрины Никсона»). Ее главная идея была сформулирована следующим образом: «Соединенные Штаты будут участвовать в обороне и развитии союзников и друзей, но Америка не может — и не будет — разрабатывать все планы, все программы, осуществлять все решения и обеспечивать все оборонные меры свободных наций мира» [21]. В соответствующих документах американской администрации на первое место выступают изменения в оценке расстановки сил на мировой арене. В послании конгрессу Никсон писал в 1970 г., что после второй мировой войны мир изменился, изменились противники и союзники США. В послании учитывался благоприятный для американского империализма «китайский фактор» и подчеркивалось, что нынешние союзники США (особенно это относится к ФРГ и Японии) за четверть века восстановили и развили свою экономику, и США вправе рассчитывать на увеличение их доли в обеспечении общего военного потенциала капиталистического лагеря. Собственно, эти два фактора и легли в основу американской военно-политической стратегии «реалистического сдерживания» и развития вооруженных сил в США в 70-е годы.

В результате анализа важнейших внешнеполитических и внутренних факторов в начале текущего десятилетия было определено, что численность регулярных вооруженных сил и доля валового национального продукта США, выделяемого на военные цели в 70-е годы, должна быть на уровне несколько более 2 млн. человек и 6% по сравнению с 3,5 млн. человек и 9,5% (соответственно) в 1968 году [22]. На смену концепции «превосходства» стратегических ядерных сил пришла концепция «достаточности», а концепцию подготовки сил общего назначения к «двум с половиной войнам» заменила концепция «полутора войн» (либо с СССР, либо с Китаем и еще где-то).

---

[19] Цит по: F. S. Boylan, D. G. Brennan, H. Kahn. An Analisis of Assured Destruction. N. Y. 1972, p. 15.

[20] J. Schlesinger. Annual Defense Department Report. FY 1975. Washington. 1975, p. 44.

[21] «U. S. Foreign Policy for the 1970's». A Report by President Nixon to the Congress. Washington. 1970, p. 5.

[22] «Final Report to Congress of Secretary of Defense M. Laird». Washington. 1973, p.17.

Исходя из общих положений этой стратегии, формулировались региональные стратегические задачи применительно к СССР, КНР, Европе, Ближнему Востоку, Восточной Азии и западной части Тихого океана, Индийскому океану, Африке и Латинской Америке. По отношению к Европе и Азии министр обороны США М. Лэйрд определил их следующим образом: «Применительно к НАТО, включая северный и южный фланги, стратегия национальной безопасности США на 70-е годы должна включать цель: поддержание в Западной Европе сильных и в широком диапазоне средств сдерживания возможных инициатив Советского Союза и стран Варшавского Договора в пределах находящихся ниже уровня стратегических ядерных обменов: ...от пограничных конфликтов и поддержанных военной силой политических угроз до полномасштабного обычного или оперативно-тактического ядерного нападения, включая конфликт на море»[23]. Применительно к Азии военно-политическая стратегия США в начале текущего десятилетия теоретически носила преимущественно антикитайскую направленность. Она предусматривала обеспечение ядерного превосходства по отношению к Китаю, «укрепление,—как говорил Лэйрд,— обычных сил наших азиатских друзей и союзников как для обороны от некитайских нападений, так и для создания региональных оборонных возможностей», сохранение «адекватных сил» для выполнения «американских обязательств» в Азии[24]. Однако в последующем антикитайские акценты азиатской политики США стали постепенно сглаживаться, что проявилось в «тихоокеанской доктрине» Дж. Форда и формировании, по выражению бывшего министра обороны США Дж. Шлесинджера, «квазисоюзнических отношений» США и КНР.

Приход к власти в 1974 г. администрации Дж. Форда вначале не внес принципиальных изменений во внешнеполитическую доктрину и военно-политическую стратегию США. В то же время термины «доктрина Никсона» и «стратегия реалистического сдерживания» стали употребляться значительно реже. В конце 1974 г. Дж. Форд объявил свою «тихоокеанскую доктрину», подчеркнув, что США «имеют важные интересы в Азии» и будут сохранять там свое военное присутствие, укреплять военные союзы с Японией и Южной Кореей и развивать там «новые связи» с КНР. В 1974—1975 гг. возросла роль министра обороны США Дж. Шлесинджера, который выступил с рядом новых стратегических концепций и внес некоторые изменения в строительство вооруженных сил. В его докладах о военном бюджете и строительстве вооруженных сил США на 1975—1976 финансовые годы большой акцент был сделан на рост внешнеэкономических интересов США (обращено было внимание на то, что американские капиталовложения за границей составляют в современных условиях более 180 млрд. долл.), на зависимость экономики США и особенно их союзников от импорта нефтепродуктов, нестабильность ситуации на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии и рост военных возможностей Советского Союза[25].

Стратегические концепции Шлесинджера, который ранее в течение ряда лет был одним из ведущих сотрудников «Рэнд корпорейшн», охватывали весь диапазон военной стратегии США, хотя в 1974—1975 гг. наибольшим вниманием пользовалась концепция частичного перенацеливания стратегических ракет, получившая в печати название «доктрины

---

[23] M. Laird. Statement before the House Armed Services Committee on the FY 1972—1976 Defense Program and the 1972 Defense Budget, March 9, 1971, p. 19. Washington. 1971.

[24] Ibid.

[25] J. Schlesinger. Annual Defense Department Report FY 1975. Washington. 1974; ejusd. Report of the Secretary of Defense to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets, FY 1977 Authorization Request and FY 1976—1980 Defense Program. Washington. 1976.

Шлесинджера». Суть ее сводится к повышению гибкости и, следовательно, вероятности использования стратегических ядерных сил, а значит, и ядерной войны при одновременном повышении неядерных возможностей (как качественных, так и количественных) американских сил общего назначения. «Вот уже более десятилетия,— заявлял Дж. Шлесинджер,—считается признанным, что надежное сдерживание должно обеспечиваться (с учетом других факторов) триадой: стратегическими ядерными силами, ядерными силами на театрах и неядерными силами. Каждый ее компонент служит сдерживанием для соответствующего компонента сил вероятного противника, и все они взаимодействуют, усиливая сдерживание во всем спектре возможных конфликтов»[26]. Несколько уменьшив упор на тактическое ядерное оружие в Европе, Шлесинджер усилил акцент на так называемое «контрсиловое» применение стратегического ядерного оружия (на театре военных действий и в глубине территории противника) и на повышение боевых возможностей обычных вооруженных сил общего назначения США и их союзников по НАТО. В результате начиная с 1974 финансового года наметилась тенденция увеличения военных расходов США в постоянных ценах как по категории стратегических сил, так и особенно по силам общего назначения.

Толчком к дополнительному пересмотру внешнеполитической доктрины и военно-политической стратегии США послужила победа национально-освободительных сил в Камбодже и Южном Вьетнаме. Эти события наряду с неблагоприятными для США изменениями на южном фланге НАТО — событиями в Португалии, конфликтом на Кипре, выходом Греции из военной организации Североатлантического союза, ухудшением отношений США с Турцией — легли в основу корректировки американских стратегических концепций. При этом, как отмечалось в прессе, центры внимания американской региональной стратегии переместились на Ближний Восток, в район Средиземноморья, в Корею и Японию. В президентском послании о положении страны (январь 1975 г.) отмечалась важность для США укрепления американских позиций в этих регионах, а Шлесинджер подчеркнул в ежегодном докладе о военной программе США в феврале 1975 г., что американские союзники испытывают различной степени экономические и политические трудности и «в этих условиях требуется сформулировать общие цели от Азорских островов через Европу, Средиземноморье до Японии»[27]. Выступая в нью-йоркском пресс-клубе перед иностранными корреспондентами, Шлесинджер заявил: «Соединенные Штаты не собираются вмешиваться всюду и платить любую цену, но будут продолжать играть соответствующую роль в поддержке тех государств, которые эффективно продемонстрируют свою волю и возможность оказывать помощь самим себе»[28].

В интервью журналу «U. S. News and World Report» Шлесинджер несколько конкретизировал военно-стратегические концепции Пентагона. Начав с демонстрации жесткости американской военной политики в Камбодже (инцидент с судном «Майагез») и отметив относительно малое влияние событий в Юго-Восточной Азии на общий военный баланс в мире, он сконцентрировал внимание на том, что, с его точки зрения, было главным,— сохранении «американского присутствия» за границей и увеличении военных бюджетов США и их союзников. Применительно к Европе и Ближнему Востоку были подчеркнуты стремление США сохранить и усилить свою роль в НАТО, готовность продолжать оказывать

---

[26] J. Schlesinger. Report of the Secretary of Defense to the Congress on the FY 1976 and Transition Budget, FY 1977 Authorization Request and FY 1976—1980 Defense Program, 1975, pp. 1—12.

[27] J. Schlesinger. Annual Defense Report FY 1976, pp. 1—4.

[28] J. Schlesinger. Remarks before the Overseas Press Club in New York. April 15, 1975.

военную помощь Израилю и предпринять экономические, политические и военные санкции против эмбарго на поставки нефти странами Ближнего Востока, а также увеличить американское военное присутствие в Индийском океане. США призывают западноевропейских союзников усилить военно-политический блок НАТО, включив в его состав Испанию. В отношении Азии военно-политическая стратегия США предусматривает усиление военных связей с Южной Кореей и Японией и использование благоприятного отношения пекинского руководства к американскому военному присутствию в Восточной Азии и зоне Тихого океана. «Один из уроков вьетнамского конфликта состоит в том, что вместо простого сдерживания давления противника необходимо наносить удар в сердце его мощи: уничтожить его вооруженные силы, а не вовлекаться в бесконечные второстепенные военные операции»,— заявил Шлесинджер, характеризуя американскую позицию по отношению к Корее [29].

Приход к власти в Пентагоне Д. Рамсфельда во второй половине 1975 г. не внес существенных изменений в стратегические концепции США. В его докладе о военной программе и военном бюджете на 1977 финансовый год подтверждена линия на использование стратегических сил в ограниченной ядерной войне (их «гибкость») и рост боевой эффективности и численности сил общего назначения. Пожалуй, единственное, в чем Д. Рамсфельд пошел дальше Дж. Шлесинджера,— это в степени завышения пресловутой «советской военной угрозы», советского оборонного бюджета, численности вооруженных сил и темпов их модернизации. По его «подсчетам», выходит, что если бы США поддерживали такой же уровень вооруженных сил, как СССР, то их военный бюджет составил бы 200 млрд. долларов. Все это делалось с одной определенной целью оправдать финансовые полномочия Пентагону в сумме более 113 млрд. долл. в 1977-м и 123,2 млрд. долл.— в 1978 финансовых годах [30].

В целом же представляется, что с учетом настроений американской общественности, уставшей от интервенционализма США в послевоенный период, озабоченной внутренними социально-экономическими трудностями (инфляцией, безработицей, ростом преступности), с которыми страна сталкивается в последние годы, американские правящие круги корректируют свою военно-политическую стратегию «реалистического сдерживания», пытаясь придать ей более селективный (выборочный) и в то же время более жесткий характер на уровне так называемых локальных конфликтов. Однако такой курс, направленный на наращивание военного потенциала США и их союзников, на использование американских вооруженных сил в конфликтных ситуациях в мире, противоречит политике разрядки международной напряженности и взаимовыгодного сотрудничества стран с различными социальными системами и создает дополнительные трудности на пути обеспечения длительного и устойчивого мира на планете.

Развитие вооруженных сил США в конце 60-х — первой половине 70-х годов может быть охарактеризовано изменениями, которые произошли в важнейших характеристиках их состава и численности, а также в ассигнованиях на вооруженные силы (см. таблицы 1—2).

В пропагандистском арсенале Пентагона широко используется тезис, что доля военных расходов в валовом национальном продукте США снизилась с 9,5% в 1968 г. до 5,7% в 1976 финансовом году, общее число занятых в военной сфере — с 8 до 4,4 млн. человек, а бюджет министерства обороны в постоянных ценах — примерно на 30% [31].

---

[29] «U. S. News and World Report», May 26, 1975, p. 25.

[30] D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977. Washington. 1976; ejusd. Annual Defense Department Report FY 1978. Washington. 1977.

[31] D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977. Washington. 1976, pp. 31, A—9.

Таблица 1

Некоторые показатели состава регулярных вооруженных сил и военных расходов США в 1964—1977 гг. [32]

Показатели	1964	1968	1974	1975	1976	1977
Стратегические силы						
Межконтинентальные баллистические ракеты:						
«Минитмен»	600	1 000	1 000	1 000	1 000	1 000
«Титан»	108	54	54	54	54	54
Баллистические ракеты подводных лодок	336	656	656	656	656	656
Эскадрильи стратегических бомбардировщиков	78	40	28	27	26	25
Эскадрильи истребителей-перехватчиков	40	26	7	6	6	6
Силы общего назначения						
Наземные силы:						
дивизии армии	16	19	13	14	16	16
дивизии морской пехоты	3	4	3	3	3	3
Оперативно-тактическая авиация:						
эскадрильи ВВС	85	103	75	69	68	68
эскадрильи ВМС	85	80	70	70	65	65
эскадрильи морской пехоты	28	27	26	25	25	25
Военно-морские силы:						
авианосцы	24	23	14	15	13	13
многоцелевые атомные подводные лодки	19	33	61	64	68	70
надводные боевые корабли	368	387	187	189	185	188
десантные корабли	133	157	65	64	63	64
Силы мобильности						
Эскадрильи стратегических транспортных самолетов:						
C-5A	0	0	4	4	4	4
C-141	0	14	13	13	13	13
Войсковые транспорты	101	130	37	51	48	47
Численность вооруженных сил (млн.)						
Регулярных	2,69	3,[illegible]5	2,16	2,13	2,0[illegible]	2,10
Резервных	1,05	1,00	0,93	0,91	0,88	0,81
Служащих	1,04	1,[illegible]9	1,01	0,99	0,97	0,94
Военный бюджет в текущих ценах (млрд. долл.)						
Полные финансовые полномочия	50,7	75,6	85,1	87,9	98,3	112,7
Фактические расходы	50,8	78,0	78,4	86,0	91,2	100,1
Военный бюджет в ценах 1976 финансового года (млрд. долл.)						
Полные финансовые полномочия	103,6	135,0	104,4	95,5	98,3	105,0
Фактические расходы	105,2	140,0	94,4	93,3	91,2	93,0

Таблица 2

Обобщенное распределение военного бюджета (полных финансовых полномочий) на стратегические силы и силы общего назначения (млрд. долл.) [33]

Категории силы	Финансовые годы					
	1964	1968	1974	1975	1976	1977
В текущих ценах						
Стратегические силы	16,1	14,4	15,4	17,7	17,9	20,1
Силы общего назначения	34,6	61,2	69,7	70,2	80,4	92,6
Вооруженные силы в целом	50,7	75,6	85,1	87,9	98,3	112,7
В ценах 1976 фин. года						
Стратегические силы	32,2	25,4	18,9	18,2	17,9	18,6
Силы общего назначения	71,4	109,6	85,5	77,3	80,4	86,4
Вооруженные силы в целом	103,6	135,0	104,4	95,5	98,3	105,0

[32] J. Schlesinger. Annual Defense Department Report FY 1976 and FY 1977, p. D—2; D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977, p. A—19.

[33] B. Blechman, E. Gramlich, R. Hartman. Setting National Priorities. The 1976 Budget. Washington. 1975.

Однако для правильного понимания перемен в распределении государственных приоритетов и строительстве вооруженных сил США следует учесть модификации американских оценок расстановки сил в мире и общее изменение международного климата в первой половине текущего десятилетия. Во-первых, американский монополистический капитал борется за лидирующее положение в мире не только военными, но и экономическими средствами. Высвобождение какой-то части валового национального продукта из военной сферы в гражданскую на определенном историческом этапе может быть более важным делом, обеспечивающим монополиям США более благоприятные условия в конкурентной борьбе на мировых рынках, а администрации — возможность решения некоторых неотложных внутренних проблем. Во-вторых, уменьшение численности вооруженных сил связывается с тем, что соответствующих внешнеполитических целей, по мнению американских правящих кругов, можно достичь, имея вооруженные силы меньшей численности, особенно с учетом раскольнической политики пекинского руководства, за счет лучшего оснащения армии, а также увеличения военных бюджетов и численности вооруженных сил союзников США. Так, в рассматриваемый период военные бюджеты западноевропейских союзников США по НАТО, Канады и Японии в текущих ценах возросли вдвое, а в сопоставимых ценах — более чем в 1,5 раза [34]. Наконец, если сравнить общую международную обстановку начала 60-х годов с современной обстановкой, то снижение военных расходов и численности вооруженных сил США окажется не столь значительным, как это пытается представить Пентагон.

Приведенные в табл. 1—2 данные показывают, что в 1977 финансовом году уровень военных ассигнований США (по категории полных финансовых полномочий — порядка 105 млрд. долл.) по их реальной «покупательной» способности примерно соответствует уровню военных расходов 1964 финансового года, хотя численность регулярных вооруженных сил и общая численность «рабочей силы», занятой в военной сфере, на 22—23% ниже. В оставшуюся часть текущего десятилетия предполагалось увеличивать военные расходы США в сопоставимых ценах на 2—3% в год с доведением их в 1980 финансовом году до 116 млрд. долл. в ценах 1975 г. и до 148 млрд. долл. в текущих ценах. Кроме того, в связи с увеличением количества регулярных дивизий армии США с 13 до 16, авиакрыльев ВВС с 22 до 26 и количества кораблей ВМС с 450 до 500—600 намечается и некоторое увеличение общей численности американских вооруженных сил [35].

В соответствии с общими тенденциями во внешней политике США в последние годы с 1976 финансового года началось наращивание военных расходов США и в сопоставимых показателях. Доля бюджета Пентагона в федеральном бюджете увеличилась с 24,4% до 25,4%. Главное направление увеличения американских военных приготовлений — это рост ассигнований на заказы вооружения и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (с 29,7 млрд. долл. в 1975 финансовом году до 40,3 млрд. долл. в 1977 финансовом году в ценах 1977 года) [36].

Стратегические ядерные силы США с 1968 по 1976 г. в количественном отношении практически остались неизменными (за счет вывода из боевого состава некоторого числа стратегических бамбардировщиков суммарное количество стратегических средств доставки уменьшилось

---

[34] «The Military Balance 1975—1976». The International Institute for Strategic Studies. L. 1975, pp. 76—77.

[35] J Schlesinger. Annual Defense Department Report FY 1976, pp. 1—26, D—2; D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977.

[36] D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977, pp. A-8—A-14.

примерно с 2400 до 2200 при постоянном количестве стратегических ракет — 1710). В то же время в результате качественного совершенствования — оснащения средств доставки многозарядными системами МИРВ и СРЭМ [37] — более чем удвоилось количество обеспеченных доставкой стратегических ядерных зарядов (с 4200 до 8500). Силы общего назначения после наращивания их численности в 60-е годы (с 2,5 до 3,5 млн. военнослужащих в составе регулярных войск) сократились примерно до 2 млн. с одновременным сохранением и даже усилением стремления к качественному превосходству. На вооружение поступило большое количество нового оружия и техники. Так, количество современных многоцелевых атомных подводных лодок увеличилось с 33 до 68, эскадрилий сверхтяжелых транспортных самолетов С-5А — с 1 до 4, полезный груз оперативно-тактической авиации ВВС, ВМС и морской пехоты, несмотря на сокращение ее численности, увеличился с 29,8 тыс. т в 1968 г. до 33,9 тыс. т в 1974 г., а грузоподъемность авиационных сил стратегической мобильности — с 15,9 тыс. т до 19,6 тыс. т соответственно [38].

В конце 60-х — первой половине 70-х годов возрос удельный вес американской помощи в мероприятиях по обеспечению военного потенциала капиталистических государств, при этом в последние годы резко увеличился объем продажи американского оружия за наличный расчет. Делается это в соответствии с концепцией «партнерства» и разделения военных приготовлений во внешнеполитической доктрине США и военно-политической стратегии «реалистического сдерживания» (табл. 3).

Таблица 3

Некоторые показатели концепции «партнерства» в стратегии «реалистического сдерживания» (в млрд. долл.) [39]

	Финансовые годы	
	1968	1974
Расходы США, связанные с войной в Юго-Восточной Азии . .	19,3	1,6
Программа военной помощи министерства обороны США . . .	0,8	4,1
Прочие программы военной помощи	2,3	1,5
Продажа оружия за наличный расчет	0,8	8,5

С начала текущего десятилетия до 1975 г. США продали за границу оружия на 20 млрд. долл. и сверх этой суммы поставили его безвозмездно еще на 8 млрд. долларов. В последние годы основной поток его направляется в район Ближнего Востока и Персидского залива. В 1974 г. странам этого района было продано вооружения и военной техники на сумму почти 7 млрд. долларов. Кроме того, Израиль после войны 1973 г. получил от США оружия почти на 2 млрд. долларов. В 1975 г. заключен контракт с Бельгией, Голландией, Норвегией и Данией на поставку им американской фирмой «Дженерал дайнемикс» 350 истребителей F-16 общей стоимостью около 3 млрд. долларов. В 1975 и 1976 гг. годовая продажа оружия США превысила

---

[37] МИРВ — многозарядная головная часть с раздельным нацеливанием боеголовок; СРЭМ — авиационная сверхзвуковая ракета ближнего радиуса действия.

[38] «Setting National Priorities. The 1974 Budget». Washington. 1973, p. 294.

[39] B. Blechman, E. Gramlich, R. Hartman. Op. cit.

10 млрд. долл., в то время как в 1970 г. ее объем не превышал 1,5 млрд. долларов [40].

Все это свидетельствует о том, что в военной политике США происходит смещение акцентов: «исключение» из сферы американских интересов таких партнеров, как Южный Вьетнам (расходы США на войну в Юго-Восточной Азии оцениваются в 150 млрд. долл.), при сохранении и увеличении вклада основных западноевропейских союзников США по НАТО, Канады и Японии и попытках подключения новых партнеров с большими финансовыми возможностями, таких, как, например, Саудовская Аравия или Иран.

В основу развития стратегических ядерных сил США положена концепция стратегической «достаточности», которая была введена в обиход еще администрацией Никсона и непосредственно связана с пропагандистским аргументом Пентагона о ненаращивании с 1968 г. количества средств доставки стратегического ядерного оружия. Но еще Макнамара признавал, что не количество средств доставки, а число доставляемых ядерных зарядов является определяющим критерием стратегических ядерных возможностей. Он считал, что наиболее значащей и реалистической мерой таких возможностей является не мегатоннаж, а число боеголовок, способных с достаточной точностью поразить конкретные цели. По мнению Макнамары, в 1967 г. США превосходили СССР по этому показателю по крайней мере в три-четыре раза. «В дальнейшем,— писал он,— мы будем обеспечивать в обозримом будущем превосходство над Советским Союзом по этому же реалистическому критерию» [41]. Из этого видно, что Макнамара не скрывал стремления Пентагона к стратегическому ядерному превосходству, хотя и понимал, что оно с политической и военной точек зрения имеет ограниченное значение. Вот почему в дальнейшем американское военно-политическое руководство, осознав недостижимость этой цели, ввело в оборот термин «достаточность», а в последние годы даже понятие «примерный паритет».

Однако при равенстве в количестве средств доставки делается попытка как можно дольше сохранить превосходство США по количеству обеспеченных доставкой стратегических ядерных зарядов. В конце 60-х — первой половине 70-х годов выделены средства на замену 550 однозарядных ракет «Минитмен-1» на многозарядные ракеты «Минитмен-3» (увеличение количества боеголовок на 1100), 496 ракет «Поларис» на ракеты «Посейдон» (увеличение количества поражаемых целей на 4500—6500) и на оснащение 250 стратегических бомбардировщиков ракетами ближнего действия СРЭМ (то есть увеличение количества их ядерных зарядов на несколько тысяч) [42].

Заключенное в 1972 г. временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений в принципе наложило косвенные потенциальные лимиты и на увеличение количества ядерных зарядов стратегических ракет, поскольку США разрешено иметь не более 1054 МБР и 656 БРПЛ (или не более 1000 МБР и 710 БРПЛ), то есть не более 1710 стратегических ракет наземного и морского базирования [43]. В соответствии с владивостокской договоренностью 1974 г. дополнительное ограничение количества стратегических ракет с многозарядными головными частями

---

[40] E. Luck. Arms Transfers and Conventional Arms Control. A Paper Prepared for the United National Association, February 14, 1975. [W. a. and p.]; «Does the U. S. Have a Conventional Arms Sales Policy?». «Army Control Today», May 1976, pp. 1—8.

[41] R. MacNamara. The Essence of Security, p. 87.

[42] «Annual Defense Department Report FY 1977». Washington. 1976, pp. 74—87.

[43] «Arms Control and Disarmament Agreements. U. S. Arms Control and Disarmament Agency». Washington. 1975, pp. 137—141.

должно быть установлено новым долгосрочным советско-американским соглашением [44].

По оценкам американских специалистов, к концу текущего десятилетия количество обеспеченных доставкой стратегических ядерных зарядов США может превысить 10 тыс. даже при условии некоторого сокращения современного суммарного количества стратегических средств доставки. Такое увеличение количества стратегических ядерных зарядов обеспечивается продолжением оснащения стратегических носителей многозарядными ракетными и авиационными системами и разработкой и строительством новых стратегических систем (БРПЛ «Трайдент», стратегических бомбардировщиков Б-1 и межконтинентальных баллистических ракет МХ) с большей грузоподъемностью и более высокой точностью. При этом стоимость содержания и модернизации стратегических ядерных сил США в сопоставимых показателях будет находиться примерно на современном уровне (порядка 20% от общих военных расходов), что в постоянных ценах примерно в полтора раза меньше, чем в первой половине 60-х годов.

Самое непосредственное отношение к проблеме количественной и качественной гонки стратегических вооружений имели усилия Пентагона по развертыванию системы ПРО. До 1973 финансового года на ее разработку и развертывание было израсходовано около 6 млрд. долл. и ассигновано еще 2 миллиарда. Этими ассигнованиями были полностью обеспечены разработка всей системы «Сейфгард» и развертывание первых четырех ее комплексов в северо-западной и центральной частях США, а также подготовка к развертыванию пятого комплекса в зоне Вашингтона. Строительство двух первых комплексов этой системы в Гранд-Форксе и Малстроме в 1972 г. было близко к завершению [45].

Договор об ограничении системы ПРО США и СССР в 1972 г. и протокол к Договору об ограничении систем ПРО 1974 г. свели систему «Сейфгард» до одного комплекса (100 пусковых установок противоракет) в районе Гранд-Форкса и положили конец, во всяком случае в обозримом будущем, попыткам развертывания в США системы ПРО, ориентированной против СССР, а также созданию, испытанию и развертыванию систем или компонентов ПРО морского, воздушного или мобильного наземного базирования. В этих условиях военно-техническая политика США в области ПРО переориентирована на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, не лимитированных упомянутыми соглашениями, и на поиски путей обеспечения защиты территории США от ограниченных ракетно-ядерных возможностей «третьих ядерных стран» в 80-е годы. Одним из путей обеспечения этого считается совершенствование космических средств сверхраннего обнаружения запусков МБР и БРПЛ и определения примерных параметров их траекторий и создание управляемых противоракет сверхдальнего перехвата МБР («Суперспартан») на расстоянии до 3 тыс. км от территории США [46].

В соответствии с решением конгресса США, принятым при рассмотрении военного бюджета 1976 финансового года, разрешенный договором о ПРО и протоколом к нему комплекс системы «Сейфгард» в Гранд-Форксе законсервирован. Остался в действии лишь радиолокационный комплекс дальнего кругового обнаружения, который вошел в систему НОРАД (систему ПВО Североамериканского континента) и предназначен для получения более точной информации в системе раннего обнаружения ракетных боеголовок и определения их траекторий.

---

[44] «Правда», 25.XI.1975.
[45] M. L a i r d. Annual Defense Department Report FY 1973. Washington. 1972, p. 76.
[46] «The New York Times», 26.II.1972.

Такое решение было принято в связи с тем, что с точки зрения защиты территории и МБР США от советских стратегических ракет этот комплекс не играет практически никакой роли, а в плане создания тонкой («разреженной») системы ПРО, предназначенной для защиты территории от «третьих ядерных стран», случайных и несанкционированных запусков ракет по территории США при существующих противоракетах дальнего перехвата «Спартан» он не может выполнять таких функций. Поэтому на нынешнем этапе главные усилия в области ПРО США сосредоточены на проведении соответствующих научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, ориентированных главным образом на проблему создания тонких систем обороны от ограниченных ракетно-ядерных ударов [47].

Существенным моментом строительства вооруженных сил и военно-технической политики США явилось принятое в 1974 г. решение относительно снятия с вооружения в системе ПВО НОРАД на континенте США зенитных ракетных комплексов «Найк-Геркулес» и «Бомарк». Это решение официально обосновывалось тем, что нет необходимости иметь ракетные системы ПВО при почти полном отсутствии системы ПВО континента Северной Америки. Однако представляется, что не менее важную роль играли при этом и соображения экономии средств путем снятия с вооружения устаревших систем и выделения ресурсов на более перспективные разработки систем ПВО, обладающих одновременно и некоторыми возможностями ПРО (ближнего перехвата), а также использования дислоцированных на территории США мобильных систем ПВО (типа «Патриот») сил общего назначения.

Большие финансовые ресурсы выделяются ежегодно в США на развитие систем противолодочной обороны (ПЛО), которые, по мнению ряда американских ученых, оказывают дестабилизирующее влияние на стратегический ядерный баланс США и СССР. Так, в 1976 финансовом году на эти цели запрошено более 4,5 млрд. долл., из них порядка 0,7 млрд.— на противолодочную авиацию, более 0,1 млрд.— на стационарные подводные системы обнаружения и около 3,7 млрд. долл.— на надводные корабли, подводные лодки и противолодочное оружие [48].

Анализ развития сил общего назначения США в 60-е и 70-е годы показывает, что в современных условиях их численность примерно на 40% ниже, чем в 1968 г., и на 20% ниже, чем в 1964 г., однако стоимость их содержания и модернизации в сопоставимых ценах на 10—15% выше, чем в 1964 году. При этом главной тенденцией их развития до 1974 г. было сокращение количества дивизий, кораблей и самолетов и т. п. с целью выделения относительно больших ресурсов на модернизацию вооружения. С 1974 г. наметилась явная тенденция увеличения численности сил общего назначения и особенно количества дивизий армии (с 13 до 16) с доведением его до уровня 1964 года [49]. Другими словами, в самые последние годы наметился некоторый, пока еще не совсем ясный сдвиг от концепции «полутора войн» к концепции, которую условно можно было бы назвать концепцией «одной и двух третей войны» («одна война» в Европе с СССР или в Азии с КНР и «две трети войны» где-то еще на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и т. п.).

В целом же в 1970—1976 финансовых годах военные расходы США в текущих ценах составили около 600 млрд. долл. (595 млрд. по категории полных финансовых полномочий, 561 млрд. долл. по категории фактических расходов), а в ценах 1976 финансового года по категории полных финансовых полномочий превысили 700 млрд. долл., что в со-

---

[47] D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977, pp. 91—92.
[48] J. Schlesinger. Annual Defense Department Report FY 1976, pp. III-76—III-97.
[49] D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977, p. A-19.

поставимых ценах примерно на 15% меньше, чем за предшествующие семь лет (1963—1969 финансовые годы) [50]. Такое уменьшение обусловлено главным образом учетом благоприятного для США «китайского фактора», выходом США из войны в Юго-Восточной Азии и сокращением численности сил общего назначения.

В 70-е годы еще больший акцент стал делаться на качественное превосходство вооруженных сил США и обеспечение «широкого диапазона научно-технических инициатив». Эта линия прослеживается в докладах министров обороны М. Лэйрда, Э. Ричардсона, Дж. Шлесинджера, Д. Рамсфелда, а также в ежегодных докладах начальников управления научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) министерства обороны США. В 1976 и 1977 финансовых годах на исследования, разработки, испытания и оценки, проводимые этим управлением, было выделено 9,5 и 10,6 млрд. долларов [51].

Бюджетное обеспечение такого качественного превосходства идет главным образом по линии двух программ: заказы (закупки) вооружения и техники и НИОКР. На эти цели в 1970—1976 финансовых годах ассигновано около 200 млрд. долл. (в текущих ценах), из них на производство нового вооружения и техники — более 140 млрд. долл. и на НИОКР — около 60 млрд. долларов. За этот период выделены средства на перевооружение 27 ракетных атомных подводных лодок с ракет «Поларис» на ракеты «Посейдон» (средства на переоборудование еще четырех подводных лодок были отпущены до 1970 финансового года), на постройку четырех атомных подводных лодок системы «Трайдент», на замену ракет «Минитмен-1» ракетами «Минитмен-3» и повышение взрывостойкости их шахт, на переоборудование стратегических бомбардировщиков Б-52 под ракеты СРЭМ и на производство 1140 таких ракет. В этот же период заказано около 3800 танков, более 2200 армейских вертолетов и 1200 десантно-высадочных средств морской пехоты, около 1400 самолетов ВВС и более 1 тыс. самолетов ВМС, 12 авиационных систем «Авакс» для управления средствами ПВО на театрах, более 120 крупных кораблей (в том числе 2 атомных авианосца, 5 атомных крейсеров, 26 многоцелевых атомных подводных лодок, 30 эсминцев и 10 ракетных сторожевых кораблей), а также 3 малых ракетных корабля на подводных крыльях, 310 противолодочных самолетов и 89 сверхтяжелых военно-транспортных самолетов С-5А. В результате было заменено или модернизировано более половины стратегических систем оружия (носителей) и порядка трети вооружения и техники сил общего назначения. К наиболее крупным и дорогостоящим программам НИОКР в области стратегического оружия 1970—1976 финансовых годов относятся подводная стратегическая система увеличенной дальности стрельбы «Трайдент» (более 3,3 млрд. долл.), стратегический бомбардировщик Б-1 (около 0,7 млрд. долл.), новая межконтинентальная баллистическая ракета МХ (0,1 млрд. долл.), новые стратегические крылатые ракеты (0,2 млрд. долл.), новые головные части баллистических ракет (более 0,6 млрд. долл.), новые средства ПРО и системы управления стратегическими силами (более 1,3 млрд. долл.) [52].

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по

---

[50] Ibid., p. A-9.

[51] M. Laird. Statement before the Senate Armed Services Committee on the FY 1973 Defense Bubget and FY 1973—1977 Program. 1972, p. 8; M. Currie. The Department of Defense Program Research, Development, Test and Evaluation FY 1976. Washington. 1975, pp. 1-1, 1-3; D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1978, Washington. 1977, p. A-1.

[52] M. Laird. Annual Defense Department Reports FY 1970—1973. Washington. E. Richardson. Annual Defense Department Report FY 1974; Washington. 1973; J. Schlesinger. Annual Defense Department Reports FY 1975—1976. Washington. 1974—1975.

созданию вооружения и техники для сил общего назначения армии, ВВС и ВМС велись в этот период широким фронтом, и на них расходовалось 60% средств, выделенных на НИОКР министерства обороны. Особое внимание уделялось разработкам нового танка XM-1, противотанковых управляемых снарядов «Тоу» и «Дракон», армейских вертолетов, мобильной ракетной системы ПВО армии и морской пехоты «Патриот», авиационной оперативно-тактической системы управления ПВО «Авакс», многоцелевого истребителя ВМС F-14 и его противовоздушной ракетной системы «Феникс», истребителей ВВС F-15 и F-16, штурмовика ВВС А-10, авиационной ракеты класса «воздух — земля» «Мейверик», противокорабельных ракет «Гарпун» для надводных кораблей, подводных лодок и самолетов, корабельной системы ПВО «Иджис», торпеды МК-48, палубного противолодочного самолета S-3A, легкого многоцелевого авианосца, ракетного сторожевого корабля, кораблей на подводных крыльях и воздушной подушке и большого количества других систем, подсистем и компонентов нового вооружения и техники [53]. Кроме того, министерство обороны США проводит большое количество НИОКР совместно со своими союзниками по НАТО и использует результаты их научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, ежегодные ассигнования на которые сопоставимы с расходами США на НИОКР по созданию вооружения и техники для сил общего назначения (союзники США по НАТО ежегодно расходуют на эти цели более 3 млрд. долл.) [54].

Установка на качественное превосходство продолжает быть основой военной политики США. Однако в современных условиях силовые возможности американского империализма резко ограничены благодаря росту экономического и оборонного потенциала СССР и всего социалистического содружества. Как писал профессор Гарвардского университета С. Хантингтон: «Наша глобальная гегемония рушится... Главная цель состоит... в поддержании баланса сил» [55]. Ради этого американский империализм пытается в большей степени, чем раньше, привлекать людские и материальные ресурсы своих союзников в Европе, Азии, Америке и Африке, с тем чтобы увеличить общий военный потенциал капиталистического мира.

★

Политика США в области ограничения вооружений носит сложный и противоречивый характер. В ней отражается борьба между силами, выступающими против разрядки международной напряженности и улучшения американо-советских отношений, и силами, поддерживающими эти здоровые тенденции, к которым, кроме подавляющей части американского народа, принадлежат и трезвомыслящие представители правящих кругов.

В первой половине 60-х годов правительство США ответило на единогласно принятое ООН советское предложение о всеобщем и полном разоружении, по существу, тем, что поставило во главу угла лишь вопрос о контроле над вооружениями, что фактически было равносильно саботированию решения этой важнейшей проблемы, а на проведенное Советским Союзом в одностороннем порядке значительное сокращение численности вооруженных сил — наращиванием в полтора раза численности своих вооруженных сил и военных расходов. Однако и в этих условиях в 1963 и 1968 гг. были подписаны договоры о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом простран-

[53] «Army», March 1976, pp. 12—17.
[54] M. Currie. Op. cit., pp. X-1—X-7.
[55] Цит. по: J. Collins. Grand Strategy. Annapolis. 1973, p. 80.

стве и под водой и о нераспространении ядерного оружия. Эти важные документы положили начало сдерживанию гонки ядерных вооружений, что явилось результатом согласия, достигнутого между правительствами СССР, США и Великобритании. Был положен конец периоду интенсивных ядерных испытаний в атмосфере и под водой и тем самым уменьшена опасность радиоактивного заражения природной среды и наложены некоторые ограничения на распространение ядерного оружия. В 1965 г. СССР и США заявили на Генеральной Ассамблее ООН о необходимости предпринять надлежащие шаги, с тем чтобы не допустить распространения гонки вооружений на космическое пространство, а в 1967 г. в Москве, Вашингтоне и Лондоне был подписан договор о принципах, определяющих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, согласно которому государства обязались не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать его в космическом пространстве каким-либо иным образом.

В первой половине 70-х годов наметилась тенденция к улучшению советско-американских отношений, что явилось следствием миролюбивой внешней политики Советского Союза, всего социалистического содружества, изменения соотношения сил на мировой арене. Важную роль сыграли советско-американские встречи на высшем уровне, переговоры об ограничении стратегических ядерных вооружений, о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, а затем и общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству, а также другие переговоры по вопросам разоружения, которые ведутся как на двусторонней, так и на многосторонней основе. В сентябре 1971 г. вступило в силу соглашение о мерах по уменьшению риска возникновения ядерной войны между США и СССР и предотвращения случайного или несанкционированного использования ядерного оружия. Соглашение предусматривает обязательства по быстрому установлению связи при опасности возникновения таких ядерных инцидентов или обнаружения неопознанных объектов и заблаговременное оповещение о запусках ракет определенной категории [56].

В этот период на политику США повлияли переоценка американскими правящими кругами расстановки сил на международной арене и выход США из войны в Юго-Восточной Азии. Ограничения охватили стратегические ядерные вооружения (в рамках двусторонних советско-американских переговоров), а сокращения — силы общего назначения США. Подписание в 1972 г. советско-американских соглашений об ограничении стратегических вооружений (Договор об ограничении систем противоракетной обороны, дополненный протоколом 1974 г., и временное соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений) сыграло важную роль в сдерживании гонки ядерных вооружений.

Однако, несмотря на наличие соглашений об ограничении стратегических ядерных вооружений и переговоры о дальнейшем их ограничении, которые ведутся в соответствии с владивостокской договоренностью 1974 г., некоторые представители научных кругов в США утверждали, будто подписанные и ратифицированные в 1972 г. советско-американские соглашения не влияют на процесс наращивания вооружений и что фактически и после их подписания каждая сторона вольна делать в этой области то, что она хочет. Между тем московские соглашения предусматривают остановку в количественном наращивании самых ди-

---

[56] «Правда», 1.X.1971.

намичных и новейших компонентов стратегических ядерных вооружений — систем ПРО, межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок. Они установили определенные пределы для размеров, а следовательно, и мощности зарядов МБР, не говоря уже о жестких ограничениях на системы ПРО.

В основу подписанных соглашений положен принцип равной безопасности США и СССР. Выступать открыто против этого принципа не решаются даже такие противники улучшения американо-советских отношений, как сенатор Г. Джексон. Другое дело — искаженное толкование этого принципа, намеренная фальсификация сути стратегического баланса вроде утверждений о том, что Советский Союз получил якобы односторонние преимущества в области стратегического ядерного оружия. В качестве главного аргумента против заключенного временного соглашения Г. Джексон приводил тезис о якобы трехкратном превосходстве СССР по мегатоннажу стратегических ракет и на этом основании делал вывод о нарушении принципа равной безопасности, паритетности стратегического ядерного баланса США и СССР [57]. При таком подходе намеренно фальсифицируется действительность. При сравнении стратегических сил искусственно исключаются многие важные компоненты, такие, например, как стратегические бомбардировщики. В этом плане примечательно заявление государственного секретаря США Г. Киссинджера, сделанное им во время обсуждения в конгрессе советско-американских соглашений: «Наше современное военно-стратегическое положение надежно. Большая часть критики направлена на различия в количестве ракет между США и СССР. Однако такой подход учитывает лишь один аспект проблемы. Для оценки общего баланса необходимо учитывать те силы, которые не вошли в соглашение: наши силы стратегических бомбардировщиков» [58].

Заключенные в 1972 и 1974 гг. советско-американские соглашения об ограничении стратегических вооружений оказали в целом сдерживающее влияние на расходы США, связанные с содержанием и развитием стратегических сил. Но при этом следует иметь в виду, что, ограничив системы ПРО только одним из 12 комплексов системы «Сейфгард» и тем самым уменьшив расходы на этот компонент стратегических сил более чем на 10 млрд. долл., Пентагон в 1973 и 1974 гг. увеличил темпы модернизации вооружения, обратив особое внимание на разработку и развертывание таких систем, как подводные лодки «Трайдент», стратегические бомбардировщики Б-1. Тем не менее в эти годы расходы на стратегические ядерные силы не увеличивались (в постоянных ценах), а их доля в военном бюджете США даже несколько снизилась [59].

Владивостокская договоренность (ноябрь 1974 г.), достигнутая во время рабочей встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента США Дж. Форда, относительно дальнейшего ограничения стратегических и наступательных вооружений США и СССР занимает особое место на пути решения этой проблемы. Было договорено: обе стороны получат право располагать определенными согласованными суммарными количествами носителей стратегического оружия — не более чем по 2400 стратегических средств доставки ядерных зарядов (пусковых установок МБР, БРПЛ и стратегических бомбардировщиков) [60]. Это соответствует принципу равенства и одинаковой безопасности. Тем самым был выбит козырь из рук тех кругов в США,

---

[57] «U. S. News and World Report», July 3, 1972, p. 60.

[58] «Hearings before Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, 92 Congress, 2nd Session». Washington. 1972, p. 400.

[59] B Blechman, E. Gramlich, R. Hartman. Op. cit., pp. 111—118.

[60] «Правда», 25.XI.1974; 1.IV.1977.

которые по политическим соображениям искаженно толковали временное соглашение 1972 г., исключая из стратегического уравнения многие важные компоненты, в частности стратегическую авиацию. В соответствии с владивостокской договоренностью СССР и США обладают правом располагать определенными согласованными суммарными количествами (не более чем по 1320) пусковых установок МБР и БРПЛ, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Это положение накладывает существенные качественные ограничения на гонку стратегических вооружений. Наконец, новое соглашение будет включать в себя положение о последующих переговорах по вопросу о дальнейших ограничениях и возможном сокращении стратегических вооружений на период после 1985 года.

В США вокруг владивостокской договоренности развернулась острая политическая борьба. Министр обороны М. Лэйрд пытался поставить под сомнение добросовестность Советского Союза в выполнении подписанных им соглашений. К нему присоединился сенатор-республиканец Дж. Бакли. Подобные обвинения, естественно, не имеют под собой почвы. Директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Ф. Икле и государственный секретарь Г. Киссинджер заявляли в этой связи, что у Соединенных Штатов нет данных, которые бы подтверждали нарушение Советским Союзом соглашений об ограничении стратегических вооружений [61]. Большинство американцев поддерживает владивостокскую договоренность, политику разрядки и улучшения американо-советских отношений.

Осуществление этой политики не наносит какого-либо ущерба безопасности договаривающихся сторон. Но хотя реалистически мыслящие американские политики понимали это, позиция США в отношении советско-американских переговоров в Женеве характеризовалась созданием проблем, по существу, выходящих за рамки владивостокской договоренности. К ним относится вопрос о так называемых «стратегических крылатых ракетах», которые, даже по мнению Г. Киссинджера, разрабатывались в основном в качестве козырей для торга, а также советского бомбардировщика, именуемого на Западе «Бэкфайр», который вообще не может быть отнесен к межконтинентальным бомбардировщикам [62]. В то же время, как это неоднократно подчеркивалось в выступлениях президентов, государственных секретарей, большинства сенаторов и конгрессменов США, не существует другой альтернативы, кроме ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений США и СССР на принципе равенства и одинаковой безопасности. Подписанные одновременно в Москве Л. И. Брежневым и в Вашингтоне Дж. Фордом договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях, а также протокол к этому договору свидетельствуют о том, что при наличии доброй воли можно двигаться к решению проблемы ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений [63].

Советский Союз ведет переговоры по дальнейшему ограничению и сокращению стратегических вооружений, стремясь претворить в жизнь владивостокскую договоренность, достигнутую на принципе равенства и одинаковой безопасности, и не допустить открытия нового канала гонки вооружений, который свел бы на нет имеющиеся достижения. Как не раз отмечал Л. И. Брежнев, советская сторона настойчиво и неоднократно предлагала не останавливаться на одном только ограничении существующих видов стратегического оружия, а пойти дальше и договориться о запрещении создавать новые, еще более раз-

---

[61] «Aviation Week and Space Technology», September 8, 1975, p. 11; «Press Department of State», December 9, 1975, № 596.

[62] «Правда», 1.IV.1977; «International Herald Tribune», 18.II.1976.

[63] «Правда», 29.V.1976.

рушительные системы оружия, в частности новые ракетные подводные лодки типа «Трайдент», новые стратегические бомбардировщики типа Б-1 в США и аналогичные системы в СССР.

К сожалению, США на переговорах в Москве государственного секретаря С. Вэнса с советскими руководителями в конце марта 1977 г. внесли предложения об ограничении и сокращении стратегических вооружений, в основу которых была положена ревизия владивостокской договоренности и получение для США односторонних преимуществ. Такая политика не отвечает интересам сдерживания гонки ядерных вооружений и уменьшения угрозы ядерной войны. Тем не менее стороны условились продолжить обмен мнениями по ряду обсуждавшихся вопросов, и прежде всего связанных с заключением нового соглашения об ограничении стратегических вооружений [64]. 18—20 мая 1977 г. в Женеве состоялась очередная встреча министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с С. Вэнсом, на которой было детально рассмотрено положение дел с подготовкой нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений на основе владивостокской договоренности и с учетом результатов последующих переговоров. Стороны согласились в том, что переговоры в Женеве были необходимыми и полезными и что был достигнут прогресс в определении общих рамок для дальнейших переговоров. В результате обмена мнениями наметилось сближение позиций сторон по некоторым вопросам из числа ранее не согласованных. Стороны договорились продолжать обсуждение всех несогласованных вопросов с целью быстрейшего заключения нового соглашения, которое заменит временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений [65].

Итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе открыли новые перспективы для дополнения политической разрядки разрядкой военной. Материализовать политическую разрядку на европейском континенте призваны проходящие в Вене переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Советский Союз несколько лет назад внес совместно с ГДР, Польшей и Чехословакией проект соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, в соответствии с которым уже в 1975 г. предлагалось в качестве первого шага сократить в обусловленном районе по 20 тыс. военнослужащих (с вооружениями) из армий обеих сторон, то есть СССР, ГДР, Польши, Чехословакии, а также США, Англии, ФРГ, Голландии, Бельгии, Канады и Люксембурга; в 1976 г. осуществить дальнейшее сокращение войск каждого из участников будущего соглашения на 5% и в 1977 г.— еще на 10%. В соответствии с этим проектом сокращению должны подлежать как иностранные, так и национальные войска и вооружения в этом районе, включая сухопутные войска, военно-воздушные силы и ядерное оружие [66]. Другими словами, социалистические страны в целом внесли предложение о равнопроцентном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе без ущерба для безопасности сторон. Западные страны, в свою очередь, внесли предложение о поэтапном сокращении, причем только сухопутных войск. На первом этапе сокращению должны подлежать лишь войска СССР и США, находящиеся в Центральной Европе. При этом Советский Союз, согласно западной схеме, должен сократить в несколько раз больший контингент войск, чем США. Предложение западных стран не предусматривало сокращения ВВС и оперативно-тактического ядерного оружия.

---

[64] «Правда», 31.III; 1.IV.1977.

[65] «Правда», 22.V.1977.

[66] В. Викторов, А. Столешников. Венские переговоры: два с половиной года спустя. «США: экономика, политика, идеология», 1976, № 4, стр. 27.

Позиция США по вопросу сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе характеризуется тем, что, с одной стороны, они заявляют о своей готовности произвести взаимные сокращения, а с другой — в процессе переговоров ими предпринимаются меры по усилению военного потенциала их союзников по НАТО в Центральной Европе, увеличению их военных бюджетов, а также росту численности американских вооруженных сил в этой зоне. В 1975 г., например, за счет изменения соотношения между боевыми частями и подразделениями поддержки боевой состав американских сухопутных войск в Центральной Европе был увеличен на две бригады [67]. Такую позицию США оправдывают тем, что в зоне Центральной Европы существует будто бы превосходство сухопутных войск стран — участниц Варшавского Договора. Однако такой подход правительства США подвергается сомнению рядом американских ученых, которые считают, что если в какой-то рассматриваемой области сокращения вооруженных сил и вооружений (например, в Центральной Европе) в течение достаточно длительного времени сложился паритетный (как правило, несимметричный) баланс, то, во-первых, в уравнении этого баланса следует учитывать все его компоненты, а во-вторых, равнопроцентное сокращение этих компонентов в принципе не нарушит сложившегося баланса. Собственно именно эта посылка и легла в основу предложения социалистических стран о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В 1975 г., руководствуясь согласованными во время подготовительных консультаций принципами ненанесения ущерба безопасности какого-либо государства, равенства прав и взаимности обязательств, страны Варшавского Договора внесли поправки и дополнения к своему проекту соглашения 1973 года. В них учтена позиция западных стран на венских переговорах. Было предложено в 1975 г. сократить вооруженные силы с соответствующим вооружением и боевой техникой: в первом полугодии — Советскому Союзу и США по 10 тыс. человек, а во втором полугодии — ФРГ и ПНР по 5 тыс., далее по 5 тыс. сокращали бы Англия, страны Бенилюкса и Канада — с одной, и ГДР и Чехословакия, с другой стороны. В 1976 г. предлагалось сократить всем странам-участницам свои вооруженные силы на 5% (в первом полугодии — СССР и США, а во втором — все остальные). На третьем этапе, в 1977 г., все участники переговоров должны были сократить вооруженные силы и вооружения одновременно на 10% [68]. В этих предложениях учтены пожелания западных участников переговоров относительно последовательности и объема сокращений. Социалистические страны выдвигали на венских переговорах и другие предложения, в частности о замораживании существующих уровней вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В своем подходе к сокращению войск в центре Европы социалистические страны, как указал в выступлении на конференции коммунистических и рабочих партий Европы Л. И. Брежнев, исходят из факта существования примерного равенства между размерами вооруженных сил стран Варшавского Договора и НАТО [69]. Стремясь к достижению прогресса на переговорах и учитывая позицию западных государств, в феврале 1976 г. социалистические страны предложили выработать первое соглашение о сокращении вооруженных сил и вооружений СССР и США с принятием на себя остальными странами — участницами переговоров обязательств о неувеличении численности вооруженных сил в пе-

---

[67] D. Rumsfeld. Annual Defense Department Report FY 1977, p. 117.
[68] В. Викторов, А. Столешников. Указ. соч., стр. 34.
[69] См. «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе», стр. 6.

риод ведения переговоров, а также общего, но четко сформулированного обязательства о сокращении ими своих вооруженных сил и вооружений на втором этапе. С целью продвинуть переговоры вперед и перевести их в практическое русло социалистические страны выступили в июне 1976 г. с новой инициативой, представив данные об общей численности вооруженных сил стран Варшавского Договора в Центральной Европе, в том числе о численности расположенных там сухопутных войск [70].

Выступая в Туле, Л. И. Брежнев подчеркнул, что «мы хотели бы по возможности скорее прийти к соглашению и о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. У нас нет возражений против того, чтобы обсуждать относящиеся сюда вопросы на любом уровне и в любом месте: в Вене, в Бонне, в Вашингтоне, в Москве — где угодно» [71].

В результате инициативы стран — участниц Варшавского Договора и проявленной ими гибкости западные участники переговоров, в том числе и, пожалуй, прежде всего США, имеют широкую возможность показать, действительно ли они заинтересованы в существенном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе и готовы ли они ответить взаимностью на конструктивные инициативы социалистических стран.

На октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев, подчеркивая важность борьбы за прекращение гонки вооружений и за разоружение, указывал, что агрессивные круги капиталистического лагеря, не желая примириться со своими поражениями в социальных битвах, с потерей колониальных владений, отходом от капитализма все новых и новых стран, с успехами мирового социализма и ростом влияния компартий в буржуазных государствах, лихорадочно форсируют военные приготовления. «Разбухают военные бюджеты, создаются новые виды вооружений, строятся базы, предпринимаются военные демонстрации. Опираясь на эту «позицию силы», империализм надеется удержать ускользающую из его рук возможность командовать другими странами и народами» [72]. Однако в современных условиях, когда сложились реальные предпосылки для того, чтобы остановить рост милитаризма, предотвратить угрозу мировой войны, силы мира и социализма, обладающие достаточным влиянием и возможностями, могут сорвать замыслы империалистических кругов и обеспечить продвижение по пути решения кардинальной для всего человечества задачи — прекращения гонки вооружений и перехода ко всеобщему разоружению.

Президентские выборы в США 1976 г. показали, что американский народ выступает за более решительный курс в пользу ограничения вооружений и разоружения. Однако реакционные круги, военно-промышленный комплекс США усматривают в разрядке международной напряженности опасность для своих позиций внутри страны и на мировой арене. Идеологические и политические концепции этих кругов больше соответствуют климату «холодной войны» и международной напряженности.

Нынешняя американская администрация пренебрегла многими важными положениями накопленного в советско-американских отношениях опыта. Присвоив совершенно безосновательно право поучать другие страны относительно их внутренних порядков, назойливо пытаясь распространить и навязать свои идеологические принципы под лозунгом борьбы «за права человека», правительство США пошло, по суще-

---

[70] «Правда», 23.VII.1976.

[71] «Правда», 18.I.1977.

[72] Л. И. Брежнев. Речь на Пленуме Центрального Комитета КПСС 25 октября 1976 г., стр. 40.

ству, на поводу у американских реакционных правящих кругов и серьезно затруднило решение стержневой проблемы советско-американских отношений — военной разрядки, взаимного ограничения и сокращения вооружений. Большой вред советско-американским отношениям наносит пресловутая политика создания «козырей для переговоров», попытка оказать силовое давление на партнера при обсуждении проблем, которые могут быть решены только на основе принципа равенства и одинаковой безопасности. Примером таких «козырей» в последнее время могут служить американские крылатые ракеты. Начав их интенсивную разработку, военно-промышленный комплекс США пытается открыть еще один канал гонки стратегических вооружений, хотя, по мнению ряда западных специалистов, США, по существу, не нуждаются в таких ракетах.

Другой пример стремления США оказать давление на партнера по переговорам, нарушить стратегический ядерный баланс и получить односторонние военные преимущества — это дебаты вокруг нейтронной бомбы. Речь идет о ядерных боеголовках оперативно-тактического назначения, у которых примерно в 10 раз уменьшен эффект взрывной волны и теплового излучения и резко увеличен радиационный эффект нейтронного излучения. На нынешнем этапе речь идет о выделении в бюджете 1978 финансового года 144 млн. долл. на производство таких ядерных боеголовок для оперативно-тактических ракет «Ланс» с дальностью стрельбы около 100 км и артиллерийских установок калибром 152 и 203 мм, находящихся на вооружении дивизий США, дислоцированных на Европейском континенте [73]. Этот вопрос непосредственно затрагивает другую, не менее важную проблему военной разрядки — сокращение вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Предлагая на переговорах в Вене некоторое сокращение количества зарядов оперативно-тактического ядерного оружия и средств их доставки в Европе и пытаясь выторговать на этой основе сокращение большего количества советских войск, американская сторона в то же время открывает еще один крайне опасный канал гонки ядерных вооружений в то время, как задача состоит в запрещении создавать новые виды и системы оружия массового уничтожения.

К категории нового вида оружия массового уничтожения, обладающего невиданными ранее антигуманными, бесчеловечными свойствами, несомненно, относится с точки зрения международного права нейтронное оружие. Применение его было бы актом исключительной жестокости. Оно опрокинуло бы сложившиеся правовые нормы, зафиксированные в ряде международных договоров. Это означало бы безграничное увеличение страданий пораженных им людей. Поэтому нейтронные заряды, безусловно, подпадают под действие существующих международно-правовых запрещений [74]. Как заявил председатель Советского Пагуошского комитета акад. М. А. Марков, «нейтронная бомба — варварское оружие агрессора. Все рассуждения о ее чистоте и гуманности имеют одну цель — облегчить применение этой бомбы, облегчить переход от обычного оружия к атомному и ядерному» [75]. На состоявшейся в Брюсселе в декабре 1977 г. сессии совета НАТО представители США настойчиво добивались от своих партнеров согласия на размещение этого нового оружия массового уничтожения на территории Западной Европы. Убедившись, что их ссылки на якобы гуманный и «чистый» характер нейтронной бомбы не обманули западноевропейскую общественность, американцы прибегли к излюбленным аргументам относительно создания «козырей для торга» на переговорах, утверждая, что

---

[73] «Известия», 15.VII.1977.
[74] См. «The Law of War and Dubious. Weapons». Stockholm. 1976, pp. 1—14.
[75] «Правда», 13.XII.1977.

это оружие может служить средством для достижения успеха на переговорах о разоружении. Совершенно очевидно, что размещение нейтронных боеголовок в Западной Европе явилось бы шагом, идущим вразрез с тенденциями к упрочению разрядки, укреплению международной безопасности, шагом, в корне противоречащим духу Хельсинки. Такой шаг мог бы лишь подхлестнуть гонку вооружений и серьезно осложнить венские переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, а также переговоры между делегациями СССР, США и Великобритании в Женеве по выработке договора о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Он неизбежно дестабилизировал бы стратегическую ситуацию в Европе, так как размещение нейтронного оружия на территории западноевропейских государств означало бы увеличение опасности ядерного конфликта в Европе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Не менее поучительна и история с новым стратегическим бомбардировщиком Б-1. Несмотря на критику со стороны сторонников сдерживания гонки вооружений в США, администрации Никсона и Форда выделили и израсходовали на эту программу более 3 млрд. долларов. Во время предвыборной кампании Картер избрал этот бомбардировщик своей политической мишенью. Однако, придя к власти, новая американская администрация заняла колеблющуюся позицию по этой проблеме. Решение, которое было ею принято, состоит в следующем: в 1978 фин. г. отказаться от производства пяти серийных самолетов (средства на производство опытно-конструкторских образцов бомбардировщиков Б-1 были выделены ранее), продолжить научно-исследовательские и опытные конструкторские работы, испытания и оценки новых стратегических бомбардировщиков и форсировать программу модернизации и вооружения существующих бомбардировщиков Б-52 авиационными стратегическими крылатыми ракетами дальнего действия [76]. Такое решение преследует несколько целей: демонстрируя стремление выполнить предвыборное обещание о сокращении военного бюджета, создать впечатление об отказе от одной из важнейших стратегических программ (хотя речь идет лишь о замедлении темпов ее реализации) и тем самым нажить политический капитал внутри страны и на международной арене, а одновременно форсировать программу производства крылатых ракет.

В феврале 1977 г. министр обороны США Г. Браун выступил в конгрессе с поправками к военному бюджету на 1978 фин. г., представленному в январе предыдущей администрацией. В итоге было предложено сократить этот бюджет на 2,8 млрд. долл. (со 123,2 до 120,4 млрд. долл.). Летом 1977 г. было объявлено, что в связи с отказом от производства пяти бомбардировщиков Б-1 по бюджету 1978 фин. г. его размеры уменьшатся еще примерно на 1 млрд. долларов [77]. Изменения, внесенные администрацией Картера и конгрессом США в военный бюджет (такие, как отказ от строительства пяти бомбардировщиков Б-1 или от начала производства межконтинентальных баллистических ракет МХ), сопровождались форсированием разработки авиационных стратегических крылатых ракет, новых, более мощных головных частей для МБР «Минитмен-3» типа МК-12А, выделением средств на начало строительства четвертого атомного авианосца, на производство нейтронных ядерных зарядов и т. п. [78]. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что предыдущая администрация предложи-

---

[76] «Правда», 10.VII.1977.

[77] Statement of Secretary of Defense H. Brown to the Congress. February 22, 1977, p. 18.

[78] «Aviation Week and Space Technology», May 23, 1977, pp. 26—27; «Armed Forces Journal», May 1977, p. 8.

ла увеличить военный бюджет за один год (с 1977 по 1978) сразу на 13% (со 110,2 до 123,2 млрд. долл.), что даже с учетом инфляции означает увеличение более чем на 6%. Важен и еще один момент. Сокращение военного бюджета 1978 финансового года на 2,8 млрд. долл., предложенное министерством обороны США, касается «полных финансовых полномочий», носящих в большей степени теоретический характер и соответствующих долгосрочным тенденциям развития вооруженных сил. По планируемым же фактическим расходам в 1978 финансовом году разница между запросом администраций Форда и Картера составляет всего 0,4 млрд. долл. (110,1 и 109,7 млрд. долл.) [79]. Кроме того, представители двух палат конгресса США на совместном заседании одобрили законопроект о дополнительных ассигнованиях 480 млн. долл. на разработку и производство стратегических вооружений, в том числе крылатых ракет и новой модификации стратегического бомбардировщика ФВ-111 с целью увеличения его радиуса действия и грузоподъемности, а также на модернизацию существующих бомбардировщиков Б-52 с тем, чтобы они могли быть вооружены крылатыми ракетами [80].

Проект нового бюджета на 1979 г. предусматривает дальнейший рост военных расходов. Общие военные расходы возрастут до 128,4 млрд. долл. против 116,7 млрд. в текущем году. На разработку и развертывание новых систем ядерного вооружения, в том числе боеголовок для крылатых ракет, выделяется 1,39 млрд. долларов. Особый упор делается на расходы, связанные с усилением военных приготовлений НАТО. И это не считая ассигнований на военные нужды по линии других министерств и ведомств [81].

Во второй половине 1977 г. администрация Дж. Картера выступила с некоторыми инициативами, характеризующими ее взгляды на военно-политическую стратегию США и их союзников. Выражая готовность к некоторому количественному сокращению стратегических наступательных вооружений, президент и министр обороны США продолжают делать упор на увеличение вклада западноевропейских союзников в НАТО и Японии в общий потенциал сил общего назначения, а также на повышение возможностей быстрого селективного реагирования вооруженных сил США в локальных войнах. Принято решение о ежегодном 3-процентном увеличении военного бюджета стран НАТО и расходов на американские вооруженные силы в Европе. На новую пятилетнюю программу наращивания военного потенциала Японии в 1977—1978 гг. выделено в 2,5 раза больше средств, чем на предыдущую. В директиве Дж. Картера по национальной стратегии обращается внимание на подготовку к «малым войнам», в том числе в районе Ближнего Востока, и говорится о том, что высокомобильные части армии и морской пехоты должны обладать способностью наносить быстрые удары в отдаленных районах, в частности в районе Персидского залива [82].

Все это говорит о том, что борьба мировой прогрессивной общественности за ограничение и сокращение вооружений и военных бюджетов, за запрещение создавать новые виды и системы оружия массового уничтожения продолжает оставаться самым насущным делом нашего времени. В докладе, посвященном 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,

---

[79] Statement of Secretary of Defense H. Brown to the Congress. February 22, 1977, p. 18.

[80] «Правда», 29.X.1977; «Красная звезда», 22.IX.1977.

[81] «Правда», 24.I.1978.

[82] «Правда», 4.IX.1977; «Известия», 21.IX.1977; «Красная звезда», 3.IX.1977.

подчеркнув, что главная задача состоит ныне в предотвращении новой мировой войны и обеспечении прочного мира, предложил сделать радикальный шаг: договориться об одновременном прекращении всеми государствами производства ядерного оружия — любого такого оружия — атомного, водородного и нейтронного — с целью постепенного сокращения уже накопленных его запасов и полного всеобщего ядерного разоружения [83]. Новые советские инициативы в области разоружения положительно встречены международной общественностью и трезвомыслящими политическими деятелями капиталистических стран. Президент США Дж. Картер и государственный секретарь США С. Вэнс особо отметили готовность СССР к достижению прогресса в области прекращения всех испытаний ядерного оружия и заключения нового советско-американского соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. Реальный прогресс на пути к разоружению зависит от конкретных шагов, которые будут предприняты США и их союзниками на ведущихся переговорах, от их готовности решать вопросы на принципе равенства, одинаковой безопасности и недопущения односторонних военных преимуществ.

[83] «Коммунист», 1977, № 16, стр. 18.

УЗЕЛ СВЯЗИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Б. А. Платонов

Узел связи Генерального штаба является ровесником Советской Армии и свою историю ведет с момента создания Всероссийского Главного штаба, для обслуживания которого всеми видами связи была создана соответствующая служба. В том виде, в котором Узел связи вступил в Великую Отечественную войну, он сложился в результате многократных переформирований и объединения нескольких служб связи, проводившихся в прямой зависимости от реорганизации центральных органов Вооруженных Сил. Упомянем о наиболее важных вехах в истории Узла связи.

Осень 1918 года. В связи с обострением обстановки на Южном фронте штаб Революционного Военного Совета Республики (РВСР) был преобразован в Полевой штаб РВСР и 16 ноября 1918 г. переведен в г. Серпухов. Начальнику связи этого штаба А. П. Медведеву были подчинены две полевые телеграфные конторы, телефонно-телеграфное отделение, радиостанция военной радиотехнической лаборатории, автомобильная радиостанция, приемно-контрольная и приемно-информационная радиостанция, а также подразделения почтовой связи подвижных средств (самокаты). Численность личного состава полевой почтовой конторы, которая была оснащена буквопечатающей аппаратурой Юза и Бодо-симплекс, в отдельные годы превышала 600 человек. Значительным было и такое подразделение, как авторота (самокатчики): около 400 человек [1]. В те годы радиостанций в войсках было очень мало, а работали они, даже в Полевом штабе, главным образцом для передачи важных и весьма срочных радиограмм. К тому же особое значение для командования имел радиоперехват работы противника и некоторых зарубежных радиостанций, что требовало немалых сил и средств. По данным радиоперехвата ежедневно составлялись информационные сводки. В этих условиях основная тяжесть по обеспечению оперативной связью ложилась на телеграф, в особенности на полевую телеграфную контору.

На Узле связи Генерального штаба еще и в годы окончания Великой Отечественной войны продолжали нести военную службу некоторые лица, входившие в состав подразделений связи Полевого штаба РВСР в 1918—1920 гг.: радиотелеграфист А. А. Руднев (впоследствии подполковник-инженер), механики телеграфа А. Ф. Рябухин и Г. А. Михайлов (потом подполковники административной службы). Колоритной фигурой был телеграфист-юзист А. М. Тригубенко (впоследствии помощник начальника телеграфа по эксплуатации, полковник административной службы). Красивый старик с большой окладистой бородой, в пенсне с золотой оправой, он производил внешне впечатление ученого. Отлично работая на клавиатуре и ключе всех телеграфных систем, он около четверти века обеспечивал телеграфные переговоры многих видных военных руководителей страны...

Еще в годы гражданской войны особое значение в управлении войсками получили телеграфные переговоры, которыми широко пользовалось командование. Судя по сохранившимся документам и по рассказам тех, кто обслуживал Полевой штаб РВСР, условия для работы связистов в то время были трудными. Аппаратура сильно изношена, запасных частей не хватало. Телеграфисты работали в плохо отапливаемых помещениях с керосиновыми лампами, зимой в полушубках и валенках. Плохо обстояло дело и с эксплуатационными материалами, особенно с бумагой. Телеграммы клеили часто на газетной или оберточной бумаге. Поток телеграмм и потребность

[1] «Очерки по истории войск связи». М. 1969, стр. 92.

в телеграфных переговорах были настолько велики, что превышали технические и физические возможности специалистов, несмотря на самоотверженную, вдохновенную, с полной отдачей работу всего личного состава. По инициативе связистов Полевого штаба Реввоенсовет принял ряд мер, направленных на упорядочение использования телеграфной связи гражданскими и воинскими учреждениями и частями: установил твердый лимит на подачу телеграмм, ограничил их объем, ввел сокращение адресов и сокращенную военную терминологию в телеграммах.

В начале 1921 г. начался переход к обеспечению всеми видами связи Штаба РККА, созданного взамен Полевого штаба РВСР и Всероссийского Главного штаба. Для обеспечения связи Штаба РККА (переименованного в сентябре 1935 г. в Генеральный штаб) был образован отряд связи примерно той же численности и организационной структуры, как для Полевого штаба РВСР. С 1923 г. по 1935 г. никаких существенных изменений в организацию и техническое оснащение Узла связи не вносилось. Отмечу, что во время военного конфликта на КВЖД в 1929 г. обеспечивались устойчивая телеграфная связь с Читой, Хабаровском и все переговоры военного командования и Советского правительства.

Существенным в истории Узла связи стал 1935 г., связанный с посещением и подробным ознакомлением с его работой начальника Генерального штаба А. И. Егорова [2]. В докладе, который он представил 6 февраля 1935 г. Наркому обороны СССР, указывалось на организационные недостатки и наличие устаревшей аппаратуры на Узле связи. На телеграфе Узла постоянно бывали ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба. Все это позволяло им по собственным наблюдениям и из бесед с личным составом получать довольно точное представление о положении на Узле. Решением Наркома обороны Узел связи был переведен на новый штат, модернизирована аппаратура, приняты многие другие меры по организационному и техническому его укреплению [3]. В августе 1935 г. начальником Узла был назначен полковник Н. Д. Псурцев (во время Великой Отечественной войны — начальник связи Западного фронта, впоследствии генерал-полковник войск связи, министр связи СССР). С 1937 г. Узлом связи командовал М. Т. Беликов [4].

На последнем предвоенном отрезке истории Узла связи особо примечателен 1938 г., когда началось крупное капитальное строительство проводных средств связи в Москве и большого радиоприемного центра [5]. Впервые Узел связи обрел также отдельное «жизненное пространство» в виде территории Научно-исследовательского института связи Красной Армии [6], переданной Узлу со всеми техническими сооружениями, административным зданием и жилыми домами. В том же году была введена круглосуточная телеграфная связь с приграничными военными округами. Радиосвязь с округами продолжала оставаться (вплоть до начала военного конфликта с Финляндией) преимущественно учебной и осуществлялась по расписанию. Такое использование радиосвязи в мирное время в звене Генеральный штаб — штаб военного округа неблагоприятно сказалось на подготовке радистов к практической работе в реальных условиях. Это стало весьма ощутимым в начале Великой Отечественной войны. Кроме того, подобное положение не способствовало отработке радиоканалов на некоторых важных радионаправлениях. Отсутствие опыта в некоторой мере сказалось и на содержании того распоряжения по радиосвязи, разработанного в Отделе связи Генерального штаба, которое мы получили в первый день войны. В этом распоряжении, например, большая роль в обеспечении устойчивой радиосвязи Москвы с западной и юго-западной границами отводилась ретрансляции, то есть использованию промежуточных усилительных пунктов, располагавших мощными радиопередатчиками. Данное распоряжение не было реализовано не только потому, что некоторые ретрансляционные пункты—например, Минск—оказались в зоне военных действий, но и потому, что у лиц, работавших на таких радионаправлениях, не имелось опыта. Конечно, не усиление радиосигнала, особенно в сторону фронта, составляло главную про-

---

[2] Там же, стр. 94.
[3] Там же, стр. 95.
[4] И. Т. Пересыпкин. Связь в Великой Отечественной войне. М. 1973, стр. 63.
[5] «Очерки...», стр. 95.
[6] И. Т. Пересыпкин. Указ. соч., стр. 63.

блему радиосвязи в минувшей войне. Важнее оказалось преодолеть радиопомехи, получить качественное радиовооружение, добиться высокого мастерства радистов. Впервые же Узел связи столкнулся практически с необходимостью ретрансляции только при радиосвязи с Дальним Востоком в 1945 г., во время войны с империалистической Японией.

И все же отсутствие в довоенное время деловой радиосвязи с военными округами не отразилось заметно на подготовке радистов Узла связи и приобретении опыта дальней радиосвязи. Это объясняется тем, что, во-первых, еще до войны у нас работали радисты-профессионалы высокой квалификации; во-вторых, они имели большую и постоянную практику за счет приема сводок погоды для Главной авиаметеорологической станции (ГАМС) из различных точек СССР и из-за рубежа. В интересах той же ГАМС у нас тогда постоянно работал на радиовещании погоды длинноволновый передатчик мощностью 100 киловатт. Еще в 1936 г., во время подготовки к полету и самого перелета экипажа В. П. Чкалова по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке — остров Удд, Узел связи обеспечивал радиосвязь с ним; затем радист А. Н. Ковалевский готовил по радиосвязи экипаж Чкалова к перелету через Северный полюс; наши радисты принимали участие в связи с экипажами Чкалова и М. М. Громова во время их перелетов через Северный полюс в США и с экипажем В. С. Гризодубовой при перелете на Дальний Восток. Наконец, Узел связи постоянно обеспечивал в 1938—1940 гг. радиосвязь штабу ВВС во время других дальних перелетов, подготовки и проведения воздушных парадов, а также выполнял многие иные задания [7].

Подчеркну, что как непременный участник всех крупных мероприятий по защите государственных границ и государственных интересов СССР Узел связи не только обеспечивал связь Генерального штаба из Москвы, но и постоянно направлял своих связистов непосредственно на место важнейших событий. Так было, например, во время операции по разгрому японских захватчиков у реки Халхин-Гол летом 1939 г., при освободительном походе наших войск в Западную Украину и Западную Белоруссию в сентябре 1939 г. и т. д. Во время военного конфликта с Финляндией в 1939—1940 гг. Узел связи (помимо основной задачи по обеспечению связи Генерального штаба со штабами Ленинградского военного округа, Северо-Западного фронта, 7, 8, 9, 14 и 15-й армий) выполнял также не совсем обычное задание, полученное от начальника Политуправления РККА. В ноябре 1939 г. автору этих строк было приказано прибыть с автомобильной радиостанцией РАТ и командой, укомплектованной лучшими специалистами Узла связи, в распоряжение члена Военного совета ЛВО А. А. Жданова в Ленинград, на Каменный остров. Когда я прибыл и представился, Жданов стал расспрашивать меня о технических возможностях радиостанции: дальности действия, возможности запеленговать ее работу и пр. Тогда эти вопросы меня изрядно озадачили. Но вскоре, 1 декабря 1939 г., выяснилось, что нам предстоит заниматься вещанием на войска противника. Хотя РАТ вовсе не вещательная, а станция для связи, она хорошо справлялась и с этой задачей. Как только она прояснилась, лучшие радисты А. И. Орлов, А. И. Третьяков, И. М. Куропаткин и радиотехник М. И. Страхов были направлены в 7-ю и 14-ю армии для помощи по радиосвязи. За успешное выполнение специальных заданий командования 9 человек из личного состава Узла связи были награждены тогда орденами и медалями.

В обстановке больших и срочных работ по капитальному строительству, организационному и техническому укреплению Узла подошел его личный состав к началу Великой Отечественной войны. Еще в субботу вечером 21 июня 1941 г. на телеграфе и радиоцентрах обычные ночные смены были значительно усилены. К этой предосторожности вынуждало необычное оживление в работе телеграфа, нараставшее еще с утра (своеобразный барометр «военной погоды»!), и приказание по Генеральному штабу всем работникам оставаться в ночь на 22 июня на своих местах [8]. И все же в первый день войны нашему телеграфу пришлось необычайно трудно. Начальником этого телеграфа около 25 лет был высококвалифицированный специалист, военный инженер 2-го ранга М. В. Павлов. Для прибытия пополнения — группы специальных

[7] «Очерки...», стр. 95.
[8] Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М. 1969, стр. 246, 254.

работников — требовался определенный срок, а в наличии у нас имелось всего 40 телеграфисток и 34 техника различных специальностей. Правда, с весны 1941 г. на нашем телеграфе проходили практику красноармейцы полка связи, но к самостоятельному обслуживанию связей такого уровня они еще не были подготовлены. Должна была помочь радиосвязь, однако по причинам, о которых я говорил выше, она нас первые несколько дней войны не выручала.

К числу наиболее острых проблем, возникших перед Узлом по обеспечению связи Ставки, следует отнести повышение живучести и надежности средств связи. Дело в том, что до войны Узел связи не имел укрытых объектов. На второй день войны в высоком темпе начались работы по монтажу телеграфа в подвальном помещении, где было установлено 16 комплектов Бодо-ДХ и 8 аппаратов СТ-35. Со второго этажа этого здания из огромного зала площадью более 200 кв. м, где много лет размещался наш телеграф, в подвал были переведены наиболее важные связи. Затем в начале июля на станции метро «Белорусская» [9] были смонтированы телеграфная аппаратура и источники автономного электропитания. Работа выполнялась силами и средствами Научно-исследовательского института связи Красной Армии под руководством главного инженера института И. М. Ростокина. Установили 20 аппаратов Бодо и 18 СТ-35 и связали между собою аппаратные местной АТС на 50 номеров.

Несколько иначе пришлось решать те же задачи относительно радиопередающих средств. Передатчики размещались в двух одноэтажных технических зданиях; в одном стояли 8 коротковолновых типа ДРК мощностью от 1 до 15 квт, в другом — 2 длинноволновых, в 10 и 100 киловатт. Передатчики с водяным охлаждением и сложной системой электропитания, значительные по своим размерам, требуют специальных помещений. Укрыть их наскоро нельзя. Было решено демонтировать длинноволновые передатчики и громоздкие антенны к ним, а в освободившемся здании разместить 6—8 коротковолновых передатчиков. Одновременно учитывалось решение начальника связи Красной Армии создать подвижный резерв радиосредств. Радиоприемные устройства особого беспокойства не вызывали, так как к началу войны у нас уже имелось два таких центра. Оба были связаны с Москвой подземными кабельными линиями. Один центр вступил в строй 15 июня 1941 года. Он имел 50 коротковолновых радиоприемников последних конструкций и антенное поле с направленными антеннами на площади в 150 гектаров. На другом находилось 28 разнотипных (преимущественно кустарных) радиоприемников. Предполагалось после ввода в эксплуатацию первого центра другой центр демонтировать, а помещения и территорию использовать для передающего радиоцентра. Осуществление данного плана было задержано войной, но в 1942—1943 гг. там все же временно установили и задействовали 9 коротковолновых передатчиков мощностью в 1 и 1,5 киловатта. Таким образом, если в начале войны у нас имелось всего 8 передатчиков, расположенных в одном здании, а к осени того же года — 11 в двух зданиях, то с середины 1942 г. их число выросло за два года до 25, причем расположенных на двух удаленных друг от друга территориях. Так решался вопрос с обеспечением надежности работы радиосредств.

К середине июля 1941 г. на посадочной платформе станции метро «Кировская», отгороженной фанерными щитами от проходивших без остановок поездов, был смонтирован основной телеграф Узла связи. То был уже второй надежно укрытый объект для проводных средств связи Ставки, к тому же находившийся в непосредственной близости от места расположения Генерального штаба на ул. Кирова [10]. Здесь стояло 18 полных и 6 полукомплектов Бодо и 24 аппарата СТ-35. Условия работы в метро для личного состава телеграфа, состоявшего преимущественно из женщин, были трудными вследствие шума проходивших мимо поездов и большой тесноты. Рядом с телеграфом находилось за перегородкой помещение Генерального штаба, в котором работали только во время воздушных налетов, а еще дальше, в противоположном от эскалатора конце, был кабинет Верховного Главнокомандующего [11]. Этот телеграф обеспечивал основные связи со штабами фронтов и армий и некоторые другие важные

---

[9] См. об этом: С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М. 1968, стр. 34.

[10] См. там же, стр. 35; И. Т. Пересыпкин. Указ. соч., стр. 73.

[11] С. М. Штеменко. Указ. соч., стр. 38.

связи, а телеграф в станции метро «Белорусская» — связь со вторыми эшелонами штабов и тыловыми округами [12]. В начале сентября 1941 г. генерал М. Т. Беликов получил указание срочно оборудовать телеграфный переговорный пункт для членов Ставки. Установка там аппарата Бодо-ДХ была поручена специалистам по оборудованию таких переговорных пунктов — сменному инженеру С. И. Коновальчику и старшему технику К. Е. Шарову. Аппарат включили в коммутатор Узла связи, что давало возможность взять любую телеграфную связь непосредственно в эту переговорную. К вечеру того же дня установку закончили, но Коновальчик получил распоряжение из переговорной не уходить. Вот что рассказал он автору этих строк.

«Поздно вечером в переговорную вошел начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, поздоровался и сказал: «Ну-с, батенька, для первого переговора попрошу Ленинград, Жукова». Я позвонил генералу Беликову, чтобы дали Ленинград, установил связь и попросил к аппарату Г. К. Жукова. Жуков и Шапошников обменялись приветствиями, после чего Жуков доложил обстановку на фронте под Ленинградом. То было мое первое обеспечение переговоров. Работал я в тот раз один, и мне приходилось самому действовать на клавиатуре и клеить ленту с вопросами и ответами на телеграфные бланки. По окончании переговоров с Шапошниковым Жуков попросил пригласить к аппарату Верховного Главнокомандующего. Когда минут через 10 в переговорную вошли И. В. Сталин и Б. М. Шапошников, я представился, после чего переговоры продолжались. Я очень волновался, стал делать частые перебои и тут же исправлять ошибки. Борис Михайлович положил мне руку на плечо и как-то мягко, по-отечески успокоил. Мне стало легче, и дальше все пошло нормально. При переговорах Сталин обычно садился к приемному аппарату и внимательно следил за лентой, отрывая ее небольшими кусочками, которые я тут же клеил на бланк. В процессе передачи он диктовал четко и ясно, при потере связи не возмущался и спокойно ждал. Так же благожелательно по отношению к связистам вели себя Шапошников и его заместитель А. М. Василевский. С первого же дня переговорный пункт начал работать круглосуточно. Так как одному работать было очень тяжело, то мне разрешили взять в помощь телеграфного техника, лейтенанта Богомольника. Переговоры в основном вели Шапошников и Василевский, генерал В. Д. Иванов из управления Генштаба и начальник Центрального управления военных сообщений генерал И. В. Ковалев. Держать связь с Ленинградом временами было трудно. Дуплексом связь не проходила, поэтому приходилось принимать информацию с аппарата Бодо, а запросы делать ключом, и наоборот».

Переговорная на станции метро «Кировская» широко использовалась вплоть до начала 1943 г., а по мере повышения надежности и устойчивости высокочастотного телефонирования (ВЧ) она применялась у нас главным образом для документального подтверждения докладов и указаний, сделанных по ВЧ. К тому же Верховный Главнокомандующий и члены Ставки широко пользовались переговорными в Кремле и некоторых других местах, которые тоже оборудовались и обслуживались Узлом связи. Бо́льшую часть Великой Отечественной войны переговоры И. В. Сталина обеспечивал старший техник телеграфа ст. лейтенант П. В. Пономарев, а эпизодически — начальник телеграфа военинженер 2-го ранга М. В. Павлов, интендант 1-го ранга А. М. Тригубенко, военный инженер 3-го ранга Д. И. Гладков. Так до середины октября 1941 г. работали на Узле связи сразу два телеграфа — в станциях метро «Белорусская» и «Кировская».

13 октября, когда резко ухудшилась военная обстановка под Москвой, мне было приказано вместе с группой специалистов Узла связи немедленно приступить к оборудованию запасного Узла на некотором удалении от Москвы. Линейные и отдельные станционные работы выполнялись частью специального назначения. Для оборудования телеграфа на запасном Узле была использована аппаратура, ранее установленная на другой станции. Там мы ее демонтировали и установили аппаратуру в наземном помещении. Вместе с ней прибыл обслуживающий состав (около 70 человек), большей частью женщины, продолжавшие работать на Узле связи по вольному найму. Вдали от проводной части Узла радиоспециалистами был смонтирован небольшой радиоузел, включавший радиобюро со стационарными приемниками. Радиопередат-

[12] И. Т. Пересыпкин. Указ. соч., стр. 73.

чики находились в автомашинах. Вот что писал о людях, оборудовавших весь узел, Маршал войск связи И. Т. Пересыпкин: «Благодаря самоотверженной работе связистов, принимавших участие в монтаже узла, удалось решить эту сложную задачу в рекордно короткий срок. Буквально через несколько дней после решения была установлена непосредственная радио- и проводная связь со всеми штабами фронтов и военных округов» [13].

Обе составные части единого запасного Узла связи — радио- и проводная — опробовались на реальных связях, но для Ставки использованы все же не были, ибо за исключением небольшой группы генералов и офицеров Генштаба никто туда не прибыл. Несмотря на сложную обстановку на ближних подступах к столице, Генеральный штаб и Ставка продолжали находиться в Москве, связь же им обеспечивали телеграф на станции метро «Кировская» и радиоцентры. Оставался в строю и продолжал исправно обеспечивать радиосвязь наш старый центр, так как новый в тяжелые дни октября 1941 г. был демонтирован. Нет нужды говорить, с каким горестным чувством приступали люди из приемного центра к разрушению того, что в течение трех лет создавалось при их непосредственном участии! Радиоприемники и другая переносимая аппаратура были демонтированы и вывезены в Куйбышев, где находился еще один филиал Узла, обслуживавший эвакуированные туда Наркомат обороны и иные учреждения [14], частично же — на запасный радиоузел. Антенные сооружения (а они крепились на 100 деревянных мачтах) повалили. Дизель мощностью 400 л. с. разобрали и надежно спрятали некоторые детали. Когда в январе 1942 г. мы приступили к восстановлению демонтированного центра, быстрый запуск автономного электропитания с помощью этого дизеля пришелся очень кстати, так что все были довольны подобным оборотом дела. Если мы строили этот радиоцентр около трех лет, начиная с вырубки леса и корчевки пней, а демонтировали его за трое суток, то восстановили в сохранившемся техническом здании (в октябре — декабре 1941 г. там стояла артиллерийская часть) за три месяца. В том — огромная заслуга батальона из Военно-восстановительного управления Наркомата связи [15] и отлично трудившихся на монтаже инженеров и техников приемного радиоцентра, которыми руководил военный инженер 3-го ранга Г. А. Чижов. На другом же радиоцентре, которым командовал военный инженер 2-го ранга Д. Д. Денискин, не только ничего не демонтировали и не вывезли осенью 1911 г., но даже продолжали из всяких подручных деталей сооружать кустарный передатчик.

На случай эвакуации в октябре из Москвы работавших там людей Узла связи были предусмотрены 15 автобусов и другой автотранспорт, находившийся все время «на ходу». К счастью, ни запасные узлы, ни этот автотранспорт так и не потребовались. Отмечу, что с запасными узлами связи для Ставки нам вообще, так сказать, «не везло», хотя за время войны мы строили их трижды. Но это — хорошее невезение. Накануне широкого наступления Красной Армии в январе 1945 г. нам было приказано оборудовать на значительном отдалении от Москвы Узел связи для оперативной группы Генерального штаба. В помощь узлу были выделены технические средства и личный состав 119-го полка связи, которым командовал подполковник И. Д. Сулима [16], а также поезд связи Наркомата связи с 4 коротковолновыми передатчиками. Поезд поставили и замаскировали на железнодорожной ветке в песчаном карьере, в 10 км от города. Телеграф разместили в бункерах, построенных ранее немцами для собственных нужд. Как и в предыдущем случае, работы велись ускоренными темпами. Всю ночь под Новый год личный состав этого Узла заканчивал рытье и укладку в мерзлом грунте кабеля, который соединял радиобюро и телеграф. Все выполненное весьма тщательно осмотрел И. Т. Пересыпкин. Однако и этот отлично оборудованный узел не был использован, ибо хорошее состояние проводной и радиосвязи обеспечило Ставке управление войсками без переездов поближе к фронту.

Схема связи Ставки с фронтами и армиями существенно менялась в ходе войны по мере увеличения их численности, и сама по себе еще не может дать полного

---

[13] И. Т. Пересыпкин. Военная радиосвязь. М. 1962, стр. 178.
[14] И. Т. Пересыпкин. Связь в Великой Отечественной войне, стр. 84.
[15] «Военные связисты в дни мира и войны». М. 1968, стр. 141.
[16] И. Т. Пересыпкин. Связь в Великой Отечественной войне, стр. 86.

представления об объеме и напряженности работы связистов, тем более что самым трудным по напряженности временем для оперативного состава Узла связи был не 1944 г., когда принятая и переданная корреспонденция исчислялась миллионами телеграмм и десятками миллионов слов, а те месяцы 1941 г., когда было важно получить хотя бы краткую информацию с некоторых военных направлений и передать туда несколько особо важных телеграмм. Так было, например, в начале октября 1941 г. с 3, 50 и 13-й армиями Брянского фронта, когда штаб этого фронта потерял связь с ними и потребовалась непосредственная связь Ставки с 50-й армией, чтобы получить от нее необходимую информацию и передать через нее указания двум другим армиям, с которыми она имела связь. Так было и в конце ноября 1941 г., когда потребовалось передать кавалерийскому корпусу генерала П. А. Белова всего одну, но исключительной важности радиограмму и получить подтверждение приема. Корпус действовал в районе Каширы, и его штаб вместе с радиостанцией находился в движении. Ее радист сообщил: «Снимаюсь для перехода». Небольшую радиограмму мы передали «блиндом» (вслепую), то есть без получения согласия на прием, надеясь, что корпус, не имея возможности работать в движении на передачу, следит за нами на приемнике. Условия для радиосвязи той осенью в радиусе 100—120 км от Москвы вообще были исключительно тяжелыми. На сравнительно небольшой площади одновременно работала масса наших и немецких радиостанций, создававших взаимные непреднамеренные помехи. В таких условиях осуществлять радиообмен могли только «асы» радиодела. Пришлось и нам, чтобы получить подтверждение на переданную корпусу радиограмму, посадить на прием двух наших лучших радисток. Мучительное вылавливание ими слабенького сигнала маломощной корпусной радиостанции среди хаоса звуков в эфире достойно литературного описания. Первой удалось обнаружить вызов Таисии Осадчей, небольшой девчушке, пришедшей к нам в начале войны из народного хозяйства. Обычно сдержанный и очень скупой на похвалы начальник отдела Генштаба полковник И. В. Будылев «приказал» расцеловать радистку.

Случаев, когда исключительно важное значение имел обмен всего несколькими радиограммами, возникало немало. Так произошло, когда потребовалось срочно связаться с 32-й дивизией полковника В. И. Полосухина, действовавшей на Можайском направлении под Бородино, или оперативной группой полковника А. И. Лизюкова под Нарофоминском, или с 62-й армией генерала В. И. Чуйкова под Сталинградом. Но если с первого же дня войны и вплоть до ее окончания Узел связи обеспечивал Ставке постоянную телеграфную и радиосвязь со всеми штабами фронтов и армий с оперативными группами и с соединениями резерва ВГК, а также со штабами тыловых военных округов, то радиосвязь с дивизиями и корпусами была все же исключением. Хотя численность личного состава Узла значительно возросла с началом войны, людей порою не хватало для работы в две смены. Основная причина — разбросанность служб Узла и постоянное отсутствие, большими и малыми группами, квалифицированных специалистов, привлекавшихся для выполнения различных заданий, в том числе непосредственно в Действующей армии.

Скелетная схема Узла связи поздней осенью 1941 г. может дать некоторое представление о сложности в управлении таким организмом и о причинах затруднений с личным составом: 1) основной телеграф, небольшая АТС и источники электропитания к ним — на станции метро «Кировская»; 2) передающий и приемный радиоцентры; 3) запасный радиоузел; 4) запасный телеграф; 5) Узел связи в Куйбышеве [17]. Что касается откомандирования работников, то уже 28 июня 1941 г. в штаб Западного фронта была направлена мощная автомобильная радиостанция, команда которой была укомплектована отличными радиоспециалистами Узла.

В 1943—1944 гг. личный состав Узла обеспечивал связь в поезде Маршала Советского Союза Г. К. Жукова при его поездках в Действующую армию. Из 4 вагонов поезда один был снабжен средствами связи: 2 аппарата Бодо, 4 аппарата СТ-35, радиостанция РАФ и РСБ, радиоприемники, вспомогательное оборудование. Связистов — 15 человек, начальник связи поезда — воентехник 1-го ранга С. И. Коновальчик [18].

---

[17] Там же, стр. 72, 84.

[18] «Очерки...», стр. 99.

Он же обеспечивал телеграфные переговоры маршала. Телеграфная связь организовывалась за счет проводов того штаба фронта, в полосе которого находился поезд. При передислокации поезда заранее договаривались с начальниками связи фронтов о том, куда подавать шлейфы. На Украине поезд чаще всего ставился в тупики сахарных заводов в районах Белгорода, Дарницы, Славуты и других городов. Радиосвязь на стоянках не использовалась и применялась только в движении. 7 ноября 1943 г. за отличное обеспечение связью весь личный состав вагона связи был награжден лично маршалом. После того как Жуков в конце февраля 1944 г. заменил Н. Ф. Ватутина на посту командующего 1-м Украинским фронтом, основная часть связистов вернулась в Москву. Однако и помимо таких длительных командировок, как на Западный фронт или для обеспечения связью поезда Жукова, почти постоянно в Действующей армии находились небольшие группы наших людей. Эти командировки организовывались не только по указанию начальника Главного управления связи Красной Армии (ГУСКА), но и по собственной инициативе Узла, или согласно просьбам начальников связи фронтов для помощи им, или при освоении новой техники и внедрении различных приспособлений. Приятно отметить, что такая помощь всегда высоко ценилась на фронте.

Общеизвестно значение Западного фронта в начале минувшей войны. Именно на этом фронте в первые ее дни положение со связью штаба фронта с армиями и с Москвой было тяжелым. 28 июня мне было приказано с новой автомобильной рацией РА (радиостанция армейская), которая проходила предварительные испытания на Узле связи, выехать в район Смоленска, где к тому времени должен был обосноваться штаб Западного фронта и находиться представитель Ставки Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, в чье распоряжение и направлялась эта радиостанция. Решение начальника связи Красной Армии использовать на фронте пока еще только опытный образец новой радиостанции, изготовленный в Ленинграде, было вынужденным в связи с отсутствием в ближайшем резерве другой подходящей рации. Команду срочно укомплектовали отличными специалистами Узла и тремя работниками завода, участвовавшими в испытании. Сначала предполагалось, что это будет непродолжительная командировка, связанная с налаживанием радиосвязи. Но отозван я был в Москву и назначен начальником радиоотдела ГУСКА только через 3 месяца, а радиостанцию и команду передали в распоряжение начальника связи Западного фронта...

К Смоленску мы прибыли в сумерках 28 июня, как раз во время налета на город немецкой авиации. В нескольких местах горели здания. Уже ночью мы добрались до поселка Гнездово, примерно в 12 км западнее Смоленска, где только начинал собираться личный состав штаба фронта. Начальник связи фронта генерал А. Т. Григорьев, которому я представился, находился в состоянии неимоверной усталости. Еще будучи в Москве, я знал, что во многом на него возлагали вину за неудовлетворительное состояние связи на Западном фронте. Знал об этом и он. И когда выяснилось, что К. Е. Ворошилов уже уехал в столицу, Григорьев порекомендовал мне представиться непосредственно Б. М. Шапошникову, который также находился там в связи с тяжелой обстановкой.

Борис Михайлович являлся еще до войны начальником Генерального штаба и заместителем Наркома обороны. Он изредка бывал на телеграфе для переговоров (и однажды я, в отсутствие генерала Беликова, представлялся ему), хорошо знал Узел и его начальника. Едва я начал докладывать «...заместитель начальника Узла... военный инженер 1-го ранга...», как он встал, протянул руку и сказал несколько приветливых слов. Тогда я не сразу понял истинное значение сказанного: «Голубчик, наведите там порядок». Дело в том, что генерал Григорьев практически ничего уже не решал, а новый начальник связи генерал Н. Д. Псурцев был назначен только 2 июля и еще не прибыл. Конечно, отойдя на почтительный срок от тяжелых дней июня — июля 1941 г. под Смоленском и имея за спиной многолетний опыт службы в такой должности, как заместитель начальника Узла связи, по-иному осмысливаешь и обстановку и действия людей. Но не погрешу против совести утверждением, что и тогда складывалось твердое убеждение: многое в улучшении связи на Западном фронте зависит именно от людей, их настроения, способности все отдать для дела победы, от твердой веры, что и на нашей улице будет праздник.

В самом деле, прибыли новый начальник связи фронта генерал Псурцев и его заместитель по проводной части полковник П. Д. Мирошников; мне было поручено временное исполнение обязанностей заместителя по радио. Никаких чудес с техническим переоснащением и существенным пополнением средствами связи еще не произошло, а сама обстановка в Управлении связи фронта и на его Узле связи существенно изменилась к лучшему, что положительно сказалось и на состоянии связи. 36-й полк, обеспечивавший связь штаба фронта, имел некомплект в радиосредствах. Поэтому прибывшая из Москвы РА была задействована буквально с ходу. Проводная связь с Генштабом работала устойчиво, особенно ночью, и радиосвязь в данном направлении чаще была нужна днем.

Между тем ситуация на фронте продолжала ухудшаться. 10 июля немцы перешли в наступление, и вспыхнула битва, которая потом вошла в историю Великой Отечественной войны под названием Смоленской. 14 июля штаб фронта начал переход на новый КП в Касню, в районе Вязьмы. В самый последний момент командующий Западным фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко решил по дороге сделать остановку в лесу, что в 1,5 км восточнее Ярцево. Псурцев говорил тогда нам с Мирошниковым, что он попытался отговорить командующего от этого шага, аргументируя свои возражения технической невозможностью обеспечить этот промежуточный КП проводной связью, в то время как в Касне уже был развернут Узел связи фронта. Однако маршал не изменил решения и согласился довольствоваться радиосвязью. В поездку решено было взять РА как самую надежную из наличных раций. К тому же ее все равно надо было перегонять в Касню, а поездка была по пути.

Вот что произошло потом, в злополучный день 15 июля, в лесу близ Ярцево. Едва группа сопровождения командующего (примерно 25 человек, включая охрану и связистов, в том числе Псурцева и меня) собралась с рассветом в условленном квадрате леса, непосредственно примыкавшего к шоссе Москва — Минск, как появились «мессершмитты». Они деловито побрызгали пулеметным огнем именно этот отъемный кусок леса, не причинив, к счастью, никакого вреда. Радиостанция и автомашины были хорошо укрыты ветками, люди сидели в окопчиках, отрытых кем-то еще до нас. Командующему был подготовлен блиндаж с легким накатом, но маршал больше стоял под раскидистым дубом, чем сидел в блиндаже. Фашисты не раз повторили налет, хотя с тем же результатом. Что же привлекло их в этом лесу? Что и откуда им было известно? Конечно, по обильным следам недавнего пребывания людей можно было заключить, что тут останавливалась воинская часть... Второй неприятной неожиданностью явилась какая-то накладка с документами. При отсутствии проводной связи радиосвязью, как оказалось, тоже пользоваться было нельзя. Пришлось, работая на пониженной мощности и с разными ухищрениями, на которые способны только высококлассные радисты, связаться с Касней и затем с Москвой, где находились лично известные нам радисты, чтобы передать по переговорной таблице краткую информацию. Подобным же образом и очень быстро пропустили еще несколько радиограмм в обе стороны. Ясно, что не ради этого командующий сделал остановку в лесу. Однако теперь не так-то просто было выбраться оттуда: ясный солнечный день, почти непрерывные полеты авиации противника вдоль шоссе, черные примечательные лимузины командующего и охраны. Дважды автомобили выезжали на шоссе и оба раза тут же возвращались.

Трудно сказать, сколь долго находился бы маршал в изоляции от своего штаба, не наступи во второй половине дня изменения в воздушной обстановке: появились наши истребители, а у немцев, как мы невесело тогда шутили, «начался перерыв на обед». К тому же из штаба фронта на броневике к нам приехал генерал Е. Е. Белокостков (впоследствии заместитель министра обороны по строительству и расквартированию войск) и что-то доложил маршалу. Последовала решительная команда: «Поехали!» — и три автомашины на большой скорости устремились в сторону Вязьмы. А с наступлением темноты покинула лес и наша радиостанция. В Касне выяснилось, что отсутствие командующего столь длительное время на КП вызвало сильную озабоченность в Ставке.

Хотя проводная связь штаба фронта работала в Касне и «вверх» и «вниз» значительно устойчивее, чем в Гнездове, экипажу нашей радиостанции хватало работы,

и ей поручалась наиболее ответственная связь, например, с кавдивизией генерала Л. М. Доватора во время ее рейда по тылам противника в августе 1941 года. Тимошенко, как известно, был одним из славной плеяды командиров 1-й Конной армии в годы гражданской войны, любил и ценил конницу и требовал для обеспечения трудного и рискованного рейда всесторонней подготовки и от связистов. Поэтому дивизию Доватора снабдили портативной радиоаппаратурой и прикомандировали двух хороших радистов, знающих технику... Вот начался рейд. Прошло установленное для первого сигнала время, а радисты штаба фронта ничего в эфире не обнаружили ни тогда, ни в последующие два условленных часа. Репутация у радистов фронта была довольно высокой, и все же кое-кто склонен был считать, что те «прослушали». Дело осложнялось тем, что радисты Доватора работали на маломощных рациях, так что возможность прослушивания не исключалась. Только поздней ночью на исходе вторых суток оба наших радиста почти одновременно обнаружили вызовы Померанцева (радист у Доватора). Принимаем короткую радиограмму. Как было приказано, несу ее лично маршалу, который размещался в небольшом деревянном доме. Он отдыхал, но тут же при мне раскодировал текст и остался очень доволен. Как мы и предполагали, принятая радиограмма была первым выходом в эфир дивизии в ее рейде. Возникло множество версий о причинах такого «радиомолчания». Думается, что «радиобоязнь» нельзя исключать.

В ходе минувшей войны, особенно в 1941 г., в оперативном и других звеньях управления были довольно частыми случаи нарушения радиодисциплины: произвольное использование радиочастот, открытые переговоры по служебным или личным делам и т. п. Отдельную группу нарушений составляли переговоры и передача оперативных документов по радио открытым текстом, причем чаще всего как раз в критической ситуации — в окружении либо при стремительном наступлении, когда очень нужна связь, время не терпит, а документы скрытого управления уничтожены или же отстали вместе со штабом. Вот лишь один случай из тех, что известны мне отнюдь не понаслышке. Когда шли бои на подступах к Смоленску в июле 1941 г. и проводная связь с 16-й армией генерала М. Ф. Лукина отсутствовала, в адрес командарма-16 и члена Военного совета этой армии была передана открытым текстом радиограмма, в которой говорилось со ссылкой на «верхи», что Смоленск приказано не сдавать, Лукин и член Военного совета предупреждались о личной ответственности в случае неисполнения приказа, а под радиограммой стояли подписи комфронта Тимошенко и члена Военного совета фронта. В ряде подобных же случаев одно нарушение влекло за собой другое: передача важных документов открытым текстом не всегда записывалась в аппаратный журнал или журнал радиста (прием, как правило, записывался). Кроме того, в начале войны были довольно ходовыми запросы и ответы открытым текстом или по переговорной таблице радистов такого характера: «Где вы находитесь и что делаете?» Обычно такой фразой, с небольшими вариациями, выяснялись местонахождение и образ военных действий части или даже соединения. Применялись в ту пору и другие приемы, чтобы как-то обойти категорический запрет открытой работы по радио в определенных звеньях управления. Например, различные виды вооружения и боеприпасов обычно кодировались названием овощей и фруктов. Конечно, мало осложняли работу радиоразведки противника фразы типа: «Хозяин требует беречь помидоры», особенно если «овощевод» недавно жаловался, что их у него мало. Открытым текстом порою шло и такое: радист находившейся в окружении 13-й армии Брянского фронта в начале октября 1941 г. на наше предложение принять радиограмму ответил: «Никого здесь нет, жгу документы»; радист Севастополя, города, с которым почти все 11 месяцев осады в 1941—1942 гг. Узел связи имел отличную и бесперебойную связь, закончил ее словами: «Связь с вами кончаю. Прощай, браток. Атака».

Подчеркивая значение приказа Ставки от 6 сентября 1941 г. об установлении непосредственной связи Генерального штаба со штабами армий, И. Т. Пересыпкин пишет, что «это важное решение было целесообразным и необходимым потому, что при потере связи армий с командованием своих фронтов можно было руководить их действиями из Москвы» [19]. На практике, однако, наблюдалось и иное, тоже очень суще-

[19] Там же, стр. 76.

ственное использование прямой связи Генштаба с армиями: в случаях, когда отсутствовала прямая связь армии с соседями и при переподчинении соединений, а иногда и для того, чтобы побыстрее передать накопившуюся текстовую нагрузку. Такие телеграммы, идущие транзитом, у связистов именуются невыразительным словом «проходящие». Для телеграфа с большим количеством связей подобные телеграммы — обычное явление. Так, телеграф Узла связи Генштаба, например, в довоенное время помогал Центральному телеграфу СССР в предпраздничные дни, пропуская по своим каналам много проходящих телеграмм. У радистов во время войны проходящими, как правило, были либо особо важные, либо срочные радиограммы. Вот что, например, рассказывает начальник связи 27-й армии генерал В. П. Агафонов о проходящих телеграммах (приводимые строки относятся к событиям весны 1943 г.): «Вскоре мы потеряли связь со штабом фронта. И случилось это как раз в тот момент, когда отсутствовала проводная связь. Принесли срочные донесения. Ждать было нельзя. На первый же позывной, посланный в эфир старшиной радистом 1-го класса Росляковым, мы получили ответ с радиоузла Генерального штаба. В течение последующих двух-трех суток связь с фронтом поддерживалась через Москву. И не было случая, чтобы радиостанция Генштаба заставила себя ждать. В один из этих дней начальник штаба генерал Лукьянченко даже поинтересовался:

— Почему мы так быстро стали получать ответы штаба фронта на наши запросы, товарищ Агафонов?

— Да, видимо, потому, товарищ генерал, что связь с фронтом держим через Москву.

— Вот как! — удивился Лукьянченко и не без иронии спросил: — А что, через Москву поближе?

— Радиостанция фронта на наши вызовы не реагирует. Вот мы и вынуждены пользоваться помощью Москвы.

— Здорово, хотя и странно. Ну, что ж, продолжайте в том же духе» [20].

Довольно красочно рассказывал о том же бывший заместитель начальника связи 1-й гвардейской танковой армии полковник И. А. Нагорнов в докладе на секции связи Военно-научного общества ЦДСА 14 мая 1974 года. Он упомянул, в частности, что в марте 1944 г. во время Проскурово-Черновицкой операции, при отсутствии связи со штабом фронта, через Москву было передано 104 радиограммы на 8500 слов. Быстрейшей обработке проходящей корреспонденции уделялось на Узле связи, в свою очередь, особое внимание, и работа эта всегда рассматривалась как реальная помощь фронту. Добавлю, что в иные дни, преимущественно в 1943—1944 гг. во время наступления наших войск, проходящие радиограммы вообще составляли значительную часть общей нагрузки по слуховым каналам.

Как известно, наиболее уязвимым местом проводной связи в годы минувшей войны были соединительные, преимущественно воздушные линии связи, подверженные различным разрушениям, от преднамеренных до стихийных. Насколько сложно было обеспечивать проводную связь Ставки с фронтами и армиями и как много труда, мастерства и оперативности вкладывали в это дело военные и гражданские связисты всех рангов, особенно на линиях, можно судить хотя бы по следующим примерам. Когда фашисты окружили Ленинград кольцом блокады и подходили к Москве, воздушные линии связи в направлении Ленинграда оказались перерезанными. Героическими усилиями связистов Ленинградского фронта через Ладожское озеро был проложен кабель, в районе Ладоги установлена телеграфная трансляция, а в обход организована буквопечатающая связь по трассе Москва — Новосибирск — Свердловск — Киров — Вологда — Ленинград. Другой случай. Когда подходы к Сталинграду были перехвачены противником, выход по проводам к штабу Сталинградского фронта стал возможен только из Заволжья или со стороны Астрахани. Но линии связи в тех местах были развиты слабо, а магистральные связи вообще отсутствовали. Поэтому телеграфную связь Ставки со штабом Сталинградского фронта организовали через Ташкент — Ашхабад — Тегеран — Баку — Астрахань [21].

---

[20] В. П. Агафонов. Неман, Неман—я Дунай. М. 1967, стр. 132—133.
[21] «Очерки...», стр. 98.

Конечно, связи такой сложности являлись все же исключением и действовали непродолжительное время. Однако их значение в определенный момент, равно как и усилия тех, кто эти связи обслуживал, трудно переоценить. Вот почему большим и качественным скачком в обеспечении связи для звена Ставка — штаб фронта явилось внедрение буквопечатания по радиоканалам с помощью специальной системы [22]. Не вдаваясь в детали, скажем, что применение этой системы дало ряд важных преимуществ: вхождение в связь без поиска и подстройки на жестко фиксированных частотах; высокую степень защиты от помех; буквопечатание с возможностью использования специальной аппаратуры. В широком кругу связистов данная система именовалась «радио-Бодо». Зарекомендовала она себя весьма положительно. В доведении «радио-Бодо» до эксплуатационных кондиций, а затем во внедрении ее на связях Ставка — штаб фронта инженеры и техники Узла связи Генштаба сыграли существенную роль. Еще накануне войны соответствующая аппаратура, разработанная одним институтом, проходила у нас испытания и многократно доделывалась с учетом наших замечаний. Война прервала испытания, а возобновилось полезное сотрудничество науки и практики в 1942 г., когда радиоинженеры Узла связи Г. А. Чижов, В. И. Лебедев, И. А. Болошин и В. М. Масловский приступили к практическому внедрению «радио-Бодо» на связях Ставки с фронтом. Эти же инженеры в 1943 г. разработали и внедрили приставку, позволившую использовать радиоприемники 1-го и 2-го классов для приема «радио-Бодо» с возможностью подстройки, что было очень важно при высоком уровне помех в эфире. Первая линия «радио-Бодо» начала работать в апреле — мае 1942 г. на связи с Брянским фронтом, затем с Западным фронтом, а со второй половины 1943 г., как правило, одновременно работало до 10 таких линий. Правда, это не всегда означало отсутствие проводной связи, ибо чаще всего связь Ставки со штабом фронта, особенно в 1944—1945 гг., обеспечивалась по трем каналам: проводная связь, «радио-Бодо», слуховой радиоканал. В этом случае слуховой радиоканал был вспомогательным, служебным для «радио-Бодо».

Война близилась к концу, когда мы получили указание заняться отработкой каналов радиосвязи буквопечатанием «радио-Бодо» с Читой и Хабаровском, где дислоцировались штабы военных округов на Дальнем Востоке. За время войны с Германией заботы о радиосвязи с Дальним Востоком отошли на второй план. Но теперь все должно было стать на свои места. Разумеется, никаких указаний о предстоящей войне с Японией мы не получали. Правда, было сказано, что отработку буквопечатания надо вести таким образом, чтобы наша активность в эфире, связанная с тренировками, не давала бы повода для размышлений нашему морскому соседу на Дальнем Востоке. Радиосвязь в этом направлении из Москвы в пределах нашей страны считалась наиболее сложной ввиду большой разницы в поясном времени и зависимости прохождения радиочастот от сезона и времени. В таких условиях нужна ретрансляция, для чего были использованы мощные передатчики Наркомата связи СССР в Иркутске и Ташкенте [23]. Проще решалось дело с радиомаскировкой тренировочной работы. Главным источником для «нежелательных размышлений» в Стране Восходящего Солнца могли служить служебные переговоры по обычному радиоканалу, если бы они велись порядком, принятым в военной радиосвязи. Но они подобным образом как раз и не велись, чему способствовало наличие на Узле связи таких мастеров дела, как Я. П. Выборнов, А. И. Орлов, Н. С. Потемкин и др., чей «почерк», пользование радиожаргоном и отличное знание международных кодов были характерны только для высококлассных профессионалов. Со стороны же Дальнего Востока работали радиоспециалисты соответствующих органов Наркомсвязи. Как некий парадокс вспоминаю, что усилия, которые были обоюдно вложены в подготовительный период, оказались несоизмеримо выше тех, которых потребовала от нас затем скоротечная война с Японией. Впрочем, еще А. В. Суворов говорил: «Тяжело в учении, легко в бою».

Может быть, не вполне правомерно человека, лицо одушевленное оценивать в металле, хотя бы и благородном. Но трудно найти какой-то другой эквивалент, который бы более точно и сжато выразил исключительную ценность и значимость людей массовых профессий на Узле связи — телеграфистов, радистов, телефонистов, техни-

[22] И. Т. Пересыпкин. Связь в Великой Отечественной войне, стр. 89—90.
[23] Там же, стр. 91.

ков, а также инженеров всех специальностей в годы войны. Именно их усилиями, а не трудом одиночек, какими бы блестящими звездами они ни были, удалось достичь выполнения Узлом связи главной задачи в минувшей войне: отличного обеспечения связью высшего военного руководства страны и его рабочего аппарата — Генштаба. Именно об этом свидетельствует тот факт, что в 1943—1945 гг. 310 офицеров, сержантов, солдат, рабочих и служащих Узла связи были награждены орденами и медалями Советского Союза. Самой теплой благодарности заслуживают женщины, которых у нас служило в годы войны около 65% всего состава, причем до весны 1942 г. все женщины — по вольному найму. Даже в самые тяжелые месяцы первого года войны, в полуосажденной Москве, они обслуживали Ставку ВГК как гражданские лица и при этом безропотно подчинялись любому приказу в интересах общего дела: выезжали на обслуживание запасных узлов, работали столько, сколько было нужно, абсолютно не считаясь со временем, и т. д. Еще и сейчас продолжают трудиться наставниками молодежи некоторые товарищи из той славной гвардии: К. А. Шустрова, О. С. Федькина, А. В. Андреева, Е. М. Масанова, З. И. Воробьева, З. Н. Коржавина, В. Т. Савельева, Р. Н. Васильева. Все они, помимо прочего, воспитали еще немало хороших специалистов.

Квалификация кадров Узла связи всегда была очень высока. В годы войны на основных командных и технических должностях — начальников и главных инженеров отделов и отделений, дежурных по связи, сменных инженеров — служили опытные офицеры, основная часть которых начинала службу «снизу»: Д. Д. Денискин, М. В. Павлов, В. Г. Зубарев, С. Н. Казаков, В. И. Лебедев, Г. А. Чижов, Д. И. Гладков, С. В. Новоряднов, К. Е. Шаров и многие другие. Немало делалось тогда на Узле связи непосредственно руками его сотрудников. На передающем радиоцентре, например, за первые два года войны инженеры и техники этого отдела Н. А. Царев (ныне генерал-майор-инженер), В. Г. Матвеев, Б. И. Осетров, В. С. Есиков (ныне полковники-инженеры в отставке), М. И. Страхов, А. В. Жирнов и другие смонтировали по разработанной ими схеме из разрозненных деталей 12 коротковолновых передатчиков мощностью 1—1,5 квт, а также изготовили 25 специальных возбудителей к радиопередатчикам. В условиях огромной потребности в средствах связи на фронте и трудностей, испытывавшихся в то время промышленностью, такой способ удовлетворения нужд Узла связи имел немалое значение.

В мобилизации личного состава на успешное решение задач по связи в годы Великой Отечественной войны, в воспитании чувства высокой ответственности и организованности проделала большую работу боевая партийная организация Узла связи, действиями которой руководил заместитель начальника Узла по политической части полковник В. Д. Солодухов.

С. М. Штеменко в своих мемуарах очень тепло отзывается о начальнике Узла М. Т. Беликове [24]. Мне довелось быть первым его заместителем более 20 лет. Опытнейший связист, отлично знавший магистральные связи, он без схемы, на память мог составить многие из требуемых проводных связей. Его исключительное умение работать с людьми во многом способствовало отличному подбору и закреплению кадров и установлению нормальных, деловых отношений с ГУСКА и органами Наркомата связи СССР, без совместной дружной работы с которыми мы не решили бы тогда поставленной перед нами задачи.

[24] С. М. Штеменко. Указ. соч., стр. 128.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

СОВЕТСКИЙ ЧЕРВОНЕЦ

М. М. Глейзер

После окончания гражданской войны наша страна приступила к восстановлению разрушенного внутренней контрреволюцией и империалистическими интервентами хозяйства. X съезд партии в марте 1921 г. одобрил разработанную В. И. Лениным программу нэпа. Был издан ряд декретов и постановлений, направленных на осуществление и развитие новой экономической политики. Принимались меры и по оздоровлению денежного обращения в стране. К 1921 г. в РСФСР имели хождение самые разнообразные бумажные деньги: кредитные билеты царского правительства, «думские» деньги Временного правительства номиналом в 250 и 1000 руб., «керенки» достоинством в 20 и 40 рублей. Ходили также различные суррогаты денежных знаков, пущенные в обращение декретом СНК РСФСР и постановлением Народного комиссариата финансов (НКФ) РСФСР [1], — облигации «Займа свободы» достоинством не выше 100 руб., купоны государственных процентных бумаг, серии государственного казначейства и т. д. Выпущенные Советской властью в 1919—1921 гг. «государственные кредитные билеты 1918 года» и «расчетные знаки РСФСР» дополняли виды денег, находившихся в обращении. Наконец, во многих районах страны населением использовались денежные знаки, печатавшиеся в разное время местными властями.

Поскольку из-за обесценения рубля денежный счет на территории Советской России стал вестись на многие миллионы и даже миллиарды рублей, то для упрощения расчетов и ликвидации существовавшего многообразия видов денег были проведены две деноминации — переименования бумажных денежных знаков. Прежде всего прекратилась выдача из касс НКФ с 1 января 1922 г. денежных знаков всех старых выпусков, а прием их к платежу или в обмен на новые деньги производился до 1 октября, после чего они теряли присвоенную им платежную силу. Все виды обращавшихся в стране денег обменивались на денежные знаки РСФСР образца 1922 г. по соотношению один новый руб. за 10 тыс. руб. прежних выпусков. Этой мерой изживалась пестрота состава бумажно-денежной массы в стране. Однако первая деноминация не достигла всех поставленных перед ней целей как с точки зрения практической, так и социально-психологической. Пересчет со старого курса на новый при этой деноминации производился отбрасыванием четырех нолей. Новые 100 руб. в обиходе продолжали называть «лимоном», ибо они соответствовали прежнему миллиону рублей.

В октябре 1922 г. Совнарком РСФСР принял решение провести вторую деноминацию [2]. Один рубль новых денежных знаков РСФСР «образца 1923 года» был приравнен к 100 руб. знаками 1922 г. или к 1 млн. руб. знаками прежних выпусков, изъятых к тому времени из обращения. Как отмечалось в объяснительной записке НКФ, целью второй деноминации являлось устранение затруднений, встречавшихся при счетных операциях [3]. При больших цифрах терялось ощущение размера стоимости товара, чем и пользовались спекулянты, взвинчивая цены. Поскольку «лимон» теперь соответствовал по своей покупательной способности рублю, то порядок счета, введенный при второй деноминации, оказался более удобным.

Несмотря на деноминацию, денежные знаки РСФСР, или «совзнаки», оставались пока неустойчивой валютой. В докладе на IV Конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.

---

[1] «Известия», 17.II, 5.VI 1918.
[2] «Известия», 26.X.1922.
[3] «Известия», 24.X.1922.

Ленин отмечал, что период устойчивости курса рубля составил в 1921 г. всего три месяца (июль—сентябрь), а в 1922 г.— пять месяцев (май—сентябрь). «Я думаю,— говорил он,— что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион... Что действительно важно, это — вопрос о стабилизации рубля... Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры — все эти триллионы и квадриллионы — ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать» [4].

Вопрос о твердой валюте имел решающее значение для экономической политики партии, для восстановления народного хозяйства, для улучшения жизни трудящихся. Еще в апреле 1921 г. в комиссии денежного обращения Института экономических исследований ВСНХ при обсуждении вопроса о принципах регулирования денежного обращения предлагалось ввести новую денежную единицу, связанную с металлом (предпочтительно с золотом), хотя выпуск металла в обращение представлялся в то время нецелесообразным. Одновременно с пуском в оборот новых денег предлагалось взимать налоги обязательно в этих деньгах [5].

При введении новой валюты обычно стараются подчеркнуть ее отличие от старой. Так, в Германии заменившая в 1870 г. талер новая денежная единица получила название марки. В Австро-Венгрии гульден сменили кроной. В России в 1894 г. при соответствующей реформе предполагалось вместо рубля выпускать «рус». Когда в НКФ обсуждался вопрос о выпуске твердой валюты, предлагалось три ее названия: федерал, целковый и червонец [6]. Федерал придумали работники НКФ, целковый обозначал рубль одной монетой, а червонцем в царской России называлась золотая монета достоинством в 3 рубля. Первые червонцы в России появились еще в XVII в. при царе Алексее Михайловиче и выполняли наградные функции. Платежный червонец впервые был выпущен в 1701 г. при Петре I, а в последний раз такой червонец чеканили в 1797 году. Кроме того, для обозначения наименования твердой валюты предлагалось название «гривна» [7]. В древней Руси гривной назывался слиток серебра, служивший денежной и весовой единицей. Однако поскольку на Украине во время гражданской войны имели хождение при контрреволюционных правительствах «украинские гривны», то название это было отклонено.

25 июля 1922 г. Совнарком РСФСР принял декрет [8] о предоставлении Госбанку права выпуска в обращение банковых билетов. 11 октября этот декрет был заменен новым, предусматривавшим выпуск банковых билетов в золотом исчислении, достоинство которых выражалось бы в червонцах [9]. В отличие от находившихся в обращении «совзнаков» червонцы выпускались не для покрытия бюджетного дефицита, то есть без дальнейшего расширения эмиссии денег, а для нужд хозяйственного оборота в интересах регулирования денежного обращения. Они официально обеспечивались не менее чем на 25% драгоценными металлами (платиной, золотом, серебром) и иностранной валютой по курсу на золото и на 75% — легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными обязательствами. Первые 200 тыс. червонцев полностью обеспечивались золотыми монетами дореволюционного образца (так называемого имперского чекана) в 5 руб., 7 руб. 50 коп. и 15 руб. в количестве 303 тыс. 500 штук [10]. Кроме того, свободный остаток эмиссионного права в 314 653 червонца гарантировался золотом в слитках, иностранной золотой монетой и банкнотами Английского банка. Балансы эмиссионного отдела печатались в газетах каждые две недели.

Выпуск в обращение червонцев ограничивался по декрету строго в соответствии с объемом товарооборота. Червонцы представляли собой кредитные деньги и по закону не являлись платежным средством. Поэтому на лицевой стороне их находилась

---

[4] В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 283.

[5] «Денежное обращение и кредит». Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914—1921 гг.). Птгр. 1922, стр. 441—443.

[6] «Финансовая газета», 31.V.1924.

[7] «Огонек», 1923, № 38, стр. 12.

[8] «Собрание узаконений», 1922, № 46, ст. 578.

[9] «Известия», 12.X.1922.

[10] «Известия», 28.XI.1922.

надпись: «Банковый билет подлежит размену на золото... Банковые билеты принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей, взимаемых по закону в золоте». Однако в золоте взимались тогда лишь таможенные пошлины. Поэтому область обращения червонцев была вначале очень ограниченной. Часто клиенты Госбанка не знали, что делать с червонцами, и при получении их из касс тут же разменивали на «совзнаки». На 1 января 1923 г. из всех переданных Правлению Госбанка червонцев около 68% осталось в его кассах [11].

Благодаря золотому обеспечению червонцы постепенно стали все же платежным средством и в этом качестве начали успешно конкурировать как с падавшим в цене «совзнаком», так и с твердой иностранной валютой. Постановлением СНК РСФСР предусматривался выпуск банковых билетов достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев, однако купюры номиналом в 2 и 50 червонцев не выпускались. Золотое содержание червонца было определено в 1 золотник 78,24 доли чистого золота. Фотографию лицевой стороны купюры в 10 червонцев с ее описанием опубликовали «Известия» 9 ноября 1922 года. Первые бумажные червонцы поступили в кассу Госбанка из его эмиссионного отдела в конце ноября. В обращении находились купюры в 5 и 10 червонцев. Купюры номиналом в 1 и 3 червонца вошли в оборот в декабре 1922 г., а достоинством в 25 червонцев — в январе 1923 года [12].

Декрет о выпуске червонцев не устанавливал никакого ценностного соотношения между ними и «совзнаком». Поэтому поддержание курса червонца на уровне золотого паритета достигалось путем установления приблизительно одинаковой расценки в «совзнаках» одного червонца и металлической золотой десятки. 28 ноября 1922 г. при первой котировке червонца Госбанк оценил его в 11 400 руб. дензнаками образца 1922 г. при стоимости золотой десятки на частном «вольном» рынке в 12 500 рублей [13]. Червонцы были выпущены в 1922 г. в обращение не на всей территории страны. На Дальнем Востоке продолжали использоваться некоторое время дореволюционные золотые и серебряные монеты и японские иены, в Бухаре и Хорезме — бухарские знаки и хивинки, в Закавказье — азербайджанские и грузинские боны, армянские совзнаки, а после образования Закавказской Федерации — ее боны. Только летом 1923 г. червонцы впервые начали поступать в обращение во Владивостоке, хотя неофициально они появились там раньше.

Постановлением от 26 октября 1922 г. СНК РСФСР поручил Наркомфину приступить к выпуску металлических золотых монет, достоинство которых выражалось бы в червонцах [14]. Валютное управление НКФ еще в августе предложило петроградскому Монетному двору срочно изготовить образец золотой монеты и представить его на утверждение в Москву. 11 августа Валютное управление сообщило в Петроград, что на обеих сторонах монеты должны находиться надписи: «один червонец», «РСФСР», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и размещаться герб РСФСР, а на ее гурте обозначен вес чистого золота. Вначале предполагалось чеканить несколько типов червонцев с различными рисунками. Так, на одном из них предполагалось изобразить крестьянина на фоне фабрик и заводов, на другом — рабочего у станка. Особый рисунок намечался для червонцев, предназначавшихся для Закавказья [15]. Во исполнение указаний НКФ Монетный двор отправил в Москву 17 августа пять проектных рисунков червонца: два рисунка лицевой, три — оборотной стороны монеты. Поскольку в Москве они были, по всей вероятности, утеряны, то в ноябре 1922 г. Монетному двору пришлось выслать туда еще четыре рисунка: по два эскиза лицевой и оборотной стороны монеты. В рисунке лицевой стороны червонца использовалось изображение герба РСФСР, созданного в 1918 г., для оборотной — изображение крестьянина-сеятеля по скульптуре И. Д. Шадра.

Еще в 1922 г. руководство фабрики заготовления государственных знаков (Гознак) поручило художнику И. Д. Иванову, работавшему на 2-й Московской фабрике Гозна-

---

[11] М. Н. Рагольский. Денежное обращение в Советской России. Саратов. 1924, стр. 70.

[12] «Наше денежное обращение». Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М. 1926, стр. 135.

[13] «Финансовая газета», 28.XI.1924.

[14] «Известия», 4.XI.1922.

[15] «Красная газета» [Петроград], 25.VII.1923.

ка, сделать эскизы для проектируемых новых денежных знаков и почтовых марок. По проекту Иванова было намечено вылепить фигуры рабочего, красноармейца и крестьянина, а затем переснять или перерисовать их в необходимом ракурсе для использования на деньгах и марках. Скульптуры рабочего и красноармейца были исполнены им в Москве, крестьянина он лепил на своей родине, в д. Прыговой, вблизи г. Шадринска (по его названию Иванов и взял себе псевдоним Шадр). Моделями для скульптур служили И. П. Калганов (фигура пахаря) и К. К. Авдеев (фигура сеятеля). «Дело было перед самым покосом,— вспоминал впоследствии Авдеев, прозванный в Зауралье «червонным сеятелем».— Я стою на особом возвышении. Рука — на отлете, затекает, и пошевелить ей нельзя. Пот — градом. А он, Иванов, значит, вокруг меня танцует и отсюда зайдет, и отсюда зайдет, и оттуда подойдет, а то заставит меня ради практики насыпать в лукошко песку и ходить. Но терплю: знаю, что для пользы дела» [16]. Ныне эти скульптуры Шадра находятся в Третьяковской галерее. Изображение сеятеля (кроме металлического червонца 1923 г.) использовалось также на рисунках купюры в три червонца 1924 г., облигаций крестьянских выигрышных займов 1924, 1925 и 1927 гг., хлебного займа с облигациями (в пудах ржи в зерне) и т. д.

27 ноября 1922 г. НКФ утвердил эскиз № 3 лицевой стороны червонца и предложил поставить на монете дату: 1923. Одновременно им были высказаны замечания по эскизам оборотной стороны. Исправленные в соответствии с замечаниями два эскиза были направлены Монетным двором в Москву. Автором рисунков обеих сторон червонца являлся главный медальер Монетного двора акад. А. Ф. Васютинский. Выпускник Академии художеств, он в 1888 г. за медаль по конкурсной программе «Геркулес, убивающий гидру» был удостоен большой золотой медали и командирован на пять лет за границу для изучения постановки медальерного и монетного дела. После этой поездки Васютинский ввел в русское медальерное искусство исполнение медалей в так называемом французском стиле, с более плоским рельефом и особой отделкой. С момента поступления Васютинского в 1893 г. на Монетный двор все художественные работы велись там им лично или под его руководством. В частности, он изготавливал образцы монетных штемпелей и пробирных клейм, был автором большинства проектов дореволюционных и советских монет. Им же была выполнена лепка модели спортивного значка ГТО. Важнейшей его работой стал впоследствии окончательный вариант ордена Ленина. В 1923—1924 гг. были отчеканены червонцы, которые предназначались не только для использования во внешнеторговых операциях, но и, в случае необходимости, для обращения внутри страны. «Некоторые думали, что это делается для внешнего мира, что приятно иметь свою пролетарскую деньгу, на которой вместо изжитого лица Николая II — крестьянин, вместо короны — фабрика и плуг; это радует пролетарское сердце... Но основная цель этой меры другая: мы решили для себя, что, если червонец бумажный поскользнется, мы объявляем: бумажный червонец обмениваем на золотой, и этим мы поддерживаем реальную стоимость бумажного червонца. Мы тогда, выпуская червонец, веря в победу, заготовили на случай поражения золотой, ибо если хочешь, чтобы курс червонца был устойчив, имей золотой, чтобы в любое время можно было сказать — берем бумажные червонцы и даем золотые» [17]. В СССР некоторое число монет было пущено в обращение, но в очень ограниченном количестве. Даже руководству Монетного двора пришлось специально просить в октябре 1923 г. производственно-коммерческий отдел Валютного управления НКФ о передаче по одной такой монете в распоряжение начальника Монетного двора, его заместителя, управляющего медальной частью, председателя заводского комитета и других лиц, а всего девяти экземпляров.

Чекан золотых червонцев намечался также в 1925 году. Их предполагалось выпустить в количестве 6 млн. штук [18]. Однако вследствие организованной тогда империалистами «золотой блокады» СССР, то есть отказа от принятия советского золота в уплату за необходимые народному хозяйству страны промышленные товары, этот проект, как и проект чеканки золотых монет достоинством в два червонца (20 руб.), остался неосуществленным. На 1 января 1923 г. курс червонца был установлен в 175 руб.

---

[16] «Красный Курган», 20.VI.1926.

[17] И. О. Шлейфер. Денежная реформа. М. 1924, стр. 44—45.

[18] «Известия», 8.III.1925; «Красная газета», 15.III.1925; «Вечерняя Москва», 16.III.1925.

дензнаками образца 1923 г., что соответствовало 17,5 тыс. руб. в дензнаках 1922 года. «Совзнак» обесценился за это время почти на треть. С целью установления монополии червонца во внутренних платежах декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля 1923 г. царская золотая монета и иностранная валюта были запрещены как средство платежа и могли использоваться только для расчета с заграницей [19].

Поскольку червонец был крупной денежной единицей, то его распространение в стране наталкивалось на некоторые трудности. В частности, он медленно проникал в деревню. Размен червонцев на «совзнаки» не всегда происходил нормально. Так, в Самарской губернии за размен червонцев на «черной бирже» с крестьян брали по 100—200 рублей [20]. Аналогичное положение наблюдалось в других местах. Еще летом 1923 г. бывали случаи отказа крестьян или рабочих принимать червонцы не только на окраинах страны, но и в Петрограде. В Новороссийске во второй половине августа 1923 г. грузчики получали на 10 человек купюру достоинством в 25 червонцев, и им приходилось ходить затем всем вместе по магазинам, чтобы купить на них товары или разменять [21].

В марте 1923 г. в правлении Госбанка обсуждался вопрос о введении в оборот банкнот в половину червонца [22]. Эти купюры было решено, однако, не выпускать, так как роль твердых разменных денег для червонцев до выхода казначейских билетов стали временно выполнять беспроцентные обязательства Народного комиссариата путей сообщения — так называемые транспортные сертификаты. На основании постановления СТО СССР от 26 июля 1923 г. они выпускались с целью увеличения оборотных средств железных дорог и водного транспорта Советского Союза [23]. Сертификаты обеспечивались всеми доходами железных дорог и водного транспорта, а кроме того, их стоимость гарантировал НКФ. В связи с этим на сертификатах помещались подписи наркома путей сообщения и наркома финансов. Однако на самом деле сертификаты не имели тогда реального обеспечения, ибо железнодорожный и водный транспорт в то время был убыточным [24]. Только огромная потребность сборота в разменных деньгах обеспечила хождение сертификатов. И хотя некоторые шутники прозвали их «чертификатами», они находились в обороте около года [25].

Транспортные сертификаты достоинством в 5 руб. золотом (в половину червонца) впервые были пущены в обращение в конце сентября 1923 года. Первая котировка сертификатов фондовым отделом при Московской товарной бирже состоялась 24 октября. Если один червонец котировался в тот день в 6400 руб., то транспортный сертификат был приравнен к 3200 руб. дензнаками образца 1923 года [26]. Известно о четырех выпусках сертификатов в 1923—1924 гг. на общую сумму 24 млн. золотых рублей. В обращении наибольшее количество сертификатов находилось в апреле 1924 г., а с мая начался их выкуп, который проходил до конца июля 1924 года.

Стоимость червонцев в «совзнаках» колебалась в различных районах страны. Так, на 15 марта 1923 г. при стоимости червонца в Москве в 248 руб. дензнаками 1923 г. такая же цена была в 26 других городах (в том числе в Ташкенте, Иркутске, Одессе, Орле, Екатеринбурге, Новгороде). В то же время более высокая цена существовала в Вологде, Минске, Баку, Тифлисе и других городах, а более низкая — в Курске, Саратове, Симферополе, Пензе, Пятигорске и т. д. [27]. Но разница между высшей (Тифлис—260 руб.) и низшей (Саратов—242 руб.) котировкой составляла всего 18 руб., или 7,4% к низшей цене. В среднем по всей стране эта разница была еще меньше и составляла только 8 руб., или 3,3% к низшей стоимости, что свидетельствовало практически о единой котировке червонца.

Распространению червонцев в деревне помогли хлебозаготовки. Например, в сельские единые потребительские общества Смоленской области крестьяне часто приносили для размена или расплаты за покупки червонцы, требуя, в свою очередь,

---

[19] «Известия», 17.II.1923.
[20] «Экономическая жизнь», 29.VIII.1923.
[21] «Вестник финансов», 1925, № 5, стр. 10.
[22] «Красная газета» (вечерний выпуск), 31.III.1923.
[23] «Экономическая жизнь», 22.IX.1923.
[24] «Вестник финансов», 1924, № 2, стр. 16.
[25] И. О. Шлейфер. Указ. соч., стр. 32.
[26] «Известия», 25.X.1923.
[27] «Известия», 5.IV.1923.

оплаты сдаваемого ими хлеба также в червонцах [28]. Опыт заготовок Царицынским губернским союзом показал, что ввиду приближения срока уплаты налога крестьяне, продавая хлеб, стремились получить за него червонцы. Из донских округов сообщали, что калмыки при продаже скота просят червонцы [29]. Летом 1923 г. червонцы стали выдавать в зарплату рабочим и служащим, а к концу лета червонец окончательно утвердился в качестве не только твердой, но и основной валюты в стране. На его долю приходилось уже свыше 80% всего денежного обращения.

Однако покупательная способность червонца все же колебалась, в основном из-за роста цен. Чтобы удержать золотой паритет этой денежной единицы на одном уровне, в некоторые месяцы 1923—1924 гг. пришлось пустить в оборот довольно значительную массу золотой монеты как советского, так и дореволюционного чекана [30]. На 1 января 1924 г. курс червонца достиг 30 тыс. руб. дензнаками 1923 года. Параллельное обращение в стране двух валют — падающей и устойчивой — неблагоприятно отражалось на положении рабочих и крестьян. Получаемая трудящимися зарплата в связи с наличием падающей валюты обесценивалась. Вследствие медленной оборачиваемости товаров и денег в деревне крестьянство также несло крупные потери.

Все это обусловило необходимость проведения всеобъемлющей денежной реформы. Ее успех обеспечивался успехами финансового социалистического хозяйства — активным платежным балансом, сбалансированным бюджетом и наличием устойчивой валюты в виде червонца. 2 февраля 1924 г. II Всесоюзный съезд Советов постановил ввести в обращение новую устойчивую советскую валюту [31]. Декретом ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 г. было объявлено о выпуске государственных казначейских билетов достоинством в 5, 3 и 1 рубль золотом [32]. Декретом от 22 февраля 1924 г. предусматривался выпуск серебряных и медных монет с гербом РСФСР [33]. Первые серебряные монеты номиналом в 20, 15 и 10 коп. были пущены в обращение в Москве 26 февраля 1924 года. Монетами достоинством в 50 коп. и 1 руб. стали пользоваться в марте и апреле, медными монетами — с июля.

Рабочие, получив первую зарплату серебряной монетой, любовались новенькими блестящими кружочками и гордились новыми деньгами. Особое значение имел выпуск монеты для завоевания доверия крестьян, так как до того полноценных монет не было в обращении около девяти лет. Например, в Григориополе на Одесщине в начале марта появился первый серебряный гривенник. Когда его обладатель стал показывать монету в базарный день на главной площади, все бросились ее смотреть. За хозяином гривенника ходили большей толпой, чем за цирковым медведем, которого только что провели по селению [34].

В связи с выпуском казначейских билетов и монет с 10 марта 1924 г. начался выкуп «совзнаков». Последняя котировка червонцев в «совзнаках» была опубликована 11 марта 1924 года. «Совзнаки» выкупались по курсу один рубль золотом в казначейских билетах за 50 тыс. руб. образца 1923 года. Соответственно один червонец был равен 500 тыс. рублей. С учетом проведения двух деноминаций новый рубль был равен 50 млрд. руб. дензнаками старых образцов. Таким образом, новый советский рубль составлял более половины стоимости довоенного, так как последний по покупательной способности был равен 96,3 млрд. руб. дензнаками старых выпусков [35]. Срок хождения «совзнаков» был установлен сначала по 30 апреля, затем продлен до 10 мая 1924 г., а прием и выкуп их кассами НКФ и Госбанка — до 31 мая 1924 года. В Якутии выкуп «совзнаков» продолжался до 30 июня, а за границей должен был закончиться до 1 августа. С 18 февраля, согласно постановлению закавказских ЦИК и Совнаркома, казначейские билеты СССР могли официально обращаться в Закавказье [36]. Казначейские билеты, разменные боны, серебряные и медные монеты были введены здесь с 1 апреля 1924 г., но медные монеты поступили в обращение несколь-

---

[28] «Экономическая жизнь», 13.IX.1923.
[29] «Экономическая жизнь», 20.IX.1923.
[30] «Известия», 2.XI.1924.
[31] «Известия», 5.II.1924.
[32] «Известия», 6.II.1924.
[33] «Известия», 24.II.1924.
[34] «Известия», (Одесса), 11.IV.1924.
[35] «Известия», 31.V.1924.
[36] «Известия», 6.IV 1924.

ко позже. Пользование «закзнаками» было разрешено по 1 июля, а выкуп их продолжался по 31 июля 1924 года. В Средней Азии обмен «совзнаков» закончился к 15 июня 1924 г. за исключением Бухарской, Хорезмской республик и Туркульской области, где эта финансовая операция была продлена до 1 июля. Всего в Средней Азии обменяли «совзнаков» в сумме 58 010 681 429 руб. старых денег на 1 160 213 руб. 23 коп. золотом новыми деньгами [37]. На Украине было выкуплено «совзнаков» на 2,5 млн. руб., то есть новых 70% от общего количества «совзнаков», находившихся на руках у населения; в Ленинграде — на сумму около 1,5 млн. рублей. О количестве выкупленных «совзнаков» свидетельствует тот факт, что одна только отправленная на фабрику в Ленинград для переработки на бумагу партия «совзнаков» весила 1300 пуд., то есть более 20 тонн [38].

С завершением денежной реформы на большей части территории Советского Союза в обращение выпускаются и новые образцы червонцев, но уже не РСФСР, а СССР. С 15 августа 1924 г. появились банкноты достоинством в 3 червонца с изображением «сеятеля» [39].

Червонцы, будучи устойчивой валютой, привлекли внимание иностранных деловых кругов. Первыми стали приобретать их и открыли корреспондентские счета в Госбанке немецкий «Берлинер Хандельсгезельшафт» (с 1 февраля 1923 г.) и английский «Ллойдсбанк». За пять последних месяцев 1923 г. иностранные банки купили червонцев на сумму в 28,5 млн. руб. золотом, причем основную часть приобрели англичане [40]. В 1923—1926 гг. червонцы в качестве твердой советской валюты котировались на биржах различных капиталистических стран. В сентябре 1923 г. червонец попал на денежные рынки Китая [41]. В марте 1924 г. на нью-йоркской бирже он котировался в 5 долл. 20 центов, то есть выше всех европейских валют [42]. В апреле 1925 г. итальянское правительство официально сообщило о допущении червонца на свои биржи, и, таким образом, Италия стала первым крупным государством, допустившим червонец к котировке на фондовых биржах. В середине 1925 г. он уже котировался в Константинополе, Харбине и Шанхае [43], в октябре — в Берлине, Тегеране, Улан-Баторе [44]. Курс червонца в золотых рублях, пересчитанный по курсу доллара, держался в среднем на уровне 9,94—10,07 руб., то есть на уровне номинала. Котировка червонца за границей прекратилась в 1926 г. в связи с запретом вывоза их за пределы СССР [45].

В 1927 г. выпускается банкнота образца 1926 г. в 1 червонец. По сравнению с банкнотами 1922 г. содержание надписей на вновь выпущенном билете изменилось: вместо прежних букв «РСФСР» стояло «СССР», золотое содержание выражалось в граммах вместо золотников и долей, была снята последняя фраза: «Банковые билеты принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей, взимаемых по закону в золоте»,— к тому времени устаревшая [46]. На 1 сентября 1927 г. в обращении находилось более 98 млн. червонцев на сумму 980 307,6 тыс. руб. из общего количества в 1 552 478,8 тыс. рублей. С 15 июня 1928 г. начался выпуск в обращение банковых билетов достоинством в два червонца [47]. Прежде ни дореволюционные кредитные, ни советские казначейские билеты такого номинала не выпускались. На новом билете имелись надписи на языках союзных республик — русском, украинском, белорусском, грузинском, азербайджанском, армянском. Двухчервонный билет, облегчая хранение денег населением, в то же время сокращал расходы Госбанка на их изготовление. 31 октября 1928 г. правление Госбанка постановило выпустить в обращение с 1 декабря банковые билеты достоинством в 5 червонцев образца 1928 года [48]. Многократный выпуск новых банковых билетов диктовался также необхо-

---

[37] «Финансовая газета», 19.IX.1924.
[38] «Известия», 20.XI.1924.
[39] «Известия», 31.VII.1924.
[40] М. Н. Рагольский. Указ. соч., стр. 74.
[41] «Финансовая газета», 1.VI.1926.
[42] «Красная газета» (вечерний выпуск), 24.III.1924.
[43] «Известия», 27.VIII.1925.
[44] «Финансовая газета», 15.X.1925.
[45] «Известия», 23.IX.1926.
[46] «Известия», 16.II.1927.
[47] «Экономическая жизнь», 3.X.1927; «Известия», 14.VI.1928.
[48] «Известия», 1.XII.1928.

димостью замены старых банкнот ввиду их износа. Срок службы билетов не превышал полутора — двух лет, так как их носили в узлах, засовывали за голенища сапог и т. п.

Советские червонцы как твердая и устойчивая валюта обладали высокой покупательной способностью. В связи с этим, а также стремясь нанести ущерб народному хозяйству нашей страны, эмигранты-белогвардейцы превращали червонцы в объект фальсификации. Известно, что подготовку к подделке червонцев вели в Шанхае [49]. План изготовления фальшивых червонцев в Германии возник еще в 1924 г., а во второй половине 1926 г. фашисты вместе с белоэмигрантами приступили к осуществлению этого проекта (ибо «план подделки валюты с целью вызвать инфляцию в России должен считаться общей целью» [50]) и намеревались сфабриковать червонцев на 10 млн. марок (по курсу тех лет 100 немецких марок примерно соответствовали 4,5 червонца). Половину этой суммы предполагалось израсходовать на расстройство советской валюты и финансирование актов саботажа на территории СССР, остальные предназначались на финансирование «борьбы с коммунизмом» в самой Германии. Осенью 1926 г. в одной из мюнхенских типографий было отпечатано около 15 тыс. фальшивых советских банкнот купюрами в 1, 3 и 10 червонцев. Примерно 12 тыс. из них были нелегально завезены в Советский Союз. Позднее фальшивомонетчики по соображениям безопасности перевели свое предприятие во Франкфурт-на-Майне, где печатание фальшивых банкнот производилось в широком масштабе. При полицейском обыске в августе 1927 г. в типографии было обнаружено около 120 тыс. полуготовых банкнот и рулоны бумаги, которой хватило бы на изготовление еще 1 200 тыс. фальшивых банкнот [51]. Летом 1927 г. стали поступать сигналы о появлении фальшивых червонцев в различных городах Германии, прежде всего в Берлине [52]. Если бы экономический и политический ущерб наносился этой акцией только СССР, то правительство Германии, пожалуй, смотрело бы на это сквозь пальцы. Но несли убытки и немецкие получатели денег, в частности берлинские банки, что и заставило полицию принять меры против фальшивомонетчиков. Правда, уже летом 1928 г. власти выпустили их на свободу.

В один из осенних дней 1928 г. начальник почтового отделения на станции Званка (ныне Волховстрой) Мурманской железной дороги в Ленинградской обл. Запалов обратил внимание на три червонца, бумага которых показалась ему подозрительной. Он не упустил из виду и то обстоятельство, что надписи и узор лицевой стороны проступают на оборотной стороне, не имеющей такого узора. Водяные знаки тоже выглядели необычно темными и имели желтоватый оттенок. Запалов запомнил отправителя [53]. Червонцы передали на экспертизу. Главный эксперт Гознака признал их фальшивыми, хотя и сработанными опытными руками. Лишь незначительные дефекты выдавали фальшивомонетчиков. Эксперт установил, что эти червонцы и червонцы, сфабрикованные белогвардейцами в Германии, идентичны: «Они абсолютно сходны. Одинаковая бумага, одинаковые водяные знаки, один и тот же рисунок, одни и те же дефекты» [54]. Вскоре советские власти арестовали группу контрреволюционеров, главарь которой Шиллер нелегально пробрался в СССР в сентябре 1928 г. с 1 тыс. червонцев. Вторично он прибыл в Ленинград в ноябре того же года уже с 3 тыс. фальшивых банкнот. Состоявшийся в январе 1930 г. суд наказал Шиллера и его сообщников.

В связи с раскрытием осенью 1928 г. в СССР операций с фальшивыми деньгами германским властям пришлось провести судебное разбирательство по делу фальшивомонетчиков. Однако методы проведения судебного процесса носили скандальный характер и не уступали предварительному следствию, которое было растянуто на два с лишним года, а в феврале 1930 г. подсудимые по этому делу были немецким судом оправданы [55]. Советское правительство заявило протест, и летом 1930 г. состоялся

---

[49] «Известия», 15.I.1927.

[50] А. Норден. Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений. М. 1959, стр. 81.

[51] Там же, стр. 82.

[52] «Экономическая жизнь», 22.XI.1927.

[53] С. Бройде. Фальшивомонетчики за работой. М. 1930, стр. 13—14.

[54] «Ленинградская правда», 21.I.1930.

[55] «Известия», 9.II.1930.

пересмотр дела, который закончился осуждением некоторых фальшивомонетчиков к небольшим срокам тюремного заключения, а других — к штрафам. Так, белогвардеец Карумидзе получил 2 г. 10 мес. изоляции, Садатьерашвили — 2 г., Шмидт и Белл отделались штрафом [56].

Следующий советский банковый билет в червонном исчислении имел датой выпуска 1932 год. Эта банкнота достоинством в 3 червонца была аналогична ранее выпущенной в 2 червонца (образца 1928 года). Однако наименование билета и его достоинство были даны уже на семи языках. На 1 сентября 1932 г. в кассу Правления Госбанка было передано 343 млн. червонцев на сумму 3 млрд. 430 млн. рублей [57].

В 1938 г. выпускается полная серия билетов Госбанка достоинством в 1, 3, 5 и 10 червонцев образца 1937 года [58]. На них впервые в истории советского денежного обращения было помещено изображение В. И. Ленина (автор портрета — художник А. Р. Эберлинг, гравировка исполнена А. А. Блюмом, рисунок на банкноте в 1 червонец сделал С. А. Поманский, на купюрах достоинством в 3, 5 и 10 червонцев — И. И. Дубасов). Достоинство билетов указывалось на оборотной стороне на 11 языках союзных республик (в соответствии с Конституцией СССР 1936 года).

Во время Великой Отечественной войны фашистские оккупанты изготовили некоторое количество червонцев эмиссионного банка, указав место и время выпуска: Киев, 1941. Массу пакетов с этими «деньгами» Красная Армия захватила при наступлении в 1943—1944 годах. Они были уничтожены [59]. В целях ограбления советского населения, оказавшегося на временно оккупированной территории, фашисты прибегали также к выпуску фальшивых дензнаков, повторявших рисунок настоящих советских денег. На освобожденной территории денежное обращение было кое-где засорено такими фальшивками [60].

Червонцы находились в обращении в нашей стране до денежной реформы 1947 г. (в ходе ее были окончательно изъяты также червонцы, сфальсифицированные фашистами). Вместо червонцев вводились билеты Госбанка достоинством в 10, 25, 50 и 100 рублей. Теперь структура денежного обращения приобрела необходимую стройность и в том отношении, что наименование «червонец» на банковых билетах уступило место слову «рубль». Именно в рублях стали вестись все исчисления денег в повседневной жизни социалистической державы. А повышение значения рубля как валюты привело затем к превращению переводного рубля в важное средство упрочения финансово-экономической базы стран — членов СЭВ [61].

---

[56] «Известия», 22.VII.1930.
[57] «Экономическая жизнь», 5.IX.1932.
[58] «Известия», 8.I.1938.
[59] «Коллекционер Азербайджана», 1969, № 1—2, стр. 33—34.
[60] З. В. Атлас. Социалистическая денежная система. М. 1969, стр. 295.
[61] См. Ю. А. Константинов. Переводной рубль. «Вопросы истории», 1976, № 3.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ДОГОВОР 907 г.: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ ЛЕТОПИСЦА?

А. Н. Сахаров

Сложно и противоречиво развивалась историография одного из знаменательных в древнерусской истории событий — похода Руси на Константинополь в 907 г. и последовавшего за этим заключения русско-византийского договора, который автор «Повести временных лет» отнес к тому же 907 году. 150 лет полемики по поводу этих событий не дали ответа на вопрос — был или не был заключен упоминаемый летописцем договор 907 года. Вместе с тем до настоящего времени остается неясным и такой вопрос: способно ли было развивающееся древнерусское государство в первые годы X в. добиться столь впечатляющего успеха, как заключение с Византией развернутого межгосударственного соглашения; способно ли было оно продемонстрировать овладение теми международными дипломатическими стереотипами, которые совершенно очевидно доходят до нас сквозь скупые строки описания русско-византийского соглашения 907 года?

Автор «Повести временных лет» рассказывает, как русское войско под водительством Олега подошло к Константинополю, учинило разгром столичной округи, а затем двинулось к крепостным стенам. Греки ужаснулись и взмолились: «Не погубляй града, имемъ ся по дань, яко же хощеши». Военные действия были приостановлены. Начались переговоры. Олег запросил дань по 12 гривен на человека. А всего в каждом из 2 тыс. кораблей находилось «по 40 мужь». Греки согласились на это требование и «почаша... мира просити, дабы не воевал Грецкые земли». В Константинополь были посланы пятеро Олеговых послов, которые получили наказ Олега: «Имите ми ся по дань». Переговоры продолжались, русские требовали выплатить дань по 12 гривен уже не на человека, а на «ключ», а также «уклады» на русские города. Далее идет изложение текста, из которого видно, что сюжетом переговоров стали вопросы, связанные с порядком пребывания русских посольских и торговых миссий в Византии и освобождения русского купечества от уплаты пошлин при продаже товаров на константинопольском рынке. В заключение летописец излагает историю оформления мира и возвращения русского войска на родину [1].

Поначалу в отечественной историографии версия «Повести временных лет» о договоре 907 г. была воспринята спокойно. М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, М. Н. Щербатов, И. Н. Болтин не сомневались в достоверности этого договора. Многолетняя дискуссия исходила от А. Л. Шлецера, который поставил под сомнение летописное известие и о походе, и о договоре 907 года [2]. Он же первым для подтверждения своей позиции ввел в историографию такой аргумент, как молчание об этих событиях византийских историков.

На протяжении последующих 150 лет в дискуссии четко определились две линии: одни историки считали договор плодом вымысла автора «Повести временных лет»; другие полагали, что он является исторической реальностью, но и эти последние по-разному оценивали его содержание, место в системе восточноевропейской дипломатии.

В течение XIX в. русская официальная и либеральная историография воспринимала договор традиционно; его содержание помещалось едва ли не во все общие курсы по отечественной истории и в специальные исторические, историко-правовые, историко-церковные работы. А в начале XX в., опираясь на мнение А. Л. Шлецера, новый удар по достоверности договора 907 г. нанес киевский историк Г. М. Барац. Он

---

[1] «Повесть временных лет». (ПВЛ). Ч. 1. М. 1950, стр. 24—25.

[2] А. Л. Шлецер. Нестор. СПБ. 1809. Т. I, стр. 5; т. II, стр. 634, 641, 752—758.

писал, что в договорах Руси с греками «ничего не поймешь», что это просто «изодранные лоскуты», случайно сцепленные между собой неумелой рукой плохого компилятора [3].

Скептической линии по отношению к договору 907 г. придерживался В. И. Сергеевич. «Сомнительно и спорно» — вот его тезис при подходе к летописным известиям о событиях 907 года. Он считал, что самый текст договора не сохранился, что «причины, вызвавшие заключение нового мира (то есть договора 911 г.— *А. С.*), остаются... неясными», да и само изложение договора 907 г., по Сергеевичу, выглядит отрывочно, он не имеет начала. Выступая против точки зрения ряда историков о том, что договор, возможно, носил прелиминарный (предварительный) характер и лишь предварял позднейшее соглашение 911 г., В. И. Сергеевич писал, что эта точка зрения слишком искусственна по отношению к «таким примитивным деятелям, какими были руссы времен Олега» [4].

Реальность договора 907 г. вызвала сомнения и у А. А. Шахматова. Он утверждал, что договор 907 г.— это вымысел летописца, причем вымысел хорошо продуманный, преднамеренный. А. А. Шахматов объясняет и мотивы этой древней фальсификации. Летописец, ознакомившись с текстом договора 911 г., обнаружил в его заглавии указание на то, что ему предшествовал какой-то договор, тождественный с договором 911 г.,— именно так понял А. А. Шахматов начальные слова договора 911 г.: «равно другаго свещания, бывшего при тех же царьхъ Лва и Александра». Из заглавия летописец вывел, что первый мир относится ко времени Олегова похода на Царьград. Он тут же высчитал и время похода — 907 г., просто-напросто взяв эту дату из народного предания, которое тоже оказалось здесь же в летописи и говорило о смерти Олега через четыре года на пятый после его похода на Византию. Но в 907 г. еще не правил император Константин, венчанный на царство позднее. А он-то и упоминался в преамбуле соглашения 911 года. Тогда Нестор просто вычеркнул из преамбулы имя Константина и оставил там имена царствовавших в 907 г. Льва и Александра, которые и заключили в 907 г. с Олегом какой-то договор, в чем-то общий, «равный» договору 911 года. Но серия подделок на этом не кончается. Летописец изобретает и самый договор 907 года. К тому же, замечает А. А. Шахматов, в договоре Игоря 944 г. есть ссылки на статьи «ветхого мира». Все эти ссылки ведут к 907 г., но статей этих нет в договоре 911 г.; значит, делает вывод А. А. Шахматов, они перенесены искусственно из 911 в 907 год. И вот итог: договора 907 г. не существовало, «Олег заключил с греками только один договор» 911 года [5].

Сомнения А. А. Шахматова были в дальнейшем поддержаны А. Е. Пресняковым, С. П. Обнорским, С. В. Бахрушиным [6]. И позднее отзвуки этого подхода к договору 907 г. ощущались в советской историографии. Так, Д. С. Лихачев, с одной стороны, не сомневался в реалиях похода 907 г. и писал о четырех договорах (907, 911, 944, 971 гг.) Руси с греками, включая в их состав и договор 907 года. С другой стороны, он согласился с точкой зрения А. А. Шахматова, что договор 907 г.— это извлечение из текста договора 911 г. («простая выборка некоторых статей из договора 911 г.») [7]. Б. А. Рыбаков в своих работах проходит мимо как даты похода (907 г.), так и самого договора 907 г., хотя признает исторически реальными факты похода [8]. Еще

---

[3] Г. М. Барац. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев. 1910, стр. V.

[4] В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПБ. 1910, стр. 626—628, 631—632, 635.

[5] А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. «Записки неофилологического общества». Вып. VIII. Птгр. 1915, стр. 391—395.

[6] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. М. 1938, стр. 69; С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление». Вып. VI—VII. М.-Л. 1936, стр. 80, 81, 100; С. В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 172—173.

[7] Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет». (Историко-литературный очерк). ПВЛ. Ч. 2. М.-Л. 1950, стр. 49, 53, 118, 262—263 и сл.; его же. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л. 1947, стр. 163.

[8] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963, стр. 178, 179; см. также «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. I. М. 1966, стр. 489, 490.

раз версия об искусственном происхождении текста договора 907 г. нашла отражение в работах А. Г. Кузьмина, С. М. Каштанова и О. В. Творогова [9].

Другая группа ученых — как дореволюционных, так и советских — не отрицает достоверности летописных сведений о договоре 907 г., но считает его прелиминарным миром, который был перезаключен в 911 году. Первым эту точку зрения высказал Г. Эверс [10]. Позднее И. И. Срезневский, сравнивая договоры Руси с Византией от 907 и 944 гг., пришел к выводу, что статьи договора 907 г.— это «отрывки из особенной грамоты» [11]. На реалиях договора 907 г. настаивали М. П. Погодин и Н. П. Ламбин [12]. Последний считал договор 907 г. словесным, а 911 г.— письменным. В конце XIX — начале XX в. отечественные историки и правоведы не раз возвращались к сюжетам 907 г. и вновь высказывали точку зрения, что договор 907 г.— словесный, прелиминарный мир, а договор 911 г.— «формальный», письменный договор [13]. В эти же годы М. С. Грушевский, отрицая историческую достоверность факта нападения Руси на Константинополь, тем не менее признал, что какие-то походы русских ратей на Византию предпринимались, результатом чего и явилось заключение выгодных для Руси договоров с империей, включавших условия о выплате греками контрибуции, дани и иные благоприятные для Руси пункты [14].

В советской историографии мнение о прелиминарном характере договора высказали Б. Д. Греков, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, а в юридической литературе — Ф. И. Кожевников. Последний считал договор 907 г. проходящим соглашением: византийцы всего-навсего хотели откупиться от руссов и послали к ним своих парламентеров, которые и заключили предварительный договор; в 911 г. он «был заменен новым, более обстоятельным и более выгодным для русских» [15]. Б. Д. Греков, не указывая, правда, даты похода, говорит по этому поводу коротко: византийцы пошли на невыгодный для них мир под стенами Константинополя, «после чего был заключен письменный договор, определяющий отношения между Киевским государством и Византией». Договор 907 г., надо полагать, такие отношения еще не регламентировал. Анализируя договор 911 г., Б. Д. Греков рассматривает в его составе и статьи, помещенные летописцем под 907 годом. Тем самым автор полностью перечеркивает договор 907 г. в его летописной версии, опираясь на ставшее к этому времени традиционным понимание его статей как извлечения из договора 911 года [16].

М. В. Левченко считал, что договор 907 г. оказался недостаточным в условиях развивавшихся русско-византийских отношений, этим-то и объяснялась посылка в Византию посольства Олега и заключение нового соглашения 911 года [17]. Он обращает

---

[9] А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань. 1969, стр. 83; его же. Начальные этапы древнерусского летописания. М. 1977, стр. 330—331; С. М. Каштанов. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М. 1972, стр. 212; его же. Русские княжеские акты X — XIV вв. (до 1380 г.). «Археографический ежегодник за 1974 год». М. 1975, стр. 99; О. В. Творогов. Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий). «Историческое повествование Древней Руси». «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ТОДРЛ). Т. XXX. М. 1976, стр. 17, 21.

[10] И.-Ф.-Г. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПБ. 1835, стр. 135

[11] И. И. Срезневский. О договорах Олега с греками. «Известия» Отделения русского языка и словесности АН СССР (ОРЯС). Т. I. СПБ. 1852, стр. 311.

[12] М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции. Т. III. М. 1846, стр. 195; Н. П. Ламбин. Действительно ли поход Олега под Царьград сказка? (вопрос г. Иловайскому). «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1873, июль.

[13] А. Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками. «Византийский временник». Т. II. СПБ. 1895, стр. 543; Д. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП. Новая серия. Ч. LIX. 1915, октябрь, стр. 296—297.

[14] М. Грушевський. Історія України — Руси. Т. I, Львів. 1904, стр. 386.

[15] Ф. И. Кожевников. Русское государство и международное право М. 1947, стр. 8.

[16] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949, стр. 449, 450. С. М. Каштанов считает, что «Б. Д. Греков колебался в вопросе о самостоятельности договора 907 г.». (С. М. Каштанов. Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.), стр. 99), хотя никаких колебаний мы в работах Б. Д. Грекова на этот счет не заметили.

[17] М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, стр. 101, 118, 120—121.

внимание на дипломатическую практику X в., которую прекрасно знали на Руси и согласно которой дипломатические переговоры, например, между Византией и Болгарией, тянулись годами и включали как предварительные, так и окончательные соглашения. М. В. Левченко был поддержан в этом вопросе В. Т. Пашуто: «Кажется, правы те,— пишет он со ссылкой на М. В. Левченко и польского историка С. Микуцкого,— кто считает его (договор 907 г.— *А. С.*) предварительным соглашением, судьбу которого и решил поход 911 г.». Договор 907 г. В. Т. Пашуто характеризует как «межгосударственный», «юридически зрелый». Автор подчеркивает, что он «лишь зафиксировал и объединил нормы, уже бытовавшие в прежних соглашениях отдельных славянских земель с Византией» [18].

Существует и третья точка зрения, смысл которой заключается в том, что договор 907 г. является основным, решающим в отношениях Руси и Византии в начале X в. и имеет универсальное значение для последующих отношений двух государств в X—XI веках. Первым эту концепцию высказал Н. А. Лавровский [19]. Детально обосновывал подобную версию В. В. Сокольский в публичном выступлении в 1870 году. Он обратил внимание на то, что оформление такого акта само сопровождалось предварительным договором, что свойственно самостоятельным политическим соглашениям. Договор же 911 г., по мнению Сокольского, является лишь дополнением к договору 907 г., ставшим необходимым в ходе торгового и политического сотрудничества Руси и Византии [20].

С. М. Соловьев дал на этот счет почти бытовую зарисовку, которая в общем достаточно четко укладывается в концепцию самостоятельности и универсальности договора 907 г.: допустив русских в Византию, писал С. М. Соловьев, «греческий двор должен был урядиться с киевским князем, как поступать при необходимых столкновениях русских с подданными Империи». Так появился договор 911 г.; он был утвержден «на основании прежнего ряда, заключенного тотчас после похода» [21]. Ту же точку зрения поддержал А. В. Лонгинов. Он повторил аргумент Сокольского, отметив, что Олег под стенами Константинополя утвердил мир клятвой, а это говорит в пользу самостоятельного характера договора. Вслед за С. М. Соловьевым А. В. Лонгинов принял и версию о дополнительном характере договора 911 г. по отношению к миру 907 года [22]. В дальнейшем об этом же писал и Д. Я. Самоквасов. «Древний мир», являющийся основой для последующих соглашений,— так определил этот автор значение договора 907 года. «Договоры 911, 945 и 971 годов представляют собою только подтверждения и дополнения договора 907 года» [23].

В советской литературе в защиту этой концепции выступал В. М. Истрин. Он считал, что соглашение 907 г. отвечает всем современным ему дипломатическим канонам. Однако оно оказалось недостаточным для регулирования отношений между двумя странами, поэтому в 911 г. Олег отправил «особых послов» в Константинополь для восполнения недостающих взаимных условий. Они и появились в договоре 911 г., но позднее были выброшены летописцем, так как повторяли нормы договора 907 года [24].

Наконец, некоторые историки (как дореволюционные, так и советские), признавая самостоятельность договора 907 г., придавали ему ограничительный, торговый характер. Одним из первых версию о чисто торговом характере договора 907 г. высказал в

---

[18] В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, стр. 314, 60—61; см. также А. П. Новосельцев. В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси. «История СССР», 1967, № 3, стр. 82.

[19] Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПБ. 1853, стр. 71.

[20] Сокольский. О договорах русских с греками. «Университетские известия» (Киев), 1870, № 4, стр. 3—4.

[21] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. I. М. 1959, стр. 143.

[22] А. В. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса. 1904, стр. 72, 83.

[23] Д. Я. Самоквасов. Курс русского права. М. 1908, стр. 5, 30. Автор берет здесь летописную дату Игорева договора с Византией.

[24] В. М. Истрин. Договоры русских с греками X в. «Известия» ОРЯС. Т. XXIX. Л. 1924, стр. 386—387.

общем курсе истории В. О. Ключевский [25]. Ее поддержали Д. Я. Самоквасов и М. К. Любавский [26]. В советской историографии эта мысль встречается в работе М. А. Шангина [27].

В советских обобщающих трудах авторы, несомненно, учитывали отсутствие единого мнения по поводу этого исторического сюжета. Отсюда и осторожные оценки. Так, в многотомных «Очерках истории СССР» говорится: «О соотношении текстов этих договоров (907 и 911 гг.— *А. С.*) в литературе существуют разногласия. Во всяком случае факт заключения договора в 907 г. не подлежит сомнению и можно смело утверждать, что выгодный для Руси договор явился следствием удачного похода русских «воев» на Царьград» [28]. Несколько лет спустя освещению похода и договора 907 г. не нашлось места в многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» [29]. Авторы другого обобщающего труда — двухтомной «Краткой истории СССР» отметили, что «первым походом Руси на Византию является поход Олега 907 г., когда он во главе огромного войска... подошел к Царьграду и заключил с Византией победоносный мир. Условия его несколько позднее были оформлены в русско-византийском договоре 911 г., весьма выгодном для Руси» [30]. Таким образом, приняв факт похода в 907 г., они полностью игнорировали договор 907 г., отождествив его с документом 911 года. В «Истории дипломатии» не нашлось места ни походу, ни договору 907 года. Там говорится лишь о трех договорах Руси с греками — 911, 944 и 971 годов. В «Истории Болгарии» договор 907 г. оценивается как чисто «торговый договор» [31]. По-иному рассказывается о ходе и итогах военной кампании 907 г. в «Истории Византии». Автор главы «Византия и Русь в IX—X вв.» Г. Г. Литаврин не сомневается в подлинности похода и договора 907 года. Этот договор он называет соглашением, достигнутым под стенами Константинополя, и отмечает, что в 911 г. был заключен еще один договор [32].

В работах зарубежных историков отразилась острая полемика, существующая по этому вопросу в отечественной историографии. В XVIII—XIX вв. в обобщающих трудах по русской истории, выходивших за рубежом, история похода и договора 907 г. излагалась в соответствии с интерпретацией этого вопроса в русской историографии XVIII века [33]. Но уже в первой трети XIX в. на Западе раздались голоса, выразившие недоверие к «Повести временных лет». События 907 г. объявил «полностью мифической традицией» немецкий историк Ф. Вилькен [34]. Русский эмигрант Н. Брянчанинов и англичанин С. Рэнсимен повторили эту версию [35]. «Обычной сагой» назвал историю Олегова похода и договора 907 г. немецкий историк Г. Лэр [36]. Умолчание греческих источников было основным аргументом для этих историков в их отрицании реалий 907 года.

Особенно активно против достоверности сведений русской летописи о походе и договоре 907 г. выступили в 30—50-е годы XX в. бельгийский византинист А. Гре-

---

[25] В. О. Ключевский. Сочинения. Т. I. М. 1956, стр. 145—146, 156.

[26] Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 11; М. К. Любавский. Древняя русская история до конца XVI в. М. 1918, стр. 82.

[27] М. А. Шангин. Два договора. «Историк-марксист», 1941, № 2, стр. 114.

[28] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XIII вв.». Часть первая. М. 1953, стр. 81.

[29] «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. I. М. 1966, стр. 489.

[30] «Краткая история СССР». Ч. I. М.-Л. 1963, стр. 50; изд. 2-е. Л. 1972, стр. 37.

[31] «История дипломатии». Т. I. М. 1959, стр. 122; «История Болгарии». Т. I. М. 1954, стр. 90.

[32] «История Византии». Т. 2. М. 1967, стр. 230.

[33] N. G. Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie Ancienne. Vol. I. P. 1783, pp. 102—116; P. Ch. Lavesque. Histoire de Russia. Hamburg, Brunswick. 1800, pp. 70—81; A. Coure. La Russi, à Constantinople. Premiéres tentatives des Russies contre l'Empire Grec. 865—1116, § 3. La légende d'Oleg. 906—907. «Revue des questions historiques», Vol. XIX, P. 1876, pp. 84—94 etc.

[34] F. Wilken. Über die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reich in dem Zeitraum vom neunten bis zum zwölften Jahrhundert. «Abhandlungen der historisch-philologischen Klasse der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin». B. 1829, S. 93—98.

[35] N. Brian-Chaninov. Les origines de la Russie historique. «Revue des questions historiques», № 102—103, P. 1925, pp. 312—314; S. Runciman. The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. Cambridge. 1929, p. 110.

[36] G. Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. B. 1930, S. 34—35, 130—131.

гуар и английский историк Р. Доллей. А. Грегуар в статьях «Легенда об Олеге» и «Легенда об Олеге и экспедиция Игоря» [37] писал, что князь Олег никогда не существовал, что летопись Нестора «содержит столь же много ошибок, сколь и слов» [38]. В дальнейшем положения А. Грегуара были развиты Р. Доллеем. И вновь умолчание греческих источников о походе и договоре 907 г., «заимствования» из истории болгаро-византийских отношений явились для автора решающим аргументом [39].

Наконец, последние по времени историографические выступления против достоверности похода и договора 907 г. падают на 60—70-е годы нашего столетия. И. Сорлен в работе «Договоры Византии с Русью в X веке» возродила к жизни скептицизм некоторых русских историков о событиях 907 г. и поддержала позиции А. Грегуара, Р. Доллея. «Достоверность договоров,— пишет И. Сорлен,— может быть взята под сомнение, если сам поход, который им предшествовал, является только легендой». «Влияние болгарского фольклора», «мозаичность текста», «эхо походов Симеона», «ошибки Нестора» — все эти положения характерны для работы И. Сорлен[40]. Против достоверности договора 907 г. выступили английский историк Д. Оболенский и его ученик Д. Шепард. Д. Оболенский в труде «Византийское сообщество. Восточная Европа, 500—1453» принял версию тех историков, которые полагали, что договор 907 г. является лишь частью соглашения 911 года. Автор проходит мимо таких сюжетов переговоров 907 г., как вопрос о заключении мирных отношений между двумя странами или об уплате Византией дани Руси. Д. Шепард в небольшой студенческой работе о проблемах русско-византийских отношений с 860 по 1050 г. также, не приводя никаких аргументов, опускает дату 907 г. и считает, что «хорошо организованное русское правительство заявило о себе в 911 году, являющемся наиболее твердой датой договора» [41].

Однако глубоко не прав был А. Грегуар, когда утверждал, что к концу 30-х годов не было слышно ни одного голоса в защиту достоверности русских летописных известий о событиях 907 года. В пользу правдоподобности похода и договора 907 г. выступил в 1938 г. американский историк Г. Рондал. В 1947 г. известный французский историк Л. Брейе отметил реальность похода Олега, поражения греков и даже факт встречи Льва VI и Олега для утверждения мирного договора. В 1948 г. летописную версию похода и договора 907 г. принял канадский историк А. Боак, посчитавший переговоры 907 г. лишь предварительным соглашением, которое было завершено «формальным договором» 911 года [42].

Но наиболее решительно голос в защиту достоверности летописных сведений о русско-византийских отношениях прозвучал в работах Г. Острогорского и А. Васильева. В статье «Экспедиция князя Олега против Константинополя в 907 г.» Г. Острогорский отметил, что русский летописный текст восходит к какому-то древнейшему источнику; что касается умолчания на этот счет греческих хронистов, то все их сведения также восходят к общему корню — Хронике Симеона Логофета, в которой действительно поход 907 г. не упомянут [43]. Г. Острогорский выступил против статьи А. А. Шахматова, отрицающей достоверность договора 907 года. Подробно разбирает обстоятель-

---

[37] «Miscellanea epica et etymologica». I: La légende d'Oleg. «Byzantion», № XI, 1936, pp. 601—604; H. Gregoire. La légende d'Oleg et l'expédition d'Igor. «Bulletin de la classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques de l'Académie royale de Belgique», № XXIII, Bruxelles. 1937.

[38] H. Gregoire. Op. cit., p. 80.

[39] R. H. Dollay. Oleg's Mythical Campaign against Constantinople. «Bulletin de la classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques...», t. XXXV, Bruxelles, 1949, pp. 119—121.

[40] I. Sorlin. Les Traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle «Cahiers du mond russe et soviétique». Vol. II. P. 1961, № 3—4, pp. 336, 338—341.

[41] D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. L. 1971, p. 186; J. Shepard. Some Problems of Russo-Byzantine Relations, 860—1050. «The Slavonic and East European Review», vol. 52, L. 1974, № 126, p. 18.

[42] G. Raundal. Stories of the East Vikings. Minneapolis (Minnesota). 1938, pp. 193—194, 198, 300; L. Brehier. Vie et Mort de Byzance. P. 1947, pp. 150—151; A. F. R. Boak. The Earliest Russian Moves against Constantinople. «Queen's Quarterly», vol. 66, № 3, Kingston (Ontario), 1948, № 3, pp. 312—313.

[43] G. Ostrogorsky. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople au 907. «Annales de l'Institut Kondakov. Seminarium Kondakovianum», vol. XI, Prague, 1939.

ства похода и договора 907 г. А. Васильев в книге «Второе русское нападение на Константинополь». Он считает Киевскую Русь норманнским государством, а Олега — варяжским вождем, но ни минуты не сомневается в реальности самого Олега, его похода и договора 907 года. Он не согласен с оценкой договора 907 г. А. А. Шахматовым и пытается реконструировать полный текст этого договора, утверждая, что в последнем имелась и статья о разрешении русским воинам служить в Византии [44]. А. Васильев выступает против скептических оценок А. Грегуара. Такой взгляд на работы А. Грегуара разделяет и Г. Вернадский [45].

Таким образом, совершенно очевидно, что правильное понимание событий 907 г. возможно лишь при ответе на два взаимосвязанных вопроса: является ли поход 907 г. исторически реальным и достоверны ли сведения автора «Повести временных лет» о заключении Олегом договора в 907 году. Каждый из этих вопросов таит в себе самостоятельную исследовательскую тему.

Спорные вопросы истории похода 907 г. рассмотрены нами в специальном исследовании, где мы постарались показать историческую обоснованность сообщений русских летописей об этом событии [46]. Что касается достоверности сведений «Повести временных лет» о русско-византийском договоре, то они могут быть проверены следующими методами. Во-первых, путем сопоставления сведений о договоре 907 г. с фактами о заключении Византийской империей дипломатических соглашений с другими «варварскими» государствами и народами во второй половине I тысячелетия нашей эры. Во-вторых, за счет выяснения практики заключения дипломатических соглашений Руси этого времени с другими близлежащими государствами и народами. В-третьих, методом анализа самих сведений летописи о ходе переговоров и выработке нового русско-византийского соглашения. В-четвертых, сопоставлением летописных сведений о договоре 907 г. с летописными же фактами о заключении иных соглашений Руси с Византией, выяснением места договора 907 г. в общем строе русско-византийских отношений IX—X веков. В историографии затрагивались отдельные аспекты такого подхода к теме, но до настоящего времени не было предпринято комплексного рассмотрения проблемы по основным выделенным нами направлениям.

В связи с подобной постановкой вопроса необходимо высказать несколько общих замечаний. Прежде всего о хронологической сопоставимости при анализе договора 907 г. и других соглашений, заключенных Византией с окружавшими ее государствами второй половины I тысячелетия. Почему мы берем этот период, а не время, скажем, первых веков II тысячелетия, от которого сохранилось гораздо больше дипломатических документов? Такой хронологический подход оправдан сопоставимостью процессов развития государственного строя у народов Восточной Европы и древней Руси именно второй половины I тысячелетия и началом их дипломатических контактов с Византийской империей. Именно во второй половине I тысячелетия на необозримых пространствах Восточной Европы — от Волги до Паннонии и Карпат, от Балтийского побережья до Северного Причерноморья складывается ряд крупных государственных образований: Аварский каганат, государство хазар, Болгария и др.; одновременно на южных границах Византийской империи, на Ближнем Востоке зарождается новое мощное государство арабов — халифат, а на Западе — держава франков. Этот бурлящий поток новых государств со всех сторон охватывает Византию в VI—X вв., рождая многочисленные свидетельства дипломатических контактов «варваров» с Византийской империей, наследницей дипломатических норм, выработанных еще в античном мире. В это время продолжают свои дипломатические отношения с

---

[44] A. Vasiliev. The Second Russian Attack on Constantinople. «Dumbarton Oaks Papers», 1951, № 6, Cambridge (Mass.), pp. 216, 220 - 221.

[45] G. Vernadsky. The Problem of the Early Russian Campaingns in the Black Sea Area. «The American and East European Review», vol. VIII, N. Y., 1949, p. 4. Убедительную критику воззрений А. Грегуара и анализ позитивных усилий А. Васильева дали в своих работах М. В. Левченко и А. П. Каждан (М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 110—114; А. П. Каждан. К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии (1947—1951). «Международные связи России до XVII в.». М. 1961, стр. 13—16). В 1971 г. договор 907 г. как реальное торговое соглашение оценил английский историк Д. Миллер (D. A. Miller. Byzantine Treaties and Treaty-Making 500—1025. «Byzantinoslavica». T. XXXII. 1971, p. 67.

[46] А. Н. Сахаров. Поход Руси на Константинополь в 907 г. «История СССР», 1977, № 6.

Византией и такие древние государства, как Персия. Их взаимоотношения дают образцы уже разработанных дипломатических норм.

С VI в. доходят до нас первые свидетельства о появлении в ряду «варваров», устанавливавших дипломатические контакты с Византией, древних славян, а с VIII в.— славяно-руссов. Таким образом, древнерусское государство не только переживает те же стадии перехода от военной демократии к раннефеодальному государству, как и другие, окружавшие Византию народы в I тысячелетии, но и ведет параллельно с последними войны против империи, осуществляет с ней дипломатические контакты, включаясь постепенно в общую систему международных отношений своего времени.

Подобный подход к теме определяет и корпус исследованных источников. В первую очередь это, конечно, спорный текст «Повести временных лет», рассказывающий о заключении Олегом русско-византийского договора в 907 г., и тексты других русско-византийских соглашений — 911, 944, 971 гг., историческая достоверность которых в основном не вызывала сомнения ни у русских, ни у зарубежных исследователей.

Изучение договоров Византии с другими государствами основывается на собранном немецким византинистом Ф. Дёльгером реестре всех упоминаний в византийских и западноевропейских хрониках, исторических, географических и прочих трудах арабских, персидских и иных восточных авторов о договорах, дипломатических переговорах, дипломатической переписке византийских императоров с монархами окружавших Византийскую империю государств с 565 по 1025 год. Эти сведения входят в I т. его многотомного издания «Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453». Ценность данной работы заключается в том, что Ф. Дёльгер сведения о том или ином договоре, переговорах, посольстве, переписке приводил на основании всех известных на этот счет сообщений различных авторов. Определенным недостатком названного труда с позиций нашего исследования является то, что каждый факт, содержащийся в книге, будучи хорошо выверенным, представляет тем не менее не живую зарисовку того или иного хрониста, а своеобразное резюме исследователя. Детали, порой немаловажные, при этом утрачиваются, что требует обращения к первоисточнику, где иногда подробно зафиксировано то или иное интересующее нас событие.

В первую очередь мы попытаемся выяснить, какие типы договоров заключала Византийская империя с окружавшими ее «варварскими» государствами, а затем использовать эти знания для определения реальности или ложности сведений «Повести временных лет» о соглашении 907 года. В работе о византийско-иностранных договорах и способах их заключения Д. Миллер отметил, что в отношениях с окружавшими Византию странами во второй половине I тысячелетия империя в основном руководствовалась стремлением во что бы то ни стало не допустить военной конфронтации с этими государствами и урегулировать отношения с ними «через договоры, соглашения,.. которые обеспечивали мир или продлевали его. Мир... был первейшим желанием» [47].

Подобную же трактовку византийской дипломатии дает и Д. Оболенский, настаивавший на том, что Византийская империя, вынужденная оборонять свои границы на двух фронтах — на востоке против Персии, арабов, турок и на севере против «степных варваров» и балканских славян, неуклонно предпочитала дипломатические урегулирования войнам [48]. С этими утверждениями можно было бы согласиться, имея в виду лишь одно уточнение: Византийская империя действительно стремилась путем мирных урегулирований обеспечить безопасность своих границ. Вместе с тем она использовала любую благоприятную возможность для захвата новых территорий, возвращения ранее потерянных владений, а путем мирных установлений пыталась, как правильно заметил Д. Миллер, перевести народы из разряда тех, «которые получали

---

[47] D. A. Miller. Op. cit., p. 56.

[48] D. Obolensky. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. «XIIe Congrès international des Etudes Byzantine, Ochride, 1961, Rapport II». Belgrad — Ochide. 1961, p. 46.

приветствия», в разряд тех, «которые получали приказ», иначе говоря, превратить союзников в вассалов [49].

В зависимости от терминологии Д. Миллер делит договоры на клятвенно-подтвержденные, оборонительные союзы, на «миры», связанные с уплатой дани одной из сторон. Необходимо также учесть важное наблюдение историка, что «империя не заключала «торговых», «политических», «мирных» договоров или каких-то иных соглашений» «in separate», «инструмент договора пытался регулировать весь комплекс отношений между империей и иностранным государством». В то же время в соглашениях делались акценты на те условия, которые более всего соответствовали отношению сторон в данный момент и исходили из данной внешнеполитической ситуации [50]. Из наиболее общих условий соглашения Д. Миллер выделяет статьи политического, военного, юридического, торгового, религиозного содержания. Мы бы добавили сюда и условия о династических браках, которые представляют собой самостоятельный сюжет в переговорах Византии с рядом государств (Хазарский каганат, империя франков, в X в.— Болгария, Русь). Особо выделяет автор «неагрессивные» договоры «мира и союза» (с франками), а также статьи о ненападении (греко-персидский договор 562 г.). Группа статей, охватывающих вопросы об уплате дани, военной помощи, регулирующих имущественно-юридические отношения подданных обоих государств, объединяется автором в понятие «политические статьи». Договоры Византии с Русью, по мнению Д. Миллера, дают «наиболее полное описание торговых прав» как средства дипломатического урегулирования, хотя в целом он определяет их как «торгово-политические соглашения». Смыслом договора 907 г. автор считает «учреждение или совершенствование торговых отношений» между двумя странами [51].

Пользуясь некоторыми наблюдениями Д. Миллера, рассмотрим, какие основные условия входили в состав того или иного типа договоров. Наиболее распространенным древним типом соглашения являлись «миры», которые назывались договором «мира и союза» или «мира и дружбы». Они либо устанавливали мирные отношения после военных действий, либо подтверждали прежний мир, либо впервые регулировали отношения Византии с новым соседом. Эта терминология в дальнейшем была воспринята и на Руси [52]. Каковы их главные условия? Первое — ежегодная уплата дани. Платил или тот, кто больше был заинтересован в мирных отношениях, или тот, кто проиграл войну. Крупные суммы за соблюдение мира на византийских границах империя уплачивала еще антам в VI в., о чем договаривались византийские и антские посольства. С тех пор как в 545 г. император Юстиниан заключил такое соглашение с антами (оно включало и территориальные уступки), на дунайских границах империи воцарился мир и анты стали союзниками Византии [53]. Выплачивали византийцы дань и Аттиле в обмен за обязательство не воевать пределов империи. Византийский писатель и дипломат V в. Приск Панийский сообщал, что по мере возрастания своей мощи гунны требовали повышения размера дани [54].

На условии получения ежегодной дани от Византии Аварский каганат в 558 г. обязался в ходе переговоров охранять дунайскую границу империи от посягательств со стороны «варваров». Византийский историк Менандр писал, что на соблюдение мира авары соглашались в случае, если «будут получать... драгоценные подарки и деньги ежегодно» [55]. Отказ же Византии увеличить это ежегодное вознаграждение привел к

---

[49] D. A. Miller. Op. cit., p. 56. Д. Оболенский, анализируя терминологию дипломатических контрагентов Византии, выделяет союзников «по торжественному договору, наемников, тех, с кем заключаются обычные мирные договоры подданных империи, то есть вассалов, «друзей», к которым отнес Русь IX в. патриарх Фотий (D. Obolensky. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy, p. 57).

[50] D. A. Miller. Op. cit., pp. 57—58.

[51] Ibid., pp. 58—59, 67.

[52] См. А. Н. Сахаров. «Дипломатическое признание» Древней Руси (860 г.). «Вопросы истории», 1976, № 6.

[53] «История Византии». Т. 1. М. 1967, стр. 340. См. также D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453, p. 47.

[54] См. З. В. Удальцова. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М. 1974, стр. 110, 124.

[55] «Fragmenta Historicorum Graecorum» (далее — FHG). Parisiis, editore Ambrosio Firmin Didot. Vol. IV, p. 203.

аваро-византийской войне в 60-е годы VI века [56]. В 562 г. посол персидского шаха Хосрова I соглашался заключить мирный договор с проигравшей военную кампанию Византией при условии, «чтобы римляне ежегодно платили им определенное количество золота». Этот пункт нашел отражение в особой утвердительной грамоте о мире, которая была составлена отдельно от статей конкретного договора [57]. Регулярную дань уплачивала Византия и арабам. По данным Менандра, отдельные арабские племена регулярно взимали платежи с Византии еще в VI в., во времена Юстиниана. Получив отказ в этих платежах при Юстине II и не добившись своего путем дипломатических переговоров, они возобновили набеги на союзников Византии [58].

Вскоре после заключения в 562 г. мирного договора с Персией на 50 лет между двумя государствами разгорелся новый конфликт из-за Армении. В 571 г. была сделана попытка заключить мир. О договоре просил Хосров I и вместе с тем требовал, чтобы Византия вновь выплачивала Персии дань, как это было установлено в 562 году.

Любопытен ответ византийского императора Юстина II на это предложение: «Тот, кто просит мира, должен заплатить дань» [59]. В том же году император, потерпев поражение в войне с аварами, согласился на уплату им ежегодной дани в обмен за восстановление мирных отношений. Через несколько лет и с аварами, и с персами был проведен новый тур переговоров. В 574 г. мир с аварами был подтвержден; Византия должна была ежегодно выплачивать каганату 80 тыс. золотых монет. Переговоры с персами вновь зашли в тупик из-за вопроса о выплате дани. Не удалось достичь договоренности по этому поводу ни в 575, ни в 577 году [60]. В 582 г. Византия по мирному договору с аварами подтвердила свою обязанность платить им дань и обещала отдать деньги за те годы, когда дань не выплачивалась. Через два года после очередного военного конфликта договор был подтвержден, а ежегодная дань аварам увеличена на 20 тыс. золотых монет. В 600 г. был заключен еще один мирный договор с аварами и дань им вновь увеличена. По этому договору авары обязывались пропустить византийские войска через Дунай в случае войны империи с балканскими славянами. Договоры мира с уплатой аварам дани были перезаключены в 603—604, 617 годах [61].

В VII в. аналогичные договоры после ряда военных столкновений заключались Византией с арабами. По перемирию 641 г. империя обязалась заплатить арабам дань; в 650 г. императорское посольство появилось в Дамаске для заключения с арабами мира и обязалось в течение 3 лет выплачивать дань. В 659 г. фортуна изменила арабам, и они за мир уже должны были платить Византии ежедневно по 1 тыс. золотых монет, по лошади и рабу. В 678 г. арабский халиф Муавия заключил с империей мир, по которому он согласился выплачивать Византии дань в течение 30 лет по 3 тыс. золотых монет ежедневно, а также выполнить другие обязательства. В 685 г. халиф Абдаль-Малик подписал с Византией мир на 3 года на близких условиях: халифат продолжал выплачивать империи дань. Через три года эти условия были подтверждены. После долгих и упорных войн в VIII в. византийское посольство Константина VI в составе логофета Ставрокия, магистра Петра и доместика Антония заключило в 781 г. мир на 3 года с халифом Гаруном-аль-Рашидом; империя обязалась уплачивать еженедельно арабам по 10 тыс. золотых монет. В 798 г. мирный договор 781 г. был подтвержден, а затем в 865 г. императором Никифором заключен заново. И вновь империя обязывалась платить арабам дань [62]. В 831 г. византийское посольство к хали-

---

[56] «История Византии». Т. I, стр. 343; см. также D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453, p. 50; З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 261—262.

[57] FHG. Vol. IV, pp. 208—209. И до этого соглашения Византия еще при императоре Феодосии с 422 г. платила денежную дань Персии за обязанность персов охранять северные горные проходы на Кавказе от вторжений «варваров». В дальнейшем в процессе долголетних военных конфликтов персы неоднократно требовали уплаты ежегодной дани, покрытия старых долгов — в 532, 545, 557 гг. (Ю. Кулаковский. История Византии. Т. II. Киев. 1912, стр. 66—67, 196, 203, 208).

[58] См. З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 264.

[59] «Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453. Tl. I: Regesten von 565—1025». München—B. 1924 (далее — Regest.), № 23.

[60] Regest., №№ 21, 34, 36, 43.

[61] Ibid., №№ 64, 82, 131, 152, 171; см. также Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 448—449.

[62] Regest., №№ 239, 253, 257, 340, 353, 366.

фу Мамуну предложило мир на 5 лет; при этом империя обязывалась заплатить 100 тыс. золотых монет. В течение X в. Византия, подписывая мирные договоры с различными арабскими эмиратами (Египтом, эмирами Алеппо, Месопотамии), брала на себя обязательство выплачивать им ежегодные дани [63].

Аналогичные договоры мира с условием уплаты империей дани заключались и с болгарами. По договору 634 г. Византия установила с ними мир; хан (князь) Кубрат получил в подарок денежную сумму и был провозглашен патрикием. Ежегодной выплаты дани добился от империи хан Аспарух в 679 г., согласившись на установление с Византией отношений мира. По миру с ханом Тервелом в 716 г. Византия уплачивала болгарам ежегодную дань одеждой, дорогими красными кожами и другими товарами на сумму в 30 фунтов золота. И когда в 755 г. император Константин V отказался платить болгарам положенную дань, разразилась война. В 893 г. империя изъявила готовность выплачивать ежегодную дань Симеону [64]. Это обязательство было одним из условий мирного византино-болгарского договора. Болгаро-византийские войны 894—896, 913 и последующих годов заканчивались мирными договорами, включавшими пункт о выплате Византией ежегодной дани Болгарии. И конфликт 912 г. возник из-за того, что правительство императора Александра не смогло выплатить дань Симеону [65]. В 927 г. затяжные болгаро-византийские войны закончились заключением мирного договора, по которому Византия вновь обязалась давать Болгарии ежегодную дань [66]. Эту дань империя уплачивала Болгарскому царству вплоть до 60-х годов X века. Новая болгаро-византийская война, вспыхнувшая в 966 г., началась, в частности, как сообщает Лев Диакон, из-за того, что империя прекратила выплату Болгарии дани, а на требование болгарского посольства выполнять свои даннические обязательства император Никифор Фока ответил презрительным отказом и жестоко оскорбил послов [67]. То было время, когда Византийская империя значительно окрепла после военных потрясений начала века и располагала превосходной армией [68].

Мирные отношения с франками также были обеспечены сначала дорогими подарками королю Пипину Короткому (757 г.), а с 798 г.— Карлу Великому, затем Людовику Благочестивому [69]. Нельзя сказать, что это была дань, но связь денежных выплат за сохранение мира с могучей державой франков прослеживается определенно и в данном случае.

Установление мирных отношений как на короткие (3—5 лет), так и на длительные (30—50 лет) сроки обеспечивались порой не только ежегодными денежными платежами, но и другими условиями: территориальными урегулированиями (с болгарами), обменом военнопленными (с арабами) и т. д. Несмотря на разные терминологические определения этих «миров», вызванных конкретными историческими обстоятельствами, их содержание во многом оказывается сходным и обнимает всё те же вопросы уплаты ежегодных даней, территориальных, торговых, династических договоренностей. Близки к ним по содержанию и договоры о мире и союзе; их отличительной чертой явилось наличие в соглашении условия о предоставлении Византии военной помощи, и в них выплата империей ежегодной дани своим союзникам представляла собой один из центральных пунктов соглашения. Так, в 622—623 гг. Византия заключила договор о союзе и помощи с аварами; денежная ежегодная плата и в этом случае (как и в прежних мирных договорах с аварами) была главным условием соглашения. В 625—626 гг. во время войны с Персией император Ираклий просил у Хазарии помощи в 40 тыс. всадников, обещая кагану отдать ему в жены свою дочь Евдокию и отправляя ему богатые подарки. Союзная помощь за деньги покупалась империей в 893 г. у угров против Болгарии, в 917 г.— у печенегов против той же Болгарии [70]. Во многих случаях такие союзы Византия старалась подкрепить династическими браками. Заключение

---

[63] Ibid., №№ 423, 579, 603, 747, 769, 770.
[64] Ibid., №№ 208, 243, 276, 522; «История Болгарии». Т. I, стр. 66, 81.
[65] «История Византии». Т. 2, стр. 199.
[66] «История Болгарии». Т. I, стр. 82.
[67] «История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей». СПБ. 1820, стр. 39.
[68] «История Болгарии». Т. I, стр. 90; D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453, p. 128.
[69] Regest., №№ 320, 353, 385, 438.
[70] Ibid., №№ 177, 183, 519, 713.

союза против конкретного врага (например, с аварами против склавинов в 578 г. [71]) порою основывалось на прежних договорных мирных отношениях, поддерживаемых ежегодными данями со стороны Византии. Поэтому вряд ли можно провести резкую грань между «мирами» и «союзами». Мирные отношения Византии с соседями, подкрепленные ежегодными платежами, в период войны с врагом вызывали к жизни соглашения о союзе и помощи [72].

Система ежегодных денежных платежей лежала в основе мирных урегулирований Византии с окружавшими ее странами, в первую очередь с «варварским» миром севера и востока. Д. Оболенский заметил по этому поводу: «Византийское правительство со времени Юстиниана до Василия II выплачивало значительные суммы для того, чтобы обеспечить лояльность народов-сателлитов империи. Во многих случаях эти деньги были несомненной данью, добытой варварами острием меча» [73].

Русь не осталась в стороне от дипломатических традиций раннего средневековья, и нам думается, что договоры с Византией 60-х годов IX в. и 907 г. не были единственными в ее политической истории конца IX — начала X века. У нас есть свидетельства о заключении Русью договоров «мира и любви» и с другими государственными объединениями. В первую очередь здесь следует сказать о варягах. В «Повести временных лет» говорится о том, что Олег «устави варягомъ дань даяти от Новгорода гривенъ 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягомъ» [74]. Об этом же повествует и «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» («на лето мира деля» [75]). Историки по-разному оценили это событие [76]. Мы полагаем, что в данном случае Русь получила мир на своих северо-западных границах за счет уплаты варягам ежегодной дани по образу и подобию многих византино-иностранных соглашений второй половины I тысячелетия. Это соглашение явилось итогом всей истории взаимоотношений Руси с варягами, как она представлена в «Повести временных лет» и других летописных сводах. Они донесли до нас сведения о давних и разнообразных отношениях варягов и северо-западных славяно-русских и других племен. Под 859 г. «Повесть временных лет» сообщает о том, что варяги «имаху» дань с чюди, словен, мери, кривичей. Здесь же летописец сравнивает взаимоотношения варягов и славянских племен (словене, кривичи) с отношениями между хазарами и другими славянскими племенами: хазары брали дань с полян, северян, вятичей. В этих условиях дань являлась признаком зависимости славянских племен как от варягов, так и от хазар. Затем следует известие о том, что варяги были изгнаны за море. Следствием этого явилось прекращение уплаты им дани («и не даша им дани» [77]). И вот вновь появляются сведения об уплате варягам дани «мира деля». Беспокойные соседи, видимо, наносили ощутимый вред северо-западным русским землям. И едва ли не первой акцией молодого древнерусского государства стала выплата варягам дани «мира деля», ради соблюдения мира.

Овладев Киевом, подчинив себе окрестные славянские племена, Олег в то же время оградил себя от постоянных нападений со стороны варягов, откупившись от них ежегодной данью. В дальнейшем менялись князья на киевском столе, бурно развивалось древнерусское государство, иным, видимо, становился и варяжско-прибалтийский мир, но 300 гривен в год в течение 150 лет Русь регулярно выплачивала варягам «мира деля». Нам думается, то был обычный для тех времен договор «мира и дружбы», который связывал тогда многие государства. В рамках подобного же договора с варягами наряду с уплатой им дани осуществлялась, видимо, и регулярная военная по-

---

[71] Ibid., № 41.

[72] В данном случае мы не разбираем других соглашений: мирных договоров, согласно которым прекращались военные действия и устанавливался порядок обмена пленными, договоров о ненападении, «миров», содержавших лишь уверения в дружеском расположении, но не подкрепленных никакими конкретными статьями; соглашений, включавших договоренности по церковным вопросам.

[73] D. Obolensky. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy, p. 56.

[74] ПВЛ. Ч. 1, стр. 20.

[75] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950, стр. 107.

[76] См. об этом подробнее: А. Н. Сахаров. Поход Руси на Константинополь в 907 г., стр. 78—80.

[77] ПВЛ. Ч. 1, стр. 18.

мощь варягов киевским князьям. Действительно, варяги шли с Олегом и на Смоленск, и на Киев, позднее они приняли участие, согласно летописным данным, в походах на Константинополь Олега (907 г.) и Игоря (944 г.).

Аналогичный договор, правда, в иных, более тяжких для Руси обстоятельствах, был заключен Киевом с уграми. Под 898 г. «Повесть временных лет» сообщает: «Идоша угри мимо Киевъ горою еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедъше къ Днепру сташа вежами, беша бо ходяще аки се половци» [78]. Обращает на себя внимание та настойчивость, с которой народное предание повторяет факт прихода угров к Киевским горам. В летописи отразилась частично и причина этой прочности: угры стали под Киевом вежами, как это делали позднее половцы. А это значит, что над русской столицей нависла смертельная опасность — враг грозил штурмом. Иных следов событий, разыгравшихся под Киевскими горами, летописи не сохранили. Уже одно это указывает на определенный информационный провал в истории взаимоотношений угров и древней Руси тех лет, имеющийся в летописях. Возможно, сам ход событий был таков, что его отражение в древнейших летописных сводах было политически невыгодно великокняжеской власти.

Ответ на эти вопросы дает в какой-то мере известие венгерского анонимного хрониста XII—XIII вв. об угро-русской войне на исходе IX в., восходящее к протографу XI века [79]. Хронист рассказывает, как, двигаясь на запад, кочевья угров дошли до киевских земель и «захотели подчинить себе королевство Русов». Киевский князь решил дать уграм бой и выступил им навстречу, но был разгромлен войсками венгерского вождя Альмоша. Воины Альмоша преследовали руссов вплоть до стен Киева, где те и заперлись. Далее хронист сообщает, что угры «подчинили себе землю Русов», хотя из самого текста изложения видно, что речь идет не о подчинении, то есть не о долговременном владении завоеванными землями, а о типичных действиях пришельцев-завоевателей в чужой стране, напоминавших такие же действия русских войск в Византии, Закавказье: угры «забрали» «имения» руссов, иными словами, разграбили близлежащие местности, а затем пошли на приступ киевских стен. Руссы запросили мира, и их посольство появилось в лагере Альмоша. Угры потребовали заложников, уплаты ежегодной дани в 10 тыс. марок и предоставления им продовольствия, одежды и других необходимых вещей. Руссы согласились на эти требования, но, в свою очередь, предложили, чтобы угры покинули русские земли. Хронист пишет, что Альмош посоветовался со своими вельможами и угры «исполнили просьбу князей Русов и заключили с ними мир» [80]. Таким образом, после неудачно проведенной войны руссы заключили с уграми стереотипный «мир», в основе которого лежала взаимная договоренность по ряду пунктов и в первую очередь об уплате руссами уграм ежегодной дани. Дальнейшие следы этого «мира» и русско-угорских отношений в конце IX — начале X в. не сохранились.

Уплачивая за мир дань уграм, за мир и союз — ежегодную дань варягам, Русь, согласно договору с Византией 60-х годов IX в., взимала дань с империи, состояла с ней в мирном согласии и, возможно, в союзе.

---

[78] Там же, стр. 21. Эти сведения и последующий текст об уграх, как показал А. А. Шахматов, восходят к древнейшим письменным источникам западных славян (А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. ТОДРЛ. Вып. IV. М.-Л. 1940, стр. 82, 83, 91). В. П. Шушарин выявил, что другим источником этого сообщения являются современные летописцу устные народные предания о венграх и их истории (В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в. «Международные связи России до XVII в.». М. 1961, стр. 173).

[79] В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 132, 149. В. П. Шушарин, анализируя текст венгерского хрониста и протограф этой хроники, показал, что автор протографа при описании маршрута венгров-кочевников выразил довольно точно представления о Руси и соседних с ней народах, а также о проходе венгерских племен через район Киева и о событиях, происшедших под стенами русской столицы (там же, стр. 153, 157, 162).

[80] Там же, стр. 137—141. В. П. Шушарин отмечает, что все эти сведения близки к реальным событиям. Вместе с тем он настойчиво опровергает данные венгерского хрониста о покорении Руси венграми (там же, стр. 170, 176—179), хотя в этом нет необходимости: источник говорит лишь о военных действиях на временно захваченной земле, а не о ее покорении.

Какое же место в свете этих дипломатических соглашений занимал в раннесредневековой истории Восточной Европы русско-византийский договор 907 года?

К началу X в. в своих отношениях с Византией Киевская Русь имела урегулированное состояние «мира и любви», установившееся после нападения руссов на Константинополь в 860 г. и заключения первого межгосударственного русско-византийского договора 60-х годов IX века. Этот договор представлял собою общеполитическое соглашение, которое прекращало состояние войны между двумя государствами, декларировало между ними «мир и любовь», включало пункты об уплате ежегодной дани со стороны Византии, регулярный допуск в империю русских посольств и купечества, соглашение о церковных контактах [81].

Не отрицая торговых противоречий в качестве одной из возможных причин военного конфликта между Византией и Русью в начале X в., все же следует сказать, что, видимо, не они определили новое нападение Руси на Константинополь. Скорее всего причина заключалась в отказе Византии от соблюдения ею наиболее обременительного условия договора 60-х годов IX в.— от выплаты дани. Рухнула сама основа политического договора о «мире и дружбе», и поход Олега мог явиться санкцией в ответ на нарушение греками этого кардинального условия прежнего договора. У нас нет сведений о нарушении греками своих обязательств в отношении уплаты дани Киеву. Но если такие обязательства и существовали, то греки могли их нарушить, воспользовавшись междоусобицей на Руси, падением старой княжеской династии в Киеве, появлением на киевском престоле нового правителя, затяжными войнами Олега с окрестными племенами и хазарами. И не случайно вопрос о дани как основе общеполитического договора возник с первых же шагов византийско-русских переговоров под стенами Константинополя в 907 г. по образу и подобию других византино-иностранных соглашений.

Итак, греки выслали к Олегу своих парламентеров, и те заявили: «Не погубляй града, имемъ ся по дань, яко же хощеши» [82]. Олег остановил своих воинов. Так представляют дело русские летописи. Возможно, что греки говорили какие-то другие слова, возможно, что автор этого древнего летописного отрывка передал здесь какой-то обычный стереотип. Но в этом случае мы хотим обратить внимание на два момента, которые при всех вариантах, при всей эмоциональной раскраске истории являются классическими при подобного рода ситуациях. Во-первых, мы имеем в виду сам момент переговоров, посылки к руссам греческих представителей и, во-вторых, согласие греков выплачивать дань — именно выплачивать, а не выплатить единовременно. Греки остановили военные действия и перевели конфликт из сферы военной в сферу политическую. Здесь уже четко прослеживается идея дани как непременного условия дальнейших мирных отношений. Тут же, по горячим следам событий, Олег потребовал выплатить ему «дань» по 12 гривен на человека, на 2 тыс. кораблей «а в корабле по 40 мужь». Греки, как сказано в летописи, согласились это сделать и просили начать мирные переговоры: «И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли» [83].

Так закончился начальный этап переговоров между греками и русскими. Первые обещали удовлетворить требования Олега о выплате дани. Русский князь запросил огромную сумму единовременной контрибуции, что и явилось основной темой для развернутых переговоров о мирном договоре. Во всяком случае, это все, что русские летописи могут нам сказать по данному поводу. Правда, несколько иную версию одной из фраз цитируемого отрывка дает «Троицкая летопись». В ней говорится, что греки просили Олега остановить военные действия, «дабы не воевал гражан по пристанищемъ» [84]. Но эти слова не меняют общего смысла текста, а лишь несколько приоткрывают нам характер действий русской рати, которая, видимо, грабила прибрежные городки, купеческие склады и т. п.

Как оценивалась в историографии эта ситуация? В. Н. Татищев, а позднее М. М. Щербатов и Г. Эверс заметили, что до заключения договора 907 г. под стенами Кон-

---

[81] См. А. Н. Сахаров. «Дипломатическое признание» Древней Руси (860 г.).
[82] ПВЛ. Ч. 1, стр. 24.
[83] Там же.
[84] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л. 1950, стр. 64.

стантинополя состоялись предварительные переговоры, результатом которых было прекращение военных действий, отход русских от города и начало переговоров о мире [85]. Но в дальнейшем эта мысль затерялась; скептики скомпрометировали историю и похода, и договора, в последних исследованиях советских историков эта немаловажная деталь событий вообще исчезла. В большинстве обобщающих работ данному сюжету вовсе не уделялось внимания; в некоторых же он толкуется неточно. Так, Г. Г. Литаврин полагает, что «под стенами Константинополя было достигнуто соглашение, важнейшие статьи которого сообщает русская летопись» [86]. Если говорить точно, то под стенами византийской столицы было достигнуто лишь соглашение, прекращавшее военные действия, а дальнейшие переговоры относительно договора были проведены в самом городе и отделялись по времени от предварительного соглашения. Причем, рассказывая о появлении греческих парламентеров в стане Олега, летописец не выдумал ничего сверхъестественного; он просто отразил весьма стереотипное положение, когда военные действия приостанавливались, заключалось перемирие. Вслед за первым этапом переговоров, в результате которых греки пообещали выплатить Олегу дань, какую он захочет, летопись сообщает о том, что начался второй этап переговоров. «Олегъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со Леоном и Александромъ» [87]. В Константинополь отправилось Олегово посольство в составе пяти человек — Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида.

Историки давно обратили внимание и на второй этап переговоров, начавшихся после отхода русских дружин от Константинополя, с посольством Олега, присланным в столицу империи [88]. Предшествующей историографией этот факт рассматривался изолированно, между тем он имел прямую связь с международной практикой. Возвращаясь к событиям 860 г., мы видим, что в те времена осада Константинополя руссами была неожиданно прекращена в результате переговоров у стен столицы. А вскоре после ухода русских дружин в Константинополь явилось русское посольство, которое и заключило с Византией мирный договор. Богатую практику в этом плане имели арабо-византийские и болгаро-византийские отношения: многие военные конфликты Болгарии и Византии после приостановления военных действий завершались мирными переговорами, целью которых являлось либо подтверждение прежних условий старого договора, либо выработка нового мирного договора, который соответствовал бы расстановке сил в данный момент. И нередко во время этих переговоров речь шла уже не о прекращении военных действий, а о порядке будущих отношений между государствами, о выработке мирных договоров. Переговоры эти проводили специально выделенные для данных целей посольства. Все перечисленные выше византино-иностранные договоры — «миры» и другие соглашения — о союзе, ненападении, династических браках и т. д. проводились такими посольствами, в состав которых, как об этом говорят византийские, западноевропейские, восточные авторы, входили видные сановники, церковные деятели, полководцы. Особое русское посольство заключило в 60-е годы IX в. с Византией договор «мира и любви». В этой связи посылку руссами своих послов в Константинополь в 907 г. для того, чтобы «миръ творити» с греками, следует также рассматривать не как событие экстраординарное, поверить в которое трудно, а как заурядный факт, как дипломатический стереотип и обычное средство политического завершения военной кампании, которое было хорошо известно и другим «варварским» государствам, и древней Руси начала X века.

Автор «Повести временных лет» точно определил хронологию этих переговоров, а значит, и самого похода: он пишет, что русские послы начали переговоры в Константинополе с императорами Леоном и Александром, то есть со Львом VI и его братом Александром. Третий император, сын Льва VI Константин, будущий Константин Багрянородный, был коронован на царство лишь 9 июня 911 г., то есть уже

---

[85] В. Н. Татищев. История Российская. Т. 2. М.-Л. 1963, стр. 36; М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен. СПБ. 1901, стр. 287; И.-Ф.-Г. Эверс. Указ соч., стр. 135.

[86] «История Византии». Т. 2, стр. 230.

[87] ПВЛ. Ч. 1, стр. 24.

[88] И.-Ф.-Г. Эверс. Указ соч., стр. 1235; А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 54—55; Д. Мейчик. Указ. соч., стр. 297.

после похода 907 г., после заключения договора 907 г., но до подписания договора 911 года [89].

Основным пунктом договора 907 г. явилось восстановление мирных и добрососедских отношений между двумя государствами. Об этом говорит фраза о том, что греки по прекращении военных действий начали «мира просити», а также и последующие слова: «Олегъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима» и заключительный текст, свидетельствующий о том, что «царь Леонъ со Олександромъ миръ сотвориша со Олгом» [90]; наконец, о клятвенном утверждении «мира», то есть договора, восстанавливающего мирные отношения между странами, идет речь в последних словах, посвященных соглашению 907 г. («и утвердиша миръ»). Договор, таким образом, восстанавливал традиционные отношения «мира и любви» между Византией и Русью, известные еще со времен 60-х годов IX века. Все остальные пункты договора 907 г. основывались на этом принципиальном положении, на договоренности о мирных отношениях между двумя государствами. А затем встал вопрос о дани — главной причине всех войн «варваров» с Византией и постоянном объекте их мирных переговоров и договоров с империей.

Последующий текст летописи дает возможность познакомиться не только с конкретными статьями договора 907 г., но и окунуться в атмосферу протекавших переговоров. Отправляя послов в Константинополь, Олег дал им наказ («посла к нима въ градъ... глаголя»). Послы должны были, согласно предварительному соглашению, потребовать прежде всего выполнения обещанного — уплаты дани. «Имите ми ся по дань», то есть «Платите мне дань»,— наказал им Олег. Греки согласились с этим требованием («Чего хощеши, дамы ти»). И тут вдруг совершенно неожиданно в летописи идет текст о новой «заповеди» Олега: «И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключъ и потом даяти уклады на русскыя грады» [91]. Этот текст поставил некоторых историков в тупик. Первый из них, В. Н. Татищев, справедливо усмотрев здесь явное противоречие, благоразумно обошел этот вопрос и опустил место о требовании русских уплатить 12 гривен на человека [92]. М. В. Ломоносов вовсе игнорировал второе требование русских и фиксировал внимание как раз на том, что опустил В. Н. Татищев [93]. И. Н. Болтин был первым, кто четко высказался по поводу отмеченного в летописи противоречия. Критикуя французского историка Н. Леклерка, также принявшего версию о том, что греки выплатили русским дань в количестве 960 тыс. гривен (из расчета 12 гривен на человека), он заметил, что «такого количества серебра, уповаю, во всей Греции в наличности не могло бы сыскаться»; поэтому следует принимать иную, вторую цифру [94].

В дальнейшем историки не раз пытались объяснить двойное известие о сумме дани, которую затребовали русские. Просто вышел из этой трудности Н. М. Карамзин. Он полагал, что требование об уплате дани на человека и на ключ не расходятся, так как уплата «на ключ» и означала уплату на человека, потому что каждый славянин носил на поясе ключ [95]. С. М. Соловьев также увидел здесь повторение одного и того же

---

[89] Кстати, автор «Повести временных лет» был превосходно осведомлен не только о хронологии царствования императоров Льва и Александра в начале X в., но и об их деяниях. Выше он отметил, что император Лев VI начал править в 887 г., и это почти соответствует истине (правильная дата — 886 г.) (ПВЛ. Ч. 1, стр. 21). Под 902 г. автор сообщил об антиболгарских происках Льва VI и о направлении им угров против Симеона. Далее оба императора участвуют в событиях 907 г., а потом они же вместе с Константином заключают с Олегом и договор 911 года.

[90] ПВЛ. Ч. 1, стр. 25.

[91] В «Летописце Переяславля-Суздальского» XIII в., который относится к древнейшей киевской летописной традиции (см. М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XIV вв. Л. 1940, стр. 58—59, 65, 75), наряду с укладами «оу грады» сохраняется цифра в 12 гривен на человека («Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов)». М. 1851, стр. 8—9).

[92] В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 36.

[93] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л. 1952, стр. 222.

[94] И. Н. Болтин. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. Т. I. СПБ. 1788, стр. 68.

[95] Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. I. СПБ. 1830, стр. 399, прим. 310.

известия, но в разных вариантах. Историк объяснил это сшивкой воедино двух разных известий на одну и ту же тему [96]. М. А. Оболенский усмотрел здесь ошибку переписчика. Сколько просил Олег, заключает М. А. Оболенский, возвращаясь к версии М. В. Ломоносова, столько и получил [97]. М. П. Погодин заявил, что 300 пуд. серебра (из расчета 12 гривен на ключ, то есть на уключину) — это нормальная по бытовавшим тогда канонам сумма единовременной дани; не больше запрашивали франки, а позднее — и руссы времен Владимира I. А. В. Лонгинов вслед за Н. М. Карамзиным полагал, что 12 гривен были затребованы не на ключ, а на человека. В подтверждение этого автор приводит другие факты из древнерусской истории, когда Игорь Святославич, Владимир Ярославич требовали дани на каждого воина [98]. В. И. Сергеевич увидел здесь «две редакции» одного и того же текста. «Очевидно,— писал он,— что это второй рассказ о том же событии, но на основании других источников» [99]. Необъяснимым представляется этот «повтор» для Д. М. Мейчика [100]. Попутно заметим, что независимо от того, на ключ ли, на человека ли полагалась дань, все равно она делилась между всеми «воями», так что самый спор на этот счет представляется беспредметным.

Данный сюжет нашел отражение и в работах Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, осуществивших в 1950 г. издание «Повести временных лет». Б. А. Романов, хотя и признал цифру кораблей легендарной, на основании ряда расчетов показал, что 12 гривен на ключ вполне могли быть уплачены византийцами [101]. Д. С. Лихачев в комментарии к источнику отмечает, что в сумме 960 тыс. гривен (из расчета 12 гривен на человека) «сказалось, конечно, эпическое преувеличение, свойственное фольклору» [102]. Удивительно, но и переводчик и комментатор за основу своих рассуждений взяли разные суммы дани, о которых говорилось в летописи, не объяснив эту разницу. Удивительно и другое: за всю долгую историографическую жизнь этого вопроса нашелся лишь один историк, который попытался объяснить появление разных известий о сумме дани, исходя из практики самих переговоров, а не из редакторской виртуозности летописца, осуществившего «сшивки», «повторы» и т. д. Этим историком оказался, как ни странно, А. Л. Шлецер, хотя именно он отрицал и сам поход, и договор, с ним связанный. Он сделал совершенно реальное, близкое к событиям дня наблюдение: «Олег потребовал сперва страшную сумму по 12 гривен на человека, но после, как обыкновенно случается, начал торговаться и согласился на 40-ю часть» [103]. Таким образом, «сказка» неожиданно приобретает под пером А. Л. Шлецера совершенно реальные черты («как обыкновенно случается»), и это опровергает построения самого же автора «Нестора». А. Л. Шлецер заметил обыденность факта, связанного с требованием Олега уплатить дань сначала на человека, а потом на ключ. Греки, большие мастера подобных переговоров, возможно, пообещали на предварительном этапе переговоров удовлетворить первое же требование наступавших, а позднее во время бесед с русскими послами в Константинополе сумели настоять на снижении суммы контрибуции. Как раз об этом и писал А. Л. Шлецер.

Мысль об изменении в ходе переговоров суммы единовременной контрибуции с греков прозвучала и в одной из последних работ о внешней политике древней Руси — книге В. Т. Пашуто. Он отметил, что, согласно договору, Олег будто бы получил 12 гривен на «ключ», который В. Т. Пашуто переводит как корабельный руль, хотя «первона-

---

[96] С. М. Соловьев История России с древнейших времен. Т. II. М. 1960, стр. 104.

[97] М. А. Оболенский. Несколько слов о первоначальной русской летописи. М. 1870, стр. 21.

[98] М. П. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М. 1872, стр. 20—21; его же. Исследования, замечания и лекции. Т. III, стр. 193; А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 55.

[99] В. И. Сергеевич. Указ соч., стр. 630.

[100] Д. Мейчик. Указ. соч., стр. 300.

[101] Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. «История культуры Древней Руси». Т. I. М.-Л. 1948, стр. 378.

[102] ПВЛ. Ч. 2. М.-Л. 1950. Комментарии, стр. 265. Версию о сочетании здесь летописцем разных источников, «в неодинаковых выражениях говоривших об одном и том же», повторил и А. Г. Кузьмин (А. Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания, стр. 330).

[103] А. Л. Шлецер. Указ. соч. Т. II, стр. 645.

чально он требовал эту сумму на каждого воина» [104]. В этом случае автор «Повести временных лет» в лаконичной записи отразил, возможно, живую картину переговоров — сначала под стенами Константинополя, где Олег действительно мог запросить фантастическую сумму единовременной контрибуции, и греки быстро согласились на первое же требование русских, а позднее уже в ходе посольских переговоров в византийской столице появляются новые условия мира.

Обратим внимание еще на одно любопытное обстоятельство, которое было замечено И. Н. Болтиным, а затем подчеркнуто М. С. Грушевским и недавно — Г. Г. Литавриным: речь идет о появлении в ходе переговоров условия о единовременной контрибуции русскому войску и о ежегодной дани, которую должна была выплачивать Византия Руси [105]. Однако в этих работах мы не видим аргументации в пользу выдвинутого положения. И вообще этот сюжет редко попадал в поле зрения исследователей, что, видно, объяснялось традиционным недоверием к данной части «Повести временных лет». Когда мы обращаемся к летописному тексту, то вместе с условием уплаты денег «на ключ», которое как бы корректирует первое требование Олега («по 12 гривенъ на человекъ»), в ходе переговоров русских с греками встречаем новое условие: «Даяти уклады на рускыя грады». Среди этих городов — Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и «прочаа городы», где сидели русские князья — вассалы и данники киевского князя. Таким образом, мы видим здесь определенную дифференциацию дани. Сумма, которую греки должны были выплатить русским «на ключ», являлась единовременной денежной контрибуцией победителя. Свидетельством в пользу этой версии служит и параллельный текст в «Новгородской первой летописи...». Там говорится: «И заповеда Олегъ дань даяти... сам же взя злато и паволокы, и возложи дань, юже даютъ и доселе княземь рускымъ» [106]. Олег, судя по этому тексту, запросил единовременную контрибуцию в свою пользу и в пользу своих воинов. Вполне корреспондирует с этим фактом «Новгородской первой летописи...» и заключительный текст «Повести временных лет»: «И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вино, и всякое узорочье» [107]. Русская рать вернулась на родину, отягощенная несметными богатствами, награбленными в пригородах Константинополя и взятыми в виде единовременной контрибуции. Соответствует подобное требование победителей в 907 г. и практике руссов 860 года. Те также, по свидетельству патриарха Фотия, уходили неотомщенными и со времени нападения на Константинополь получили «несметные богатства» [108].

Практика выплаты контрибуции победителям была хорошо известна в Византии и стала для империи столь же привычным делом, как и сами «варварские» нападения на ее протяженные границы. В 517 г. Византия откупилась 1 тыс. фунтов золота от вторжения славян, а в 50-е — 60-е годы того же VI в. неоднократно уплачивала им же контрибуции [109]. Если мы возьмем договоры Византии с Болгарией в VII—X вв., то и здесь увидим факты уплаты византийцами болгарам единовременной контрибуции тканями, мехами, золотом. Получение контрибуции являлось, например, составной частью договоров с Византией болгарских ханов Тервела (в 705—706 гг. и в 716 г.),

---

[104] В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 60.

[105] И. Н. Болтин писал, что договор имел в виду одну дань «для раздачи войску», а другую — ежегодную дань на русские города (И. Н. Болтин. Указ. соч., стр. 215). М. С. Грушевский признал в данном случае контрибуцию на войско и уклады — дань для русских князей — «олеговых подручных» (М. Грушевський. Указ. соч., стр. 386); см. также замечание Г. Г. Литаврина: «Как следует из русской летописи, византийцы богато одарили русских, выплатили контрибуцию и согласились уплачивать дань» («История Византии». Т. 2, стр. 230).

[106] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 108. Вопрос об упоминании Переяславля среди русских городов, получавших дань — уклады, является дискуссионным. Переяславль, согласно летописи, был основан лишь при Владимире, но А. В. Лонгинов показал, что город, заложенный здесь позднее и названный Переяславлем, находился на месте прежнего Переяслава, спаленного пожаром (А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 60—61).

[107] ПВЛ. Ч. 1, стр. 25.

[108] «Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь». «Христианское чтение», 1882, сентябрь—октябрь, стр. 432.

[109] «История Болгарии». Т. 1, стр. 39, 43.

Крума (811—813 гг.), которые были заключены после нападения болгарских войск на Византию [110]. Позднее в это же русло включается Русь 60-х годов IX и начала X века. Да и в последующей истории русско-византийских отношений мы еще не раз встретим это одно из основных условий прекращения военных действий — уплату единовременной денежной контрибуции греками русским.

Во время второго похода Игоря на Византию греческие послы явились в русский лагерь и, пообещав Игорю уплатить все византийские долги по дани, установленной еще Олегом, тут же предложили русским единовременную контрибуцию. Далее летопись отмечает, что Игорь взял у греков золото, паволоки «на вся воя» и повернул назад. Через 25 лет во время переговоров со Святославом, который, опустошив Фракию, вел свое войско на византийскую столицу, греки снова воспользовались знакомой формулой: «Возьми дань на нас, и на дружину свою» [111]. Во время вторичного посольства они прислали Святославу в качестве даров золото и паволоки, которые, как повествует летописец, оставили его равнодушным. Даже если допустить, что эти факты недостоверны, к чему, собственно, нет особых оснований, то и в этом случае нельзя пройти мимо тесной связи факта уплаты единовременной контрибуции золотом и дорогими тканями с прекращением военных действий и установлением мира. И еще раз греки пытались откупиться единовременной данью от русского наступления—император Иоанн Цимисхий передал через своих послов Святославу: «Не ходи къ граду, возми дань, аще хощеши». Святослав приостановил наступление на Константинополь, взял дань на живых воинов и на убитых, заявив грекам: «Род его возьметь» [112], и вернулся с «дары многы» в Переяславец на Дунае. Вот эту-то единовременную контрибуцию и требовал Олег с греков в 907 г., в точном согласии с тогдашней практикой войны и мира «варварских» государств с Византийской империей.

Иное дело — «уклады». Это регулярная ежегодная дань, которую Византия, как правило, выплачивала либо своим союзникам, либо тем победителям, которые за «мир и дружбу», то есть за соблюдение мирных отношений, вырывали у империи это обременительное для нее обязательство. В дореволюционной и советской историографии, а также в работах зарубежных историков не высказывалось сомнений по поводу факта уплаты Византией дани Руси. Лишь А. Л. Шлецер, пожалуй, отрицал, что Олег заставил византийцев вновь платить дань: «уклады» являлись, по его мнению, просто платой для тех, кто остался дома — «о ежегодной постоянной дани здесь думать никак нельзя». Что касается самой контрибуции, то А. Л. Шлецер считал ее дарами вежливости ради, которые спесивые «варвары» приняли за дань [113]. Он настойчиво нивелировал разницу между единовременной контрибуцией и ежегодной данью, прекрасно понимая, какие напрашиваются серьезные политические выводы, едва историк признает ежегодную уплату дани Византией Руси. Сомневался в «укладах» и В. И. Ламанский, полагавший, что в данном случае речь шла о «небольших поминках», то есть подарках, которые были даны Олегу [114]. Большинство же историков обращали внимание на слова, сказанные греческими парламентерами Игорю в 944 г. о том, чтобы он взял дань «юже ималъ Олегъ» [115], как свидетельствующие о долголетней ежегодной дани, уплачиваемой византийцами Киевскому государству. Правда, в последнее время появилась еще одна точка зрения на «уклады». В. Т. Пашуто высказал мнение, что «уклады» — это и есть то самое шестимесячное довольствие в виде хлеба, вина, мяса, рыбы, фруктов, которое получали в Византии по договору 907 г. приезжавшие туда для торговли русские купцы [116].

Вопрос об «укладах» также следует решать не изолированно, лишь в плане русско-византийских отношений, а на основе традиционных дипломатических сношений

---

[110] Regest., №№ 265, 276, 388. См. также J. Swiencicyj. Die Fridensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzanz. «Studi Byzantini e neoellenici», vol. 5, R. 1939, S. 322; «История Болгарии». Т. 1, стр. 65, 70.

[111] ПВЛ. Ч. 1, стр. 34.

[112] Там же, стр. 51.

[113] А. Л. Шлецер. Указ. соч. Т. II, стр. 643, 645.

[114] В. И. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Птгр. 1915, стр. 154.

[115] ПВЛ. Ч. 1, стр. 34.

[116] А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 82.

Византии со всем окружавшим ее «варварским» миром и в первую очередь с государствами, сопредельными с Русью.

Как было сказано выше, Византия на протяжении долгих столетий ежегодно выплачивала значительные денежные суммы различным государствам. В одном случае это была дань побежденного победителю (Персии, VI в.), в другом — плата за соблюдение мирных отношений и союзную помощь, также вырванная военной силой (Аварскому каганату VI—VII вв., Руси IX—X вв.), но при всех обстоятельствах мирные отношения (к которым и Византия и окружавшие ее государства приходили разными путями) подкреплялись ежегодными денежными взносами-данями, которые империя выплачивала своим соседям. Эта практика была настолько широко распространенной во второй половине I тысячелетия, настолько общепринятой при заключении мирных соглашений, следовавших за военными конфликтами, что не приходится сомневаться в доскональном знакомстве с ней и на Руси. Тем более, что сама Русь выплачивала за мир и союзную помощь ежегодную дань варягам и согласилась на ежегодную выплату ее уграм.

Таким образом, выплата Византией ежегодной дани Руси имеет прочную и древнюю аналогию. Да и сам этот факт стал прочной традицией в византино-русских отношениях. Во время второго похода Игоря против Византии в 944 г. византийские послы пытались остановить русское войско на Дунае и избавить Константинополь от новых военных испытаний. Они передали русскому князю слова императора Романа Лакапина: «Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамь и еще к той дани». Святослав, по свидетельству «Повести временных лет», также получал дань и до начала своего похода на Византию: «Седе княжя ту в Переяславцы, емля дань на гръцех». В этом же направлении ведет нас летописная речь Святослава к дружине, произнесенная им в трудный для русских час в осажденном Доростоле. Святослав уговаривал дружину заключить мир с Цимисхием и взять с греков дань: «Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совокупивши вои множайша, поидемъ Царюгороду» [117]. В этом случае нас интересует не столько достоверность самого факта Святославовой речи (мы допускаем мысль, что русский князь мог этого и не говорить), сколько логика самого летописца, привыкшего к тому, что Византия в течение долгих лет платила дань Руси и неуплата этой дани могла быть причиной новой русско-византийской войны. Пункт договора Олега об «укладах», взятых на русские города, как раз и говорит об этой регулярной дани.

В этом плане договор 907 г. поставил древнерусское государство в обычные отношения с Византией, которые уже имели другие окружавшие Византию государства и от которых она с удовольствием отказывалась при первом же удобном случае. Так было с Болгарией в начале X в. или в 60-е годы X в. при Никифоре Фоке. Это могло иметь место после убийства Аскольда и Дира и захвата Киева Олегом, как это определенно случилось на каком-то этапе правления князя Игоря, что и вызвало, по мнению, В. Н. Татищева, поход русских на Константинополь в 941 году [118]. Вместе с тем Византия порой поддерживала эти «даннические отношения» тогда, когда нуждалась в союзной помощи со стороны своего соседа или вассала. Кстати, периодичность этой дани подчеркивается и словом «даяти». Если бы речь шла об «укладе» как единовременной контрибуции, то, конечно, летописец должен был бы употребить слово «дать». Слова «даяти уклады», то есть давать уклады, ясно указывают на долговременность, протяженность действия этого пункта договора [119].

Регулярная уплата Византией дани древнерусскому государству [120] ради обеспе-

---

[117] ПВЛ. Ч. 1, стр. 34, 47, 51.

[118] «Игорь посылая в греки дани ради и видя, еже греки не хотели положенного со Ольгом платить, пошел на них» (В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 40).

[119] И. И. Срезневский также переводил слово «уклад» как «дань», «налог», а слово «укладати» понимал как «возлагать» (см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПБ. 1903, стр. 1178).

[120] Возникает вопрос, почему ежегодная дань — уклады выплачивалась не Киевскому государству как таковому, а на «грады» — Киеву, Чернигову, Полоцку и другим. Ответ мы находим в практике великокняжеских пожалований дани своим дружинникам, видным помощникам. Эта дань, как отмечают в коллективной монографии А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, отдавалась им в лен (см. А. П. Но-

чения от нападений с севера, а возможно, ради оплаты союзнических услуг [121] отныне становится нормой политических взаимоотношений двух стран. И это нашло четкое отражение в заключительной части договора 907 г., где говорится, что «царь Леонъ со Олександромъ миръ сотвориша со Олгом, имшеся по дань» [122]. Круг завершается: требование дани, выдвинутое Олегом перед греческими парламентерами в разгар наступления русской рати на Константинополь, трансформировалось в ходе переговоров, дифференцировалось на контрибуцию и «уклады», а затем нашло отражение в заключительной части переговоров в качестве основного сюжета договора 907 года. Недаром летописец подчеркивает, что греческие императоры с Олегом «миръ сотвориша», «имшеся по дань», то есть обязались выплачивать дань, согласно условиям заключенного мира.

Логическим развитием этих переговоров и пункта договора 907 г. об обязательстве Византии уплачивать «уклады» — дань Руси явилось согласие Византии возобновить выплату дани, положенной Руси, при Игоре, в 944 г. («возьми дань, юже ималъ Олегъ...»). И последующие переговоры о выплате греками дани Игорю, Святославу неизменно возвращают нас к переговорам, помеченным 907 г., и к самому пункту договора 907 г. о дани. Вот неизбежный вывод, вытекающий из анализа материала. А сомневающиеся пусть попробуют ответить на вопрос, какими «сшивками», «вставками», «переносами» текста из одного договора в другой и другими редакционными «упражнениями» летописца можно объяснить эту четкую и прямую историческую линию, этот совершенно ясный политический сюжет, который дан в развитии? И как случилось, что идея дани в качестве определенного условия политических отношений древнерусского государства с окружавшими странами, мелькнувшая во время нападения русской рати на Константинополь в 860 г., вдруг ярко засияла уже в самом начале переговоров с греками в 907 г. с тем, чтобы вылиться в виде основного пункта договора и дать начало новому этапу взаимоотношений древней Руси и Византии, охватившему по меньшей мере 150 лет?

восельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М. 1972, стр. 151—152). Точно так же, по-видимому, произошло и с распределением взимаемой с Византии дани между русскими князьями — вассалами великого князя Киевского. Таковой была плата за участие в походе черниговских, полоцких и других дружин.

[121] Историки обратили внимание на то, что союзный русский отряд в 910 г. был в составе византийской армии в войне против арабов (см. М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 111).

[122] ПВЛ. Ч. 1, стр. 25.

(Окончание следует)

В Отделении истории АН СССР

70-летие АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

14 февраля 1978 г. научная общественность отметила 70-летие со дня рождения и 50-летие творческой деятельности известного советского историка, археолога и востоковеда, директора Государственного Эрмитажа, академика АН СССР и АН Армянской ССР, лауреата Государственной премии Бориса Борисовича Пиотровского.

Б. Б. Пиотровский родился в Петербурге, в семье педагогов. Отец его был преподавателем математики в военно-учебных заведениях, мать — преподавателем средней школы. С 1915 по 1920 г. он жил в Оренбурге, а по возвращении в Петроград учился в средней школе. Еще там у будущего ученого проявился интерес к гуманитарным наукам, и, окончив в 1925 г. школу, он поступает на факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского университета. Хорошая историческая подготовка и тесное общение в дальнейшем с такими видными учеными, как акад. В. В. Струве, профессора Н. Д. Флиттнер и А. А. Миллер, явились прочной базой его научного роста. Уже в годы пребывания в университете он увлеченно занимается историей материальной культуры Египта и Передней Азии, археологией Кавказа, а ко времени окончания университета Б. Б. Пиотровский сложился как ученый, автор нескольких печатных статей по египтологии. Первая из них — «По поводу древнеегипетского термина «железо» — была опубликована в «Докладах» АН СССР еще в 1929 году.

В 1930 г. Б. Б. Пиотровский успешно заканчивает историко-лингвистический факультет ЛГУ и остается работать в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), куда он был принят в 1929 году. С тех пор он прочно связал свою судьбу с такими двумя крупнейшими учреждениями Ленинграда, как Государственный Эрмитаж и ГАИМК (ныне Ленинградское отделение Института археологии — ЛОИА АН СССР), пройдя в них все ступени научных званий и должностей, начиная с практиканта и научно-технического сотрудника и кончая заведующим ЛОИА, а затем директором Государственного Эрмитажа. Огромное значение для формирования ученого имели экспедиционные работы. Начало им было положено еще в студенческие годы. В 1927 г. он становится участником Северо-Кавказской археологической экспедиции, а с 1930 г. началась его самостоятельная экспедиционная деятельность, приведшая к многочисленным научным открытиям. Число проведенных им экспедиций приближается к 60-ти. Они действовали в Армении (свыше 40 лет), Грузии (с 1935 г.), на Волго-Доне (1934 г.), Тамани (1931 г.), Северном Кавказе (1933—1936 гг.), в Средней Азии (1936—1937 гг.) и Египте (1961—1963 гг.).

Университетская подготовка и влияние ряда крупнейших ученых (академики Н. Я. Марр, В. В. Струве и др.) окончательно определили направление научной деятельности Б. Б. Пиотровского. Он остановился на всестороннем изучении Древнего Кавказа и тесно связанного с ним обширного переднеазиатского культурного мира. В центре его внимания стали проблемы древнейшего государственного образования на территории СССР — Урарту, его история и культура. Именно здесь особенно ярко проявился его талант исследователя. С 30-х годов Борис Борисович более прочно связал свою судьбу с исследованием армянских древностей. Совместно с А. А. Аджяном и Л. Т. Гюзальяном он начал разведки в ряде районов Армении, разыскивал памятники урартского времени, обследовал крепости доурартского и урартского пери-

одов, участвовал в экспедициях акад. И. А. Орбели на средневековый Амбердский замок на горе Арагац, на побережье озера Севан и в иные районы.

Путем накопления опыта полевых исследований и изучения музейных коллекций Б. Б. Пиотровский подготовил себя к выбору археологического объекта, ставшего главным в его жизни,— к раскопкам холма Кармир-Блур, где в древности стояла крепость урартов Тейшебаини (теперь уже вписавшаяся в черту г. Ереван). Здесь была найдена надпись урартского царя Русы II (VII в. до н. э.). Приступив к раскопкам этой крепости в 1939 г., Борис Борисович продолжал исследование ее ежегодно в течение 35 лет. Результаты раскопок нашли отражение в трехтомном издании «Кармир-Блур» (Ереван. 1950—1955). Экспедиции на Кармир-Блур явились также кузницей научных кадров. Там проходили археологическую практику студенты и аспиранты Еревана, Ленинграда, Москвы и Тбилиси, выросли многие историки и археологи Армении (А. А. Мартиросян, Г. Х. Саркисян, Г. А. Тирацян, С. А. Есаян, Р. М. Бартикян и др.), окрепла дружба между различными отрядами археологов и историков-кавказоведов.

Мастерство тонкого знатока памятников старины и искусства, владеющего великолепной методикой раскопок, умение видеть вещи в широком аспекте культурных и исторических процессов Древнего мира позволили Борису Борисовичу открыть замечательную культуру Урарту. С подлинным мастерством на основе комплексного анализа результатов раскопок и урартских текстов Б. Б. Пиотровским была воссоздана история этой «забытой» державы, а в ходе раскопок были добыты ценнейшие предметы искусства и письменные документы, являющиеся теперь гордостью таких музеев, как Государственный Эрмитаж и Государственный музей Армении. В первые же годы раскопок выходят книга Бориса Борисовича «Урарту — древнейшее государство Закавказья» и серия статей и отчетов о раскопках, многие из которых, перепечатанные в различных зарубежных научных изданиях, принесли ему мировую известность. В этом отношении особое значение имела книга «История и культура Урарту» (Ереван. 1944), удостоенная в 1946 г. Государственной премии. Расширенное издание этого труда было переведено в Италии. Уже тогда Б. Б. Пиотровский приобрел авторитет ведущего урартолога. Данный труд отличают характерные черты научного творчества автора — блестящее знание памятников, способность к широким историческим обобщениям и обоснованным реконструкциям структуры изучаемого общества, рассматриваемого на широком историческом фоне. В 1959 г., переработанная и значительно дополненная новыми материалами, эта книга была переиздана под названием «Ванское царство». А три года спустя выходит в свет еще одна монография Б. Б. Пиотровского — «Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э.», посвященная искусству Ванского царства и переведенная затем на английский язык.

Б. Б. Пиотровским буквально была открыта урартская цивилизация, одна из великих культур Древнего мира, которая благодаря его многочисленным публикациям получила ныне известность среди далеко не только специалистов. История государства Урарту включена в учебники. Археологические и этнографические материалы Закавказья первых веков I тысячелетия до н. э. послужили ценнейшим источником для решения вопроса о сложении армянской народности и государственности. Это нашло свое отражение в таких работах Б. Б. Пиотровского, как «К вопросу о происхождении армянского народа» (1944 и 1945 гг.), «О происхождении армянского народа» (1946 г.). Вместе с тем научные интересы Б. Б. Пиотровского не ограничились урартской проблематикой. Многогранность его как ученого позволила ему серьезно работать по археологии Кавказа, изучая и более ранний, доурартский период. Перу Бориса Борисовича принадлежит единственная пока сводная работа такого типа — «Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.» (курс лекций. Л. 1949), охватывающая эпоху от палеолита до раннего железа включительно. Он установил основные этапы истории местных племен и их взаимоотношений с населением соседних и более далеких областей. Способности к выявлению закономерностей общественного развития наглядно отразились и в таких трудах Б. Б. Пиотровского, как «Основные этапы древнейшего земледелия в Армении», «Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье». В них аргументированно обосновано положение, что в условиях горного рельефа Кавказа наиболее производительным занятием в эпоху бронзы являлось скотоводство.

Неустанно разрабатывает Б. Б. Пиотровский вопросы истории и культуры скифского общества, рассматривая их в плане широких культурных взаимосвязей древних народов. Этой теме посвящены его работы «Скифы и Закавказье» (1940 г.), «Скифы и Древний Восток» (1954 г.). И в этой проблематике ученым сказано новое слово, в частности бесспорно установлен факт разрушения скифами урартской крепости на Кармир-Блуре.

Яркой страницей в научной биографии Б. Б. Пиотровского явилась Нубийская экспедиция 1961—1963 годов. Впервые советские археологи приступили тогда к полевым исследованиям в Египте. Работы были особо ответственны: речь шла о спасении для науки Абу-Симбела, Калабши и других памятников в зоне затопления возле высотной Асуанской плотины. Работы были очень трудными, тем более что археологическая разведка и раскопки на территории Египта весьма специфичны. Блестящая египтологическая подготовка, энциклопедические знания и огромный полевой опыт Б. Б. Пиотровского обусловили успех экспедиции. Исследования начались с разведок в Нубийской пустыне, причем Борис Борисович был не только их руководителем, но и ведущим исполнителем. Именно там на однообразной каменистой поверхности были найдены свидетельства различных эпох, начиная с нижнего палеолита. Тогда же был открыт оригинальный район раннединастического поселения Хор-Дауд. Борис Борисович сразу же оценил значение его материалов и придал раскопкам широкий масштаб, что дало значительные научные результаты, историческая интерпретация которых также связана с именем Б. Б. Пиотровского. Поиски продолжались, проблемный и хронологический размах исследований все более расширялся, исследовались и памятники периода Среднего царства, и специфические культуры, связанные с формированием нубийской народности. Особенно выделяются работы Бориса Борисовича о путях к рудникам Древней Нубии — открытие сотен древнеегипетских надписей на скалах в глубине никем не исследованной пустыни. Эти надписи были прочитаны Б. Б. Пиотровским. Они позволили дополнить новыми материалами историю Древнего Египта и уточнить его хронологию. Созданный под руководством ученого труд «Древняя Нубия» (Л.-М. 1964), введший в научный оборот материалы первой советской экспедиции в Египте, явился особым его вкладом в египтологию и спасением для науки ценнейших данных территории, ушедшей теперь под воды Асуанского моря.

Борис Борисович широко известен не только как ученый, но и как крупный деятель культуры. Связанный с юношеских лет с Государственным Эрмитажем, ныне его директор, он более половины жизни отдал этому музею. Впервые созданный им там раздел «Ванское царство» постепенно вырос благодаря раскопкам на Кармир-Блуре в один из важнейших экспозиционных залов Отдела Востока.

Многообразна педагогическая деятельность Б. Б. Пиотровского. Щедро делится он своими огромными знаниями и опытом с молодежью, в течение многих лет читал спецкурсы по археологии Закавказья и Древнего Востока на Историческом и Восточном факультетах ЛГУ, с 1966 г. возглавлял кафедру Древнего Востока на Восточном факультете. Немало сделал он для поддержания тесных научных связей между археологами Кавказа и Ленинграда.

Свыше 150 научных трудов, в том числе ряд крупных монографий, написано Борисом Борисовичем. Велик его авторитет в мировых научных кругах. С большим успехом выступает он с докладами на международных конгрессах и симпозиумах, достойно представляя советскую историческую науку на форумах в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, Алжире, Египте, Индии, Ираке, Иране, Турции, Японии, Австрии, Англии, Бельгии, Италии, Нидерландах, ФРГ, Франции, Швеции, Канаде, Мексике и США. Выступая с научными докладами и консультируя зарубежных археологов, Борис Борисович всюду пропагандирует достижения советской археологической науки.

Б. Б. Пиотровский является заслуженным деятелем науки Армянской ССР, заслуженным деятелем искусств РСФСР, заслуженным деятелем культуры Польши, почетным членом Чехословацкого египтологического института при Карловом университете в Праге, членом-корреспондентом Германского археологического института, почетным членом Итальянского института доистории и протоистории во Флоренции, почетным доктором Делийского университета, членом-корреспондентом Британской Академии, членом-корреспондентом Баварской Академии наук, членом-корреспондентом Академии надписей и изящной словесности во Франции, почетным членом Азиатского об-

щества в Париже. Ему присуждены премия имени А. М. Горького, советско-иранская премия имени Фирдоуси и медаль заслуженного работника культуры Польской Народной Республики.

Многогранна деятельность Бориса Борисовича как гражданина-патриота. Оставаясь в осажденном фашистами Ленинграде, он вместе с директором Государственного Эрмитажа И. А. Орбели помогал отправке драгоценных экспонатов в тыл страны, читал лекции воинам и жителям города, охранял Эрмитаж от зажигательных бомб. С 1945 г. он член КПСС, ряд лет являлся депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Ныне он член Ленинградского горкома КПСС, председатель Президиума Ленинградского отделения Всероссийского общества охраны памятников культуры и истории, председатель Ленинградского отделения общества «СССР—Франция», член Бюро Национального комитета историков Советского Союза, председатель Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» при Секции общественных наук Президиума АН СССР, председатель Совета Ленинградского дома ученых имени Горького, заместитель председателя Ленинградского отделения общества «СССР — Италия», член Правления общества «СССР — ОАР», эксперт СССР в Комиссии ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии, заместитель председателя Комитета музеев СССР, член Международного совета музеев при ЮНЕСКО, член ученых советов ЛОИА, Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Института имени И. Е. Репина Академии художеств СССР и Восточного факультета Ленинградского университета, член редакционных коллегий журналов «Советская археология», «Историко-филологический журнал» АН Армянской ССР.

Научная и общественная деятельность Б. Б. Пиотровского получила высокую оценку: он награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени и рядом медалей. Борису Борисовичу свойственны высокие человеческие качества, поразительная доступность, простота в обращении, обусловленная высокой внутренней культурой, искрящийся юмор, готовность прийти на помощь, несмотря на свою огромную занятость. Поздравляя Бориса Борисовича Пиотровского, искренне желаем ему сохранения кипучей энергии, больших творческих удач, новых открытий и многих лет неутомимого труда на благо советской науки.

Академик М. А. Коростовцев, Н. Н. Гурина

В высшей школе

СПЕЦКУРСЫ И СПЕЦСЕМИНАРЫ ПО ИСТОРИИ СССР

Как известно, вузовские спецкурсы и спецсеминары занимают важное место в системе подготовки работников высшей квалификации. Именно они стимулируют глубокое изучение важнейших проблем истории, благодаря им студенты приобщаются к самостоятельной научно-исследовательской деятельности, приобретают навыки историографического и источниковедческого анализа. Давно уже стала традицией широкая постановка спецкурсов и спецсеминаров на исторических факультетах университетов, где сложилась продуманная их система [1].

За последние годы на исторических факультетах педагогических институтов также были сделаны значительные шаги по повышению профессиональной подготовки студентов и приближению учебного процесса к университетскому уровню. В связи с этим представляется небезынтересным рассмотреть организацию спецкурсов и

[1] Об опыте постановки специальных семинаров по историческим дисциплинам в 1963/64 уч. г. в 60 государственных университетах и пединститутах см.: Ю. Ф. Иванов, В. В. Каргалов. Специальные семинары по историческим дисциплинам. «Вопросы истории», 1964, № 11.

спецсеминаров по истории СССР на основании данных за 1975/76 уч. г. по 60 историческим факультетам педагогических институтов[2]. В их учебных планах за последние годы было увеличено количество часов, выделенных на спецкурсы и спецсеминары. Если в 1959 г. на эти цели предусматривалось 240 час., а в 1963 г.— 300 час., то в 1970 г.— 330 часов. Наблюдался рост и в дальнейшем. Кроме того, предоставлена возможность использовать для проведения спецкурсов и спецсеминаров 200 час., предусмотренных учебным планом для изучения дисциплин, вводимых в соответствии с особенностями союзных (автономных) республик. В учебный план включены и новые дисциплины, готовящие студентов к самостоятельной работе: «Историография истории СССР», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Историческое краеведение», «Источниковедение истории СССР» (факультативно).

Анализ тематики спецкурсов и спецсеминаров свидетельствует о том, что сложились определенные критерии ее отбора и что кафедрам истории СССР в основном ясны задачи, поставленные перед спецкурсами и спецсеминарами. Их тематика, как правило, затрагивает вопросы, которые имеют серьезное научно-теоретическое и общественно-политическое значение, но по разным причинам не были достаточно всесторонне изучены в общих курсах. Кроме того, они преследуют цель оказать помощь будущему учителю в практической работе в школе, в первую очередь при подготовке к факультативным занятиям с учащимися. Не случайно немалая часть спецкурсов и спецсеминаров связана по тематике со школьными факультативами.

Важное значение придается спецсеминарам. Так, кафедра истории СССР Новосибирского пединститута полагает, что спецсеминары являются высшей формой организации самостоятельной работы студентов. С такой оценкой можно согласиться, если учитывать задачи, которые поставлены кафедрой перед преподавателями: «В ходе спецсеминара студенты должны: 1) глубоко изучить важнейшие проблемы курса на основании научного эксперимента, источников и имеющейся научной литературы по проблеме; 2) научиться источниковедческому и историографическому анализу; 3) приобрести определенный круг умения и навыков научного исследования; 4) научиться оформлять результаты своего эксперимента или работы над источниками в письменном виде; 5) уметь доложить результаты своей работы в аудитории методически правильно; 6) получить навыки составления библиографии»[3]. Учитывая профессиональную специфику педагогических институтов, можно было бы добавить тезис о роли спецсеминаров в подборе и осмыслении материала для постановки факультативных занятий в школе и для раскрытия на уроках краеведческих тем.

В 1975/76 уч. г. на 60 исторических факультетах пединститутов были организованы 173 спецкурса и 180 спецсеминаров по истории СССР, в том числе соответственно 70 спецкурсов и 122 спецсеминара по советскому периоду (включая краеведческие темы), 25 и 39 — по периоду капитализма, 9 и 19 — по периоду феодализма, остальные касались исторического краеведения, истории культуры, методики преподавания истории, обществоведения и пр. Налицо преимущественное внимание к вопросам современности. Эта тенденция, отмечавшаяся и 14 лет назад[4], постоянна.

Какие же проблемы по каждому из периодов отечественной истории нашли отражение в спецкурсах и спецсеминарах? Хорошо представлена ленинская тематика. Она разрабатывалась в теоретическом и методическом аспектах. В пединститутах, например, исследовались революционная практика и теоретическое наследие В. И. Ленина: «В. И. Ленин и культурная революция» (Андижан), «Военная деятельность В. И. Ленина» (Воронеж), «Ленинская идея социалистической индустриализации страны» (Гурьев), «Ленинский историзм и вопросы критики современной буржуазной историографии», «Методология и методика исторического анализа в трудах В. И. Ленина» (Казань), «Ленинские традиции партийно-советской печати», «Теоретическая разработка В. И. Лениным нэпа» (Новгород, Ростов-на-Дону), «Жизнь и деятельность

---

[2] Взяты данные, представленные в Научно-методический совет по истории Министерства просвещения СССР.

[3] Из материалов, представленных в Научно-методический совет по истории Министерства просвещения СССР.

[4] См. В. В. Каргалов. Тематика спецкурсов по истории должна быть актуальной. «Вестник высшей школы», 1964, № 8, стр. 35; Ю. Ф. Иванов, В. В. Каргалов. Указ. соч., стр. 112.

В. И. Ленина по воспоминаниям соратников и современников» (Тамбов). Система спецкурсов и спецсеминаров в историографическом аспекте разработана в Южно-Сахалинском пединституте: «Основные проблемы аграрной истории России в трудах В. И. Ленина и в советской историографии», «Основные проблемы революционного движения в России в XIX — начале XX в. в трудах В. И. Ленина и в советской историографии», «История Великого Октября в трудах В. И. Ленина и в советской историографии», «Первая буржуазно-демократическая революция в трудах В. И. Ленина и в советской историографии». В ряде пединститутов рассматривалась методика изучения произведений В. И. Ленина на уроках истории и обществоведения. Интересен, например, спецсеминар Тульского пединститута «Методика изучения жизни и деятельности В. И. Ленина в школьном курсе истории». Такого рода спецкурсы и спецсеминары можно было бы порекомендовать всем вузам, в которых осуществляется подготовка учителей истории и обществоведения.

В тематике по советскому периоду отметим закономерный интерес к истории Великого Октября. Преподавателями привлекался материал регионального характера, включая краеведческий: «Октябрьская революция и гражданская война на Дону» (Волгоград), «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и гражданская война в Средней Азии» (Душанбе), «Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Украине» (Винница, Каменец-Подольск), «История Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Сибири» (Иркутск). Важны спецкурсы, рассматривающие историю социалистической революции в связи с другими узловыми проблемами советского периода: «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение» (Казахский женский пединститут в Алма-Ате), «Великая Октябрьская социалистическая революция и строительство советской культуры» (Ярославль). Положительным моментом является усиление внимания к истории Советов. Особенно много тем о победе Советской власти в различных регионах страны (вузы в Бухаре, Гродно, Минске, Красноярске, Тамбове, Тбилиси и др.).

По-прежнему преподавателей привлекает период империалистической интервенции и гражданской войны в Советской России. Ставятся спецкурсы и спецсеминары как общего, так и местного характера: «Крах белорусской националистической контрреволюции, 1917 — 1921 гг.» (Гродно), «Гражданская война и интервенция в Сибири» (Красноярск), «История гражданской войны на Дальнем Востоке» (Хабаровск). Безусловно, полезен для будущих учителей спецсеминар «Выдающиеся полководцы гражданской и Великой Отечественной войн» (Липецк).

Как более новое в данной сфере явление отметим явное расширение тематики по истории классов советского общества. Рабочему классу были посвящены такие спецкурсы и спецсеминары, как «Основные этапы формирования и развития советского рабочего класса» (Марийский пединститут в Йошкар-Оле), «Рабочий класс СССР» (Минск), «Советский рабочий класс в условиях развитого социалистического общества» (Могилев-областной), «Рабочий класс СССР в период построения социализма» (Пенза), «Руководящая роль рабочего класса в период строительства социализма» (Чернигов) и др. В Гурьеве, Минске и Мурманске ведутся спецкурсы и спецсеминары по социалистической индустриализации в СССР.

Истории советского крестьянства и колхозного строительства отведены спецкурсы и спецсеминары: «Социалистическое переустройство сельского хозяйства. 1917—1937 гг.» (Курган), «Общественно-политическая жизнь советской деревни в годы нэпа» (Липецк), «Победа колхозного строя в СССР» (Минск), «Советское крестьянство и его роль в строительстве социализма и коммунизма» (Йошкар-Ола), «История колхозного строя в Сибири» (Омск), «Коллективизация и ликвидация кулачества как класса в СССР» (Псков), «Социалистические преобразования в сельском хозяйстве» (Смоленск), «Аграрная политика Советской власти в годы довоенных пятилеток и в послевоенный период» (Южно-Сахалинск), «Развитие сельского хозяйства в СССР в послевоенный период» (Кострома). Заслуживают внимания спецкурсы и спецсеминары по истории советского крестьянства и колхозного строительства, базирующиеся на краеведческом материале, что открывает широкие перспективы для самостоятельной исследовательской работы студентов: «Колхозное движение и классовая борьба в сибирской деревне» (Иркутск), «История колхозного движения на Северо-Западе

РСФСР» (Псков), «Осуществление ленинского кооперативного плана на Дальнем Востоке» (Хабаровск), «Коллективизация ярославской деревни» (Ярославль). К сожалению, вне поля зрения осталась история фабрик и заводов, конкретных колхозов и совхозов. Между тем этот вопрос представляет большой общественный интерес и дает возможность построить работу в спецсеминаре на доступных студентам местных архивных материалах.

Достаточно широко представлена история внешней политики СССР. Хочется выделить темы о международном положении и внешней политике СССР последних лет: «Международные отношения и внешняя политика СССР на современном этапе» (Иркутск, Петропавловск), «Советская программа мира в действии» (Казань, Южно-Сахалинск), «Актуальные проблемы внешней политики СССР после XXV съезда КПСС» (Южно-Сахалинск). Эта тематика тоже разрабатывается не во всех педагогических институтах. Между тем она имеет большое воспитательное значение, вооружая студентов знаниями для активной пропагандистской и лекторской работы. Огромный теоретический материал для постановки спецкурсов и спецсеминаров по внешней политике СССР на современном этапе содержится в решениях и материалах XXV съезда КПСС, Пленумов ЦК КПСС, выступлениях Л. И. Брежнева. Несомненно, кафедрам следует ориентировать преподавателей на самое широкое использование данных материалов.

Из других важных проблем отечественной истории отметим историю образования СССР, профсоюзных организаций, периодической печати, комсомола, советской школы. В нескольких спецкурсах и спецсеминарах разрабатывались вопросы национальной политики: «Единство и сотрудничество народов СССР в годы построения социализма и коммунизма» (Киев), «Народы СССР» (Красноярск). Отрадно, что темами изучения специально являются важнейшие вопросы, поставленные Коммунистической партией: «Решения XXV съезда КПСС» (Винница), «СССР на пути к коммунизму» (Тула), «Аграрная политика КПСС на современном этапе» (Пенза), «Вопросы научно-технического прогресса в народном хозяйстве СССР» (Смоленск).

По-прежнему преподаватели педагогических институтов уделяют внимание в спецкурсах и спецсеминарах истории Великой Отечественной войны. Спецкурсы и спецсеминары по военной тематике были организованы в 26 педагогических институтах. В основу многих из них положены местные материалы. Все это вносит существенный вклад в разработку такой актуальной проблемы, как борьба народов СССР с фашистской агрессией. Так, в Волгограде разрабатывалась тема «Трудящиеся Сталинградской области в Великой Отечественной войне», в Гродно и Минске — «Партизанское движение в Белоруссии», «Фашистский оккупационный режим в Белоруссии». Несколько спецкурсов и спецсеминаров было посвящено историографии Великой Отечественной войны (Кутаиси, Новгород, Тамбов).

В тематике по периоду капитализма полнее всего представлено революционное и общественное движение XIX — начала XX в.: революционное народничество, революционная ситуация 1859—1861 гг. и отмена крепостного права в России, первая русская революция. Проводились по этой тематике также спецкурсы и спецсеминары обобщающего характера: «Ленинская периодизация революционно-освободительного движения» (Горно-Алтайск), «Три поколения революционеров в России» (Гродно), «Рабочее движение в России во второй половине XIX в.» (Даугавпилс), «История революционного движения в России в эпоху империализма» (Душанбе), «Общественно-политическое движение в России во второй половине XIX в.» (Кировакан), «Ленинская «Искра» и революционное движение в России в начале XX в.» (Кострома), «Рабочий класс — гегемон трех русских революций» (Минск), «К. Маркс, Ф. Энгельс и русское революционное движение» (Тамбов), «Положение и классовая борьба российского пролетариата в эпоху капитализма» (Тула). Несколько спецкурсов и спецсеминаров было посвящено истории классов и партий в России: «История политических партий в России в начале XX в.» (Иркутск), «Классы и сословия в России» (Курган), «Русские предшественники ленинизма и современность» (Новосибирск), «История классов и политических партий в России» (Пенза), «Чернышевский — вождь революционной демократии в России» (Чита). Представлены в тематике спецкурсов и спецсеминаров история аграрного вопроса в России, крестьянского движения в пореформенное время и в начале XX в., особенно в связи с первой русской революцией (Воронеж, Кострома, Минск, Новосибирск, Оренбург).

Однако немало важнейших проблем истории России периода капитализма не нашло все же отражения в тематике спецкурсов и спецсеминаров или освещено крайне недостаточно. К ним относятся: внешняя политика России периода капитализма; развитие капитализма в промышленности; история войн и военного искусства. То же можно сказать о тематике спецкурсов и спецсеминаров по периоду феодализма. По военной истории читались и велись спецкурсы и спецсеминары только в Ереване и Ярославле (Отечественная война 1812 г.), по внешней политике России — в Костроме. Спецзанятия по истории России периода феодализма организовывались в основном вокруг следующих проблем: движение декабристов; общественно-политическое движение первой половины XIX в.; классовая антифеодальная борьба крестьянства в XVII — первой половине XIX в.; подготовка крестьянской реформы 1861 года. Почти не затрагивалась политическая история феодальной России: спецсеминары «Образование Российской империи и реформы Петра I» (Ереван) и «Церковь и антицерковные движения в Древней Руси» (Псков) являются исключением. В спецкурсах и спецсеминарах почти не касались истории Древней Руси, эпохи феодальной раздробленности, возвышения Москвы, образования Русского централизованного государства, военной истории той поры, борьбы русского народа за независимость. Это свидетельствует о недостаточном внимании к весьма важным темам отечественной истории. Нужно учитывать, что в средней школе давно организован факультатив «Страницы боевого прошлого», материалы для которого в течение ряда лет систематически печатались на страницах «Вопросов истории» [5]. Между тем спецсеминар по истории русского военного искусства проводился лишь в Горьком.

В связи с введением в учебные планы истфаков пединститутов общих курсов «Историография истории СССР» и «Источниковедение истории СССР» несколько уменьшилось количество спецкурсов и спецсеминаров по этой тематике. Они были в основном проблемными: «Историография истории армяно-русских отношений» (Ереван), «Советская историография об особенностях российского империализма» (Астрахань), «Историография истории Казахской ССР» (Казахский женский пединститут), «Историография гражданской войны в Поволжье» и «Историография Великой Отечественной войны» (Казань), «История СССР в художественной литературе» (Магадан), «Новейшая историография Великой Отечественной войны» (Новгород), «Историография и источниковедение истории местного края» (Вологда), «Мемуаристика как источник по истории Великой Отечественной войны» (Тамбов) и др. К сожалению, не велось ни одного спецсеминара по русским летописям.

Возрастает интерес кафедр истории СССР к методологии исторической науки и методике исторического исследования. Спецкурсы и спецсеминары по этой тематике были организованы в нескольких институтах: «Методы научно-исторического исследования» (Гродно), «Методология и методика исторического исследования» (Новосибирск), «Методология исторической науки» (Ростов-на-Дону). Изучение проблем методологии и методики исторического исследования следует всемерно расширять. Желательно, чтобы кафедры истории СССР один из спецкурсов и спецсеминаров организовывали именно по данной тематике. Вопрос же о руководителях спецкурсов и спецсеминаров по проблемам методологии и методики исторического исследования, если их недостает, решается ныне и путем межвузовского обмена.

Видное место в тематике спецкурсов и спецсеминаров занимает историческое краеведение. Во-первых, речь шла об обобщающих темах по истории республики, края, области, города за большой период. Такие спецкурсы и спецсеминары проводились почти в 20 пединститутах. Там широко использовались местные архивы и периодическая печать. Во-вторых, речь шла о ряде конкретных проблем местной истории: «Армянские поселения Украины и России» (Ереван), «Древнейшая история Урала» (Уфа), «Борьба крестьян Украины против феодально-крепостнического угнетения в первой половине XIX в.» (Винница), «Социально-экономическое развитие и революционное движение в Вологодском крае до Великой Октябрьской социалистической революции»

---

[5] См. рубрику «Героические страницы боевого прошлого народов нашей страны»: 1969, №№ 1—4, 6—7, 9—10, 12; 1970, №№ 2, 5—6, 8, 12; 1971, №№ 1, 5—7, 9; 1972, №№ 1—2, 5, 8, 12.

(Вологда), «История родного края в 1861—1917 гг.» (Ворошиловград), «Белорусско-польские революционные связи в XIX в.» (Гродно), «Казахстан в трудах дореволюционных исследователей-путешественников» (Гурьев), «Развитие капиталистических отношений в Закавказье» (Кировакан), «История Советского Дальнего Востока» (Хабаровск) и др.

Ряд спецкурсов и спецсеминаров был посвящен проблемам истории культуры (24 темы). Лучше всего представлена среди них история культуры XIX в. (более 1/3 спецкурсов и спецсеминаров). Примерно такое же место занимает культурная революция в СССР. Почти не затрагивалась культура Древней Руси, периода образования и укрепления Русского централизованного государства и XVII века.

Наконец, анализ тематики спецкурсов и спецсеминаров свидетельствует о внимании к углубленному изучению методических вопросов (15% тем). Но лишь в шести институтах были организованы спецзанятия по общим проблемам методики преподавания истории (отчасти дублируют соответствующие обязательные курсы учебного плана). Большинство же спецкурсов и спецсеминаров посвящено проблемам методики и практики работы в школе, что естественно. Незначительное место занимали археология и этнография. По археологии организовывались в основном спецкурсы и спецсеминары регионального характера: «Древнейшая материальная культура Дальнего Востока» (Благовещенск), «Археология Забайкалья» (Чита); по этнографии — всего в четырех институтах (Уфа, Воронеж, Кировакан, Могилев-областной).

Необходимо отметить главный недостаток этих занятий в целом: при большом разнообразии тематики студенты каждого отдельного института имели ограниченный выбор, ибо, как правило, там организовывалось не более трех спецкурсов и спецсеминаров. Этот недостаток можно устранить расширением межвузовского обмена, командировками профессоров и преподавателей ведущих вузов на места для чтения спецкурсов и руководства спецсеминарами. Кроме того, в самой организации спецкурсов и спецсеминаров имеется ряд нерешенных вопросов. Кафедрами различных институтов, как можно судить по их письмам, предлагается, в частности, шире информировать общественность о тематике спецкурсов и спецсеминаров, которая представляет интерес и для учреждений, занимающихся координацией научных исследований.

Нужна разработка общих теоретических и методических рекомендаций с учетом современного уровня развития исторической науки. Полезны регулярный обмен опытом, ознакомление с постановкой спецкурсов и спецсеминаров в ведущих университетах страны. Немалую помощь периферийным вузам оказала бы разработка примерной тематики наиболее актуальных спецкурсов и спецсеминаров с программами, примерной сеткой часов, списками рекомендуемой литературы и источников, методическими советами. Полезную инициативу проявило издательство «Высшая школа», которое выпускает серию «Сборники документов по истории СССР для семинарских и практических занятий», построенную по тематическому принципу (подборки документов по отдельным проблемам). Необходимы также учебные пособия по специальным курсам. Главная их цель — развивать у студентов навыки научного исследования, знакомить с методикой работы над источниками, научить критически относиться к литературе. Составными элементами таких пособий должны являться историографические и источниковедческие разделы с примерами аргументации тех или иных положений и анализа отдельных источников, списки литературы и источников для более углубленной самостоятельной работы. Вопрос об особенностях учебных пособий по спецкурсам и спецсеминарам вообще заслуживает того, чтобы его специально обсудила научно-педагогическая общественность.

В. В. Каргалов

Рецензии

Р. ПУЛЛАТ. *Социальная структура Советской Эстонии. Сравнительно-исторический анализ основных тенденций развития.* Таллин. Изд-во «Ээсти Раамат». 1976. 155 стр. Тираж 3 000. Цена 84 коп.

Великим завоеванием Советской власти в Прибалтийских республиках являются коренные изменения, происшедшие в их социально-классовой структуре. Исследование этих изменений в годы строительства социализма позволяет наглядно отразить величие социально-экономических, общественно-политических и культурно-духовных достижений народов Советской Прибалтики. Этим прежде всего определяется актуальность работы заведующего сектором истории периода социализма Института истории АН Эстонской ССР доктора исторических наук Р. Н. Пуллата

Процесс изменения социальной структуры и классовых отношений в годы Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии до последнего времени не был предметом специальных исследований. Историками в основном освещались лишь отдельные аспекты социальной структуры советского общества: развитие рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Р. Н. Пуллат первым среди прибалтийских историков приступил к решению большой и сложной задачи — показу общих тенденций преобразования социально-классовой структуры населения Советской Эстонии как в условиях строительства социализма, так и в особенности в период развитого социалистического общества. Автор продолжительное время плодотворно работал над вопросом социально-классовой структуры капиталистической Эстонии. В последние годы он перешел к разработке проблем социальной структуры советского общества. Книга подытоживает первые результаты этой работы.

Анализируя материалы переписей населения и другие источники, Р. Н. Пуллат дает обстоятельную картину изменений, происшедших в социально-классовой структуре эстонского советского общества. Исследованию предшествует историческое введение, в котором показано, как складывалась социально-классовая структура буржуазной Эстонии и какой она была накануне победы в республике Советской власти. Это позволило автору установить весьма важную особенность: преобладание в социальной структуре Эстонии уже с конца XIX в. пролетариата, который сыграл решающую роль в революционных событиях как 1917, так и 1940 года. Революционные события 1940 г. положили начало формированию в Эстонии, Латвии и Литве советского социалистического общества. Будучи прерван войной этот процесс завершается в условиях послевоенного социалистического строительства

Особое внимание уделяет Р. Н. Пуллат сдвигам в социальном составе занятого населения в Советской Прибалтике за 1959—1970 годы. Он приходит к выводу, что характерной чертой в процессе изменения социальной структуры населения Эстонии, Латвии и Литвы на этапе развитого социализма явилось заметное сокращение численности колхозного крестьянства в занятом населении, рост количества и удельного веса рабочих и служащих. В Советской Прибалтике наиболее значительный прирост сельского рабочего класса наблюдался в Литве, но самая высокая доля сельских рабочих в населении была в Эстонии. Автор подтверждает это анализом изменений в социальной структуре сельского населения республики, суть которых он видит прежде всего в том, что по сравнению с 1959 г. в 1970 г. на первое место выдвинулся сельский рабочий класс. Отмеченная тенденция проявляется в Эстонии даже сильнее, чем по стране в целом. Этот вывод Р. Н. Пуллата — существенный вклад в изучение процесса стирания различий в структуре городского и сельского населения, усиления социальной однородности советского общества в период развитого социализма.

Как специалист по истории городов, Р. Н. Пуллат посвятил особый раздел исследованию проблем урбанизации. Отмечая, что самая высокая доля горожан в СССР имеется в Эстонии, Латвии и РСФСР, автор раскрывает исторические корни этого явления и в то же время отмечает, что социально-экономический процесс урбанизации тесно связан с ростом советского рабочего класса. Опираясь на достижения советской науки, Р. Н. Пуллат показывает, что, выполняя руководящую роль в коммунистическом строительстве, рабочий класс Эстонии сам претерпевает серьезные качественные

изменения. В совокупности с техническим прогрессом эти сдвиги ведут к изменениям характера труда в сторону увеличения доли умственных функций в деятельности квалифицированного рабочего и тем самым — к постепенному стиранию граней между рабочим классом и интеллигенцией, между физическим и умственным трудом.

Монография содержит интересные наблюдения, характеризующие достижения трудящихся Советской Прибалтики в развитии культуры, просвещения и науки. Наряду с другими показателями это подтверждается ростом уровня образования населения, особенно в условиях развитого социализма. В этой сфере заметно сблизились друг с другом рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция. Значительно увеличился удельный вес женщин в составе интеллигенции Советской Прибалтики, особенно сельской. Сократились различия в общеобразовательном уровне между людьми умственного и физического труда в городе и на селе. Возросла социальная однородность советского народа. История развития Эстонской ССР еще раз подтверждает, что только социализм в состоянии покончить с эксплуатацией и создать совершенно новые социальные отношения. В условиях развитого социализма население Эстонии становится в социальном отношении все более однородным и в то же время вследствие миграции более многонациональным.

Осуществленный автором анализ сдвигов, происходящих в социальной структуре Советской Эстонии, убедительно доказывает, что в республике действуют свойственные социалистическому обществу общие закономерности и тенденции. Материалы книги свидетельствуют и о том, что в динамике социальной структуры населения Советской Эстонии имеются и свои особенности, которые, как пишет Р. Н. Пуллат, вытекают из следующих общих характеристик: очень высокая занятость населения и большой удельный вес городского населения, его «таллинизация»; наличие многочисленного отряда рабочих тяжелой индустрии; относительно высокие показатели развития сельского хозяйства; весьма значительный образовательный уровень населения; сравнительно низкий естественный прирост населения и напряженный баланс трудовых ресурсов. Говоря о формировании социалистической социальной структуры общества, автор отмечает, что этот процесс в Эстонии (равно как в Латвии и Литве) протекал значительно быстрее, чем в республиках, где Советская власть утвердилась намного раньше. И это вполне понятно, так как народы Прибалтики начали строить социализм в рамках СССР, где социализм в целом уже победил и на его основе народы нашей страны, исходя из принципов пролетарского интернационализма, оказали всемерную поддержку трудящимся Эстонии, Латвии и Литвы в строительстве новой жизни.

Вопросы, поднятые в монографии, актуальны и для Латвии и Литвы, так как аналогичные процессы в годы строительства социализма происходили и в этих республиках.

Исследование Р. Н. Пуллата — первый монографический труд по истории социальной структуры не только Эстонии, но и других народов Прибалтики, и, как всякий первый труд, оно не может исчерпать всю проблему, ответить на все вопросы, которые возникают при изучении столь сложной и многоплановой темы. В дальнейшем более детально и в конкретно-историческом плане должно быть рассмотрено формирование как социальной структуры Эстонии в годы строительства социализма, так и эстонской социалистической нации. В монографии этот этап только намечен. Главное внимание в книге уделено исследованию социальной структуры на уровне классов, однако этого недостаточно. Важно не только показать эволюцию классов в условиях социализма, но и вскрыть глубинные процессы, ее сопровождающие, то есть рассмотреть социально-классовую структуру в сочетании с внутриклассовыми изменениями. Это особенно важно для эпохи развитого социализма, когда стирание внутриклассовых различий содействует преодолению межклассовых и составляет существенную сторону этого процесса.

Всестороннее изучение социальной структуры советского общества затруднено наличием ряда нерешенных еще до конца методологических проблем. Так, до сих пор не преодолен схематизм в интерпретации закономерностей, определяющих развитие социальной структуры, не освещен полностью процесс взаимодействия различных факторов, характеризующих данную социальную структуру и динамику ее развития; отсутствует ясность в таком важном вопросе, как границы классов и социальных слоев. Не случайно эти вопросы не нашли отражения в монографии.

Книга Р. Н. Пуллата имеет важное научное и практическое значение.

В. Е. Полетаев, Г. А. Шаджюс

Т. БАРТЕНЬЕВ, Ю. КОМИССАРОВ. *Тридцать лет добрососедства (к истории советско-финляндских отношений)*. М. Изд-во «Международные отношения». 1976. 254 стр. Тираж 8 000. Цена 1 руб. 44 коп.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла Финляндии путь к независимости и создала возможность для установления и развития добрососедских отношений между рабоче-крестьянской Россией и Финляндией. Однако финская реакционная буржуазия и военщина навязали стране враждебный Советскому Союзу курс, втянув Финляндию в две войны против СССР. И только после второй мировой войны Финляндия стала проводить реалистический внешнеполитический курс.

Книга Т. Бартеньева и Ю. Комиссарова является расширенным вариантом книги Ю. Комиссарова «Советский Союз — Финляндия: курс, устремленный в будущее», которая вышла в 1974 г. на финском языке в издательствах АПН (Москва) и «Отава» (Хельсинки) [1]. В ней рассматриваются Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией 1948 г. и развитие советско-финляндского сотрудничества в послевоенный период.

Советско-финляндское соглашение о перемирии от 19 сентября 1944 г. авторы правомерно расценивают как поворотный пункт в отношениях между Финляндией и Советским Союзом, которые после войны стали развиваться на принципах мирного сосуществования. Финляндия нуждалась в новых внешнеполитических ориентирах, в коренном пересмотре отношений с Советским Союзом. Начало новым советско-финским отношениям было положено в 1944—1947 годах. Этот пересмотр, пишут авторы, стал возможен в результате активной деятельности прогрессивных и патриотических сил Финляндии, в результате политики таких ее выдающихся государственных деятелей, как Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконен (стр. 220).

22 февраля 1948 г. Советское правительство направило президенту Финляндии предложение заключить Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В Финляндии разгорелась острая политическая борьба между сторонниками и противниками дружбы с СССР. Авторы подчеркивают, что «в этих условиях особое значение приобрела борьба прогрессивных сил Финляндии. Коммунисты Финляндии возглавили массовое движение, развернувшееся в поддержку идеи заключения договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом» (стр. 79—80). Как известно, на Западе, да и в самой Финляндии не прекращаются попытки исказить смысл договора, односторонне истолковывать его. В книге отмечается, что «правые круги в Финляндии пытаются время от времени развязать вокруг положений договора дискуссию, основанную на спекуляциях, направленную на подрыв его значения как краеугольного камня советско-финляндского сотрудничества» (стр. 96). Поэтому вполне уместен и своевремен анализ договора, сопоставление его статей с целями, которые ставили перед собой обе страны при его заключении.

Т. Бартеньев и Ю. Комиссаров основываются на оценке договора руководителями КПСС и Советского правительства, руководством Финляндии, на совместных советско-финских документах. В оценке договора 1948 г. авторы исходят из того, что «при определении сферы его действия, объема и смысла заключенных в нем обязательств исходной основой может быть только согласованный и утвержденный сторонами текст. Строгое соблюдение положений и духа договора — основное условие не только правильного применения его на практике, но и развития советско-финляндских отношений в целом» (стр. 96). Анализируя договор 1948 г., авторы разделяют обязательства сторон на три категории: о совместном отпоре агрессору; о дружбе и добрососедском сотрудничестве; о совместных действиях в интересах упрочения мира и международной безопасности. Такое деление представляется вполне обоснованным и помогает выяснению главных положений договора.

Правые круги Финляндии активно пропагандируют лозунг «абсолютного нейтралитета», пытаются дать одностороннюю трактовку зафиксированного в преамбуле договора «стремления Финляндии оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав». Авторы подчеркивают, что «все элементы договора органически связаны друг с другом, поэтому нельзя отрывать преамбулу от военно-политических статей договора, а тем более противопоставлять их друг другу». Указанное положение «не создает для Финляндии обяза-

[1] J. Komissarov. Suomi löytää linjansa. Keuruu. 1974.

тельства быть нейтральной при всех обстоятельствах. Оно лишь означает, что в вопросах, не затрагивающих дружественных советско-финских отношений и интересов защиты северо-западных границ СССР и самой Финляндии от агрессии, Финляндия в соответствии с ее стремлением оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав может, если пожелает, занимать нейтральную позицию» (стр. 108).

Договор 1948 г. открыл широкие возможности для всестороннего равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Финляндией. Для того, чтобы эти перспективы стали реальностью, было необходимо расширить политическую базу нового курса, обеспечить активное участие широких слоев финского народа в осуществлении курса на дружбу с СССР, преодолеть сопротивление правых кругов Финляндии и западных стран. Авторы анализируют главные этапы этого процесса в тесной связи с международными событиями.

Успешное развитие советско-финляндского сотрудничества, подчеркивается в книге,— это результат постоянных усилий государственных деятелей, правительств, общественно-политических организаций, народов двух стран. За время после подписания договора до наших дней было заключено около 90 соглашений, регулирующих советско-финляндское сотрудничество в различных областях. Финляндия стала первой капиталистической страной, с которой Советский Союз заключил в 1951 г. пятилетнее торговое соглашение. Авторы отмечают, что позднее этот опыт был использован в торгово-экономических отношениях СССР с другими странами (стр. 135). Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Финляндией (1955 г.) также стало первым соглашением такого рода, заключенным Советским Союзом с капиталистическим государством (стр. 139). Если в 1951—1956 гг. торговый оборот между СССР и Финляндией составлял около 1 млрд. руб., то в 1971—1975 гг. он увеличился в 5 раз (стр. 180). Новые перспективы в расширении и совершенствовании экономических связей между СССР и Финляндией открывает достигнутая в марте 1975 г. договоренность об осуществлении долгосрочной программы развития и углубления торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества на ближайшие 15 лет (стр. 194). Расширение экономических связей Финляндии с СССР ослабляет ее зависимость от капиталистических рынков. Авторы подробно описывают рост экономических, научно-технических, культурных и других связей между двумя странами.

Большое внимание в книге уделяется активизации финляндской внешней политики и сотрудничеству между СССР и Финляндией в борьбе за мир. СССР и Финляндия выступают с единых или близких позиций по многим международным вопросам. Так, оба государства добиваются в ООН принятия резолюций, направленных на решение проблемы разоружения. Принципиальную линию Финляндии в вопросах укрепления мира и международной безопасности, вытекающую из договора 1948 г., президент У. К. Кекконен определил так: «В вопросе войны и мира Финляндия не является нейтральной: Финляндия стоит за мир и против войны»[2]. Главное место в сотрудничестве СССР и Финляндии на международной арене занимают европейские проблемы. Такое направление совместных действий также вытекает из договора 1948 года. Конкретной областью этих усилий были, например, подготовка и проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Авторы критикуют те влиятельные круги Финляндии, которые, ориентируясь на Запад, пытаются саботировать советско-финляндское сотрудничество.

Как вышедшая на финском языке книга Ю. Комиссарова, так и рецензируемое издание вызвали большой резонанс в Финляндии. В связи с выходом последнего в финской прессе было опубликовано более 50 статей, ему была посвящена специальная радиопередача. Правые силы попытались дать одностороннее толкование договора 1948 г., выдвигали лозунг «абсолютного нейтралитета». Эта кампания была частью политики тех, кто время от времени распускает провокационные слухи о том, будто Советский Союз «пересматривает» свою политику в отношении Финляндии. Против газетной шумихи правых активно выступила коммунистическая газета «Tiedonantaja», которая справедливо расценила эту кампанию как атаку против дружественных финляндско-советских отношений. Министр иностранных дел К. Сорса в речи, произнесенной в Нурмесе 5 сентября 1976 г., заявил по этому поводу, что «взаимопонимание между Советским Союзом и Финляндией на

[2] У. К. Кекконен. Финляндия и Советский Союз. Добрососедство, сотрудничество, взаимопонимание. Речи 1967—1972 годов. М. 1973, стр. 105.

основе наших отношений и толкования договора 1948 г., которые авторитетно были подтверждены в связи с 25-летием договора 1948 г. в 1972 г., сохранилось неизменным»[3].

Пример советско-финляндских отношений, как убедительно показано в книге, наглядно подтверждает, что мирное сосуществование государств с различными социально-политическими системами приносит большую пользу их народам, помогает им сотрудничать в деле укрепления мира и безопасности. Опыт строительства и дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и Финляндией приобретает особое значение сейчас, когда на европейском континенте происходят важные положительные сдвиги.

А. Пааананен

[3] «Ulkoasiainministeriön lehdistötiedote» (Helsinki). 5.IX.1976.

ХАДЖИ МУРАТ ИБРАГИМБЕЙЛИ. *Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток*. М. Изд-во «Наука». 1977. 319 стр. Тираж 15 000. Цена 2 руб. 47 коп.

Монография старшего научного сотрудника Института военной истории Министерства обороны СССР доктора исторических наук Хаджи Мурата Ибрагимбейли посвящена исследованию двух проблем — битвы за Кавказ и краху колониальных планов германского и итальянского фашизма на Ближнем и Среднем Востоке. В нашей литературе (в том числе и военной) попытка объединить эти две большие проблемы в одном труде предпринимается впервые. Как известно, разгромом самой южной группировки сил вермахта на советско-германском фронте были полностью сорваны глобальные планы гитлеровцев после захвата Кавказа выйти на стратегические пути, играющие важную роль в системе мировых коммуникаций и позволяющие проникнуть на Ближний и Средний Восток. Монография дает ясное представление не только о крахе операции «Эдельвейс» — нацистского плана по захвату Кавказа, но и о крушении всей авантюристической политики и стратегии фашистского агрессора, о провале его колониальных планов.

На основе документов автор убедительно показывает фиаско стратегии «больших клещей» по захвату нефтяных месторождений Кавказа и Ближнего Востока, согласно которой после планировавшегося захвата Кавказа гитлеровское командование собиралось двинуть свои армии в Иран и Ирак, где они должны были соединиться с итальянскими и немецкими войсками, наступавшими из Египта после предполагавшегося захвата Суэцкого канала. Крах плана «Эдельвейс» означал для народов Ближнего и Среднего Востока избавление от угрозы фашистского нашествия и создание благоприятных условий для подъема национально-освободительного движения в этом регионе.

Монография открывается предисловием и введением, знакомящими читателя с характерными особенностями проблемы, определяющими военно-политическое и стратегическое значение битвы за Кавказ, ее роль и место в ходе Великой Отечественной войны. Опираясь на достижения историков СССР, других социалистических стран, Хаджи Мурат Ибрагимбейли подвергает аргументированному анализу зарубежную буржуазную историографию. Им рассмотрены работы английских, американских, западногерманских, французских, итальянских, турецких, иранских, арабских и других авторов. Этот критический разбор основан на обширном документальном материале и содержит глубокие выводы и обобщения.

В монографии показан крах колониальных планов англо-французских империалистов и германского фашизма в Иране, а также агрессивных планов гитлеровской Германии в арабских странах, Турции, Афганистане и Индии. Автор анализирует германо-итальянские противоречия, а также англо-германское соперничество на Ближнем и Среднем Востоке, рассказывает о подрывной деятельности фашистской агентуры в этом регионе. В книге подробно исследуются следующие основные политические и военные сюжеты: Кавказ в планах вермахта как плацдарм для агрессии на Ближнем

и Среднем Востоке, план «Эдельвейс» и причины его краха в ходе оборонительных и наступательных операций, проведенных советскими войсками в период битвы за Кавказ.

Особый интерес вызывают разделы «Фашистский генералитет о советской обороне. Бои на перевалах» и «Заоблачный фронт войны», где рассматриваются кровопролитные бои второй половины августа 1942 г. на всех участках Кавказского фронта. Здесь показано превосходство советского военного искусства над фашистским, ратное мастерство и героизм советских воинов, умелое руководство войсками командиров всех звеньев — от взвода до фронта. С интересом читаются страницы, посвященные подвигу советских воинов, преградивших врагу путь в Закавказье через высокогорные перевалы Главного Кавказского хребта. Эпопея высокогорной войны представляет собой, как пишет автор, «одну из ярчайших страниц истории битвы за Кавказ и всей второй мировой войны» (стр. 288).

Новыми сведениями, почерпнутыми из архивных материалов (в том числе трофейных немецких документов), а также зарубежной литературы, насыщена глава 6, рассказывающая о колониальной политике держав «оси» на Ближнем и Среднем Востоке и битве за Кавказ. Прослеживая противоречия по вопросу о направлении агрессии на Ближний Восток (через Кавказ или через Египет) между двумя группировками в военно-политическом руководстве фашистской Германии, автор подчеркивает, что «регулятором позиций обеих группировок была стратегическая обстановка на главном и решающем фронте второй мировой войны — советско-германском» (стр. 154).

Среди важнейших вопросов, рассматриваемых в книге,— провал «кавказского эксперимента» третьего рейха — попытки расколоть дружбу советских народов, посеять националистическую рознь среди горского населения, использовать предателей в борьбе против Советской Армии, вовлекая их в фашистские формирования, а также банкротство фашистской идеологии, несостоятельность психологического оружия вермахта. В заключении монографии раскрыто значение битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне

Одно из центральных мест в исследовании занимает оперативно-стратегическое описание битвы за Кавказ. Военные события характеризуются автором со знанием военной науки и военного искусства: стратегии, оперативного искусства и тактики. Он подошел к исследованию и решению проблемы с классово-партийных позиций. На основе многочисленных примеров и фактов Хаджи Мурат Ибрагимбейли показывает, что военная победа СССР так же закономерна, как и поражение вермахта.

Авантюризм, присущий военной стратегии нацистской Германии, зримо проявился в 1942 г., когда гитлеровское командование предприняло наступательные действия со стратегическими целями на южном участке советско-германского фронта. Такие действия, как известно, не вытекали из сложившегося к этому времени соотношения сил, не были оправданными с военно-стратегической точки зрения и поэтому закончились полным провалом. Хронологически сюда вписывается и начало битвы за Кавказ, продолжавшейся с конца июля 1942 г. до начала октября 1943 года. Именно в это время Советская Армия при активном содействии Военно-Морского Флота провела ряд крупных оборонительных и наступательных операций на Северном Кавказе и в предгорьях Большого Кавказа, в результате которых операция «Эдельвейс» потерпела крах. Как свидетельствует книга, большое политическое и военное значение битвы за Кавказ состояло в том, что она не только проходила одновременно с битвами под Сталинградом и Курском, а была теснейшим образом связана с этими событиями, имевшими решающее влияние на исход не только операций по ликвидации «Эдельвейса», но и создавшими коренной перелом в ходе второй мировой войны. Потерпев поражение, гитлеровское руководство вынуждено было повсеместно перейти к обороне. С этого момента и до конца войны условия ведения вооруженной борьбы диктовало Советское Верховное Главнокомандование.

Оперативно-стратегический очерк битвы за Кавказ, содержащийся в книге, правильно представляет действия фронтов и армий, видов вооруженных сил и родов войск, ход боевых действий сторон в сложных условиях данного театра военных действий. Читая его, мы как бы попадаем в самую гущу военных событий, в деталях видим действия сторон, проходившие в бескрайних степях, при обороне и наступлении, форсировании рек, на море и в воздухе, в лесах и горах. Одной из ярких страниц битвы за Кавказ было воздушное сражение на Кубани весной 1943 г., приведшее к завоеванию господства в воздухе советскими ВВС. Автор справедливо подчеркивает, что успешно

выполнили свои задачи по содействию сухопутным войскам в освобождении Черноморского побережья Кавказа моряки Черноморского флота. Победой в битве за Кавказ были созданы благоприятные условия для последующего форсирования Керченского пролива и освобождения Крыма. Покончив с «Эдельвейсом», крупные силы Советской Армии высвободились для оперативного использования на других участках советско-германского фронта.

Характеризуя просчеты стратегов вермахта о соотношении борющихся сил, автор подчеркивает, что они, как правило, переоценивали свои силы и недооценивали возможности Советской Армии, особенно сосредоточение и использование ею стратегических резервов. В тяжелых боях за Кавказ советские войска зачастую не только выстояли под ударами врага, остановили его продвижение, но и погнали вспять, сковали на долгое время крупные силы вермахта, действовавшие на этом направлении, заставили гитлеровское командование израсходовать на «Эдельвейс» многие резервы, предназначавшиеся для использования на других участках советско-германского фронта.

Описывая военные события, автор осветил и взаимодействие между германским монополистическим капиталом и вермахтом. Корни такого взаимодействия, как известно, выросли еще в недрах прусского милитаризма и особенно окрепли в условиях фашистского режима. Реакционная историография всячески извращает эту проблему, начиная с отрицания роли монополий в приходе Гитлера к власти и кончая фальсификацией фактов непосредственного соучастия тех же монополий в военных преступлениях нацистского рейха. Но факты неопровержимо свидетельствуют о том, что план «Эдельвейс», например, прямо выражал вожделения германского монополистического капитала на кавказскую и ближневосточную нефть.

В военных действиях на Северном Кавказе отразились все трудности того времени, которые пришлось испытать советскому народу и его воинам в Действующей армии и в партизанских отрядах. Эти тяготы объективно показаны автором, обрисовавшим как недостатки, так и положительные стороны в деятельности советского военного командования, неудачи и успехи советских войск. В монографии обстоятельно освещены руководящая роль Коммунистической партии, Ставки Верховного Главнокомандования и командования фронтов и армий, армейских политорганов в организации отпора врагу и победоносного завершения битвы за Кавказ.

Многие страницы книги рассказывают о патриотизме и массовом героизме советских людей. В победе, одержанной в битве за Кавказ, воплотилась непоколебимая дружба народов СССР. Здесь в едином строю вели самоотверженную борьбу с врагом русские и грузины, украинцы и армяне, белорусы и азербайджанцы, дагестанцы и узбеки, татары и кабардинцы, сыны и дочери других народов советской многонациональной Родины. Неувядаемым примером массового героизма советских воинов служит легендарная «Малая земля» в Новороссийске. Душой ее героической обороны были коммунисты. «Много раз я был на переднем крае боевых порядков частей на «Малой земле»,— вспоминает Л. И. Брежнев, являвшийся тогда начальником политотдела 18-й армии.—Должен признаться вам, товарищи, что более тяжелых и кровопролитных боев, чем на «Малой земле», я, пожалуй, не видел за все четыре года пребывания на фронте» [1].

При всех достоинствах рецензируемая монография не лишена и отдельных недостатков. Автору следовало шире показать осуществление оккупационного немецко-фашистского режима на Северном Кавказе, а также несколько подробнее осветить партизанскую борьбу местного населения против фашистских оккупантов. Ярче можно было показать, в частности, формы и методы борьбы партизанских отрядов, их взаимодействие с регулярными частями Советской Армии. В книге отсутствуют именной и алфавитный указатели.

В заключение отметим еще раз научный характер и литературные достоинства книги; она хорошо издана и снабжена достаточным числом иллюстраций.

И. И. Джорджадзе

[1] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 128.

О. Ф. СУВЕНИРОВ. *Коммунистическая партия — организатор политического воспитания Красной Армии и Флота. 1921—1928.* М. Изд-во «Наука». 1976. 291 стр. Тираж 4450. Цена 1 руб. 14 коп.

Десятки миллионов трудящихся нашей страны прошли школу идейно-политического воспитания в рядах Советских Вооруженных Сил. Высокая коммунистическая сознательность отличает Советскую Армию от буржуазных армий, составляет наиглавнейший источник ее несокрушимой мощи. Вот почему представляет интерес каждое специальное исследование деятельности партии в области организации и проведения идейно-политического воспитания личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота в тот или иной исторический период.

Монография кандидата исторических наук доцента О. Ф. Сувенирова (Институт военной истории Министерства обороны СССР), по существу, открывает новое направление в изучении этой темы — на стыке историко-партийной и военно-исторической наук.

Исследуемая в монографии проблема представляет как теоретико-познавательный, так и практический интерес. Выводы автора будут способствовать совершенствованию процесса политического воспитания личного состава Советских Вооруженных Сил и военно-патриотического воспитания советского народа. Особую актуальность эта тема имеет для стран, впервые приступающих к созданию армии нового типа и нередко сталкивающихся с проблемами, успешно решенными нашей партией и страной еще в 20-е годы.

По вопросам партийно-политической работы в 20-е годы имеется значительная литература, но большинство авторов лишь в самых общих чертах касалось идейно-политического воспитания личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота, не выделяя этот сюжет из партийно-политической работы в целом и, как правило, отождествляя его с агитационно-пропагандистской работой. В книгах Ю. П. Петрова, Н. Ф. Кузьмина, И. Б. Берхина, В. Н. Конюховского и других о деятельности Коммунистической партии по укреплению партийно-политического аппарата Красной Армии уделено некоторое внимание и постановке политико-воспитательной работы с ее личным составом. Процесс становления и развития системы идейно-политического воспитания личного состава Советских Вооруженных Сил отражен в коллективном труде «Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918—1973 гг.» (М. 1974), но о соответствующей деятельности партии в 20-е годы в ней сказано очень немного.

В освещении избранной темы О. Ф. Сувениров в известной мере идет непроложенной стезей. По сути дела, он первым в советской литературе представил обстоятельное, опирающееся на богатый и разнообразный фактический материал исследование сложной, многогранной деятельности Коммунистической партии по организации идейно-политического воспитания личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота в 20-е годы.

Монография написана на основе всестороннего изучения и анализа важнейших ленинских трудов, относящихся к теме исследования. Автором использованы стенографические отчеты X—XVI партийных съездов и IX—XV партийных конференций, материалы пленумов и другие документы ЦК партии, Политуправления РККА. Автор ввел в научный оборот значительное количество документов и материалов, хранящихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и ЦГАСА (в частности, фонды отделов ЦК ВКП(б), Политуправления РККА, персональные фонды С. И. Гусева, М. И. Калинина, Н. И. Подвойского, М. В. Фрунзе и др.). Впервые в столь широком объеме использованы периодика 20-х годов; издания, ставшие библиографической редкостью («Известия» ЦК РКП(б) (ВКП(б)). 1920—1929 гг.; «Справочник партийного работника». Вып. I—V. 1921—1930 гг.; «Ежегодные отчеты Народного комиссариата по военным и морским делам». 1921—1926 гг.); историческая и военно-политическая литература.

Автор систематизировал и обобщил большой фактический материал, сделал некоторые ценные наблюдения и выводы, характеризующие применение ленинских принципов идейно-воспитательной работы в Красной Армии и Военно-Морском Флоте в 20-е годы, последовательное совершенствование форм, методов и средств этой работы в соответствии с требованиями жизни. Важнейший вывод автора состоит в том, что в эти годы Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет, ПУ РККА в острой и напряженной борьбе с троцкистами и другими оппортунистами, с различ-

ными буржуазными элементами типа сменовеховцев отстояли ленинские принципы организации идейно-политического воспитания личного состава Красной Армии и ВМФ. Партия постоянно держала в поле зрения все стороны этой деятельности, рассматривая ее как решающую предпосылку укрепления боеспособности Вооруженных Сил СССР.

Автор подчеркивает органическую взаимосвязь теоретической и практической деятельности партии в осуществлении идейно-политического воспитания личного состава РККА и ВМФ. Он справедливо считает, что необходимо разграничение понятий «политическое воспитание» и «агитационно-пропагандистская работа» в РККА и ВМФ, что политическое воспитание личного состава войск по содержанию, формам и методам осуществления значительно шире, чем агитационно-пропагандистская работа. Конечная цель идейно-политического воспитания в РККА и ВМФ — выработка твердых коммунистических убеждений, действенного социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, активной жизненной позиции. Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по организации политического воспитания военнослужащих рассматривается в книге в неразрывной связи с историей страны и партии, как составная часть общепартийного дела. Убедительно показаны огромные трудности, с которыми партии пришлось столкнуться при решении этой проблемы в тот период, дан обстоятельный анализ практической работы по успешному преодолению этих трудностей, обстоятельно освещена деятельность многих командиров и политработников, успешно занимавшихся делом политического воспитания воинов.

В монографии проанализированы сущность, цели, содержание и структура процесса политического воспитания личного состава Красной Армии и Флота в 20-е годы. Автор последовательно придерживается принципа единства теории и практики и политическое воспитание советских воинов рассматривает как единый процесс воспитания словом и делом, в учебном классе и в жизни. Основой этого процесса служило коммунистическое просвещение бойцов и командиров и всемерное развитие их общественно-политической активности, повседневное участие в практической деятельности, неукоснительное соблюдение ленинских норм жизни и принципов партийного руководства, единство действий партии и народа по укреплению боеспособности армии и флота.

О. Ф. Сувениров дает обобщающую характеристику основных категорий личного состава армии и флота того периода (политсостав, комсостав, красноармейцы и краснофлотцы), а также армейских и флотских коммунистов 20-х годов, что позволило ему четко провести принцип дифференцированного подхода к исследованию истории организации политического воспитания различных категорий военнослужащих. Специально изучена в книге система работы Коммунистической партии по развитию политической активности командиров, красноармейцев и краснофлотцев 20-х годов, по выработке у них активной советской жизненной позиции. Многие формы и методы этой работы имеют определенное практическое значение и в современных условиях.

Автор показывает исторические результаты деятельности Коммунистической партии и Советского государства по организации политического воспитания РККА и ВМФ в 20-х годах. Как отмечалось на XVI съезде ВКП(б), Советские Вооруженные Силы на протяжении всего этого периода являлись в организационном, боевом и политическом отношении надежной опорой диктатуры пролетариата. Эти свои качества они развивали и в последующий период, что в значительной мере предопределило победоносный исход Великой Отечественной войны.

О. Ф. Сувениров также подчеркивает, что благодаря успехам в идейно-политическом воспитании личного состава РККА и ВМФ в 20-е годы были подготовлены многочисленные кадры строителей социализма.

Выполненное в целом на высоком уровне, исследование О. Ф. Сувенирова не лишено, однако, некоторых недостатков.

Советская Армия была и остается школой воспитания нового, социалистического типа личности, и это воспитание носит всесторонний, комплексный характер. В монографии идейно-политическое воспитание освещено в тесной связи с боевой подготовкой войск. Однако автор не проанализировал соотношение различных сторон воспитательного процесса и, в частности, не уделил внимания нравственному воспитанию личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота. В 20-е годы в войсках был уже накоплен известный опыт использования революционных, боевых и трудовых традиций в деле идейно-политического воспитания личного состава. В моногра-

фии же этот опыт, к сожалению, не нашел отражения.

Впервые в нашей военно-исторической литературе довольно большой раздел автор посвятил идейно-политическому воспитанию комсостава Красной Армии и Военно-Морского Флота. Поскольку среди комсостава тех лет был значительным удельный вес старых военных специалистов, следовало проследить изменения в их мировоззрении как на уровне обыденного сознания, так и в научно-методологическом плане. Приходится сожалеть и о том, что в монографии не освещена организация идейно-воспитательной работы в военно-учебных заведениях по подготовке командного и политического состава. Ведь новые командные кадры, вливаясь в войска, оказывали огромное влияние на постановку идейно-политической работы и перевоспитание старых военных специалистов.

Широко известно высказывание В. И. Ленина о том, что неграмотный человек стоит вне политики и для приобщения к ней его надо сначала обучить грамоте [1]. В 20-е годы призывники были почти сплошь неграмотными, поэтому процесс идейно-политического воспитания в Красной Армии и Военно-Морском Флоте был теснейшим образом связан с проблемой ликвидации неграмотности. Однако в монографии этот вопрос не затрагивается.

О. Ф. Сувениров сделал хороший почин в изучении сложной и актуальной проблемы. На очереди — изучение процесса идейно-политического воспитания в Советских Вооруженных Силах в последующие годы.

И. Я. Трифонов

[1] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 174.

«Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы Российского министерства иностранных дел. Серия II (1815—1830). Т. I (IX). М. 1974. 822 стр. Тираж 8500. Цена 3 руб. 81 коп.; т. II (X). М. 1976. 851 стр. Тираж 8500. Цена 3 руб. 96 коп.

Закончившееся издание первой серии дипломатических документов российского министерства иностранных дел подробно проанализировано и получило высокую оценку в печати [1]. Публикация эта продолжена, уже увидели свет два очередных тома второй серии [2]. В IX томе содержится 202 документа, в X—209. В издание вошли преимущественно новые, ранее нигде не опубликованные материалы. На известные источники даны краткие аннотации. Как и в первой серии, IX и X тома снабжены обширным справочным аппаратом, включающим все наиболее необходимые указатели и подробные примечания.

Новая серия охватывает важный период в мировой истории (1815—1830 гг.), когда, по выражению В. И. Ленина, происходил «длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития» [3]. Капитализм уверенно шагал по Европе, вызвав серию буржуазных революций 20—30-х годов XIX века. Для России это было время кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства, складывания вольнонаемной мануфактуры, вызревания капиталистических отношений, зарождения революционно-освободительного движения. Указанные тенденции оказали существен-

[1] См.: Г. Куропятник, А. Станиславская, В. Сироткин. Документы внешней политики России. «Международная жизнь», 1972, № 10; А. Л. Нарочницкий, Г. С. Кучеренко. О публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века». «Археографический ежегодник за 1972 г.». М. 1974; Н. Н. Болховитинов, И. С. Достян, В. Г. Сироткин. Проблемы международных отношений в документальной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века». «Вопросы истории», 1976, № 7, и др.

[2] Редакционная коллегия т. IX: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.), Г. К. Деев, Н. Б. Кузнецов, С. Т. Логинов, В. И. Мазаев, М. К. Радецкий, С. Д. Сказкин; т. X: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.), Н. Н. Болховитинов, Г. К. Деев, И. С. Достян, В. П. Костылев, С. Т. Логинов, В. И. Мазаев.

[3] В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 162.

ное влияние на развитие международных отношений. Разгром наполеоновской империи, решения Венского конгресса, изменение соотношения сил в Европе, подписание новых дипломатических соглашений, усиление колониальной экспансии развитых капиталистических государств — все это придавало новое содержание начавшемуся историческому периоду.

Том IX включает документы с ноября 1815 г. по сентябрь 1817 г., том X — с октября 1817 г. по апрель 1819 года. В истории международных отношений эти годы связаны в первую очередь с деятельностью Четверного союза (Англия, Австрия, Россия и Пруссия) в Европе. В современной буржуазной литературе история международных отношений непосредственно после подписания венских протоколов трактуется как период стабильности, порядка, некоего европейского равновесия и мирного сосуществования [4]. Причем предпринята попытка доказать, что мирное сосуществование якобы возможно лишь между государствами, принадлежащими к одному социальному строю [5]. В связи с этим затушевываются и замалчиваются противоречия между великими державами того времени. Венская система представляется идеалом международных отношений как прошлого, так и нынешнего века.

В новой серии содержится много документов, посвященных деятельности Четверного и Священного союзов. Их публикация проливает свет на соотношение этих международных организаций. Можно сделать вывод, что Четверной союз являлся действенной политической организацией, фактически диктовавшей свою волю на международной арене, а Священный союз на первом этапе своего существования был скорее идеологическим институтом (до 1818 г.), не имевшим реальной политической основы. Роль Священного союза в международных отношениях 1815—1818 гг. в значительной степени преувеличивается в современной западной историографии [6].

Документы тома IX неопровержимо доказывают, что Венский конгресс оставил множество нерешенных вопросов, породил новые европейские противоречия. Между великими державами разгорелась борьба за преобладающее влияние в Германии, Италии; острые разногласия вызывал вопрос о судьбах испанских колоний в Латинской Америке, Восточный вопрос, проблема работорговли. В Европе после Венского конгресса существовал ряд территориальных противоречий. Вновь опубликованные документы раскрывают их содержание, дают полное представление о позиции России во многих европейских и других международных вопросах. Особое значение имеют материалы о работе Парижской конференции послов, которая являлась политическим инструментом Четверного союза в те годы. Среди них наибольший интерес вызывает переписка Александра I с герцогом Веллингтоном, канцлером Меттернихом, премьер-министром Франции герцогом Ришелье, донесения посла России в Париже К. О. Поццо-ди-Борго. Центральное место в парижских переговорах занимал вопрос о судьбе побежденной Франции — ее внутреннем устройстве, оккупации территории страны войсками союзников и выплате контрибуций.

В документах нашла отражение позиция по этим вопросам не только России, но и других участников Четверного союза, показана последовательная борьба Франции за облегчение условий Парижского мира и ее настойчивое стремление вернуть себе ранг великой державы. Позиция России в этом вопросе была наиболее благоприятной для Франции. Правительство Александра I последовательно выступало за сокращение оккупационной армии, преодолевая сопротивление английского и австрийского кабинетов (т. IX, док. 105, 117, 151, 169). Эта тенденция нашла уже свое отражение в дореволюционном издании дипломатических документов, предпринятом А. А. Половцовым [7]. Однако публикаторам тома IX, не повторяясь, удалось выявить новые факты и раскрыть тактику в этом вопросе российской дипломатии, которая настойчиво добивалась, чтобы инициатива сокращения оккупационной армии исходила от герцога Веллингтона или австрийского кабинета. «Я считаю очень удачным,—писал Поццо-ди-Борго,—что первое официальное предложение было сделано

---

[4] G.-H. Pirenne. La Sainte Alliance. Tt. I—II. Neuchâtel-P. 1946—1949; G. Bertier de Sauvigny. Metternich et l'Europe. «Le Congrès de Vienne et l'Europe». Bruxelles—P. 1964.

[5] H. A. Kissinger. A World Restored. Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812—1822. L. 1957.

[6] См. F. Lev. Alexander Ier et sa Sainte Alliance. P. 1976.

[7] «Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1818 гг.)». Сборник РИО. Т. 112. 1901; т. 119. 1904.

со стороны австрийского кабинета; мы теперь опираемся на него, показывая, что наш кабинет в его последних сообщениях лишь беспристрастно следует поданному примеру» (т. IX, док. 105). Не меньшее значение для Франции имела позиция России в вопросе о сокращении контрибуционных платежей. И здесь русское правительство последовательно защищало интересы тюильрийского кабинета, преодолевая сопротивление других европейских держав, и в первую очередь Пруссии.

Документы дают представление о внутреннем положении Франции после второй реставрации Бурбонов, борьбе политических партий, деятельности ультрароялистов, экономическом и финансовом положении страны. Они отражают широкое вмешательство царизма во внутренние дела Франции, его борьбу за соблюдение умеренной линии во внутренней политике государств послевоенной Европы. Опубликованные уже в последних томах первой серии материалы продемонстрировали, что правительство Александра I понимало нереальность абсолютной реставрации всех прежних феодальных институтов и не отрицало возможности сочетания возрождения старых монархических династий с конституционными принципами правления. Эта тенденция, наиболее явственно видная на примере Франции, была уже отмечена в советской литературе [8].

Правительство Александра I после второй реставрации Бурбонов поддерживало умеренный кабинет герцога Ришелье, боролось против ультрароялистской «бесподобной палаты», предостерегало Людовика XVIII относительно опасности справа. Документы отражают стремление правительства России укрепить шаткое положение Бурбонов, добиться спокойствия внутри страны, воспрепятствовать дальнейшему развитию в ней революционного движения (т. IX, док. 80, 105, 151 и др.). По мнению Александра I, этого можно было добиться путем укрепления конституции и предотвращения опасности как справа (ультрароялисты), так и слева (радикалы). В целом политика России в тот период сводилась к борьбе за возвращение Франции в лагерь великих держав, постепенное перерождение Четверного союза в союз пяти (с включением в него Франции), укрепление и развитие русско-французских отношений. Возрожденная и вновь сильная Франция представлялась Александру I необходимым элементом европейского равновесия, которое, по его мнению, не сложилось еще окончательно после Венского конгресса.

Однако из материалов IX и X томов видно, что задача укрепления единства Четверного союза также стояла перед российской дипломатией, опиравшейся на него при решении многих международных вопросов и, самое главное, в борьбе против революционных процессов (т. IX, док. 30, 50, 63 и др.). По документам прослеживается желание Александра I придать политический аспект Священному союзу. Таким образом, в публикации находит всестороннее отражение сложная и противоречивая политика Александра I в Европе в тот период.

Что касается Франции, то ее внешняя политика была всецело направлена на укрепление связей с Россией. Большинство внешнеполитических акций России находило одобрение и поддержку у тюильрийского кабинета. Документы показывают, что между Россией и Францией в указанный период не было антагонистических противоречий. В связи с этим значительный интерес представляют материалы IX и X томов (к сожалению, немногочисленные) о попытках Франции заключить с Россией формальный союз (фактически он существовал). Эти попытки прослеживаются на всем протяжении деятельности кабинета Ришелье [9].

Видное место в истории международных отношений занимает Аахенский конгресс 1818 года. Первый конгресс Священного союза, он в то же время способствовал превращению последнего не только в идеологическую, но и реакционную политическую организацию. «Союз четырех» преобразовался на конгрессе в союз пяти великих держав, вставших на стражу реакции и «правопорядка». Тем самым конгресс привел к изменению расстановки политических сил в Европе. Между тем материалы о работе конгресса малоизвестны, и его история еще не получила должного освещения в советской литературе. Поэтому публикация обширных документов по истории Аахенского конгресса в томе X и примечаний к ним имеет важное научное значение. Здесь содержатся данные о подготовке к конгрессу, отражены проблемы повестки

[8] В. Г. Сироткин. Изгнание и смерть Наполеона. «Новая и новейшая история», 1974, №№ 4, 5.

[9] Archives de Ministère des Affaires Étrangères de France. «Correspondance politique. Russie». Vol. 155, p. 193.

дня и отношение к ней российского, австрийского и английского кабинетов (т. X, док. 49, 82, 83, 96 и др., прим. 124, 125, 146, 148, 180 и др.), ход переговоров между союзниками в Аахене. Наряду с официальными актовыми материалами в томе X опубликованы стенографические отчеты некоторых заседаний. Наиболее подробно отражен в этих материалах вопрос о посредничестве между Испанией и ее американскими колониями (т. X, док. 158, 159). Интересные сведения имеются о дискуссиях по проблеме Четверного союза (т. X, док. 160). В целом публикация дает полное представление о сложной борьбе, происходившей на Аахенском конгрессе между великими державами.

Во второй серии публикации, как и в первой, содержатся документы, раскрывающие политику России в Восточном вопросе, ее взаимоотношения с Османской империей и связи с народами Балканского полуострова. Материалы, вошедшие в первую серию, наглядно показали, что ближневосточное и балканское направления во внешней политике России занимали центральное место даже в эпоху наполеоновских войн. После Венского конгресса Восточный вопрос по-прежнему оказывал существенное влияние на международную обстановку. Русско-турецкие отношения того времени определялись постановлениями Бухарестского мирного договора. Если правительство России настаивало на точном выполнении его условий, то Порта пыталась подвергнуть их ревизии. Турецкое правительство, стремясь к пересмотру границы в Закавказье, нарушило свои обязательства по отношению к Сербии и Дунайским княжествам, захватило несколько нейтральных островов в устье Дуная.

В томе IX опубликованы ранее неизвестные документы, касающиеся миссии в Константинополе Г. А. Строганова (т. IX, док. 55, 65, 108, 109, 121 и др., прим. 72 и др.). Они во всем объеме раскрывают политику России по отношению к Турции после Венского конгресса. Основная идея сводилась к необходимости поддержания мира с Турцией и сохранения целостности Османской империи. «Последний (Г. А. Строганов. — В. Г.), — гласила инструкция,— должен категорически отбросить всякий план или даже самую отдаленную мысль о несправедливой войне против турок; больше того, ему предписывается тщательно устранять всякую возможность или повод к войне, даже если бы она основывалась на самых неоспоримых правах» (т. IX, док. 55). Таким образом, документы опровергают мнение некоторых западных историков, что Россия после Венского конгресса стремилась к разделу Османской империи, к захвату Константинополя и проливов[10]. Как и в начале XIX столетия, русское правительство считало тогда необходимым поддерживать целостность и суверенность Турции.

В связи с этим заслуживают серьезного внимания и некоторые материалы, касающиеся истории Священного союза. В западной и турецкой историографии высказывалась мысль, что эта организация была создана Александром I против Турции для подготовки ее раздела совместно с другими державами[11]. Уже материалы первой серии убедительно опровергли эту концепцию. В IX—X томах содержатся документы, указывающие на то, что организация Священного союза не имела никакого отношения к Османской империи (т. IX, док. 34, 41, прим. 41, 49). Именно по категоричному настоянию Александра I Восточный вопрос не поднимался на Аахенском конгрессе [12].

Значительный интерес представляют документы о взаимоотношениях России с народами Балканского полуострова. Период после 1812 г. был тяжелым временем для славянских народов, входивших в состав Османской империи. В 1813 г. турецкие войска, нарушив постановления Бухарестского договора, опять наводнили Сербию. В ответ на это весной 1815 г. там вспыхнуло второе восстание, которое завершилось успехом. В 1816—1817 гг. Турция вновь была вынуждена подтвердить сербскую автономию. Турецкое правительство пыталось установить жесткий режим (нарушая решения, принятые в Бухаресте) и на территории Молдовы и Валахии, не считаясь с автономией княжеской власти, разоряя местное население непомерными налогами и всевозможными данями.

Документы IX и X томов дают представление о позиции России в отношении развивавшегося национально-освободительного движения на Балканах. Они показыва-

---

[10] L. Seaman. From Vienna to Versailles. N. Y. 1963.

[11] См. R. Leslie. The Age of Transformation. L. 1961; A. N. Kurat. Türkiye ve Rusya. XVIII yuzyil sonundan Kurtulus savasina kadar turk-rusieisi kleri (1798—1919). Ankara. 1970.

[12] РИО. Т. 119, док. 272.

ют, что главная сложность для России заключалась в примирении принципа поддержки целостности Османской империи и необходимости оказания помощи христианским народам, входившим в ее состав (т. IX, док. 55). Возможности для такого примирения Россия искала в дипломатических демаршах Порте, поддерживавших права народов Сербии, Молдовы и Валахии. Именно дипломатическими средствами правительство Александра I пыталось добиться подлинной автономии для сербского народа, оградить население Дунайских княжеств от произвола турецкой администрации (т. IX, док. 1, 55, 104 и др., прим. 1, 72, 74 и др.). Эта тактика приносила определенные результаты. Именно дипломатический нажим России на Турцию в 1815—1817 гг., как отмечал видный югославский ученый В. Чубрилович, был одним из факторов победы второго сербского восстания и сохранения достигнутых успехов в борьбе против турецкого ига [13].

Во второй серии издания так же, как и в первой, документально представлены не только магистральные направления истории международных отношений и внешней политики России. В IX и X томах нашли отражение взаимоотношения России с США, ее позиция в вопросе о национально-освободительном движении в Латинской Америке. Правда, если взаимоотношения Испании с ее восставшими колониями освещены довольно подробно, то русско-американским связям посвящено лишь несколько материалов (т. IX, док. 98, 186, прим. 133—135; т. X, док. 54), которые свидетельствуют о благожелательном характере русско-американских отношений того периода.

Представленная в публикации позиция России в вопросе об американских колониях интересна, в частности, в связи с дискуссией, имевшей место в советской историографии [14]. Получил также освещение вопрос о продаже Россией Испании нескольких военных кораблей (т. IX, док. 148, 175, 179, 190—200). Документы показывают, что русское правительство не считало возможным оказывать Испании одностороннюю помощь в борьбе против восставших колоний, желало сохранить свободу рук и согласовывать свои действия в этом вопросе с другими европейскими державами (т. IX, прим. 276, 285). Материалы X тома отражают те же тенденции в политике России по отношению к восставшим испанским колониям. Отказ от вооруженного вмешательства в борьбу Испании против народов Латинской Америки и понимание необходимости уступок борющимся колониям сочетались с заинтересованностью России в поддержке испанской монархии (т. X, док. 2, 5, 6, 15 и др.). Эти тенденции наиболее отчетливо проявились в период работы Аахенского конгресса (т. X, док. 208).

Из других направлений политики России довольно подробно представлены ее взаимоотношения с Персией, с народами Кавказа и Закавказья. Отражены в публикации и торговые связи России с ханствами Средней Азии и Китаем, деятельность Российско-американской компании.

Опубликованные в IX и X томах документы характеризуют внешнюю политику не только России. В них имеются многочисленные данные о внешней политике других европейских государств — Англии, Франции, Пруссии, Австрии, Испании, Португалии, а также в целом по истории международных отношений. Публикация содержит также обширные материалы по новой истории стран Европы и Америки, включая данные о внутреннем положении многих государств.

В. А. Георгиев

---

[13] В. Чубриловић. Историја политичке мисли у Сербији. Београд. 1958, стр. 114.

[14] См. Л. Ю. Слезкин. Россия и война за независимость в испанской Америке. М. 1964, стр. 139—144; Б. Н. Комиссаров. Об отношении России к войне испанской Америки за независимость. «Вестник» Ленинградского университета, 1964, № 8, стр. 70—71.

«Первобытное искусство». Новосибирск. Изд-во «Наука». Сибирское отделение. 1976. 180 стр. Тираж 6600. Цена 1 руб. 37 коп.

В потоке работ о древнейшем прошлом человечества все более видную роль играют исследования памятников первобытного искусства. Соответствующие публикации вызывают неизменный интерес, оживленные отклики, дискуссии. И это естественно. Как никакие другие категории памятников материальной культуры, произведения первобытного искусства позволяют со всей непосредственностью ощутить живое биение страстей, динамику мыслей и стремлений давно ушедших поколений наших предков. В качестве источника для изучения эпох, когда еще не существовало письменности и других долговечных средств передачи информации, первобытные изображения и изваяния, несомненно, значили больше того, что мы привыкли связывать с современным понятием «произведения искусства».

При многообразии научных дисциплин и соответствующих изданий, в рамках которых представлены исследования первобытного искусства, далеко не всякий историк имеет возможность представить современное состояние этой активно развивающейся области наук о прошлом человечества. В известной мере эта задача облегчается в последние годы благодаря начатому Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения (СО) АН СССР выпуску серий специализированных сборников «Первобытное искусство». Первый из них, вышедший в 1971 г., уже был подробно проанализирован компетентными специалистами, давшими ему в целом высокую оценку [1]. Второй, о котором далее пойдет речь, сохраняет основные позитивные качества первого и вместе с тем довольно существенно от него отличается. Прежде всего заметно увеличился авторский коллектив; сохраняя в качестве основного ядра ведущих советских археологов, занимающихся проблемами первобытного искусства, он дополнился теперь представителями смежных дисциплин: философии, антропологии, этнографии, искусствоведения. Расширение это, вполне естественное и соответствующее междисциплинарному характеру современных исследований первобытного искусства, заставляет задаться вопросом: насколько удачен такой симбиоз в рамках одной книги? Несколько забегая вперед, отметим, что объединение столь разноплановых и разностилевых подходов оказывается в целом удачным и, более того, необходимым в свете растущей комплексности, системности наших представлений о ранних формах художественного творчества. Потребовав большой предварительной редакционной работы по приведению материалов «к общему знаменателю», книга в итоге оставляет целостное впечатление: фактически перед нами не сборник статей, а крупное интересное коллективное исследование.

Читателю, возможно, уже знакома точка зрения, согласно которой термин «первобытное искусство» утрачивает конкретное содержание, прежний свой смысл: современные исследователи изучают художественные произведения по определенным локально замкнутым регионам и по конкретным хронологическим периодам истории первобытного общества, где в содержании и стилях памятников искусства различия столь велики, что эти памятники не умещаются в рамках одного общего понятия «первобытное искусство». В этой связи сразу же обращает на себя внимание значительно увеличившаяся во втором сборнике, по сравнению с первым, широта охвата материалов: в хронологическом плане — от палеолита до этнографической современности, в географическом — от Испании до Аляски, от Финляндии до Узбекистана. По мере знакомства со статьями сборника, расположенными в порядке хронологии памятников, о которых в них идет речь, растет убеждение в том, что объединение понятием «первобытное искусство» столь разнообразных проявлений духовной жизни первобытного общества не только оправдано, оно необходимо. Ибо, вникая во все более тонкие детали и вариации художественного мастерства разных племен и народов в разные исторические периоды, нельзя не искать объединяющие и разъясняющие их общие закономерности развития творческой деятельности людей на протяжении многих тысячелетий истории первобытного общества. Это стремление, при всех различиях его осуществления, объединяет авторов сборника.

Большое место здесь уделено первой и

[1] «Первобытное искусство». Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск. 1971, см. рецензии С. В. Иванова («Советская этнография», 1973, № 6), В. В. Селиванова («Известия» СО АН СССР, серия общественных наук, вып. 3, № 11, 1973).

самой продолжительной эпохе художественного творчества — палеолитической. Так, статья А. Д. Столяра посвящена изображениям рук на стенах палеолитических пещер в связи с проблемой происхождения изобразительного искусства. В. В. Селиванов рассматривает становление двух первоначально ведущих его тем (связанных с образами людей и животных). А. В. П. Алексеев в лаконичной и емкой работе анализирует генезис двоичной символики в древнейших изображениях. Речь идет об истоках таких явлений материальной и духовной культуры, с которыми нередко имеют дело и специалисты по более поздним периодам истории человечества. Что же в этих истоках обусловлено характером социальных и производственных условий развития первобытного общества, а что несет на себе печать устойчивых наследственных качеств человека современного типа (Homo sapiens)? Например, право-левосторонняя симметрия живых тел, парная функция мозговых полушарий, противопоставление в трудовых процессах гоминид правой и левой половин тела, доминирование в рабочих операциях правой руки в ходе длительной эволюции предков современного человека не могли не выработать у них, как убедительно показывает В. П. Алексеев, соответствующих поведенческих стереотипов, закрепленных затем в психических и логических структурах мышления, речи, искусства в виде бинарных оппозиций. Но даже такой простой, элементарный, казалось бы, акт — прикосновение окрашенной кисти руки к скале, оставляющее отпечаток,— не был просто физиологическим, рефлекторным актом. А. Д. Столяр реконструирует стоявшую за такими палеолитическими оттисками рук сложную систему представлений о производственных и социальных функциях руки (орудие добывания средств существования, знак победы, увечья или поражения в борьбе со зверем, признак конкретного индивида и его места в коллективных действиях и т. д.), чтобы показать их место в истории изобразительных средств. Один и тот же способ отпечатывания руки, проходящий на протяжении чуть ли не всей истории, имел разный смысл в ледниковую эпоху и, например, в XIII в., когда, по преданию, Бату-хан, дойдя до Адриатического побережья, оставил здесь оттиск своей руки, обагренной кровью любимого скакуна. А. Д. Столяр полагает, что со временем оттиск руки как «персональный» знак вытеснялся более емким в социальном отношении образом «человека вообще», но знак этот не оказал существенного влияния на становление анималистического искусства. Между тем именно анимализм определял столь яркий расцвет искусства палеолитических охотников.

По мере выяснения характерных черт этого реалистического в своей основе первобытного творчества обнаруживаются такие далекие отголоски его воздействий на историю культуры, которые до последнего времени трудно было предполагать. Интересна в этой связи статья акад. А. П. Окладникова о наскальных рисунках на о. Ушканьем, резко отличающихся от массы других петроглифов на Ангаре и в других районах Сибири. Открытые еще в 1937 г., эти рисунки, по форме совершенно не похожие на привычные для таежных неолитических петроглифов рисунки силуэтов лосей, позволили А. П. Окладникову заключить: так своеобразно изображены известные в плейстоцене Сибири носороги; следовательно, вполне возможно, древность этих рисунков на тысячелетия отодвигает их от неолитических к древнекаменному веку, и эта первая художественная галерея Приангарья при всей ее наивности и простоте оказалась благодатной почвой для яркого художественного творчества позднейшего населения сурового таежного края, в свою очередь, связанного множеством нитей с современным ему искусством Приамурья, вплоть до нижнего Амура.

Конечно, такая интерпретация группы своеобразных и загадочных рисунков на о. Ушканьем как изображений ископаемых носорогов, а отсюда и гипотеза о палеолитическом возрасте данной группы рисунков — мысль смелая и для многих специалистов неожиданная. Вполне возможные дискуссии о деталях указанной гипотезы не должны, однако, заслонять общей ее правомерности. Фундаментально важным обстоятельством, подтверждаемым всей совокупностью археологических материалов, является непрерывность развития материальной и духовной культуры коренного населения Сибири на первоначально единой почве сибирского палеолита, приоткрывшейся, например, в мальтино-буретьской палеолитической культуре на Ангаре с ее богатой и яркой коллекцией произведений изобразительного искусства. Это обстоятельство в конечном счете позволяет целостно, в единой исторической перспективе видеть и оценивать массы разрозненных многообразных свидетельств далекого

прошлого, непрерывно выявляемых археологией в Сибири и указывающих множественность и сложность древних культурных связей на этой территории. В частности, важный для раскрытия этих связей новый археологический материал дан в статье А. И. Мазина, который на основе находок из культурных слоев древних жертвенников попытался распределить наскальные рисунки Верхнего Приамурья по последовательным хронологическим группам, охватывающим IV—III тысячелетия до нашей эры. Вряд ли нужно исключать возможность того, что предложенная хронологическая схема не окончательна, что последующие исследования могут внести в нее свои коррективы, но уже сейчас предпринятая в статье попытка представляется плодотворной.

Многообразные нити связей, как соседствующих, так и географически удаленных одна от другой групп населения в северной части Евразии, проложенные охотниками и рыболовами каменного века, продолжавшиеся в эпохи бронзы и раннего железа, раскрываются теперь все полнее благодаря исследованиям первобытного искусства. Петроглифы Ангары, например, обнаруживают близкие аналогии с наскальными изображениями не только Приамурья, но и Скандинавии, Финляндии, судя по подробному анализу последних Ю. А. Савватеевым. В то же время орнамент и мелкая пластика Севера Европейской части СССР близки искусству малых форм неолита и ранней бронзы лесостепного Обь-Иртышья, охарактеризованному в статье В. И. Молодина. За общностью природных, экономических, социальных условий развития культур в это время выступают черты этнического своеобразия, вехи этнической истории коренного населения этих территорий. Существенно для оценки книги то, что углубление археологического и искусствоведческого анализа идет здесь рука об руку с расширением и конкретизацией наших представлений об этнической истории ныне живущих народов (например, алтайцев — соответствующий разбор петроглифов Горного Алтая проводит в своей статье Е. А. Окладникова); малых народностей Сахалина и Курильских островов — об этом свидетельствует рассмотрение искусства охотской культуры в статье В. А. Голубева и М. М. Прокофьева. Этнографическое исследование Р. Г. Ляпуновой обрядовых головных уборов алеутов приводит к тезису о генетической связи их культуры с палеолитом Прибайкалья, где в стоянках Мальта и Буреть складывались традиции изобразительного творчества, продолженные алеутами и эскимосами.

Статьи Дж. Кабирова о наскальной живописи Зараутсая в Узбекистане, А. Д. Столяра и Ю. А. Савватеева о петроглифах Финляндии, Г. И. Дзенискевич об орнаментах атапасков Аляски, решая конкретные задачи анализа соответствующих памятников и коллекций, вместе с тем развивают методические основы комплексного исследования первобытного искусства.

Наконец, не могут не привлечь внимания переводы статей крупнейших зарубежных специалистов: профессоров Г. Кюна (ФРГ) и Э. Анати (Италия), квалифицированно выполненные Н. Г. Ворошиловой и Н. К. Тимофеевой. За последние 30—40 лет практика регулярного перевода зарубежных исследований по первобытному искусству, ранее имевшая у нас столь большое распространение, в силу ряда причин заметно сузилась. Восстановление ее в периодически выходящих сборниках «Первобытное искусство» существенно скажется на прогрессе этой области исследований, при соблюдении условия тщательного отбора объектов для перевода.

Кстати, острая потребность в регулярном широком и комплексном освещении проблем первобытного творчества (которые в той или иной мере всегда связаны с современной идеологической борьбой) привела к оформлению в ряде стран периодических изданий, специализирующихся в исследовании различных аспектов первобытного искусства, таких, как «Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst» в ФРГ, «Préhistoire Ariégeoise» во Франции, «Bolletino del Centro Camuno di Stude Preistorici» в Италии. Как правило, эти издания охотно публикуют обзоры об исследованиях первобытного искусства в СССР, статьи советских ученых по проблемам первобытного творчества, в том числе инициаторов и участников издания сборников «Первобытное искусство». Собственно школе исследователей первобытного общества, сложившейся вокруг Института истории, филологии и философии СО АН СССР и возглавляемой акад. А. П. Окладниковым, для которой как раз характерны устойчивая направленность и постоянство интересов к проблемам первобытного искусства, широкие связи с ведущими советскими и зарубежными исследователями этих проблем, вполне естественно высту-

пать инициатором систематического выпуска специализированного издания, освещающего указанные проблемы. Хотелось бы только надеяться, что пятилетний разрыв между первыми двумя выпусками сборников «Первобытное искусство» будет значительно сокращен в дальнейшем, что отвечало бы насущной потребности развития современных наук о человеке.

В предисловии к книге ее ответственный редактор Р. С. Васильевский справедливо отмечает новое звучание проблем первобытного творчества в условиях современной научно-технической революции. Закономерен возрастающий интерес ученых, самых широких кругов читателей к произведениям древнейшего искусства, и, следуя ему, авторский коллектив нового сборника «Первобытное искусство» (кстати, на высоком полиграфическом уровне выпущенного в свет Сибирским отделением издательства «Наука» накануне принятия Верховным Советом СССР Закона об охране и использовании памятников истории и культуры) предпринял, безусловно, важное и полезное дело.

Б. А. Фролов

«Иностранные монополии на Кубе, 1898—1958 годы». М. Изд-во «Наука». 1976. 359 стр. Тираж 2000. Цена 1 руб. 30 коп.

Более чем полувековое господство иностранных, в первую очередь североамериканских, монополий на Кубе, определившее не только состояние экономики, но и все общественное развитие страны, стоит в ряду тех факторов, которые обусловили характер и движущие силы кубинской революции. Рецензируемое издание[1] — обстоятельный труд, исследующий механизм империалистического господства в дореволюционной Кубе. Авторы попытались выйти за рамки уже известных фактов, сказать новое слово. В значительной мере им это удалось, чему, по-видимому, в немалой степени способствовало творческое содружество советских и кубинских ученых, результатом которого является данная работа. Это второй труд, подготовленный совместно Институтом Латинской Америки АН СССР и Институтом общественных наук АН Кубы[2]. К участию в данном труде привлечены также научные сотрудники научно-исследовательских институтов и учебных заведений Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Еревана и Донецка.

В исследовании вскрывается антинациональная сущность деятельности иностранных монополий на Кубе, показывается, что борьба ее народа против иностранного засилья имеет непреходящее значение не только для судеб кубинской революции, но и для других стран, где проходит фронт борьбы с силами империализма и реакции. В общем плане эти положения отражены в статье А. Бекаревича и А. Мансильи.

Остальные материалы сборника условно можно объединить в три группы. Работы первой из них посвящены истории проникновения американского империализма в различные сферы общественной жизни Кубы, в них показывается механизм этого проникновения, приводятся интересные факты (например, в статье К. Шустова). В исследовании Ф. Пардейро рассматривается роль, которую играли в экономике дореволюционной Кубы основные группы финансовой олигархии США. Опираясь на малоизвестные цифры и факты, автор показывает, как Рокфеллеры, Морганы, Дюпоны и др. устанавливали контроль над важнейшими отраслями кубинской экономики. Немаловажным подспорьем в этом деле была для олигархии политика, проводимая крупной кубинской буржуазией, стремившейся к теснейшему альянсу с иностранным капиталом. «Переплетение экономических интересов монополий США, буржуазно-латифун-

---

[1] Редакционная коллегия: В. В. Вольский (главный редактор), А. Д. Бекаревич, П. Н. Бойко, В. И. Бондарчук, О. Т. Дарусенков. Авторы: М. Айон, А. Бекаревич, Ю. Беловолов, П. Бойко, А. Гарсиа, Э. Думпьерре, А. Мансилья, Р. Матевосян, М. Никитин, Ф. Пардейро, К. Санетти, В. Скляр, З. Соколова, И. Тамайо, Х. Чиа, К. Шустов.

[2] См. «Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII—XX веков». М. 1975. Рецензию на эту книгу см.: «Вопросы истории», 1977, № 4.

дистской олигархии и остатков национальной буржуазии,— отмечается в Программной платформе Коммунистической партии Кубы,— приводило к тому, что меры, затрагивающие интересы одной из этих групп, вызывали немедленную оппозицию и сопротивление всей буржуазии в целом»[3]. Таким образом, указанный союз объясняет расстановку классовых сил в кубинской революции.

Для расширения и укрепления своих позиций на острове американский империализм использовал и кубинскую правящую верхушку, вовлекая ее представителей, вплоть до президентов республики, в антигосударственные сделки и махинации. Компании США и других государств способствовали широкому распространению коррупции на Кубе, «девальвации» ее национальных институтов. Эта тема исследуется в статье Э. Думпьерре. На примерах кредитной деятельности Банка экономического и социального развития, национальной финансовой корпорации и других государственных учреждений батистовского режима раскрывается механизм получения кубинских (!) кредитов североамериканскими компаниями, без стеснения грабившими Кубу. В статье М. Никитина, детализирующей экономическое проникновение упомянутых монополий, указывается, что чистая прибыль «Компаньиа Кубана де электрисидад» выросла с 1942 по 1956 г. в 76 раз (стр. 109).

Вторая группа статей посвящена наиболее важным аспектам проникновения монополий США в отдельные отрасли кубинской экономики. Об установлении полного контроля американского капитала над сахарной промышленностью дореволюционной Кубы идет речь в исследовании Р. Матевосяна. Автор справедливо подчеркивает, что установление такого контроля было осуществлено не в результате свободной конкуренции (стр. 133), а вследствие удушения монополистами «тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[4]. Эту тему продолжают А. Гарсиа и К. Санетти, анализирующие деятельность на Кубе печально известной в Латинской Америке «Юнайтед фрут К°», которой на острове принадлежала земля стоимостью более 85 млн. долл. (стр. 149).

Упомянутая статья перекидывает «мост» к третьей группе статей сборника, посвященных социальным конфликтам, зревшим в латифундии, в частности активной подпольной деятельности ячеек «Движения 26 июля», созданных на сентралях «Бостон» и «Престон» (стр. 185), что еще раз опровергает утверждения некоторых зарубежных авторов, пытающихся представить это движение как организацию чисто крестьянскую. О предпосылках социальных конфликтов, об антирабочей политике американских компаний на Кубе пишут в своих статьях Х. Чиа, М. Айон, а также П. Бойко.

В статье Х. Чиа на примере деятельности компании «Колгейт-Палмолив», специализировавшейся на производстве химических товаров, показаны методы, с помощью которых капитал США подвергал идеологической обработке кубинское население, восхваляя «американский образ жизни». Что касается трудовой политики монополий США на Кубе, то они не только не принимали мер к улаживанию трудовых конфликтов, а, напротив, как подчеркивает М. Айон, всевозможными обструкциями осложняли обстановку, «чтобы спровоцировать вмешательство правительства Соединенных Штатов» (стр. 203). С этим мнением нельзя не согласиться, памятуя о причинах ряда интервенций США на Кубу.

Статья П. Бойко позволяет лучше понять, почему именно Куба оказалась тем «слабым звеном», которому суждено было быть прорванным в цепи американского империализма, сковывающего Латинскую Америку. Как бы раскрывая смысл известного признания президента Дж. Кеннеди о том, что «нет в мире страны,.. где экономическая колонизация и эксплуатация были бы сильнее, чем на Кубе при режиме Батисты» (стр. 14), автор справедливо констатирует: «Выступая на Кубе как рассадник и основная опора латифундизма, сохраняя докапиталистические пережитки, империализм США стал главным виновником социальной и экономической отсталости страны. Он воздвиг непреодолимые барьеры на пути промышленного развития Кубы и комплексного, рационального использования ее ресурсов. Он создал однобокую, деформированную производственную структуру, полностью от него зависимую и ему подчиненную» (стр. 218). Все это вело к глубокому кризису, выходом из которого могла служить лишь революция.

Эта революция вызревала в недрах кубинского общества в течение многих лет. Ее проблемы рассматриваются в третьей

---

[3] «I съезд Коммунистической партии Кубы». М. 1976, стр. 314.

[4] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 321.

группе статей. Революционные антиимпериалистические выступления трудящихся на Кубе имели место еще в 30-е годы. Этой теме посвящена статья Ю. Беловолова, в которой показывается, как еще в те далекие годы кубинские трудящиеся связывали ухудшение экономического и политического положения в стране с засильем иностранных монополий, раскрывается деятельность Антиимпериалистической лиги, левого крыла студенчества, МОПР. Вместе с тем автор подчеркивает, что основной силой в борьбе против империалистических монополий в 30-е годы стал пролетариат, руководимый компартией и Национальной конфедерацией кубинских рабочих (стр. 237). В статье характеризуется первая попытка применить на Кубе в ходе антиимпериалистического выступления 1933 г. опыт большевиков (образование рабоче-крестьянских Советов на ряде сентралей). Не меньшее значение имела и борьба крестьян в районе Реаленго-18, свидетельствовавшая, по словам органа компартии «Bandera roja», «о развертывании антиимпериалистического крестьянского движения» (стр. 257).

Относительно мало изученному вопросу — борьбе рабочего класса против гнета иностранных монополий в годы тирании Батисты и против самой тирании — посвящена работа В. Скляра, в которой повествуется о том, как, преодолевая глубокий раскол и влияние реакционных профлидеров, рабочие Кубы шли к всеобщей забастовке 1955 г., которая способствовала политической радикализации масс. Насколько связывали успех своего выступления со всеобщей забастовкой, с рабочим движением Ф. Кастро и его соратники по революционной борьбе, свидетельствует их заявление о том, что «восстание, поддержанное всеобщей забастовкой по всей стране, будет непобедимо» (стр. 291). Вполне объективно отражена автором и роль, какую играла в те годы партия кубинских коммунистов — Народно-социалистическая партия (НСП). «Постепенно избавляясь от своих политических и тактических ошибок,— пишет он,— НСП направляла все свои силы на развитие забастовочного движения и на поддержку партизанской борьбы, которую рассматривала как одну из главных форм осуществления революции» (стр. 298).

Вопросов, связанных с созданием классовой организации кубинского крестьянства, касаются З. Соколова и И. Тамайо. Авторы пишут о кропотливой работе руководителей революции, направленной на мобилизацию трудящихся масс крестьянства против тирании Батисты и империализма. Особой сплоченности и организованности требовало от крестьян проведение аграрной реформы, принятой в мае 1959 года. Необходимо было предотвратить, как справедливо отмечают авторы, превращение массы крестьянства в резерв сельской буржуазии (стр. 326). В статье говорится об упорной борьбе за массы, завершившейся созданием Национальной ассоциации мелких земледельцев.

В приложении к книге помещены 19 таблиц, характеризующих процесс подчинения кубинской экономики иностранным капиталом.

Ю. П. Гавриков

Е. П. НАУМОВ. *Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма.* М. Изд-во «Наука». 1975. 336 стр. Тираж 1500. Цена 1 руб. 27 коп.

Авторы одной из обзорных статей об изучении феодальной России не так давно отметили вклад Е. П. Наумова в отечественную медиевистику, указав, в частности, на его внимательное отношение к методике «разысканий по социальной терминологии» и подчеркнув вместе с тем актуальность самой этой проблемы[1]. Старший научный сотрудник Института славяноведения и

[1] В. Д. Назаров, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии. «Вопросы истории», 1976, № 4, стр. 31.

балканистики АН СССР кандидат исторических наук Е. П. Наумов — автор многих научных статей, посвященных различным проблемам истории южнославянского феодализма. Главная тема его исследований— социально-экономическое, политическое и культурное развитие феодальной Сербии, однако в своих работах он касается и других балканских стран.

Основную часть рецензируемой книги составляют две главы, одна из которых освещает социально-экономические, другая — политические проблемы; кроме того, в отдельной, несколько меньшей по объему главе намечены общие контуры сербского общества в период развитого феодализма (здесь значительное место отведено состоянию производительных сил и положению тех слоев общества, которые не принадлежали к господствующему классу).

Медиевисты большей частью представляют себе сословную структуру феодальной Сербии статично, порой фрагментарно, а порой в виде схемы, далекой от истинного положения. Преимущественное внимание уделяется обычно терминам, носящим на себе некий неповторимый «местный колорит» (властела и властеличичи, войники и милостники, пронияры и баштинники), недостаточное — таким, смысл которых кажется всякому понятным из аналогий (боляре) или в которых иногда не усматривали явления «социальной терминологии» (благородные, господа, вельможи, начальники, слуги). Е. П. Наумов поставил целью исследовать весь терминологический арсенал средневековых авторов (как писателей, так и составителей документов). Такой подход позволяет улавливать нюансы и прослеживать общеисторические закономерности там, где на первый взгляд мы имеем дело только с индивидуальными особенностями литературного стиля.

Яркий пример — пассаж, посвященный «расширению социальной значимости термина «властели» (стр. 93—94), где автор тонко почувствовал подмену одного термина другим, близким по звучанию. Правда, в Законнике Стефана Душана термин «властелин» еще не вполне обрел новое значение (здесь это скорее некое высшее должностное лицо, как, например «barones»— «jobagiones» венгерской Золотой буллы 1222 г.). Вместе с тем не вызывает сомнений интерпретация термина «властеличичи» (стр. 90—92). Особенно хотелось бы отметить расширение автором источниковой базы за счет материалов по социальной структуре дубровницкого населения (нам представляется чрезвычайно своевременным указание автора на то обстоятельство, что патрициат далматинских городов следует рассматривать в связи с характеристикой сословной структуры сербского общества, стр. 68).

Пожалуй, термин «властеличичи», сравнительно редко встречающийся в источниках, заслуживает большего внимания. Несомненно — в этом Е. П. Наумов совершенно прав,— считать «властеличичей» вассалами «властелы», как это делают некоторые исследователи (стр. 133), есть непозволительное упрощение. Вместе с тем кажущаяся «эфемерность» (стр. 141) явления не должна заслонять того факта, что именно данный термин отражает определенный этап в процессе складывания сословной структуры, а именно — утверждение принципа наследственности привилегий; не случайно в душановом Законнике носителями сословных привилегий выступают также «прониаревичи» (а в русских— «дети боярские»). К сожалению, в монографии не нашлось должного места и для этого своеобразного термина.

Итак, наблюдения Е. П. Наумова в области сербской «сословной терминологии», внося необходимые коррективы в существующие высказывания, одновременно побуждают к дальнейшим изысканиям в этой области. Распространенное мнение об узости и ненадежности источниковой базы для изучения сербского феодализма становится, таким образом, необоснованным, и перед славяноведением открывается новое поле деятельности. Ясно, однако, что терминологические изыскания не самоцель, а средство для решения общетеоретических проблем, точно так же, как компаративные и статистические методы, умело применяемые автором. К сожалению, открытия, сделанные Е. П. Наумовым с их помощью, не выходят за рамки идиографического исследования.

Проблема сословной структуры сербского феодального общества является в работе центральной, поскольку, во-первых, классы феодального общества (следовательно, и господствующий класс феодальной Сербии) представляют собой «классы — сословия»; во-вторых, основной признак, отличающий сословие от класса,— наличие определенного *«юридического* места в государстве»[2]. Следовательно, проблема «гос-

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 311.

подствующий класс и государственная власть» по сути своей есть проблема формирования сословной структуры.

Значительное место занимают в монографии и вопросы феодального землевладения. Доскональное знание источников позволило автору аргументированно высказаться по вопросу о времени возникновения и путях эволюции таких форм светского феодального землевладения, как баштина, прония, держава, отождествляемая не без оснований с русским кормлением; особо — главным образом на примере церковного землевладения — исследуется проблема развития иммунитета (правда, в этой части хотелось бы видеть более определенные выводы, нежели те, которые сделаны на стр. 132—133 о «неограниченном» и «обширном» судебном иммунитете); наконец, акцентируя внимание на динамике исторических процессов, автор продолжает развивать свои идеи о проявлении секуляризационных тенденций в государственной политике, связанной с земельными пожалованиями. Отдельного упоминания заслуживает замечание по поводу юридического статуса баштины и условного держания: полемизируя с С. П. Бобровой [3], Е. П. Наумов приходит к заключению, что «различие условной и полной феодальной земельной собственности в Сербии... состояло вовсе не в вассальной военной службе феодального землевладельца, а в его имущественных, то есть наследственных, правах» (стр. 113); это заключение не оставляет места для искажающей действительность схемы, согласно которой в «войниках» Жичского хрисовула усматривались прямые предшественники прониаров, и в то же время имеет и более широкое значение, поскольку подобные схематические представления (отождествление держаний на рыцарском праве с условным землевладением) довольно распространены.

Весьма тщательно проанализированы в работе памятники, отобразившие политическую историю. Автором собраны разнообразные данные о титулатуре правителей, охарактеризованы политические концепции, которые вырисовываются из нарративных источников; при оценке выявленных фактов неизменно учитывается как внешнеполитический, так и внутриполитический аспект.

Е. П. Наумов практически неуязвим для критики, когда речь идет о собственно сербских сюжетах. Однако монография, по-видимому, замышлялась отнюдь не как идиографическое исследование. Об этом свидетельствуют как заключение (стр. 312), так и отдельные экскурсы в историю других стран (в основном в связи с анализом все той же «сословной терминологии»). Следовательно, мы вправе были бы ожидать от автора и постановки некоторых общетеоретических проблем. Например, как относится он к распространенной в советской медиевистике концепции, согласно которой публичная власть при феодализме обладает правом феодальной собственности на «государственные» земли, и к противоположной концепции югославской историографии (особенно ярко проявившейся у Н. Кланч) [4]. В монографии проводится разграничение понятий «царские» и «государственные» земли, однако это сделано вскользь, со ссылкой на А. В. Соловьева (стр. 139), собственного же мнения Е. П. Наумов как бы намеренно не высказывает.

Другой вопрос, также связанный с проблемой взаимоотношения понятий «власть» и «собственность»,— вопрос о «конкретном позитивном содержании» понятия «свобода». Автор исходит из того, что изучаемый им период есть период развитого феодализма; вместе с тем в работе фигурирует такое понятие, как «свободное население», которое противопоставляется «феодально зависимому» (см. о термине «себры» на стр. 65—66). Применительно к условиям душановой Сербии нельзя говорить о свободе, обладающей «конкретным позитивным содержанием», если речь идет о непривилегированном населении; поэтому, соглашаясь с Е. П. Наумовым в том, что себры не принадлежали к привилегированным сословиям, мы причислили бы их к феодально зависимым людям. Одновременно мы не можем не выразить сомнения по поводу того, что статьи о себрах действительно относились к «огромной массе»: напротив, создается впечатление, что имелась в виду особая категория населения, неполноправная, но стоявшая ближе к властеле, чем прочие категории. Более того, возникает предположение, что именно издание Законника 1349 г. могло сыграть роль завершающего этапа в процессе утраты себрами свободы-полноправия.

[3] См. С. П. Боброва. К вопросу об условном землевладении в Сербии XIII—XIV вв. «Славянский сборник», I. Воронеж. 1958.

[4] N. Klaić. Uz problem geneze feudalizma u Hrvatskoj. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1966, br. 3—4.

В этом смысле представляется показательной статья о «саборе» себров. Обычно она интерпретируется как относящаяся к неким стихийным крестьянским сходкам, в которых представители господствующего класса усматривали проявление антифеодальных настроений. Возможна, однако, и другая интерпретация, а именно: речь идет о стремлении себров отстоять право на участие в политической деятельности, иными словами, упоминаемый в статье «сабор» (или «сбор») был чем-то вроде рудимента народного собрания. Если принять такую гипотезу, судьба себров обнаружит сходство с судьбой словенских «косезов»: характерно, что издание душанова Законника хронологически приблизительно совпадает с последним актом интронизации карантанского герцога, когда австрийские феодалы пришли к заключению о необходимости покончить с архаическим обычаем, сохранившим видимость полноправия того социального слоя, в котором можно усматривать свободных общинников, сочетавших в своем лице воинов и землевладельцев.

Невнимание к теоретическим проблемам явственно сказывается на полемике Е. П. Наумова с югославским историком И. Божичем по вопросу об уделах (стр. 178—180). Как ни остроумны доводы автора в пользу своей точки зрения, трудно отделаться от впечатления, что спор беспредметен, поскольку сам объект его — понятие «удел» — в принципе трактуется по-разному, причем позиция И. Божича, считающего уделы «лишь особенностью раннефеодальной эпохи» (стр. 180), импонирует по крайней мере своей определенностью (да и сам термин «часть», или «честь», не кажется нам столь однозначным, чтобы его можно было без оговорок отождествить с русским «уделом»).

Подход автора к решению теоретических проблем, или, вернее, уклонение от их решения обедняет выводы, предлагаемые в конце глав и в заключении ко всей работе.

Суммируя впечатления от монографии, следует признать, что все претензии к ее автору и тем более расхождения в трактовке частных явлений ни в коей мере не могут умалить значения работы, отличающейся тонким анализом источников и открывающей новые перспективы в изучении феодальной Сербии.

Е. С. Макова

М. А. БАРГ. *Шекспир и история.* М. Изд-во «Наука». 1976. 199 стр. Тираж 69 000. Цена 66 коп.

Из разных возможных аспектов темы «Шекспир и история» старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР доктор исторических наук М. А. Барг избрал для исследования две: трактовку Шекспиром различных исторических сюжетов и его воззрения на исторический процесс в целом, иначе говоря, в книге идет речь об историзме великого английского драматурга. М. А. Барга интересуют, естественно, в первую очередь пьесы-хроники Шекспира, в которых он ищет отражение исторической мысли Англии XVI века.

XVI век характеризуется автором как сложное переходное время, отмеченное переплетением противоречий, унаследованных от феодальной эпохи, и явлений, связанных с рождением капиталистической формации. «В этой живой нераздельности общества переходной поры были заложены конфликты поистине трагедийного масштаба» (стр. 8). Социальные противоречия, естественно, отражались в противоречиях развития культуры и идеологии. Как отмечает автор, творцы новой культуры, восставая против наиболее вопиющих пережитков средневековья, сами далеко не освободились от многих вековечных предрассудков и заблуждений. Вместе с тем наиболее передовое идейное движение эпохи — гуманизм был, как указал еще Ф. Энгельс, лишен буржуазной ограниченности [1]. М. А. Барг считает, что прогрессивная тенденция английского гуманизма к концу XVI в. воплотилась, «с одной стороны, в новой историографии, а с другой стороны,— с особой мощью — в искусстве драмы. Не случайно драма и история — эти два проявления гуманистического мировидения — оказались

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 346.

столь тесно связанными, что границы «жанров» на какое-то время стерлись» (стр. 13).

Автор указывает, что интерес общества к истории определялся поворотным характером эпохи, когда люди искали в прошлом объяснения конфликтов настоящего. В собственно историографии были заметны два течения: одно — отвечавшее интересам правящих социальных сил, в первую очередь монархической власти, другое — добивавшееся «истины нелицеприятной», заключавшей элементы критики источников. «Средний класс» горожан, в недрах которого формировалась буржуазия, особенно ценил «образовательное и воспитательное значение истории как вернейшего средства для приобщения к политическому опыту правящего класса, как лучшей школы гражданственности, индивидуального и сословного воспитания» (стр. 21). В историографии наряду с сохранившейся во всей силе традицией средневековой фактографии, включавшей как подлинные факты, так и легенды, нарождалось новое понимание истории: возникло «интерпретативное течение», представленное Н. Макиавелли и Ж. Боденом. В этом течении, отмечает М. А. Барг, «на первый план выдвинулся содержательный план истории», то есть, по существу, человеческий элемент, который в средневековой историографии «был всецело оттеснен и подавлен внешним, событийным рядом, олицетворявшим для нее силы надчеловеческие, цепь вторжений божественного провидения». Для историографии гуманистической история являлась серией «человеческих поступков, действий, то есть волевых актов действующих лиц, предполагавших сознательный выбор, решение как предпосылку действий. Субъективный элемент истории, «драма героев» — вот что заполнило весь передний план событийного... Причину события искали в характере, личности, морали и т. д. деятеля... Отсюда следовало, что интерпретировать историю — значит попытаться восстановить умственную и душевную драму героев, исторические характеры» (стр. 33). При таком подходе к истории было естественно ее сближение с драмой. Получалось, что драматург и историк решали задачи весьма схожие. Т. Мор, П. Вергилий и Э. Холл сыграли в Англии роль зачинателей драматизированной истории, показав драматизм исторических событий, описанных ими.

В драматургическом наследии Шекспира 10 пьес из 37, вошедших в первое собрание его сочинений (фолио 1623 г.), были редакторами выделены в особый раздел «историй». Характеризуя метод Шекспира как мастера исторической драмы, М. А. Барг пишет, что чисто театральные эффекты и воображение автора «никогда не затрагивают основной канвы исторических событий, как она рисовалась современной ему историографии, они не только не затуманивают общепризнанного в последней смысла этих событий или обрисовку характеров, а, напротив, содействуют их наиболее полному выявлению. С этой точки зрения хроники Шекспира нередко более историчны, чем источники, из которых почерпнуты их сюжеты» (стр. 38).

Особую главу автор посвящает эволюции понятия времени в средние века и в эпоху Возрождения. Созерцательное и в целом статичное представление о времени, характерное для средневековья, сменяется постепенно острым ощущением недостаточности его для человека. Этим ощущением, в частности, проникнуты многие сонеты Шекспира, как это выразительно показано в книге (стр. 46—50). Новое понимание времени отразилось и в хрониках Шекспира, где, как пишет М. А. Барг, «время как история (то есть всеобщая изменчивость) и время как данный момент истории (уникальность моментальной ситуации) то сливаются в едином видении, то разобщаются, и это для того, чтобы в первом случае воздать должное самой способности человека принимать исторические решения, и во втором случае, чтобы представить суду истории каждое из подобных исторических решений» (стр. 52—53). Привлекают внимание тонкие наблюдения автора над диалектикой времени в хрониках Шекспира. Открытие времени было не только огромным скачком в развитии сознания, но и фактором, обусловившим жизнедеятельность людей: «Человеку открылась истина, совершенно чуждая средневековому сознанию: жизнь постоянно ставит человека перед выбором, и неумолимое время оставляет ему лишь одну-единственную альтернативу — деятельность, дальновидность и расчетливость в обращении со временем. Аргумент времени раскрыл ничтожность традиционных этических ценностей, основанных на созерцательном отношении к миру» (стр. 67). Именно Шекспир оказался тем художником, который с необыкновенной поэтической выразительностью и драматизмом воплотил эту истину в неумирающих образах.

Естественно, что мысль автора приходит в соприкосновение со сложнейшей проблемой «мировидения» Шекспира. Он не может поставить ее в рамках рецензируемой работы во всем объеме. Его интересует в основном один ее аспект — отражение в творчестве Шекспира стереотипов мышления эпохи. Огромный материал для этого был подготовлен учеными школы «истории идей», в частности американцем А. О. Лавджойем, по стопам которого пошли такие исследователи Шекспира, как Т. Спенсер и Ю. М. У. Тильярд. Благодаря им стало ясно, что многие образы, созданные Шекспиром, и понятия, вложенные в уста его персонажей, коренятся в понятиях так называемой великой цепи бытия, объединяющей все элементы природы и общественного бытия в единую иерархическую систему. В ее основе лежит идея порядка. Нарушение порядка в любом из звеньев «великой цепи бытия» влечет за собой распад всего строя жизни. Как показывает М. А. Барг, среди английских гуманистов многие утверждали идею порядка односторонне, подчеркивая губительность нарушения порядка со стороны народных низов. Шекспир же не снимал ответственности за нарушения порядка и со стороны дворянских верхов, ввергавших страну в бедственные феодальные междоусобия. Несколько выразительных примеров из драм Шекспира («Макбет», «Король Лир») подтверждают общее положение о том, что «нарушение любой детали «порядка», малейшее отступление от его универсального принципа имеет универсальные последствия» (стр. 93).

Поскольку Шекспир пользовался для своих пьес-хроник сочинениями летописцев и историков, естественно желание выяснить меру его самостоятельности при обработке избранных им сюжетов. Автор утверждает, что Шекспир, несомненно, проявил самостоятельность в трактовке источников и обладал самостоятельным историческим мышлением, но, конечно, эта самостоятельность относительна, так как он разделял общие позиции гуманистов. Обращаясь к пьесам Шекспира, М. А. Барг видит в них отражение двух тенденций в объяснении исторических событий. Гуманизму драматург был обязан убеждением, что люди сами направляют свою жизнь и, следовательно, в конечном счете, также и историю, но еще достаточно живой была традиционная концепция, рассматривавшая историю как воплощение божественного промысла. В хрониках Шекспира, справедливо пишет М. А. Барг, намечаются два вида причинных связей в истории: «скрытых, глубинных, разуму недоступных, которые определяют общее направление исторического процесса, и причин, лежащих на поверхности, доступных непосредственному наблюдению и объясняющих происходящие на глазах перемены... В хрониках Шекспира только что охарактеризованные способы исторического объяснения выступают то раздельно (как противоположность зримого и невидимого), то как единство, воплощение невидимого в зримом» (стр. 114). Отсюда с неизбежностью вытекает вывод, что переломный характер эпохи, переходный характер, присущий передовой гуманистической идеологии, сказался и на трактовке истории у Шекспира.

Сопоставив ряд моментов в пьесах Шекспира с трактовками историков XVI в., М. А. Барг приходит к выводу, что «Шекспир как исторический мыслитель стоял, несомненно, на голову выше тюдоровских историографов» (стр. 122). Однако этим он был обязан не теоретическому уровню своей мысли, ибо в целом, как и вся ренессансная историография, он еще был далек от последовательного историзма. Сила Шекспира была в художнической, образной, а не логической «передаче диалектики истории» (там же). Эта диалектика есть у Шекспира и в трактовке проблемы власти и в характеристиках сословий феодального общества. Шекспир неоднозначно решает социальные проблемы. В частности, это видно из того, как изображены в его исторических пьесах народные низы. Однако в рассмотрении этого вопроса автор проявил недостаточно историзма. Примеры критического изображения народных масс взяты М. А. Баргом из хроник, более объективное отражение народных нужд иллюстрируется ссылками на пьесы позднего периода творчества Шекспира. М. А. Барг не учел в данном случае эволюции взглядов Шекспира.

В целом книга обогащает нашу историографическую литературу, вводя ряд новых материалов и освещая как связи, так и отталкивания Шекспира от современной ему исторической мысли. Автор подчеркивает, что не ставит себе целей, уместных в литературоведческом исследовании. Однако он приуменьшает значение вклада литературоведов в толкование проблемы «Шекспир и история». На самом же деле именно литературоведы выявили как характер использования Шекспиром источников, так и

самостоятельность его как художника в трактовке событий и исторических деятелей. Один из крупнейших английских шекспироведов XX в., Ю. М. У. Тильярд[2], дал обстоятельнейший обзор тюдоровской историографии, выявив как связи с нею Шекспира, так и его самостоятельность. По пути выявления творческого отношения драматурга к истории пошел и другой исследователь пьес-хроник Шекспира — М. М. Риз[3]. И Тильярду и Ризу принадлежат обстоятельные и вдумчивые исследования отношения Шекспира к истории.

М. А. Барг подчас слишком прямолинейно ставит вопрос об историзме Шекспира, называет его историческим мыслителем, хотя драматурга все же нельзя ставить в один ряд с учеными. Действительное решение проблемы находится в той плоскости, которую сам же исследователь осветил в разделе, где приводил мнение Аристотеля о том, что поэзия философичнее истории (стр. 24). Шекспир оказался философичнее современных ему историков в том смысле, как это понимал Аристотель. Именно в этом было его преимущество перед ними. Как писал советский литературовед И. Е. Верцман, историзм Шекспира был историзмом поэта, а не ученого[4].

В заключение отметим, что подлинно исследовательская методика сочетается в книге с живостью и увлекательностью изложения.

А. Аникст

[2] E. Tillayrd. Shakespeare's History Plays. N. Y. 1946.

[3] M. M. Rees. The Cease of Majesty. L. 1961.

[4] См. И. Е. Верцман. Исторические драмы Шекспира. «Шекспировский сборник». М. 1958, стр. 86. К сожалению, эта работа осталась, по-видимому, неизвестной М. А. Баргу.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Аграрная политика КПСС. Опыт и актуальные проблемы. М. «Колос». 1977. 303 стр. 50 000 экз. 80 коп.

Антонова Е. В. *Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии.* М. «Наука». 1977. 150 стр. 2 500 экз. 1 руб. 50 коп.

Аскаров А. *Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана.* Ташкент. «Фан». 1977. 231 стр. 1 000 экз. 3 руб. 60 коп.

Баграмян И. Х. *Так начиналась война.* Изд. 2-е, испр. М. Воениздат. 1977. 510 стр. (Военные мемуары). 100 000 экз. 2 руб. 20 коп.

Батуев Б. Б. *Борьба за власть Советов в Бурятии.* Улан-Удэ. Бурятское книжное изд-во. 1977. 224 стр. 1 000 экз. 65 коп.

Бойко В. И. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск. «Наука», Сибирское отделение. 1977. 279 стр. 1 250 экз. 1 руб. 70 коп.

Борисов Б. А. *Подвиг Севастополя.* Воспоминания секретаря горкома. Изд. 3-е, перераб. и доп. Симферополь. «Таврия». 1977. 400 стр. 100 000 экз. 84 коп.

Бурковский Б. В., Кулешов И. М. *Крейсер «Аврора».* Изд. 6-е. Л. Лениздат. 1977. 103 стр. 11 000 экз. 55 коп.

Вопросы источниковедения истории первой русской революции. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 307 стр. 2 550 экз. 2 руб. 60 коп.

Гареев М. Г. *Штурмовики идут на цель.* Воспоминания. Изд. 3-е. Уфа. Башкнигоиздат. 1977. 335 стр. 15 000 экз. 60 коп.

Гильманов З. И. *Татарская АССР в Великой Отечественной войне.* 1941—1945 гг. Казань. Таткнигоиздат. 1977. 295 стр. 6 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Гинев В. Н. *Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.* К истории банкротства неонародничества. Л. «Наука», Ленинградское отделение. 1977. 295 стр. 2 450 экз. 2 руб.

Декреты Советской власти Литвы, 1918—1919. Сборник документов. Сост. Э. Дирвяле. Вильнюс. «Минтис». 1977. 167 стр. 3 000 экз. 40 коп.— На литов. яз.

Дзержинский Ф. *Дневник заключенного.— Письма.* Минск. «Беларусь». 1977. 287 стр. 100 000 экз. 95 коп.— В книгу включены также воспоминания о Ф. Э. Дзержинском.

Документы внешней политики СССР. Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР: А. А. Громыко и др. Т. 21. 1 января — 31 декабря 1938 г. М. Политиздат. 1977. 792 стр. 11 500 экз. 1 руб. 70 коп.

Дорогой Октября. Сост. Н. Н. Евсеев. Ижевск. «Удмуртия». 1977. 309 стр. 3 000 экз. 1 руб. — Об успехах удмуртского народа за годы Советской власти.

Жвания Г. *Победа Великого Октября в Закавказье.* Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1977. 346 стр. 2 000 экз. 3 руб.

Знаменский О. Н., Шишкин В. А. *Ленин, революционное движение и парламентаризм.* Л. Лениздат. 1977. 296 стр. 15 000 экз. 70 коп.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Т. 4. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и строительство социализма. Алма-Ата. «Наука» КазССР. 1977. 639 стр. 15 000 экз. 3 руб. 20 коп.

История русско-японской войны 1904—1905 гг. М. «Наука». 1977. 383 стр. 17 700 экз. 1 руб. 90 коп.

Их жизнь — борьба. Кн. 2. Очерки о деятелях Северного комитета РСДРП. Сост. И. И. Никитин, М. И. Иванов. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1977. 288 стр. 10 000 экз. 55 коп.

Квачадзе С. *Тбилисские большевики в 1917 году.* Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1977. 263 стр. 1 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Кононов А. Н., Иориш И. И. *Ленинградский Восточный институт.* Страница истории советского востоковедения. М. «Наука». 1977. 136 стр. 1 300 экз. 70 коп.

КПСС в условиях развитого социализма. Проблемы историографии. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1977. 158 стр. 3 550 экз. 85 коп.

Красавин В. С. *Знаменосцы мужества.* Волгоград. Нижне-Волжское книжное изд-во. 1977. 143 стр. 10 000 экз. 23 коп.— Очерки о героях Сталинградской битвы.

Маркусенко И. С. *Дон в Великой Отечественной войне.* Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского ун-та. 1977. 180 стр. 4 500 экз. 78 коп.

Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 384 стр. 1 800 экз. 2 руб. 30 коп.

Москва в цифрах. 1917—1977 гг. Статистический сборник. М. «Статистика». 1977. 192 стр. 17 000 экз. 75 коп.

Мухачев Б. И. *Борцы за власть Советов на Камчатке.* Петропавловск-Камчатский. Дальневосточное книжное изд-во, Камчатское отделение. 1977. 110 стр. 5 000 экз. 40 коп.

Очерки истории Курганской областной организации КПСС. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1977. 407 стр. 15 000 экз. 90 коп.

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 7. Л. «Наука», Ленинградское отделение. 1977. 174 стр. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 104). 1 450 экз. 2 руб.

Под знаменем Октября. Ред.-сост. Е. Г. Посвежинный. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное изд-во. 1977. 127 стр. 5 000 экз. 20 коп.— Сборник документов и материалов о революционных событиях 1917—1918 гг. в Центральном Черноземье.

Познанский В. С. *В. И. Ленин и Советы Сибири. 1917—1918.* Руководство военно-политической деятельностью Советов в борьбе с контрреволюцией. Новосибирск. «Наука», Сибирское отделение. 1977. 317 стр. 4 500 экз. 2 руб.

Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. 1938—1958 гг. Материалы к «Истории рабочего класса Сибири». Новосибирск. «Наука», Сибирское отделение. 1977. 237 стр. 1 350 экз. 1 руб. 50 коп.

Революционный Петроград. Год 1917. Авт. Р. Ш. Ганелин и др. Л. «Наука», Ленинградское отделение. 1977. 439 стр. 14 000 экз. 2 руб. 60 коп.

Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии. 1917—1920. В 2-х т. Т. I. Победа Октябрьской революции и упрочение Советской власти. 1917—февраль 1918. Таллин. «Ээсти раамат». 1977. 364 стр. 2 000 экз. 2 руб.— На эст. яз.

Рыбинск. Документы и материалы по истории города. Отв. составители Л. М. Марасинова, К. К. Кузнецов. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1977. 405 стр. 6 000 экз. 2 руб.

Сибирь в Великой Отечественной войне. Материалы конференции, посвященной 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новосибирск. «Наука», Сибирское отделение. 1977. 333 стр. 8 400 экз. 1 руб. 30 коп.

Смирнов А. *Партизаны Заполярья.* Хроника отряда «Большевик Заполярья». Мурманск. Книжное изд-во. 1977. 232 стр. 30 000 экз. 91 коп.

Советско-германские отношения. 1922—1925 гг. Документы и материалы. Ч. 1. 1922—1924 гг. М. Политиздат. 1977. 408 стр. 1 руб. 30 коп.

Солдаты ленинской гвардии. Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии. Кн. 2. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1977. 334 стр. 15 000 экз. 65 коп.

Солонович В. А., Пшенко Н. С. *Социальное развитие Советской Белоруссии.* Минск. «Беларусь». 1977. 175 стр. 3 800 экз. 35 коп.

Союз, рожденный Октябрем. Партия — организатор помощи рабочего класса сельскому хозяйству Казахстана. Алма-Ата. «Казахстан». 1977. 271 стр. 7 000 экз. 65 коп.

Союз серпа и молота. Из истории создания, развития и укрепления союза рабочего класса и крестьянства (на материалах Юга Украины). Киев — Одесса. «Вища школа». 1977. 184 стр. 1 500 экз. 1 руб. 76 коп.

Ульянов В., Пилат И. *Исторические места и памятники Молдавии.* Изд. 2-е, доп. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1977. 224 стр. 30 000 экз. 65 коп.

Уроева А. В. *Великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева.* К 100-летию речи П. Алексеева, произнесенной на суде 9 марта 1877 г. М. «Мысль». 1977. 111 стр. 20 000 экз. 65 коп.

Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. *Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат.* М. «Наука». 1977. 278 стр. (Русские путешественники и востоковеды). 10 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Хесин С. С. *Моряки в борьбе за Советскую власть.* М. «Наука». 1977. 176 стр. (Страницы истории нашей Родины). 60 000 экз. 65 коп.

Чачанидзе В. И. *Петр Ивер и археологические раскопки Грузинского монастыря в Иерусалиме.* Тбилиси. «Мецниереба». 1977. 235 стр. 10 000 экз. 1 руб. 75 коп.

Чинчиков А. М. *Историография трудового подвига советского крестьянства. 1941—1976 гг.* Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1977. 176 стр. 2 000 экз. 1 руб. 27 коп.

Шумилов Н. Д. *В дни блокады.* Изд. 2-е, перераб. и доп. М. «Мысль». 1977. 302 стр. 45 000 экз. 1 руб. 30 коп.— Воспоминания о деятельности Ленинградской партийной организации в 1941—1944 годах.

Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945. Т. 2. Таллин. «Ээсти раамат». 1977. 719 стр. 12 000 экз. 2 руб. 80 коп.— На эст. яз.

Яроцкий Б. *Дмитрий Ульянов.* М. «Молодая гвардия». 1977. 239 стр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 9 (571). 150 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Всеобщая история

Азимджанова С. А. *Государство Бабура в Кабуле и в Индии.* М. «Наука». 1977. 176 стр. 4 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М. «Наука». 1977. 541 стр. 2 850 экз. 3 руб. 30 коп.

Вопросы истории древнего мира и средних веков. Сборник статей. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1977. 130 стр. 1 900 экз. 1 руб. 10 коп.

Граков Б. Н. *Ранний железный век.* Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. М. Изд-во Московского ун-та. 1977. 232 стр. 7 200 экз. 1 руб. 51 коп.

«Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871—1918 гг. Коллективная монография. М. «Наука». 1977. 317 стр. 8 200 экз. 1 руб. 60 коп.

Иванов М. С. *Иран в 60—70-х годах XX века.* М. «Наука». 1977. 271 стр. 3 300 экз. 1 руб. 90 коп.

История и экономика арабских стран. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 224 стр. 2 850 экз. 1 руб. 60 коп.

История средних веков. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. Т. 1. М. «Высшая школа». 1977. 471 стр. 50 000 экз. 1 руб. 40 коп.; т. 2. 1977. 335 стр. 50 000 экз. 1 руб. 10 коп.— Учебник для университетов.

Колосков Б. *Внешняя политика Китая. 1969—1976 гг.* Основные факторы и ведущие тенденции. М. Политиздат. 1977. 328 стр. 100 000 экз. 75 коп.

Летягин Д. В. *Рабочий класс Южного Вьетнама. 1954—1975.* М. «Наука». 1977. 176 стр. 1 800 экз. 1 руб.

Меликсетов А. В. *Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае. 1927—1949.* М. «Наука». 1977. 317 стр. 2 350 экз. 2 руб. 28 коп.

Михайлов Б. Я. *Проблемы рабочего движения в США в американской буржуазной литературе 1945—1975 гг.* М. «Наука». 1977. 270 стр. 1 700 экз. 2 руб.

Монополистический капитал Японии на рубеже 60—70-х годов. Коллективная монография. М. «Наука». 1977. 270 стр. 2 300 экз. 1 руб. 90 коп.

Мошану А. К. *Социалистическое движение в Румынии.* Середина 70-х — начало 90-х гг. XIX в. Кишинев. «Штиинца». 1977. 272 стр. 1 150 экз. 3 руб. 10 коп.

Москвин Л. Б. *Рабочий класс и его союзники.* К вопросу о классовых союзах пролетариата в борьбе против капитала. М. «Мысль». 1977. 359 стр. 10 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Мухлинов А. И. *Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа.* М. «Наука». 1977. 216 стр. 1 500 экз. 1 руб. 60 коп.

Мыльников А. С. *Эпоха Просвещения в чешских землях.* Идеология, национальное самосознание, культура. М. «Наука». 1977. 200 стр. (Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры). 1 750 экз. 1 руб. 30 коп.

Немировский А. И., Дашкова М. Ф. *Луций Анней Флор—историк Древнего Рима.* Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1977. 167 стр. 3 000 экз. 80 коп.

Политика США в Азии. М. «Наука». 1977. 272 стр. 6 800 экз. 1 руб. 40 коп.

Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 180 стр. 1 700 экз. 1 руб. 40 коп.

Сапожников Б. Г. *Китай в огне войны. 1931—1950.* М. «Наука». 1977. 351 стр. 10 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Трухановский В. Г. *Уинстон Черчилль.* Политическая биография. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Мысль». 1977. 460 стр. 100 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Тума Э. *Национально-освободительное движение и проблема арабского единства.* М. «Наука». 1977. 432 стр. 3 000 экз. 3 руб. 20 коп.

Фактор Г. Л. *Западная Европа: аграрно-промышленный комплекс и деревня.* М. «Наука». 1977. 280 стр. 1 850 экз. 1 руб. 20 коп.

Шпилькова В. И. *Младотурецкая революция 1908—1909 гг.* М. «Наука». 1977. 294 стр. 2 000 экз. 2 руб. 30 коп.

Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М. «Наука». 1977. 344 стр. 1 700 экз. 1 руб. 10 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Кларк Д. Д. *Доисторическая Африка.* Пер. с англ. М. «Наука». 1977. 264 стр. 15 000 экз. 1 руб. 4 коп.

Косидовский З. *Сказания евангелистов.* Пер. с польск. М. Политиздат. 1977. 262 стр. 200 000 экз. 95 коп.

Мойзиш Л. *Операция «Цицерон».*— Э. Базна. *Я был Цицероном.* Пер с англ. М. «Международные отношения». 1977. 318 стр. 50 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Турция накануне и после Полтавской битвы. Глазами австрийского дипломата. Пер. с нем. М. «Наука». 1977. 104 стр. 7 000 экз. 35 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Новая и новейшая история» № 6, 1977. Л. Н. Нежинский. Великий Октябрь и революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; Б. И. Коваль. Влияние Великого Октября на Латинскую Америку; А. О. Чубарьян. Об изучении истории международных отношений в новейшее время; К. С. Гаджиев, Н. В. Сивачев. О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США; П. В. Гурович. Уильям Галлахер — революционер-интернационалист; В. А. Дьяков. Ярослав Домбровский — путь на баррикады Коммуны; Д. М. Туган-Барановский. Якобинцы против Наполеона (1799—1801 гг.); О. Ф. Соловьев. Подготовка и начало антисоветской интервенции Антанты; А. В. Адо, В. П. Смирнов. Послевоенная французская историография новой и новейшей истории Франции.

«Советские архивы» № 6, 1977. Москва в Октябрьские дни 1917 года (Публикацию подготовил В. А. Кондратьев); Тадеуш Валихновский. Польская архивная служба в год 60-летия Великого Октября; Михай Кором, Вероника Мюллер. Шестидесятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции и венгерские архивы; Всероссийское совещание работников архивных учреждений; В. А. Сидорова, Ф. И. Шаронов. Центральный государственный архив РСФСР (1957—1977 гг.); А. О. Арутюнян. Обеспечение сохранности и использование документов государственных архивов Армянской ССР; Ж. Ф. Сергазин. Технические аспекты обеспечения сохранности документов государственных архивов; Документы об использовании и охране водных ресурсов СССР (1960—1968 гг.) (Публикацию подготовили И. Г. Новопашин, Б. М. Садовников).

«Рабочий класс и современный мир» № 6, 1977. А. И. Соболев. Проблемы мирового революционного процесса; В. К. Кучко. Новая Конституция СССР и ее «критики»; Г. Ф. Ким, А. С. Кауфман. Октябрьская революция и национально-освободительное движение; С. Л. Агаев. В. И. Ленин об опыте сочетания борьбы за демократию с борьбой за социализм в России; В. Н. Некрасов. Новые обличия старой политики; Л. Н. Клепацкий. Ведущая сила стран социалистического содружества; Л. Б. Москвин. Рабочий класс и его союзники в борьбе против капитала; И. Д. Иванов. Многонациональные корпорации и рабочий класс; Н. М. Маслова. Социальный контракт: печальные итоги «сотрудничества»; Г. С. Хозин Военное производство, окружающая среда и положение трудящихся в странах капитала; Н. Г. Сибилев. Социал-демократия: новые тенденции во внешней политике; В. И. Гидаспов. Проблемы участия коммунистических партий развивающихся стран Азии в буржуазно-демократических правительствах; Л. Н. Мишуков. Роль рабочего класса в деятельности органов народного контроля; Ю. В. Георгиев. Молодые японские социалисты изучают опыт коммунистического строительства в СССР.

«Вестник древней истории» № 4, 1977. 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие советской исторической науки о древнем мире; М. А. Дандамаев. Проблемы истории древневосточных обществ в трудах советских востоковедов (1967—1977 гг.); Э. Д. Фролов. Изучение истории древней Греции в СССР (50—70-е годы); Е. С. Голубцова. Изучение истории древнего Рима в советской историографии 60—70-х годов; Б. А. Литвинский. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967—1977 гг.); Г. Г. Гиоргадзе, М. П. Инадзе. Основные итоги изучения древней истории, филологии и археологии в Грузии (1967—1977 гг.); И. Алиев, Э. Б. Алибекова. Изучение древней истории в Азербайджане за годы Советской власти; Г. Х. Саркисян. Проблемы истории древнего Востока и древней Армении в советской армянской историографии (1967—1977 гг.); Е. В. Мавлеев. Мемнон на этрусском оссуарии? (К интерпретации сюжета рельефа эрмитажного собрания); В. М. Массон. Печати протоиндийского типа из Алтын-депе. (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока); Ю. Н. Трещева. Просопография должностных лиц Ольвии I—III вв. н. э.; Э. В. Ртвеладзе. К локализации «греческой» переправы на Оксе; Г. А. Меликишвили. К вопросу о социально-экономическом строе древней Иберии (Картли).

«Украинский исторический журнал» № 10, 1977. В. С. Плясовских, В. А. Чирко. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции; И. А. Петерс. Новая эпоха всемирной истории; Ю. Ю. Кондуфор, А. К. Мартыненко. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое коммунистическое и рабочее движение; П. Л. Варгатюк. Большевистские организации Украины в Октябрьской революции; В. Н. Немятый. Коммунистическая партия—организатор защиты завоеваний Великого Октября; А. И. Холмогоров. Интернациональное единство, рожденное Великим Октябрем; В. Г. Корольков. Научные основы политики партии по формированию и развитию социалистического образа жизни; Е. Я. Симентов, М. С. Чуприна. Краеведческий материал на уроках, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции; Большевики Украины в Октябрьской революции (Хроника событий). Октябрь 1917 г. (подготовили П. Л. Варгатюк, В. Ф. Солдатенко, Т. Н. Колишер, А. А. Соловьева); М. А. Савельев. В. И. Ленин и Октябрь; В. Г. Сарбей. К 60-летию «Декларации прав народов России»; В. С. Левин. За власть Советов (К 60-летию вооруженного восстания в Киеве); Л. И. Берлин, А. П. Саржан. К 50-летию Октябрьского (1927 г.) призыва в пар-

тию на Украине; В. Е. Мельниченко. В. И. Ленин — организатор и руководитель защиты и укрепления Советской власти (март—ноябрь 1919 г.). (К выходу седьмого тома Биографической хроники В. И. Ленина); Б. И. Королев. Исследование деятельности большевистских организаций Украины периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в 1967—1976 гг.

«Украинский исторический журнал» № 11, 1977. В. В. Мрыга. Новая Конституция СССР — выдающееся историческое завоевание советского народа; Г. Ф. Мариске-вич Развитие марксистско-ленинского учения о профсоюзах в документах КПСС; П. М. Шморгун. Соотношение общеисторического и историко-партийного материала в исследованиях по истории КПСС; П. Д. Сардачук. КПП и КПЗУ во главе интернационального сплочения польских и западноукраинских трудящихся в революционно-освободительной борьбе; А. П. Трояновский. Современный национализм в идеологическом и политическом арсенале антикоммунизма; И. И. Тимошенко. Одобрение ленинского курса на социалистическую революцию большевистскими организациями Украины; П. И. Дириженко. Ленинская газета «Правда» в борьбе за демократический мир (июль — октябрь 1917 г.); Г. М. Алпатова. Обострение борьбы в правящих кругах Великобритании под влиянием Великого Октября; В. Я. Мосяков. XV съезд ВКП(б) и его историческое значение; Н. Н. Лещенко, А. И. Мамалыга. Капиталистическая эволюция крестьянских хозяйств Подольской губернии в послереформенный период; А. Д. Дьяченко. Из истории мартовского восстания 1919 г. в Египте; М. Ю. Брайчевский. «Русская Правда» о побегах от феодального гнета; Э. Н. Мищенко. Советско-болгарское сотрудничество в области сельского хозяйства (1971—1976 гг.); С. П. Марценюк, И. К. Матюша, И. З. Онищенко. Формирование коммунистических убеждений у учащихся общеобразовательных школ в процессе изучения истории; В. Д. Голиченко. На страже завоеваний Октября (К 60-летию образования ВЧК); Д. Ф. Григорович. 75-летие со дня рождения М. А. Бурмистенко; И. К. Карпов. Военный деятель Страны Советов (80-летие со дня рождения И. Х. Баграмяна); А. Т Чеканюк, Н. В. Комаренко. Важный источник историко-партийной науки; В. А. Замлинский. Вопросы партизанского движения в мемуарах советских военачальников.

«Известия» Академии наук Азербайджанской ССР. Серия история, философия, право. № 2, 1977. Ф. Г. Кочарли. Великий Октябрь и моральное развитие; А. И. Рустамов. О дальнейшем повышении материального благосостояния рабочих совхозов Азербайджана в период строительства коммунизма (1959—1965 годы); Р. Э. Зейналов. Великий Октябрь и зарождение советских вооруженных сил в Азербайджане; Р. Н. Худиев. К вопросу о социальной структуре населения Азербайджана накануне Великой Октябрьской социалистической революции; Ф. Н. Мамедов. Ремесло и торговля города Ганджи в XIX веке (до 1868 года); Г. Н. Мамедова. Некоторые вопросы истории Азербайджана в «Журнале» консула Аврамова (20-е годы XVIII века); Н. И. Исхаги. Из истории культурных отношений Азербайджана и Индии в XVI—XVIII веках; С. Керимзаде. Об азербайджанских надписях-розетках; В. Алиев. Чалханкала и вопрос крупных племенных объединений в Азербайджане; М. А. Гусейнова. Об интерпретации рисунков на группе сосудов эпохи поздней бронзы.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 6, 1977. Р. Каприэлова. Трудовая молодежь Армении в годы Великой Отечественной войны; С. Мнацаканян. Рельефные изображения и символика Даниила в мемориальной пластике Армении раннего средневековья.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 7, 1977. Р. Шагинян В. И. Ленин и проблема освобождения армянского народа в армянской советской историографии; М. Борьян. Большевики Закавказья в борьбе против Деникина (1919—1920 гг.); В. Овакимян. Крестьянские выступления в Восточной Армении в 1886—1887 гг.; Л. Хачикян. Памяти Ашота Иоаннисяна; М. Халат (Дарвешян). Верования закавказских курдов, связанные со скотоводством; А. Мартиросян. Арендные операции в деловом доме Эгиби в 543—522 гг. до н. э.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 8, 1977. Г. Меликян. Деятельность большевиков в Кавказской армии после июльских дней 1917 г.; А. Экмалян. Методологический анализ понятия «достижения научно-технической революции»; С. Петросян. Древнефракийский этнический элемент на территории Вананда; А. Акопян. История развития сельского хозяйства в Карской области (конец XIX — начало XX в.); Р. Титанян. Путевые заметки Вардана Одзнеци; Г. Вардумян. Систематизация древнеармянского Пантеона; А. Тораманян. Об архитектуре епископской церкви в Куртя де Арджеш (XVI в.).

«Историко-филологический журнал» Академии наук Армянской ССР № 3, 1977. В. А. Амбарцумян. Наука возрожденного народа; М. А. Аракелян. Великий Октябрь и национальный вопрос; М. В. Арзуманян. Октябрьская революция и историческая судьба армянского народа; С. Т. Аликанян. По пути, намеченному В. И. Лениным; В. Б. Бархударян. Ашот Иоаннисян (К 90-летию со дня рождения); С. Т. Еремян, П. М. Мурадян. А. Г. Шанидзе (К 90-летию со дня рождения); М. Г. Нерсисян. Освобождение Еревана от ханского ига (К 150-летию присоединения Восточной Армении к России); В. М. Арутюнян. Планировка и застройка городов Восточной Армении в XIX веке и в начале XX века; В. Н. Топоров. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции; В. Х. Овакимян. Из истории крестьянства Зангезурского и Казахского уездов; В. Г. Гукасян. Газета

«Масис» об итальянском и венгерском национально-освободительном движении 1850—1860 гг.; А. А. Харатян. Вопрос реформ в Западной Армении и армянская периодическая печать Измира (1870—1880 гг.); Ж. Д. Хачатрян. Античная поливная керамика Армении; Г. А. Мелкумян. Роль общественных организаций в медицинском обеспечении Кавказской армии в годы первой мировой войны.

«Известия Академии наук Белорусской ССР». Серия общественных наук № 3, 1977. Е. Я. Крупенков. Шефская помощь города белорусской деревне в укреплении материально-технической базы сельского хозяйства на современном этапе; М. И. Старовойтов. Рост коллективизма и повышение профессионально-технического уровня промышленных рабочих БССР (1966—1975 гг.); Л. А. Бурцева. Совершенствование идейно-политических работников в производственных коллективах в годы восьмой пятилетки (на материалах машиностроительных предприятий БССР); В. Н. Якубовский. Деятельность профсоюзов Белоруссии по улучшению условий труда рабочего класса (1926—1937 гг.).

«Известия» Академии наук Белорусской ССР. Серия общественных наук № 4, 1977. А. Ф. Хацкевич. Жизнь, отданная народу (К 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского); Н. В. Каменская. Из истории профессионально-технического образования в Белоруссии в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.); К. И. Шабуня. Ученый и гражданин (К 100-летию со дня рождения В. Н. Перцева); И. В. Мицкевич. Соединение материальных и моральных стимулов в оплате труда работников села (1966—1970 гг.); Г. А. Кохановский. Некоторые вопросы становления исторического краеведения и археологии Белоруссии в дореформенный период XIX столетия; В. В. Щеглова, П. Ф. Лысенко. К истории животноводства и охоты в древнем Пинске.

«Известия» Академии наук Белорусской ССР. Серия общественных наук № 5, 1977. П. Т. Петриков. Под знаменем Великого Октября; К. П. Буслов. Достижения и перспективы развития общественных наук в Белоруссии; В. Д. Бармичев. Сотрудничество и взаимообогащение братских социалистических культур; Э. Ф. Языкович. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне; С. А. Некрашевич. Развитие социалистического соревнования в научных учреждениях АН БССР (1971—1975 гг.); Э. А. Лейкин. Великий Октябрь и международное молодежное движение (Белорусская историография международного молодежного движения).

«Известия» Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук № 3, 1977. А. Ф. Кротов. Деятельность Коммунистической партии по подготовке и идейно-политическому воспитанию научно-педагогических кадров; М. Якубов. Интернационализм и национальное своеобразие в художественной культуре таджикского народа; Ш. Юсупов. Роль русских врачей в ликвидации эпидемии в Кухистане; М. Х. Мамад-Назаров. Региональные особенности народного жилища Западного Памира.

«Известия» Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук № 4, 1977. А. Г. Бабаев. Великая Отечественная война и развитие науки в Туркменистане; Дж. Аллададатов, Б. Мередов. Современная индустрия Туркменистана — детище Октября; В. С. Манаков, М. А. Николайчук. Сельское хозяйство Туркменистана к 60-летию Великого Октября; С. Г. Агаджанов. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана; М. Е. Массон. Художественная штампованная керамика, экспортировавшаяся из средневекового Мерва.

«Историографический сборник». Вып. 6. Межвузовский сборник. Изд-во Саратовского университета. 1977. Посвящается 100-летию со дня рождения академика Евгения Викторовича Тарле. Н. А. Троицкий. Евгений Викторович Тарле. 1875—1955; В. И. Дурновцев. Основные проблемы изучения жизни и творчества Е. В. Тарле; И. В. Галактионов, А. Д. Эпштейн. О синхронизации как методе исторического познания; Э. М. Щагин. Некоторые вопросы аграрной революции в советской историографии Сибири и Дальнего Востока; Вал. В. Мавродин. Об одной ошибке в историографии Крымской войны; В. Г. Сиротkин. Е. В. Тарле — профессор МГИМО (Странички студенческих воспоминаний); Н. А. Троицкий. Отзыв Е. В. Тарле о киносценарии А. А. Первенцева «Герои Шипки».

«Научные труды» Тюменского государственного университета. Сборник 41, 1977. Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. И. В. Степанов. Обзор сохранившихся архивных фондов о Крестьянской войне под предводительством С. Разина (по материалам местных учреждений Русского государства XVII века); Д. И. Копылов. К истории оружейного производства в Сибири (XVIII—XIX вв.); Л. Р. Горланов. Классовая борьба удельных крестьян России в первой трети XIX века; П. И. Рощевский. Жены декабристов в тобольском изгнании; Л. Г. Беспалова. Декабрист-литератор П. С. Бобрищев-Пушкин; В. Ф. Ретунский. Декабристы на государственной службе в Западной Сибири; Ф. И. Берелевич. Проблема народа и П. Я. Чаадаев; Л. П. Рощевская, И. С. Вахрушев. Сибирская каторга и ссылка в народнической нелегальной печати 70—80-х годов XIX века.

«Научные труды» Тюменского государственного университета. Т. 44. Вып. 2, 1977. Социалистические преобразования в экономике и культуре Западной Сибири. Л. Е. Файн. О некоторых итогах перестройки сельскохозяйственной кооперации в условиях «военного коммунизма»; Н. М. Горшкалева. Из истории создания культ-просветучреждений в Сибири в период «военного коммунизма»; Л. А. Никифорова. Политико-массовая работа изб-читален Тюменской губернии на завершающем этапе гражданской войны; Р. П. Толмаче-

в а. Укрупнение колхозов в конце четвертой пятилетки; В. В. Веселкина. Развитие экономики национальных округов Тюменского севера в годы Великой Отечественной войны; Н. С. Мазурак. Новый этап в развитии и укреплении материально-технической базы сельского хозяйства; П. И. Рощевский. Борьба с эпидемией тифа после освобождения Зауралья от интервентов и белогвардейцев в 1919—1920 гг.; В. Г. Мальцева. Создание первых МТС на территории Тюменской области (1929—1937 гг.); Н Н Бетехтина. Развитие колхозного производства на территории Тюменской области в годы второй пятилетки; П. Р. Коровин. Рабочие города Тюмени в годы первой пятилетки.

«Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории» Вологодского государственного педагогического института. Вып 2. 1976. В. И. Крутиков. Советская историография кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России; Х. П. Строде. Некоторые итоги и задачи изучения сельского хозяйства Прибалтики в период перехода от феодализма к капитализму; Е. И Дружинина. Екатеринославская губерния в период кризиса феодально-крепостнических отношений; Т. И. Беленкина. Земледельческое хозяйство крестьян Коми края в первой половине XIX в.; И. В. Ледовская. Динамика крепостного населения Черниговской губернии накануне и в ходе реализации крестьянской реформы; П. Я. Мирошниченко. Представления трудящихся о «правде» и проблема исторического значения классовой борьбы периода кризиса крепостничества; Д. И. Будаев. Особенности вольнонаемного труда в помещичьем хозяйстве в конце XIX — начале XX в (по материалам Смоленской губернии); Л. М. Горюшкин. Порайонные особенности разложения крестьянства Сибири в начале XX в.; О. М. Хохонин. Крестьянская аренда в Воронежской губернии в конце XIX — начале XX века; В. Н. Ратушняк. К истории организации элеваторной сети в дореволюционной России; В. И. Чупров. Крестьянское движение в Коми крае в годы первой русской революции.

Хроникальные заметки

◆ 22—23 сентября 1977 г. в Минске состоялась научная сессия «Победа Великого Октября, интернационалистские традиции марксистско-ленинской общественной мысли и развитие научного материалистического мировоззрения в СССР», посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Сессия была организована Академией общественных наук при ЦК КПСС, Научным советом по истории общественной мысли Секции общественных наук Президиума АН СССР и Отделением общественных наук АН БССР. С докладами на сессии выступили члены-корреспонденты АН СССР М. Т. Иовчук и В. С. Кружков, академики АН БССР И. М. Игнатенко и Ф. С. Мартинкевич, а также другие ученые.

◆ «Великий Октябрь и Советский Азербайджан»— этой теме была посвящена объединенная научно-теоретическая конференция, которая в октябре проходила в Баку. Ее организовали Институт истории партии при ЦК КП Азербайджана, Бакинская Высшая партийная школа, АН республики. Вступительным словом конференцию открыл секретарь ЦК КП Азербайджана Р. Г. Мамедзаде. На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: «Победа Великого Октября—главное событие XX века»— академик-секретарь Отделения общественных наук АН АзербССР А. С. Сумбатзаде; «Коммунистическая партия—вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции» — И. С. Муслюмов; «Торжество идей Великого Октября в Советском Азербайджане» — Д. П. Гулиев; «Великая Октябрьская социалистическая революция в азербайджанской советской историографии» — чл.-корр. АН АзербССР П. А. Азизбекова; «Великий Октябрь и расцвет науки в Советском Азербайджане» — академик-секретарь Отделения химических наук АН АзербССР Т. Н. Шахтахтинский.

◆ 60-летию Великого Октября была посвящена научная конференция, состоявшаяся 20 октября в Баку. Ее организовали Научный совет по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции, социалистического и коммунистического строительства в СССР» Отделения общественных наук и Институт истории АН АзербССР, Музей истории Азербайджана. В ее работе приняли участие ведущие ученые и преподаватели вузов республики. Вступительным словом конференцию открыл и. о. вице-президента АН АзербССР чл.-корр. АН республики Дж. Б. Гулиев. На пленарном заседании доклад «Ленин и Бакинская коммуна» сделала чл.-корр. АН АзербССР П. А. Азизбекова. «Великий Октябрь и расцвет Советского Азербайджана» — тема доклада Г. А. Мадатова. Разоблачению буржуазных идеологов, фальсифицирующих историю Советского Азербайджана, посвятили свои выступления О. М. Рзакулиев и Е. А. Токаржевский. На секционных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения по истории революционного движения в республике, борьбы за победу Советской власти и строительства социализма.

◆ В Вильнюсе в октябре прошла науч-

ная конференция «Литва по пути Великого Октября», организованная Отделением общественных наук АН республики, ее Институтом истории и Институтом истории партии при ЦК КП Литвы. Докладом «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции» открыл конференцию чл.-корр. АН ЛитССР И. А. Мацявичюс. С докладом «Борьба Коммунистической партии Литвы за победу идей Великого Октября в Литве» выступил директор Института истории партии при ЦК КП Литвы чл.-корр. АН ЛитССР Р. Я. Шармайтис. Были заслушаны также доклады о строительстве социализма в Литве и др.

◆ 18 октября в Таллине состоялась межреспубликанская конференция по истории науки и техники Прибалтики, посвященная 60-летию Великого Октября. Ее организовали Эстонское отделение Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники Отделения философии и права АН СССР, Институт истории АН ЭССР и Тартуский университет. В ней приняли участие ученые различных республик нашей страны. Открыл конференцию вице-президент АН ЭССР акад. АН ЭССР В. А. Маамяги. «Октябрь и наука» — тема выступления акад. Б. М. Кедрова. О развитии науки в Советской Прибалтике говорилось в докладах президента АН ЭССР чл.-корр. АН СССР К. К. Ребане и чл.-корр. АН ЭССР К. К. Сийливаска, акад. АН ЛатССР П. И. Валескална, акад. АН ЛитССР П. В. Славенаса и др.

◆ После Великого Октября в Цесисе действовал Исполнительный комитет объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков и выходила большевистская газета «Бривайс стрелниекс». Революционным событиям той поры в этом районе была посвящена научная сессия, организованная Институтом истории АН ЛатССР, Цесисским райкомом партии, республиканским отделением Всесоюзного общества «Знание» и прошедшая в сентябре. В ней приняли участие партийные и советские работники, пропагандисты, преподаватели. С докладом о борьбе трудящихся Латвии за Советскую власть в 1917 г. выступил чл.-корр. АН ЛатССР А. К. Бирон. Доклад «Социалистическая революция 1940 г. в Латвии—торжество идей Великой Октябрьской социалистической революции» сделал Э. А. Жагарс.

◆ В октябре в Таллине состоялась научная конференция, посвященная 250-летию Нарвского городского музея. Участники конференции заслушали доклады ученых и партийных работников по истории революционного движения в Эстонии и о развитии социалистической Нарвы. В числе докладчиков — чл.-корр. АН ЭССР К. К. Сийливаск, директор Института истории партии при ЦК Компартии Эстонии А. К. Паниксеев.

◆ В Баку в октябре проходило Всесоюзное совещание по единым принципам описания археографических памятников народов Востока. С приветствием к участникам совещания обратился академик-секретарь Отделения общественных наук АН АзербССР А. С. Сумбатзаде. Вступительным словом совещание открыл директор республиканского рукописного фонда Дж. В. Каграманов. С докладами на пленарном заседании выступили специалисты: Р. М. Алиев (Баку), Г. Назаров (Ашхабад), Ц. И. Абуладзе (Тбилиси), Ц. Дугар-Нимаев (Улан-Удэ), А. Алимарданов (Душанбе), А. У. Урумбаев (Ташкент), А. Д. Папазян (Ереван).

◆ Состоявшееся 21 октября очередное заседание Ленинградского отделения Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики Отделения истории АН СССР было посвящено 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции и вкладу ленинградских ученых в разработку советского славяноведения и балканистики. Вступительным словом заседание открыл А. С. Мыльников. С докладами об участии ленинградских ученых в разработке славянской филологии, фольклористики и археологии выступили П. А. Дмитриев, Б. Н. Путилов, М. Б. Щукин. Чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая посвятила свой доклад работам ленинградского центра балканистики. На заседании выступил проф. Карлова университета в Праге А. Едличка.

◆ В Петропавловске-Камчатском 25—26 октября имела место 7-я сессия Дальневосточных исторических чтений. Она была организована Камчатским обкомом КПСС, Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточного научного центра АН СССР и Камчатским пединститутом и посвящена 60-летию Великого Октября. В докладах и сообщениях освещалось социальное, экономическое и культурное строительство на Северо-Востоке СССР. Особый интерес вызвали доклады чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанова (Владивосток) — «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции в России», В. В. Алексеева — «Основные итоги и задачи изучения сибирского и дальневосточного отрядов рабочего класса», Е. Ф. Кулаковой (Владивосток) — «КПСС — руководящая и направляющая сила советского общества (по материалам Дальнего Востока)», Б. И. Мухачева (Владивосток) — «Историография борьбы за власть Советов на Камчатке», А. Т. Мандрика — «Особенности, этапы и итоги социалистической индустриализации на Дальнем Востоке». В сообщениях были затронуты некоторые проблемы истории Камчатки в годы Советской власти.

◆ В Ереване в октябре проходила конференция по истории средневековой письменности и книги, в которой участвовали более 100 археографов и источниковедов Еревана, Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Душанбе, Ашхабада, Ташкента, Новосибирска, Казани и Калинина, посвященная 60-летию Великого Октября. Ее организовали Археографическая комиссия Отделения истории АН СССР и Институт древних рукописей «Матенадаран» имени М.

Маштоца при Совете Министров АрмССР. Открыл конференцию директор Матенадарана акад. АН АрмССР Л. С. Хачикян. На пленарных заседаниях с докладами выступили: председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт, рассказавший об итогах и перспективах развития источниковедения и археографии истории русского средневековья, А. Д. Люблинская (Ленинград) — о задачах источниковедения западноевропейского средневековья на современном этапе; «Итальянская средневековая книга как исторический источник» — тема доклада чл.-корр. АН СССР В. И. Рутенбурга (Ленинград); о рукописном фонде АН АзербССР рассказал Дж. В. Кагрраманов; доклад Л. С. Хачикяна был посвящен итогам и перспективам источниковедческих работ Матенадарана и др. Всего на секциях было зачитано около 80 докладов и сообщений.

◆ 8 сентября в Чебоксарах состоялась юбилейная сессия, организованная Институтом востоковедения АН СССР совместно с Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и Чувашским государственным университетом имени И. Н. Ульянова, посвященная основоположнику русского китаеведения Н. Я. Бичурину. Сессию открыл секретарь Чувашского обкома КПСС А. П. Петров. С докладом о жизни и деятельности русского ученого выступил директор Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики В. Д. Димитриев. Характеристика Н. Я. Бичурина как китаеведа была дана в докладе А. Н. Хохлова. О важной роли трудов Н. Я. Бичурина для отечественного и зарубежного монголоведения говорилось в докладе Ф. С. Цаплина. Г. Н. Заятуев (Улан-Удэ) сделал сообщение о бурятоведческих изысканиях русского востоковеда и особой значимости кяхтинского периода в его деятельности. Б. П. Гуревич представил доклад «Вопросы истории Средней и Центральной Азии в трудах Н. Я. Бичурина». Был заслушан также ряд сообщений.

◆ 26 сентября в Москве, в Институте востоковедения АН СССР, состоялась конференция «Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение». Открыл конференцию Л. П. Делюсин. С докладом о жизни и научной деятельности Н. Я. Бичурина выступил А. Н. Хохлов. Выяснению термина Н. Я. Бичурина «Религия ученых» и сущности конфуцианства был посвящен доклад А. И. Кобзева. Оценка труда Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», дана в докладе Л. И. Думана. Выступавшие с сообщениями специалисты привели ценную информацию о Н. Я. Бичурине, его влиянии на развитие востоковедения и его творческом наследии, а также о взаимоотношениях Китая с соседними регионами. Итоги конференции подвел Л. П. Делюсин.

◆ Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» при Секции общественных наук Президиума АН СССР, Государственная библиотека имени В. И. Ленина и Центральное правление Всесоюзного добровольного общества любителей книги провели 15—16 декабря очередные «Федоровские чтения», посвященные жизни и деятельности белорусского первопечатника и просветителя Ф. Скорины. Открыл заседание акад. Б. М. Кедров. Вступительное слово о Скорине произнес чл.-корр. АН СССР А. А. Сидоров. Были сделаны доклады: «Великий белорусский просветитель Ф. Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве» — Н. М. Сикорский и Е. Л. Немировский; «Издательская деятельность Ф. Скорины в Великом княжестве Литовском» — Л. И. Владимиров (Вильнюс); «Наследие Ф. Скорины на Украине» — Я. Д. Исаевич (Львов); «Изучение жизни и деятельности Ф. Скорины в БССР» — М. Б. Ботвинник (Минск); «Критика буржуазно-националистических построений в области изучения жизни и деятельности Ф. Скорины» — Г. Я. Голенченко (Минск); «Старопечатные белорусские книги в русских библиотеках XVII в.» — Б. В. Сапунов (Ленинград); «Неизвестное русское сообщение XVIII в. о Ф. Скорине» — С. Р. Долгова и др.

◆ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) провел 7—8 декабря заседание Научного совета, посвященное 125-летию архива. Открыл заседание первый заместитель начальника ГАУ А. М. Пегов. С докладом «Основные этапы деятельности и перспективы дальнейшего развития ЦГАДА как одного из крупнейших хранилищ документов отечественной истории» выступила директор ЦГАДА М. И. Автократова. Были прочитаны сообщения: «Об изучении и публикации документов ЦГАДА по истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева» — Р. В. Овчинников; «Документы ЦГАДА—важный источник для изучения древнерусского градостроительства» — Г. В. Алферова; «Использование документов ЦГАДА для разработки истории русской литературы XVIII в.» — Г. Н. Моисеева (Ленинград); «Значение работы над фондами ЦГАДА в процессе подготовки научных кадров историков СССР периода позднего феодализма (на примере Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова)» — Н. Б. Голикова; «Значение славяно-русских рукописей ЦГАДА XI—XV вв.» — Н. Н. Розов (Ленинград); «О значении документов ЦГАДА для изучения истории русского языка» — Н. И. Тарабасова.

◆ 17 октября Румынская группа Международной комиссии Советского комитета ветеранов войны (МК СКВВ) провела конференцию на тему «60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и традиции советско-румынской революционной дружбы». В конференции приняли участие ветераны Великой Отечественной войны из состава Румынской и других групп МК СКВВ, члены Историко-литературного объединения старых большевиков Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и

представители творческих союзов СССР. Сессию открыл вступительным словом руководитель Румынской группы МК СКВВ генерал-майор П. И. Архипов. С докладами выступили: Е. И. Спиваковский — «Основные этапы развития советско-румынской дружбы после Великой Октябрьской социалистической революции»; А. П. Гросман — «Бессарабские и румынские коммунисты на III конгрессе Коминтерна»; В. Е. Баранченко — «Мои встречи с румынскими коммунистами в 20-е годы»; Г. С. Коробчинский — «Советско-румынская революционная солидарность в 30-е годы»; И. И. Дик — «И. Дик-Дическу на советской работе и его связи с румынскими коммунистами в конце 20-х — начале 30-х годов»; Н. Н. Оларь — «Из истории румыно-советской дружбы в годы антифашистской войны в Испании, в 1936—1939 гг.»; Л. И. Саратовский — «Дивизия имени Тудора Владимиреску — живое воплощение советско-румынского боевого содружества»; М. Н. Розенфельд — «Вклад советского радио в укрепление советско-румынской дружбы»; М. Г. Манолe — «Из истории советско-румынских революционных связей в годы Великой Отечественной войны»; С. П. Константинов — «Содружество советских и румынских коммунистов на заключительном этапе Великой Отечественной войны»; Л. Е. Котляр — «Памяти старого большевика, первого руководителя Румынской группы МК СКВВ А. Е. Доброчаева». Заключительное слово произнес председатель МК СКВВ генерал-полковник Г. С. Сидорович.

◆ Группа по истории Франции Института всеобщей истории АН СССР провела 19 декабря заседание, посвященное памяти А. З. Манфреда. С докладом «Великая Французская буржуазная революция: современная историография и идейная борьба» выступил А. В. Адо. Сообщения сделали: С. В. Оболенская — «К 20-летию «Французского ежегодника»; В. П. Смирнов — «О деятельности «Французского ежегодника»; В. М. Далин — «О литературном наследии А. З. Манфреда». Была зачитана часть неопубликованной рукописи А. З. Манфреда «Конец Жан-Жака», посвященная Руссо.

◆ В Политиздате вышел сборник документов и материалов «Во имя мира на земле. Советский Союз в борьбе за мир и сотрудничество народов», кн. 1: 1971—1974 гг. (М. 1977). В нем освещается ленинский внешнеполитический курс СССР, многогранная деятельность КПСС и Советского государства, направленная на упрочение мира на земле, утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

◆ Тем же издательством опубликовано второе издание книги А. В. Кукаркина «По ту сторону расцвета (буржуазное общество: культура и идеология)» (М. 1977), дополненное новыми материалами об антинаучной и реакционной сущности буржуазного мировоззрения.

◆ «Партия и армия» — так называется книга, вышедшая в Политиздате (М. 1977). В ней анализируются основные решения КПСС по военным вопросам, разоблачаются буржуазные и ревизионистские взгляды на вооруженные силы в социалистическом обществе.

◆ Вышла книга «Социализм и европейская безопасность» (М. Политиздат. 1977), подготовленная коллективом историков-международников СССР и братских стран. Авторы рассматривают роль активной и согласованной внешней политики стран социалистического содружества в укреплении мира на европейском континенте, последовательные усилия, направленные на обеспечение европейской безопасности; освещают борьбу стран социализма за соблюдение и претворение в жизнь договоренностей, зафиксированных в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

◆ Политиздат выпустил в свет книгу В. Гернса, Р. Штайгервальда и Г. Вайса «Оппортунизм сегодня» (пер. с нем. М. 1977). В работе видных деятелей Германской компартии дан анализ направлений и особенностей современного оппортунизма, его стратегии и тактики. Материалы книги подтверждают вывод об идейном родстве различных оппортунистических течений, которых сближает стремление нанести ущерб мировому коммунистическому движению.

◆ «Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения» (М. «Мысль». 1977) — так называется книга А. Х. Горфункеля, в которой дан анализ идейных концепций Ренессанса в Италии на основе сочинений мыслителей той эпохи, часть которых до сих пор не переводилась на русский язык.

◆ Издательством «Мысль» опубликована коллективная монография «Государство, демократия и трудовой коллектив в развитом социалистическом обществе» (М. 1977). В ней рассматривается дальнейшее совершенствование социалистической демократии на современном этапе, показана роль трудовых коллективов в ее развитии, характеризуется организация в них правового воспитания.

◆ Книга О. Борисова «Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945—1949)» (изд. 2-е, доп. М. «Мысль». 1977) освещает историю создания и укрепления, при помощи Советского Союза, Маньчжурской революционной базы в Северо-Восточном Китае, ставшей военно-стратегическим плацдармом китайской революции и сыгравшей решающую роль в ее победе.

◆ Тем же издательством выпущена книга М. М. Коптева и М. С. Очкова «Техническая «помощь» в стратегии империализма» (М. 1977). В ней исследуются методы современного неоколониализма, осуществляющего мероприятия по удержанию развивающихся стран в системе мирового капиталистического хозяйства: научно-техническая «помощь» этим странам и деятельность филантропических фондов.

◆ Книга В. Ф. Майера «Уровень жизни населения СССР» (М. «Мысль». 1977) касается доходов населения, роста потребления и изменения его структуры, развития

сферы услуг и быта, социальных проблем благосостояния, особенностей социалистического образа жизни. Главное внимание уделено автором проблемам, вытекающим из решений XXV съезда КПСС.

◆ В издательстве «Мысль» увидела свет монография Ю. А. Красина «Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность» (М. 1977). Автор показывает творческое развитие теории социалистической революции КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями, подвергает критике буржуазные и ревизионистские концепции, извращающие сущность социалистических революций.

◆ Основное внимание в работе «Партия и интеллигенция в условиях развитого социализма. Из опыта работы партийных организаций» (М. «Мысль». 1977) уделяется роли партии в подготовке и воспитании кадров советской интеллигенции, развитии ее творческой, трудовой и общественно-политической активности.

◆ В книге «Религия и церковь в капиталистических странах» (М. «Мысль». 1977) рассматриваются секуляризация церковного имущества, а также формы отделения церкви от государства, идеологическая деятельность религиозных организаций в капиталистических странах, раскрывается роль церкви в их общественно-политической жизни.

◆ В издательстве «Мысль» вышла книга Т. Т. Тимофеева «Рабочий класс и кризис антикоммунизма (о некоторых актуальных проблемах идейно-теоретической борьбы)» (М. 1977). В ней раскрывается внутренняя связь между нарастающей борьбой рабочего класса против капитала и обострением общего кризиса капитализма.

◆ В издательстве «Наука» (М. 1977) вышла книга Н. И. Бухарина «Интеллигенция Польской Народной Республики», в которой исследуются процесс формирования польской социалистической интеллигенции, ее социальное происхождение, численный рост, изменения профессиональной структуры, а также политика ПОРП в отношении интеллигенции и в сфере культуры, науки и техники.

◆ Сборник статей «Историография истории Удмуртии» (Ижевск. 1977) подготовлен Научно-исследовательским институтом при Совете Министров УдмАССР. Авторы обобщают развитие исторической науки в самой Удмуртии и относительно Удмуртии с XVIII в. до наших дней, отмечая, что качественно новый этап в изучении истории республики начался после победы Великого Октября.

◆ Издательство «Минтис» (Вильнюс. 1977) выпустило сборник документов «Декреты Советской власти Литвы. 1918—1919», подготовленный Институтом истории АН ЛитССР. В нем публикуются важнейшие декреты, в которых была узаконена революционная воля пролетариата, закреплены программные положения Коммунистической партии об общественном и государственном строе Советской Литвы, правах и обязанностях трудящихся, принципах внутренней и внешней политики. В сборник включены манифест Временного революционного правительства рабочих и беднейшего крестьянства Литвы от 16 декабря 1918 г., декреты: о выборах Советов, о земле, о национализации промышленности, о 8-часовом рабочем дне, социальном обеспечении и народном образовании.

◆ «По пути Великого Октября» (Ереван. 1977) — так называется сборник, опубликованный издательством АН АрмССР, подготовленный Институтом истории этой академии и Армянским филиалом ИМЛ при ЦК КПСС. В нем помещены статьи, в которых освещены международное значение Великого Октября, развитие мирового революционного движения, показаны достижения СССР и роль русского народа в социалистическом преобразовании Армении.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

IX «НЕДЕЛЯ» ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В ПРАТО

С 22 по 29 апреля 1977 г. в Прато (Италия) проходила очередная ежегодная IX «неделя» по экономической истории стран Европы [1], организованная Международным институтом экономической истории «Ф. Датини» (председатель — О. Маджистрали, Италия) и Международным научным комитетом при институте (председатель — Ф. Бродель, Франция).

В «неделе» приняли участие более 200 человек, преобладающую часть которых составляли итальянские историки и историки-экономисты. Свыше 50 участников прибыли из 13 других европейских стран и США. От СССР было три представителя.

Открыл «неделю» Ф. Бродель. Генеральный секретарь Международного научного комитета А. Тенентн (Франция) в своей вступительной речи подчеркнул, что общая тема IX «недели» — «Инвестиции и городская культура в XIII—XVIII вв.» — является комплексной, позволяющей ставить и решать широкие, разноплановые по своему характеру проблемы и вопросы. В работе второго дня «недели» принял участие председатель сената Италии историк-экономист А. Фанфани. В краткой речи он отметил большое международное научное значение «недель» и роль института «Ф. Датини» в их организации и проведении.

Основные направления, которым были посвящены доклады и сообщения, суть следующие: 1) общие проблемы и методы исследования; 2) власти и инвестиции в городах Европы; 3) вложения в фортификационные сооружения европейских городов; 4) инвестиции в сферу материальной и духовной городской культуры. В постановке и решении проблем и методов исследования с самого начала дала себя знать та терминологическая неточность, которой отмечена формулировка главной темы. Не случайно А. Тенентн счел необходимым отметить, что заимствованный из современного понятийного аппарата термин «инвестиции» в изучаемый период воспринимался не в его «коммерческом» смысле, а скорее как одна из статей расходов, как категория престижного или благотворительного порядка и т. п. С развитием и дифференциацией городов менялось как соотношение вложений, так и источники финансирования. Ф. Вольф (Франция), определяя понятие «инвестиции», употребил абстрактную формулировку — «возрастание капитала в двух исчислениях и в двух измерениях времени». Х. Штооб (ФРГ) и М. Кёрнер (Швейцария) относили к «инвестициям» затраты на очень широкий круг городских потребностей — от создания и поддержания городских укреплений, дорог, мостов вплоть до издержек на военные и политико-дипломатические мероприятия. П. Бёрк (Англия) рекомендовал применительно к изучаемому периоду понимать под «инвестициями» просто затраты. Е. Войтович (Польша) и Д. Гранаштои (Венгрия) подчеркивали несоответствие термина «инвестиции» исторической канве изучаемого периода, сомнительность его применения в сфере культуры.

Ведущим по проблеме «Власти и инвестиции в городах Европы» был доклад Ф. Вольфа «Власть и городские вложения в Западной и Центральной Европе XIII—XVII вв.», в котором был рассмотрен широкий круг проблем: от финансирования государством и городскими властями строительства общественных зданий, больниц, школ до создания укреплений, дорог и мостов. Главное внимание было сосредоточено на трех крупных и разнотипных городах: Риме, Париже, Лилле,— где роль государства в сфере планировки, застройки и благоустройства, а также культуры была определяющей. В Марселе же вложения на нужды города распределялись поровну между государством, с одной стороны, и магистратами вместе с частными лицами — с

[1] О III «неделе» по экономической истории см.: «Вопросы истории», 1972, № 3; о VI «неделе» — 1975, № 2; о VIII «неделе» — 1976, № 10.

другой. Для подавляющего большинства европейских городов типичным было покрытие затрат по всем статьям, в том числе и на культурные цели, за счет бюджетов городов, разных корпораций, включая церковные, меценатов и др. По мере политической централизации обозначилась тенденция к возрастанию роли государства в финансировании городских культурных нужд, поскольку лишь ему под силу было осуществление широких проектов.

По Швейцарии (спецификой которой было отсутствие в средние века центрального правительства) вопросы финансирования городских потребностей, в том числе и культурных, были разработаны в сообщении М. Кёрнера «Городские общественные инвестиции в Швейцарии в XVI в.: секторное распределение». Анализ городских бюджетов показал, что расходы на постройку, ремонт и содержание зданий общественно-культурного назначения составляли от 17 до 37%, на цели же «чистой культуры», включая церковь, шло немногим более 1%. К сходным выводам пришли и М. Кутюрье (Франция) в сообщении «Инвестиции религиозных учреждений Шартра в культуру (1480—1600)», а также Ж. Лабро (Франция) — «Аристократия в Неаполе: вложение, буйность, хищничество». По-видимому, именно такие размеры расходов на культуру приближались к «норме». В обстоятельном и синтетичном по форме сообщении М. А. Ладеро Кесады (Испания) «Городские вложения и социальные изменения в Андалузии XIII—XV вв.» были проанализированы все основные функции и сферы деятельности городских властей в связи с социальной эволюцией общества и сложным переплетением мусульманских реликтов и новых тенденций развития в условиях Реконкисты.

Рассматриваемой проблеме был посвящен и ряд сообщений ученых социалистических стран. Это прежде всего сообщения А. Лаубе (ГДР) «Финансирование и вложения в строительство и произведения искусства в саксонских горнорудных городах XV—XVI вв.» и Д. Моленды (Польша) «Вложения в промышленность и культуру в горнорудных городах Центральной Европы в XIII—XVII веках». Оба докладчика показали, что развитие горнорудных городов — и по темпам и по своему характеру — резко отличалось от развития обычных средневековых городских центров. Судьбы горнорудных городов были теснейшим образом связаны с жизнью и перспективами развития горных разработок, с политикой властей (королевских — в Польше и Чехии, герцогских—в Саксонии). В частности, темпы роста таких городов были очень быстры, а финансировались их потребности за счет отчислений от доходов с рудников или выделения им паев (куксов) в горных разработках. Расходы на культуру в них были несколько выше, школ здесь было больше и поставлены они были лучше.

Иными были формы зависимости городов от властей в Венгрии, Валахии и Трансильвании. Это видно из сообщений: Д. Гранаштои—«Инвестиции и городская культура в Венгрии (XV—XVI вв.)», Ш. Гимеши (Венгрия) — «Доходы, коммунальное строительство и инвестиции в венгерских городах в XVIII в.», П. Чихайя (Румыния) — «Господарь и культура в валашских городах в середине XVII в.», А. Армбрюстера (Румыния)—«Культурная деятельность губернатора Трансильвании Самюэля Брукенталя в городе Сибиу-Херманнштадт (вторая половина XVII в.)». В XV в. крупные (по местным масштабам) венгерские города располагали устойчивыми источниками доходов в виде муниципальных сборов, поступлений от торговли, ремесла подвластных городам сеньорий. После поражения в битве с турками при Мохаче 1526 г. и расчленения Венгрии города захирели, их доходы резко сократились. Соответственно в бедственном положении оказалась и городская культура. В XVIII в. прогрессивное социально - экономическое развитие имело место преимущественно в королевских городах, сеньориальные же продолжали в основном отставать.

Расходам на фортификационные сооружения европейских городов был посвящен доклад Ф. Контамина (Франция) «Города и инвестиции на оборону во Франции в XIV—XV веках», опиравшегося на выборочный статистический материал. Создание крепостной стены, по мнению докладчика, означало формирование городской общности, а одновременно и закладывание основы городской администрации и финансов, поскольку строительство и содержание фортификаций всегда составляли одну из основных функций городских советов.

К. Фаулер (Англия) в сообщении «Вложения в городские укрепления: пограничные области Франции и Англии в XIV в.» показал зависимость вложений в городские укрепления этих стран от их географического положения и связанных с ним военно-

стратегических концепций обеих стран (поэтому в процентном отношении во Франции, эвентуально более открытой для вторжений со всех сторон, укрепленных городов было значительно больше, чем в Англии). В сообщении А. Милобендского (Польша) «Военная архитектура в польских городах; война и инвестиции в культуру (XVI—XVIII вв.)» шла речь об отражении специфики польской государственности на фортификационной системе городов. Крепостное строительство в XVI—XVIII вв. в Польше в целом консервировалось, практиковалась лишь модернизация укреплений, возведенных еще в XIV веке. В Центральной Польше большие города обычно сами строили укрепления. Главной областью военно-политической напряженности был юго-восток страны, подверженный вторжениям турок и крымских татар и являвшийся одновременно ареной освободительной борьбы украинского крестьянства. Поэтому здесь активно строились разного типа городские укрепления — от земельных валов с деревянным «тыном» до мощных магнатских городов-крепостей (Замостье, Жолкнев) и опорной королевской цитадели (Каменец-Подольский). Владельцы городов на строительстве укреплений широко применяли труд своих крепостных.

Иная картина вырисовывалась из сообщений Х. Соли (Бельгия) «Торговые города и потребности безопасности. Укрепления Антверпена в XVI в.: экономическая и социальная цена» и Дж. Папаньо и М. Романи (Италия) — «Цитадель и город: новая фарнезианская крепость Пармы (1589—1597 гг.)». В Антверпене строительство новых укреплений привело этот богатейший город к огромной задолженности. Принудительное же строительство цитадели герцога Альбы поставило город на грань банкротства. Нажилась лишь кучка богатых купцов, поставившая строительные работы на чисто буржуазную основу с созданием специальных кирпичных заводов и т. п. Крупные купцы-банкиры Пармы, Рима, Женевы и Фландрии финансировали возведение цитадели в Парме. Эти сооружения служили целям феодально-католической реакции, огромные затраты на них привели к еще большему ограблению горожан, к обострению социально-политических конфликтов.

По проблеме «Инвестиции в сферу материальной и духовной городской культуры» было сделано два доклада: Х. Штооб (ФРГ) — «Городское строительство в средневековых городах XII—XV вв.» и Х. Кенигсбергер (Англия) — «Республики и дворы в итальянской и европейской культуре XVI и XVII столетий», а также около 15 сообщений. Внимание Х. Штооба было сосредоточено на проблемах расширительно понимаемой сферы городской материальной культуры, включая проблемы транспорта, снабжения городов и т. п. Фактический материал доклада был в основном иллюстративным. Х. Кенигсбергер практически заслонил социальный аспект проблемы инвеститоров категориями государственными, личностными, психологическими и т. п. Государственная централизация и абсолютизм во Франции, Англии и других странах, подчеркнул он, превращают дворы монархов в центры культурной жизни, меценатства и т. д., а возрастающие ресурсы государства позволяют ему все больше вмешиваться в городские дела, в частности и в роли «культурных инвеститоров», выступать организаторами больших градостроительных и т. п. проектов. Их запросы, «аристократизация» общества предопределяют ход эволюции культуры от Ренессанса к маньеризму, а позднее — к барокко.

В сообщениях польских историков: А. Выробиша «Частные города в Польше XVI—XVIII вв. как форма инвестиций в культуру», Т. Заремб ской «Замостье — «идеальный город» Возрождения и его создание», М. Богуцкой «Буржуа и инвестиции в культуру (пример Гданьска в XVI—XVIII вв.)» и Е. Войтовича «Культурные инвестиции в городах Королевской Пруссии с XVI по XVIII век» — была дана обстоятельная оценка двух ансамблей городской культуры, характерных для разных районов Польши. А. Выробиш и Т. Заремб ска показали, что упадок центральной власти в Польше имел следствием быстрый рост числа и значения магнатских городов, которые к концу XVII в. составляли 64% общего числа городов страны. В них размещались в основном монастыри. Они были главными центрами развития культуры: архитектуры, школ, типографий. Образцом «ренессансного» магнатского города стало Замостье. Е. Войтович и М. Богуцка сосредоточили свое внимание на прусских городах, среди которых первенствовал Гданьск. Автономный статус и устойчивое, хотя и с перерывами мирное существование, торговое могущество этих городов позволили местному патрициату обстроить и благоустроить их, создать систему хорошо

поставленных школ и гимназий, возвести ряд общественных зданий. Е. Войтович допускает, что на чисто культурные цели здесь шло до 11% городских расходов. Но пользовались ее благами лишь господствующие слои.

П. Бёрк (Англия) в сообщении «Инвестиции и культура трех городов XVII в.» показал размеры и характер затрат на благоустройство и культуру (включая строительство общественных и культурных зданий, планировку и реконструкцию) в трех столь разных по своему типу городах, как папский Рим, абсолютистский Париж и купеческий Амстердам. Докладчик подчеркнул, что затраты на сферу культуры придавали ей особые социально-эстетические оттенки, зависевшие от воли и вкусов «инвеститоров». Ч. Чалкин (Англия) в сообщении «Культурная деятельность и инвестиции в общественные здания в провинциальных городах георгианской Англии» отметил интенсификацию строительства зданий чисто культурного назначения (школ, библиотек, театров) и общий рост культуры в провинциальных городах Англии конца XVIII — первой четверти XIX в. за счет муниципальных и частных фондов. Сообщения итальянских историков Дж. Романелли «Альвизополь как городская утопия», Р. Маскио «Инвестиции в строительство «Большой школы» в Венеции», М. Фанти «Постройка базилики св. Петрония в Болонье в XIV — XV вв.» затрагивали частные вопросы.

Дискуссия по всем обсуждавшимся на «неделе» проблемам носила очень оживленный характер. Касаясь дефиниции «капиталовложения» применительно к феодальному обществу, ряд ученых буржуазных стран: Фернандес де Пинеда (Испания), А. Тененти, П. Бёрк, Феллони (Италия) — и социалистических стран: Г. А. Некрасов, А. Л. Хорошкевич (СССР), Д. Гранаштои — отмечали, что этот термин может употребляться при изучении явлений средневековья лишь с большими ограничениями или его следует заменить более обоснованными терминами — «расходы», «затраты». Что касается роли городских укреплений в сфере культуры, то Ж. Фавье изображал их как гарантов городской культуры от мятежей. Ф. Лопец (США) указал на тот факт, что в Италии, как правило, народные массы в замках, цитаделях и укрепленных городах видели оплоты насилия и произвола. Необходимость социально-классового подхода к решению данного вопроса обосновал А. Н. Чистозвонов.

Наиболее многоплановым было обсуждение проблем, связанных с определением понятия «городская культура» и характером затрат на нее. Многие выступавшие подчеркивали необходимость социального анализа этой проблемы, показа того факта, что господствующие слои если и производили затраты на культуру, то делали это в основном в престижных и эгоистических целях. Ставились также вопросы типологии вложений в сферу культуры, зависимости ее прогресса от развития государств, социально-идеологического содержания культуры и т. д. В целом дискуссия была конструктивной, хотя слишком широкий хронологический и тематический профиль главной темы «недели» предопределил известную гетерогенность обсуждения, растекание его по многим каналам, перекрещивание несопоставимых понятий и т. п.

Члены советской делегации приняли активное участие в работе «недели». А. Н. Чистозвонов, выступавший в качестве эксперта, уделил основное внимание методологическим проблемам главной темы. Он отметил рискованность упрощенного подхода к пониманию сложных, опосредствованных взаимосвязей между затратами денежных средств в сфере культуры и особенностями ее содержания, форм проявления и т. д.; остановился на социальном аспекте проблемы «денежные вложения — культура», подчеркнув, что господствующие классы и государства антагонистических обществ проводили четко выраженную классовую линию в вопросах культуры и затрат на нее; подверг критике распространенную в буржуазной науке концепцию, будто богатство само по себе является культурой; выразил сожаление, что очень мало было уделено внимания деятельности университетов, школ и почти полностью игнорировались проблемы народной культуры и источников ее материального обеспечения; выразил сомнение в правомерности преувеличенного внимания к вопросам создания фортификационных сооружений как «объектов культуры».

Г. А. Некрасов в сообщении «Основные направления капиталовложений в строительство Петербурга (первая четверть XVIII в.)» затронул следующие проблемы: определяющее место государства в финансировании, проектировании и строительстве новой столицы России, в том числе зданий общественно - культурного назначения,

включая школы, библиотеки, Академию наук, типографии, госпитали, аптеки; характеристика Петербурга как города нового типа с «регулярной» застройкой; малый удельный вес вложений в строительство и культуру города со стороны частных лиц— дворян и купцов, финансирование строительства за счет повышения нормы эксплуатации крепостного крестьянства. Выступая в дискуссии, Г. А. Некрасов подчеркнул неправомерность применения термина «инвестиции» к экономике феодального периода; неоправданность широты хронологических рамок главной темы, что повлекло за собой стирание формационных и стадиальных граней, специфики закономерностей развития культуры феодального и буржуазного обществ.

А. Л. Хорошкевич в сообщении «Финансирование культурной деятельности в средневековом Пскове» сделала вывод, что власти этого города проводили значительную работу по возведению укреплений, общественных и культовых зданий, благоустройству улиц и т. п. Поощрялось также создание местных хроник и копирование общерусских летописных преданий. Размеры и формы участия частных лиц в развитии псковской культуры пока почти не поддаются учету. А. Л. Хорошкевич в выступлениях в дискуссии коснулась взаимоотношений русских городов с княжеской, сеньориальной и церковной властями и отражения этих связей в сфере культуры; затрат властей на возведение городских укреплений, необоснованности подмены социального аспекта в сфере культуры «государственным».

Ставшие традиционными ежегодные «недели» в Прато заняли одно из ведущих мест среди международных мероприятий такого рода. В целом они весьма результативны в научном отношении. Накопленный опыт их проведения показывает, что существуют возможности дальнейшего совершенствования их работы.

А. Н. Чистозвонов

Рецензии

«The United Nation and Disarmament 1970—1975». New York. United Nations. 1976. 267 p.

«ООН и разоружение 1970—1975 гг.».

Поворот в развитии международных отношений от «холодной войны» к разрядке напряженности создал более благоприятные предпосылки для решения ключевой задачи мировой политики наших дней — обуздания растущей, опасной для мира гонки вооружений и перехода к сокращению накопленных запасов оружия, к разоружению. Именно эта идея лежит в основе исследования, подготовленного секретариатом ООН.

Лейтмотивом книги является четко и ясно отраженная во введении и предисловии, написанном генеральным секретарем ООН К. Вальдхаймом, мысль о настоятельной необходимости решения проблемы разоружения, о нетерпимости сохранения нынешнего положения, при котором огромные средства непроизводительно растрачиваются на создание орудий разрушения и уничтожения, в то время как многие проблемы социального и экономического развития государств и народов, повышения уровня жизни и благосостояния людей ждут своего решения. Авторы исследования напоминают, что в принятой по инициативе СССР на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларации об укреплении международной безопасности (1970 г.) содержался призыв ко всем государствам, особенно обладающим ядерным оружием, предпринять «срочные и согласованные усилия, с тем чтобы в кратчайшие сроки прекратить и повернуть вспять гонку ядерных и обычных вооружений, ликвидировать ядерное оружие и другие виды оружия массового уничтожения и заключить договор о всеобщем и полном разоружении под эффективным международным контролем» [1].

Книга охватывает 1970—1975 гг., когда Советскому Союзу и другим социалистическим странам удалось добиться крупных положительных сдвигов, жизненно важных для укрепления мира и безопасности народов. Именно в этот период на повестку дня встала задача исторической важности — дополнить разрядку в политической области конкретными мерами разоружения. Исследование дает суммированное изложение позиций государств и хода дискуссий в ООН по ряду основных вопросов, относящихся к проблеме разоружения. Анализ этого материала особенно актуален сейчас, когда проблемы прекращения гонки вооружений и разоружения стали самым крупным по масштабу и самым важным по значению вопросом межгосударственных отношений, предметом острой политической и идеологической борьбы между сторонниками и противниками разрядки.

Как известно, в ООН, как и вообще на мировой арене, твердо и последовательно добиваются прекращения гонки вооружений социалистические государства, общественно-политическая природа которых исключает какую-либо заинтересованность в войне и в вооружениях. За разоружение стоит большинство неприсоединившихся стран, чья неизменная поддержка предложений СССР и других социалистических стран обеспечивает их одобрение Генеральной Ассамблеей. Все чаще в последние годы представители западных держав не решаются отвергать мирные инициативы полностью и с порога, как это бывало в годы «холодной войны». Это результат растущего влияния миролюбивых сил. Это и проявление того, что государственные и политические деятели самых различных стран мира все глубже сознают, что в ядерный век военное столкновение грозит всеобщим уничтожением и что интересы безопасности требуют не форси-

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2734(XXV) от 16 декабря 1970 года.

рования гонки вооружений, а ее обуздания. Вместе с тем представители ряда западных держав, в первую очередь США — и в книге это нашло свое отражение,— на словах ратуя за разоружение, на деле упорно препятствуют решению таких проблем, как созыв Всемирной конференции по разоружению, отказ от применения силы и запрещение навечно применения ядерного оружия, сокращение военных бюджетов и т. д. Против разоружения, как и против соответствующих решений ООН, выступают представители Пекина.

Как видно из исследования, ООН играет положительную роль в консолидации сил, борющихся за военную разрядку. В ООН наглядно проявляется то, что соотношение сил в мировой политике складывается сейчас не в пользу противников разрядки и разоружения, что реальная возможность преодолеть их сопротивление существует. Книга освещает основные направления деятельности и решения ООН, призванные содействовать ограничению гонки вооружений и разоружению. Важнейшие из них приняты в ООН по инициативе Советского Союза.

Первая часть исследования посвящена проблеме всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем. Реальный путь к достижению этой цели указывает предложение СССР о созыве Всемирной конференции по разоружению. В этой части книги нашел отражение тот факт, что все большее число государств — членов ООН выступает за незамедлительное решение этих проблем. В настоящее время, как никогда раньше, в ООН укрепилось понимание того, что для осуществления кардинальных сдвигов в области разоружения необходимо поставить относящиеся к этому вопросы на максимально широком, подлинно всемирном и авторитетном форуме. Такой форум должен создать возможность всем государствам квалифицированно, с должным учетом всех обстоятельств рассмотреть всю совокупность вопросов разоружения, иметь возможность принимать действенные решения. Этим целям отвечал бы созыв Всемирной конференции по разоружению. По инициативе СССР XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН (1971 г.) в единодушно принятой резолюции подчеркнула крайнюю необходимость, «чтобы все государства приложили дальнейшие усилия с целью принятия эффективных мер по разоружению и особенно ядерному разоружению», и указала, что «Всемирная конференция по разоружению могла бы способствовать и облегчить достижение этих целей»[2]. Вопрос о созыве такой конференции обсуждался на всех сессиях Генеральной Ассамблеи после 1971 г., и каждый раз она высказывалась в пользу его положительного решения. Показательно, в частности, что в 1976 г. XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН вновь единодушно высказалась за созыв Всемирной конференции по разоружению, а в качестве промежуточного этапа подготовки к ней постановила созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи по разоружению не позднее лета 1978 года.

Во второй части книги подчеркивается, что ООН придает первостепенное значение мерам, относящимся к прекращению гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению.

Настойчивыми усилиями Советского Союза и других миролюбивых сил еще в 60-е годы удалось добиться в ООН широкого признания того, что запрещение всех испытаний ядерного оружия положит конец качественному его совершенствованию, предотвратит появление новых видов этого оружия. Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой решил эту задачу лишь частично. Тревогу многих государств — членов ООН вызывает то, что две ядерные державы из пяти не присоединились к Московскому договору, а одна из них — Китай — продолжает и сейчас проводить испытательные взрывы в атмосфере. Выступления в пользу окончательного решения проблемы запрещения испытаний ядерного оружия стали особенно настойчивыми в ООН в условиях разрядки. На XXVI—XXIX сессиях Генеральной Ассамблеи ООН были приняты резолюции, в которых содержался призыв ко всем государствам приостановить испытания ядерного оружия во всех средах, присоединиться к Московскому договору.

Новой крупной вехой в деятельности ООН, направленной на содействие прекращению ядерных испытаний, стало одобрение на XXX сессии Генеральной Ассамблеи (1975 г.) предложения Советского Союза о заключении Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, то есть о запрещении проведения испытательных ядерных взрывов во всех средах и всеми государствами. Ассамблея отметила про-

[2] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2833(XXVI) от 16 декабря 1971 года.

ект договора, представленный Советским Союзом, и призвала все государства, обладающие ядерным оружием, приступить как можно скорее к переговорам о заключении договора с участием государств, не располагающих таким оружием. Дальнейшее рассмотрение вопроса в ООН свидетельствует о том, что необходимо незамедлительно приступить к практической реализации этой инициативы СССР. Дело, однако, неоправданно затягивается из-за негативной позиции всех других, кроме СССР, ядерных держав. Скорейшее прекращение всюду и всеми испытаний ядерного оружия, включая подземные, как справедливо указывается в резолюциях ООН, способствовало бы сдерживанию гонки ядерных вооружений и дальнейшему ослаблению международной напряженности.

Авторы подчеркивают, что ООН продолжает вносить свой полезный вклад в доведение до конца и другого, начатого при ее активном содействии важного дела по ослаблению ядерной угрозы — предотвращение расползания ядерного оружия (стр. 75—93). Беспокойство многих государств—членов ООН справедливо вызывает то, что участниками Договора о нераспространении ядерного оружия являются пока не все ядерные державы и что от его подписания уклоняются и некоторые неядерные государства, способные по своему промышленно-техническому развитию создать собственное ядерное оружие. ООН был принят ряд решений, направленных на то, чтобы Договор о нераспространении ядерного оружия стал подлинно универсальным. ООН сыграла положительную роль и при подготовке состоявшейся в 1975 г. конференции по рассмотрению действий договора. Эта деятельность ООН явилась заметным вкладом в кампанию миролюбивых сил, направленную на то, чтобы полностью перекрыть все каналы для распространения ядерного оружия. Серьезным успехом этой кампании явилось присоединение к договору в 1975 г. ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и других стран.

В исследовании отмечено, что в последние годы в деятельности ООН находит свое отражение возрастающее стремление многих государств к эффективному ограничению распространения ядерного оружия путем создания безъядерных зон в различных районах мира (стр. 93—104). XXIX сессия Генеральной Ассамблеи (1974 г.) приняла резолюции, в которых впервые получили одобрение международного сообщества выдвинутые заинтересованными государствами идеи образования безъядерных зон на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Все более широкое понимание в ООН встречает позиция Советского Союза, подчеркивающего важность того, чтобы такие зоны были действительно свободными от ядерного оружия, чтобы соответствующие соглашения не содержали никаких лазеек и полностью отвечали бы общепризнанным нормам международного права.

Развернутая в настоящее время, в том числе в ООН, миролюбивыми силами борьба за заключение Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях, проект которого был выдвинут СССР, предусматривает запрет на применение в соответствии с Уставом ООН всех видов оружия, и в том числе, разумеется, ядерного оружия, подтверждает большое значение, которое имело одобрение ООН в 1972 г. по инициативе Советского Союза торжественного обращения к государствам о неприменении силы в международных отношениях и одновременном запрещении навечно применения ядерного оружия. Этому вопросу в исследовании посвящена специальная глава (гл. VII, стр. 125—129). Уже тогда США и их союзники по НАТО уклонились от поддержки предложения о неприменении силы. Китай также выступил против него. Это еще одно свидетельство того, что указанные страны под любым предлогом пытаются прикрыть свое негативное отношение к утверждению в международных отношениях этого важнейшего принципа Устава ООН.

ООН вносит свой вклад в дело ослабления и ликвидации не только ядерной угрозы, но и угрозы, исходящей от других видов оружия массового уничтожения, а также от перспективы дальнейшего использования научно-технического прогресса в целях создания и совершенствования такого оружия. Этим проблемам посвящена третья часть исследования.

После того как XXVI сессия Генеральной Ассамблеи одобрила проект Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и о его уничтожении, ставшей фактически первой в истории международных отношений мерой реального разоружения, в резолюциях ООН с новой силой звучат призывы к тому, чтобы все государства присоединились к конвенции, чтобы вслед за этим важным шагом достигнуть в ближайшее время

соглашения об эффективном запрещении разработки, производства и накопления запасов всех видов химического оружия и их изъятии из арсеналов всех государств.

Большие перспективы открывает одобренная ООН в 1973 г. по предложению СССР резолюция о сокращении на 10% военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности и о выделении части сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам. К сожалению, позднее, столкнувшись с нежеланием западных держав и Пекина прекратить наращивание их военных расходов, ООН приняла ряд резолюций, фактически подменяющих решение проблемы разного рода техническими исследованиями бюджетов государств, их сопоставимости и т. д. Между тем сокращение военных ассигнований вовсе не технический, а острый политический вопрос, который может быть решен только политическими средствами.

Все более широкое понимание встречает в ООН мнение Советского Союза, что если не поставить преграду стремлению сторонников гонки вооружений использовать достижения науки в военных целях, то уже в обозримом будущем могут появиться и новые виды оружия, соизмеримые по поражающему эффекту с ядерным, химическим или бактериологическим или даже превосходящие их. Серьезным вкладом ООН в продвижение разрядки явилось то, что XXX сессия Генеральной Ассамблеи одобрила предложение Советского Союза о заключении международного соглашения, призванного воспрепятствовать разработке и производству новых видов и новых систем оружия массового уничтожения. От его поддержки воздержались, однако, США и некоторые их союзники под предлогом трудности определить предмет запрещения.

Авторы справедливо отметили большие перспективы, имевшиеся для осуществления одобренного на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН советского предложения о заключении Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (стр. 3). Тогда США и некоторые другие страны НАТО воздержались при голосовании по соответствующей резолюции ООН. Позднее, однако, удалось добиться совместного выступления СССР и США в Женевском комитете по разоружению. В результате комитет представил ООН согласованный проект конвенции. То, что в специально принятой резолюции Генеральная Ассамблея в 1976 г. рекомендовала всем государствам рассмотреть, подписать и ратифицировать такую конвенцию, стало еще одним примером того, что при желании и доброй воле можно добиваться практических результатов в сдерживании военных приготовлений государств.

В книге подчеркивается, что большинство государств — членов ООН разделяет убеждение Советского Союза, что в настоящее время складываются новые политические и материальные предпосылки для более решительного продвижения к прекращению гонки вооружений, к разоружению, которых не было прежде, в том числе в годы, предшествовавшие второй мировой войне, и в первые послевоенные десятилетия. Активная позиция ООН в области разоружения свидетельствует о том, что большинство государств — членов ООН отвергает выдвигаемые сторонниками гонки вооружений, противниками разрядки концепции о бесперспективности борьбы за разоружение или даже о ее вредности под фальшивым предлогом, будто «равновесие страха» — это и есть гарантия мира. В предисловии к книге генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм справедливо подчеркнул, что, «как свидетельствует опыт, если есть сильная политическая воля со стороны всех заинтересованных стран к достижению соглашения и если переговоры ведутся в духе взаимопонимания, терпения и усердия, можно достигнуть существенного прогресса в деле разоружения» (стр. IV).

Таким образом, книга показывает, что в целом в 1970—1975 гг. ООН содействовала развитию борьбы за прекращение гонки вооружений и разоружение. Она способствовала продвижению многих конструктивных идей и конкретных предложений, переговорам и выработке соглашений по их практической реализации. Многие решения ООН указывают верное направление дальнейшего движения по пути к разоружению. Главный же итог состоит в том, что в ООН получили одобрение и признание принципиальный подход и конкретные инициативы, отстаиваемые в области военной разрядки ее наиболее последовательными сторонниками — СССР и братскими странами социализма.

А. В. Козырев

SHEPARD FORMEN. *The Brazilian Peasantry.* New York—London. Columbia University Press. 1975. 319 p.

ШЕПАРД ФОРМЕН. *Бразильское крестьянство*

Аграрно-крестьянский вопрос — один из коренных вопросов бразильской действительности. От его решения во многом зависят судьбы крупнейшей латиноамериканской страны, ее народа. В этой связи представляет интерес монография американского историка буржуазно-либерального направления Ш. Формена, в которой исследуются положение крестьянства Бразилии на различных этапах исторического развития страны, структура земельной собственности, аграрная политика господствующих классов, движения социального протеста в деревне. В работе использован обширный круг источников, в том числе статистические материалы Бразильского института аграрной реформы, Межамериканского комитета аграрного развития, бразильских сельскохозяйственных цензов различных лет, а также обширная литература.

Решающим моментом для определения социально-экономического строя Бразилии в XVI—XIX вв. Формен считает связь ее экономики с рынком — местным и мировым. Он пишет, что основные формы общественного производства в колонии — рабовладельческая плантация и крестьянское хозяйство — с самого начала оказались втянутыми в систему товарно-денежных отношений. Первая снабжала товарами мировой капиталистический рынок, второе поставляло на внутренний рынок продукты питания. На этом основании он делает вывод, что в Бразилии «крестьянство исторически действовало в рамках расширяющейся капиталистической системы, где земля, труд и продукты труда продавались» (стр. 36). Он отрицает, что в экономике страны существовали какие-либо феодальные черты.

Эта точка зрения вызывает принципиальные возражения. Автор, по существу, развивает широко распространенную в буржуазной социологии меновую концепцию происхождения капитализма, сторонники которой видят капиталистические формы повсюду, где встречаются товар, деньги и экономическая эксплуатация. Абсолютизируя лишь одну сторону в деятельности бразильских непосредственных производителей — их связь с мировым рынком, Формен не принимает в расчет другую, являющуюся главной,—характер производственных отношений. Между тем в колонии отсутствовало важнейшее условие, присущее капитализму,— эксплуатация свободного наемного труда. Здесь сложилась деформированная структура хозяйства, при которой эксплуатация труда рабов на основе докапиталистических форм имела целью производство прибавочной стоимости для мирового капиталистического рынка. Именно поэтому К. Маркс писал, что на плантациях капиталистическое производство существовало «только формально» [1]. В социально-экономической структуре Бразилии начиная с XVI в. уживались черты различных укладов, в том числе и феодального (крупная собственность на землю, докапиталистические формы эксплуатации крестьянства и т. д.).

В целом автор преувеличивает значение крестьянского труда в колониальный период. Если в XIX в., когда рабовладельческая система вступила в полосу тяжелого кризиса, роль крестьянского хозяйства действительно стала возрастать, то в XVI—XVIII вв. плантационное хозяйство занимало господствующее место, и на долю рабов, составлявших большую часть населения страны, приходилась основная часть всего общественного труда.

Более верными представляются разделы работы, в которых раскрывается положение крестьянства в новейшее время. В отличие от многих буржуазных авторов, искажающих реальные процессы в сельском хозяйстве, Формен воссоздает при освещении ряда аспектов достаточно правильную картину развития бразильской деревни. Основываясь на анализе структуры земельной собственности с 1920 по 1960 г., он делает вывод, что исторически сложившейся особенностью развития страны стали аграрный кризис, безземелье миллионных масс сельских тружеников. В настоящее время число безземельных составляет приблизительно 81% от всего сельского населения (стр. 42). Среди сравнительно немногочисленных собственников земельный фонд распределяется крайне неравномерно. Так, в 1960 г. небольшая горстка — приблизительно в 1,5 тыс. самых крупных лати-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. II, стр. 329.

фундистов — имела примерно столько же земли, сколько 3 млн. крестьянских хозяйств, вместе взятых (стр. 45). Бедняцкие хозяйства, в которых основными орудиями труда являются мотыги, сохи и топоры, не выдерживают конкуренции с крупными механизированными фермами, страдают от произвола рыночных посредников, имеют очень ограниченные возможности получения кредитов. В сельском хозяйстве, подчеркивает Формен, неуклонно развиваются два процесса — концентрация земельной собственности в руках сельских богатеев и пролетаризация основной массы крестьянства. Многие крестьяне имеют столь мизерные участки, что не в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум и вынуждены подрабатывать на стороне. К этим рассуждениям автора следует добавить, что широкие массы сельского населения задыхаются от безземелья, в то время как огромные площади не обрабатываются, и страна вынуждена импортировать из-за границы сельскохозяйственную продукцию.

Социальная структура бразильской деревни, пишет Формен, отличается крайней пестротой, что объясняется «различием форм эксплуатации крестьянства» (стр. 8) и многообразием соглашений о владении землей. Определение социального облика сельского населения зачастую затруднено сезонным характером выполняемых им работ. В Бразилии в разных районах действуют неодинаковые условия соглашений между помещиками и крестьянами. Рассматривая различные категории сельского населения, Формен выделяет, в частности, арендаторов — «мелких держателей, которые получают земельный участок в аренду, с обязательством барщинных отработок в поместье хозяина» (стр. 51), издольщиков, обязанных отдавать за участок земли значительную часть урожая, и сельскохозяйственных рабочих. Последние подразделяются им на три категории: рабочие, получающие в качестве заработной платы участок земли, рабочие, получающие лишь дом (без земли) на территории плантации, и рабочие, которым хозяин выдает заработную плату в деньгах. Формен отмечает полную зависимость бразильского крестьянина от латифундиста, который определяет условия трудовых соглашений. Тяжесть крестьянского труда усугубляется неграмотностью широких слоев сельского населения, достигающей в некоторых районах 100% (стр. 84). Положение сельских тружеников в современной Бразилии Формен называет «национальным позором» (стр. 9).

Характеризуя социальную структуру бразильской деревни, буржуазный историк допускает серьезный методологический просчет. В ряде случаев он неоправданно отождествляет сельских жителей и собственно крестьян, зачисляя в разряд последних огромную массу безземельных работников, не имеющих собственных средств производства. Крестьянство в строгом смысле слова составляет лишь меньшинство в бразильской деревне, основным социальным типом которой является непосредственный производитель, соединяющий в себе полукрестьянские-полупролетарские черты. Неверно также причисление Форменом к крестьянам сельских ремесленников, лавочников, рыбаков.

В основном можно согласиться с оценкой, которую автор дает аграрной политике господствующих классов Бразилии и, в частности, военного режима, пришедшего к власти в стране в 1964 году. Он отмечает, что бразильские власти в последние десятилетия постоянно предпринимают попытки «смягчить» крестьянскую проблему, поощряют миграцию сельского населения в города, индустриализацию деревни, колонизацию огромных пустующих земельных массивов, создание сельскохозяйственных кооперативов. Однако эти меры, по признанию Формена, «носят паллиативный характер и не являются всесторонней программой улучшения условий жизни сельских масс» (стр. 116). Так, миграция в крупные центры ведет лишь к «перемещению социальной напряженности из деревни в город» (там же), колонизация «новых» земель воспроизводит проблемы, характерные для аграрного строя страны в целом, а кооперативы олигархия зачастую стремится «использовать для собственной выгоды» (стр. 140). В целом аграрная политика военного режима заключается в том, чтобы модернизировать латифундии и стимулировать развитие середняцких хозяйств. Формен делает вывод, что Бразилия стоит перед необходимостью «коренной аграрной реформы, заключающейся не просто в перераспределении земли, технической помощи и финансовом кредите, а в полной перестройке существующей аграрной структуры» (стр. 135).

Это заключение выделяет Формена из круга буржуазных историков, преуменьшающих социальные противоречия в среде сельского населения и канонизирующих

реформистскую аграрную политику властей. Автор, однако, умалчивает о проникновении в сельское хозяйство Бразилии иностранного, главным образом американского, капитала. Последнему же принадлежат огромные земельные массивы в стране, и поэтому борьба за демократическое разрешение аграрного вопроса включает в себя как обязательный элемент и борьбу против империалистического засилья.

Определенный интерес представляет исследование Форменом причин и характера крестьянских выступлений на протяжении всей истории Бразилии. В работе критикуются две крайности, встречающиеся при оценке революционного потенциала крестьянства в Латинской Америке: представление о сельских жителях как консервативной силе, неспособной или не желающей действовать, несмотря на эксплуатацию, и взгляд на них как на силу, «по существу, революционную, но нуждающуюся для начала борьбы... в призывах волевого лидера» (стр. 203). Для бразильского крестьянства, считает автор, характерно и то и другое, что подтверждается всей историей страны, где латифундисты всегда сосредоточивали всю полноту власти в деревне в своих руках, а крестьянство было полностью отстранено от участия в политической жизни страны. Союзником землевладельческой аристократии в порабощении масс выступала католическая церковь. Религия, однако, в ряде случаев являлась и идеологическим обоснованием движений социального протеста в бразильской деревне. Рассматривая ряд крестьянских выступлений, проходивших под религиозными знаменами, например, крестьянские войны в Канудосе (1893—1897 гг.) и Контестадо (1910—1916 гг.), Формен отмечает, что все они отражали недовольство широких слоев сельского населения тяжелым экономическим положением.

Наиболее крупные выступления крестьянства приходятся на 1950-е—начало 1960-х годов. Формен объясняет их бурной индустриализацией и урбанизацией Бразилии, породившими необходимость в увеличении сельскохозяйственного производства в стране, проникновением в деревню средств массовой информации, расширявших политический кругозор крестьян, а также миграцией сельских жителей в города, где они воспринимали демократические идеи. Политизация широких сельских масс, рост их сознательности проявились в создании многочисленных лиг и ассоциаций, участники которых требовали глубоких преобразований в деревне. Автор верно указывает, что демонстрации и стачки сельских тружеников, захваты ими помещичьих земель напугали крупных землевладельцев и послужили одной из причин военного переворота 1 апреля 1964 г., в результате которого «крестьянские лиги... были распущены, а многие из их руководителей арестованы» (стр. 244).

Деятельность Бразильской коммунистической партии (БКП) в деревне Формен явно преуменьшает. Он, в частности, утверждает, что коммунисты действовали «не среди крестьянства, а лишь в среде сельского пролетариата» и что требование радикальной аграрной реформы стояло у них на заднем плане, подчиняясь более мелким задачам (стр. 187). В действительности глубокая аграрная реформа, основанная на конфискации латифундий и передаче земли крестьянству, является одним из основных лозунгов БКП, настойчиво борющейся за создание союза рабочего класса и крестьянства.

Суть рассуждений Формена сводится к тому, что крестьянство должно всегда поступать «по своему усмотрению» (стр. 244). Исходя из этого, он делает вывод, что размах крестьянской борьбы в Бразилии в 50-х — начале 60-х годов намного превышал ее значение, ибо лидеры крестьянских организаций в поисках политического престижа сделали сельских тружеников объектом своих манипуляций и «постоянно выступали против использования революционного насилия» (стр. 244). Точка зрения Формена, однако, не отвечает истинному положению вещей. Независимо от субъективных устремлений ряда мелкобуржуазных демократов, возглавлявших борьбу, объективно выдвигавшиеся ими лозунги, как правило, совпадали с требованиями крестьянских масс. Опыт выступлений сельских трудящихся в 50-х—начале 60-х годов показал, что многомиллионное бразильское крестьянство обладает существенным революционным потенциалом и может выступать надежным союзником пролетариата и всех демократических сил в борьбе против олигархии и империализма.

Богатый фактический материал и некоторые интересные соображения, выдвинутые Форменом, не могут заслонить ряда принципиально неверных положений монографии, во многом снижающих ее ценность.

С. М. Хенкин

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Исторически преглед». София. 1977, № 4.

И. Димов. В. Коларов и международное аграрное движение (1929—1939 гг.); З. Мичева. Великая Октябрьская социалистическая революция и балканские народы (1917—1922 гг.); П. Стойчев. Отношение Ал Стамболийского к Октябрьской революции и Советской России; Ал. Пеков. Влияние Октябрьской революции на подъем стачечного движения в Болгарии (1919—1920 гг.); Ж. Цветков. Развитие женского движения в Болгарии (1917—1918 гг.); Г. Димушев. Отклики на Октябрьскую революцию среди трудящихся США; И. Л. Портнов. Из истории интернациональных связей трудящихся Казахстана и Болгарии в 20—30-х годах; В. Г. Гроздев. Влияние Октября на трудящихся Бургасского округа; Н. Бонев. Молодежь округа Велико Тырново и ее участие в защите Советской России и борьбе за разложение армии Врангеля (1921—1923 гг.); Евг. Владимирова. Интернационализм трудящихся Перника до и после Великого Октября (1915—1924 гг.).

«Párttörténeti közlemények». Budapest. 1977, № 3.

Ш. Карпати. Октябрьская революция и мировой революционный процесс; Б. Киршнер. Ленинская теория революции и Великий Октябрь; А. Кипш. Работа В. И. Ленина «Государство и революция» и современность; Д. Милец. Начало распространения ленинских идей в Венгрии; Ш. Вадаш. Международные отклики на революции 1917 г. в России; А. Агапова, Л. Морозов, А. Педосов. Из опыта борьбы КПСС за социализм.

«Századok». Budapest. 1976, № 6.

Из материалов юбилейного совещания, состоявшегося в память Ференца Ракоци в Шарошпатаке: Б. Кёпеци. Освободительная борьба под руководством Ф. Ракоци и Европа; А. Варконьи. Общественное развитие и государственная самостоятельность (абсолютизм Габсбургов и независимая Венгрия); И. Бан. Ранний период Просвещения и национальная культура; И. Захар. О международном научном симпозиуме в Шарошпатаке; Научное совещание венгеро-чехословацкой комиссии историков; М. М. Мравкарова. Эмиграция Ракоци в Турцию.

«Das Altertum». Berlin. 1977, № 2.

Р. Мюллер. Социалистическое восприятие античности; И. Ирмшер. Проблемы изучения античных текстов; Д. Хейде. Экзамены чиновников—важный институт традиционализма в древнем Китае; Б. Брентьес. Доисламские традиции в архитектуре ислама; В. Кайзер, А. Фёлкер. Классическая бальнеология (по материалам Фр. Хоффмана); В. Элих. Греческая живопись на досках и возникновение картинных галерей.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1977, № 4.

А. Лашитца. Революционная борьба за мир от Штутгартского конгресса социалистов в 1907 г. до Декрета о мире; Д. Келлер. Принципы политики СЕПГ в высшем образовании в период становления и оформления развитого социалистического общества; А. Хильцаймер. Идеологическая работа СЕПГ после международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.); Документы и материалы. Речь Э. Хонеккера на конференции партийной организации калийных предприятий «Верра» в Меркере 17 января 1976 года; Э. Кундель. Новые документы о третьей фазе процесса объединения эйзенахцев и лассальянцев; Воспоминания. М. Шпанггенберг. Антифашистская борьба немецких коммунистов Дании; Сообщения. А. В. Трегубов. Немецкая группа РКП(б) и революционное движение в Германии (1918—1921 гг.); Х.-Ю. Аренд. Количество и социальное положение женщин — членов КПГ во время Веймарской республики; М. Т. Мещеряков. Биографический очерк о Хозе Диасе.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». 1977, № 5.

С. В. Александров. Великий Октябрь и мировой революционный процесс; Х. Карл, Э. Трюмплер. Октябрьская революция, немецкие коммунисты и строительство социализма в ГДР; Г. Ен. Коминтерн и опыт Великой Октябрьской социалистической революции (1919—1923 гг.); Х. Бертрам, Э. Камински, Г. Ульманн. Декрет о мире и проблема единства социализма и мира; Документы и материалы. Ленин в дни Октября (М. Ульманн); Клара Цеткин о шестой годовщине Октябрьской революции (К. Хаферкорн); Документы о братской связи немецкого пролетариата с бойцами Красной Армии (Х. Баумани, К. Лаутеншлаг); Воспоминания. Г. Хамахер. Об истоках дружбы ГДР и СССР (по материалам Мекленбурга—1945—1949); Сообщения. Г. Кач. Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на теоретическую работу КПГ; Х.-И. Круш. Празднование годовщины Октябрьской ре-

волюции в год освобождения от фашизма; Д. Геце. Биографический очерк о Фриде Рубинер.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». 1977, № 6.

Р. Столярова. Ленин о пролетарском интернационализме; К. Финкер. Об исследовании борьбы КПГ против империализма, фашизма и подготовки войны (1919—1936); К.-Х. Лайдигкайт. Из истории борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса за партию рабочего класса (1852—1860 гг.); У. Пленер. Соотношение социал-реформистской идеологии и пролетарской классовой сознательности; Документы и материалы. Переписка солидарности между немецкими и советскими трудящимися (1925—1931 гг.) (Д. Ауз, Г. Ницше); Научные сообщения. К. Киннер. 10-я годовщина Октября — важная веха в борьбе за утверждение ленинизма в КПГ; Ю. А. Львунин. О переписке советских и немецких рабочих и рабкоров в 1924—1929 гг.; Х. Крассе. Советский фильм в идеологической работе КПГ в годы Веймарской республики; Х. Шварцбах. Биографический очерк о Фриде Хокауф.

«Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte». Berlin. 1977, II.

А. Дорнер, О. Реннерт. К вопросу о развитии внутренней торговли во время антифашистского демократического переворота на территории современной ГДР; Н. Смелов. Борьба КПГ с реакционными силами ХДС по вопросу о демократической земельной реформе (вторая половина 1945 г.); Р. Шульце. Классовая борьба в области экономики в ГДР после ее основания; А. Суцевеану. О правовой структуре зон сельскохозяйственного производства в западнопонтийских городах (II—III вв. н. э.); Дискуссии. К. Лермер. Ежегодный форум «История экономики и развития науки и техники»; Э. Ребайн. Транспортные средства при первобытнообщинном, древневосточном и античном способах производства; З. Эпперлейн. О значении ремесла, экономическом и социальном положении ремесленников в средневековом русском городе; В. Е. Полетаев, И. Л. Корнаковский. Регистрационные карты как исторический источник для исследования социальной структуры рабочих на промышленных предприятиях; Источники и материалы. З. Зоннтаг. Сезонные колебания в железнодорожном транспорте Германии в 1924—1942 гг., а также в ГДР и ФРГ в 1950—1974 гг.; З. Дилвиц. Источники по социально-экономической структуре германского крестьянства после 1871 года.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1977, № 11.

Э. Доннерт. Ленинский план вооруженного восстания и его осуществление в октябре 1917 г.; Ю. Петерсдорф, Г. Розенфельд. Общественные силы в Великой Октябрьской социалистической революции (новые исследования советских историков); Л. Томас. Сибирь в 1917 году (к вопросу о предпосылках и ходе социалистической революции); К. Сийливаск. Социалистическая революция и восстановление Советской власти в Эстонии в 1940 г.; И. Гетель. Влияние Великого Октября на национально-освободительное движение в Корее; М. Г. Искрин. Воспоминания советских граждан — участников антифашистского движения Сопротивления в Германии.

«Acta Poloniae Historica». Warszawa. 1977, XXXV.

С. Руссоцки. «Consilium baronum» в средневековой Польше; М. Косман. Реформация в Великом княжестве Литовском (1550—1650 гг.); Е. Сковронек. Польское национальное движение и проблема Боснии и Герцеговины (1841—1878 гг.); Ф. Стасик. Путь А. Гуровского к аболиционизму; А. Жарновска. Семья и семейный статут рабочих и прислуги в Королевстве Польском в конце XIX века; Е. Томашевски. Некоторые проблемы образования капитала и инвестиций в капиталистических обществах Восточной и Центральной Европы; З. Ляндау. Влияние переворота в мае 1926 года на положение польской экономики; Публикации. Л. Хасс. Ватикан и Украина в 1919—1920 гг. (глазами украинского буржуазного националиста); Л. Гробеляк. Труды и пособия по истории и географии, которые использовались в польских средних учебных заведениях в XVIII веке; М. Дроздовски. Деятельность познанских историков

«Czasopismo Prawno-Historyczne». Poznań. 1977, № 1.

Ю. Бардах. Введение в историю права и институтов; И. Барановска-Кремь. «Собрание законов» и постулаты реформы права Антония Трембицкого; С. Салмонович. Начало современной европейской кодификации; С. Круковски. Польша 1918—1939 гг. — государство восстановленное или новое?

«Z pola walki». Warszawa. 1977, № 2.

Е. Томашевски. Политические партии в Болгарии осенью 1944 года; П. Зоммерфельд. Стратегия и тактика Социалистической народной партии Кубы в 1952—1959 годах.; Дискуссия. Международное рабочее движение (Ж. Кормонова, Я. Яницки, Е. Кнэбель, А. Гловацки, Б. Суйка, Х. Занд, В. Намиоткевич, Л. Красуцки, З. Козик, К. Собчак, Е. Прокопчук, Т. Ивиньски, В. Гура, Р. Назаревич, М. Малиновски, В. Т. Ковальски, Т. Годлевски, Г. Улицка, Я. В. Голэмбиовски); Ф. Хавранэк. Август Виктор в Верхней Силезии (1897—1903 гг.); Р. Козловски. Восстановление организаций ППС в Поморском (Быдгощском)

воеводстве (январь—май 1945 г.); Б. Хиллебрандт. Польская объединенная рабочая партия и социалистическое воспитание молодежи (1948—1957 гг.); С. Матерняк. Вопросы организационного развития и внутрипартийная деятельность ПОРП во Вроцлаве (1948—1971 гг.); Н. Михта. Дополнения к библиографии работ Ю. Мархлевского; А. Хвальба. Воззвания социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) (попытка анализа).

«Revista de istorie». Bucureşti. 1977, № 5.

Социалистическое сельское хозяйство на пути современного интенсивного развития; В. Нетеа. Единство и солидарность всей Румынии в войне за независимость; С. Цуцуя. Солидарность народных масс Венгрии с румынской войной за независимость; Б. Маринеску, Ш. Радулеску-Зонер. Неопубликованные консульские сообщения относительно дипломатической активности Бухареста накануне и в ходе войны за независимость; К. Бодеа. Вопросы национального единства и независимости Румынии в американской прессе и мемуаристике; Н. Аданилоайе. Новые документы о войне за независимость; Н. З. Лупу. Итало-эфиопский конфликт и его международные последствия; Ф. Казан. Политическая концепция Мартина Лютера; А. Деак. К вопросу о соединении научного социализма с рабочим движением в Румынии до 1893 года; В. Аксенциус. Унификация и реконструкция экономики Румынии после войны.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Дневник Надежды Турчаниновой (май 1863 — апрель 1864 гг.)

«Journal of the Illinois State Historical Society». Springfield. 1977, № 1.

Недавно американские историки обнаружили дневник, который Н. Турчанинова вела на фронтах Гражданской войны в США в 1863—1864 годах. Публикация представляет значительный интерес и имеет отношение к истории не только США, но и русской культуры и общественной мысли.

Надежда Турчанинова — жена Ивана Васильевича Турчанинова, русского полковника гвардейского Генерального штаба, человека антимонархических и антикрепостнических взглядов. В 1856 г. он уехал в США и участвовал (под именем Джона Турчина) в звании бригадного генерала армии Севера в войне с рабовладельческим Югом. Турчаниновы так и не вернулись в Россию, и оба умерли в США в нужде и безвестности в начале нашего века [1].

Обследование биографических и исторических материалов, связанных с участием И. В. Турчанинова в Гражданской войне в США, показало, что он занимал по основным вопросам этой войны последовательную революционно-демократическую позицию [2]. Теперь публикация «Дневника» Н. Турчаниновой подтверждает, что она разделяла взгляды своего мужа. Одновременно «Дневник» знакомит нас с бесспорно выдающейся русской женщиной своего времени.

О русских годах жизни Н. Турчаниновой (она уехала из России в возрасте 30 лет) мы не знаем почти ничего. Воспитание и образование ее свидетельствуют, что она выросла в семье, которая принадлежала к привилегированным кругам общества (о том же говорят и некоторые вскользь брошенные замечания в ее дневнике). Из американских источников известны два факта ее биографии: девичья фамилия — Львова, повенчалась она с Турчаниновым в Кракове, в мае 1856 г., то есть в канун отъезда за границу [3]. В США Турчаниновым пришлось нелегко. После неудачной попытки прокормить себя в качестве «вольного хлебопашца» Турчанинов использовал инженерные знания, полученные им в свое время в Михайловском артиллерийском

[1] Первые сведения о Турчаниновых появились в нашей литературе в 1955 г. в связи с публикацией писем И. В. Турчанинова и его жены к А. И. Герцену, найденных в пражской коллекции бумаг Герцена и Огарева (И. В. Турчанинов и его жена — Герцену. Публикация и комментарии Д. И. Заславского. «Литературное наследство». Т. 62. «Герцен и Огарев». Т. II, М. 1955).

[2] См. А. И. Старцев. И. В. Турчанинов и гражданская война в США. «Новая и новейшая история», 1974, № 6.

[3] E. E. East. Lincoln's Russian General. «Journal of the Illinois State Historical Society». Vol. LII, 1959, № 1, p. 121. Автор ссылается на документы Национального архива в Вашингтоне.

училище и в Академии Генерального штаба, и работал топографом и строителем. Н. Турчанинова прослушала в Филадельфии курс в медицинском училище, что помогло ей в военные годы. Начало войны застало Турчаниновых в Чикаго.

Турчаниновы прибыли в США с идеализированными представлениями об американской буржуазной демократии. Приглядевшись поближе к американской действительности, они подвергают решительной критике социальное неравенство в США. Отправные пункты их критики — программа русского революционно-демократического движения 50—60-х годов XIX в. и воспринятые ими — тоже, как видно, еще в России — элементы социалистического мировоззрения. «Америка — рай для богатых»,— подытоживает свои впечатления после трех лет пребывания в США И. В. Турчанинов в письме А. И. Герцену в Лондон. И Н. Турчанинова пишет в дневнике: «Влиятельные классы, бизнесмены, попы действуют в интересах своей партии и своей касты» (стр. 32). В другой записи она вспоминает: «Эти люди привлекли мое внимание уже семь лет назад, когда я впервые ступила на американскую землю. Я испытала изумление, замешательство, отвращение. Это было загадкой, тяжкой и устрашающей. Я не в силах была понять, как с подобным классом людей у руля правления сможет эта республика стать истинно демократической и двигаться по пути к величайшей общественной цели — материальному и духовному совершенствованию всех членов общества, довольства для всех, досуга для всех, образования для всех, расцвета и прогресса научного знания» (стр. 30).

Как только вспыхнул мятеж южных плантаторов, Турчаниновы вступили в ряды армии Севера. В чрезвычайной обстановке Гражданской войны они остаются верными своим взглядам. Отдавая все силы борьбе с рабовладельческим Югом, они одновременно продолжают критику пороков американской буржуазной демократии на Севере и даже обостряют ее. Это делает дневник Н. Турчаниновой уникальным в мемуарной литературе о Гражданской войне в США.

По известной формуле К. Маркса, Гражданская война в США прошла через два этапа — конституционный и революционный[4]. Первый характеризовался господством примиренческих элементов в армии Севера и попытками тайных друзей Юга из имущих классов на Севере добиться компромисса с рабовладельцами. Второй, приведший к военному и политическому разгрому южной Конфедерации, был отмечен напором трудящихся масс северных штатов и активными действиями последовательных противников рабства как в Вашингтоне, так и в северной армии. Именно такими непримиримыми борцами за революционизирование войны были Турчаниновы. В этом и политический интерес и несомненное историческое значение резких политических замечаний по адресу правительства в Вашингтоне и командования северной армии, заполняющих страницы военного дневника Н. Турчаниновой.

«Гражданская война, бесконечные жертвы народа, получающего в ответ только тычки и неблагодарность, униженного, оскорбляемого, лишенного своих законных прав в тот самый момент, когда эти люди отдают свою жизнь для спасения страны и жертвуют счастьем своих семей»,— пишет Турчанинова (стр. 30—31). Для примиренцев в Вашингтоне и в армии она не находит достаточно резких, осуждающих слов: «Два года бездарного ведения войны и предательства» (стр. 44), «сердце обливается кровью, когда я вижу безрукость и трусость этих людей» (стр. 81). Из числа пороков американской общественной жизни, переносимых в условия военного времени, Турчанинова считает наиболее чудовищными подтасованные отчеты в газетах о кровавых сражениях, рассчитанные на то, чтобы вызвать падение или, наоборот, повышение курса ценных бумаг на бирже. «Жульнические сообщения достигнут желаемой цели. Фондовая биржа поднимется на дыбы, курс золота упадет... Несколько спекулянтов разорятся на этом, другие, напротив, наживут состояние, и все будет в полном порядке в этом мире американского шарлатанства» (стр. 49).

Наблюдая день за днем пассивность правительства, некомпетентность командования, двуличие прессы, автор дневника временами близок к отчаянию. Но воля к борьбе, стремление к победе снова берут верх: «Будем надеяться, что гигантский труд и бесчисленные жертвы народа заставят события двигаться в правильном направлении вопреки предательству и бездарности руководства» (стр. 83). С пристальным вниманием Н. Турчанинова отмечает и комментирует каждый удар по мятежным

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15, стр. 542.

рабовладельцам, каждое сообщение об успехах антирабовладельческой партии в тылу и на фронте. Она выделяет смелую речь против рабства, напечатанную в дошедшей на фронт чикагской газете (стр. 38). Она порицает президента А. Линкольна за либеральное отношение к вражеской пропаганде в тылу (стр. 39). В записи от 15 июня 1863 г. читаем: «Говорят, что в Миссури новосозданные негритянские полки нанесли поражение Кэрби Смиту (один из наиболее заносчивых и агрессивных генералов в армии Юга.— А. С.). Я счастлива, если это действительно так» (стр. 41).

С неизменной теплотой отзывается Турчанинова о бригаде своего мужа и вообще о солдатах северной армии, олицетворявших для нее все лучшее в американском народе; она не раз говорит об их самоотверженности, мужестве, стойкости. «Мужняя бригада, так отважно сражавшаяся, провела ночь на отдыхе,— записывает она после боя при Чаттануге (23—25. XI. 1863 г.),— фигурально почивала на лаврах, а фактически лежала на голой промерзлой земле без шинелей и одеял... Столько страданий! Кто отдаст должное великому воинскому подвигу рядового солдата!» (стр. 77). В другой записи читаем, как солдаты вскладчину покупают дорогой металлический гроб, чтобы отправить на родину останки погибшего однополчанина. «Малые мира сего опять показали свою человечность и бескорыстие,— пишет Турчанинова,— в то время как великие по-прежнему демонстрируют изменничество и низость... О, цивилизация! О, образованность! О, господство богатых!» (стр. 59) [5].

Наряду с военно-политической публицистикой и полемикой видное место в дневнике занимает описание армейского быта и повседневного хода войны. Положение Н. Турчаниновой в действующей армии было довольно трудным. Первый год войны она была вместе с полком (позднее — с бригадой) мужа, ухаживая за ранеными и даже принимая участие в боевых действиях. Позднее, в период, к которому относятся дневниковые записи, ей было запрещено находиться на передовой линии. Но Турчанинова умело обходила эти запреты, и ей удавалось увидеть больше, чем любому военному корреспонденту [6]. В дневнике мы читаем, как в дни боя при Чикамоге (19—20.IX.1863 г.) она объезжает с негром-ординарцем поле сражения под артиллерийским огнем и под пулями вражеских снайперов. Записи говорят о высокой отваге и присутствии духа: «Шум битвы становился все громче и громче. Наконец, я достигла передовой, где наши солдаты вели огонь, укрывшись за поваленными деревьями» (стр. 68). Продвигаясь по полю боя, она отчитывает прячущихся в кустах дезертиров. Дальше она встречает отступающую в панике часть. «Я была в совершенном бешенстве. Пропустив этих бездельников, я пошла туда, откуда они бежали... Моя лошадь была под седлом и стояла неподалеку. Если действительно мы разбиты, я успею еще ускакать» (там же).

Увидевшая свет рукопись — не весь военный дневник Н. Турчаниновой. В ней упоминается его начальная часть, написанная по-русски. Как можно судить из слов автора дневника, обращение к перу было для нее привычным занятием, потребностью литературно одаренной натуры. Написано было, по-видимому, много по-русски, по-французски и по-английски. В 1859 г. А. И. Герцену в Лондон была отослана большая повесть из русской жизни. В «Дневнике» упоминаются военные очерки (или рассказы). Какова судьба этих рукописей? Известно, что И. В. Турчанинов в конце жизни сжег свой архив. Из мемуарных источников следует, что и Н. Турчанинова завещала уничтожить оставшиеся бумаги. Однако находка части военного дневника показывает, что не весь турчаниновский архив был уничтожен. Быть может, дальнейшие поиски окажутся плодотворными.

Но и этой уже найденной части ее дневника достаточно, чтобы имя Н. Турчаниновой вошло в ряд русских мемуаристов и публицистов прошлого века, оставивших важные исторические свидетельства. Смелый, независимый ум и дарование автора вне сомнения. Личность ее производит глубокое впечатление. «Я избрала путь в жизни, и сколь бы он ни был крутым, с него не сойду. Я могу быть усталой, измученной, разбитой, разочарованной, но все с тем же

[5] Из американской мемуарной литературы известно, что солдаты платили Н. Турчаниновой любовью и благодарностью. «Дорогая госпожа Турчина! Как мы все почитали ее, верили ей и как полюбили ее за бесстрашие, доброе сердце и ее заботу о раненых»,— вспоминает бывший капрал 19-го Иллинойсского полка (S. H. Heynie. The Nineteenth Illinois. Chicago. 1912, p. 132).

[6] Однажды весной 1862 г. в Теннесси Турчанинова заменила больного мужа, приняла командование и повела солдат в бой (см. M. M. Boatner. The Civil War Dictionary. N. Y. 1959, p. 853).

запасом воли, что и вначале» (стр. 53). Богатый жизненный опыт Турчаниновых, основательное знание как русской, так и американской жизни своего времени — притом освещенное острой революционно-демократической мыслью,— делают их особенными фигурами и в русской и в американской литературе.

«Дневник» сопровождается кратким вступлением публикатора Мэри Э. Макэллигот. Также дан исторический комментарий и пояснение некоторых беглых намеков и частных полемических замечаний, связанных с текущими событиями Гражданской войны. Французский оригинал «Дневника» был, как сказано во вступлении, получен публикаторами вместе с готовым английским переводом, выполненным неустановленными лицами, быть может, американскими друзьями Н. Турчаниновой, понимавшими ценность рукописи. Неточность в передаче некоторых русских реалий говорит о том, что данный английский текст не был прочитан автором. В этой связи надо упомянуть и об одной ошибке комментатора. В записи Турчаниновой от 18 апреля 1864 г. читаем, что она с большим интересом познакомилась со вторым выпуском дневника «Графа Грановского». Комментатор делает сноску: «Тимофей Николаевич Грановский. 1813—1855» (стр. 88). Возможно, что в переводе (или даже в оригинале) описка и сказано: Грановский. Однако, не говоря уже о том, что Т. Н. Грановский не был графом и в его литературном наследии нет дневников, из самого текста Турчаниновой явствует, что речь может идти только об известном «Дневнике» графа Адама Гуровского (Gurowski), польского эмигранта, публициста, жившего в годы Гражданской войны в США, который резко критиковал правительство Линкольна за недостаточно энергичное ведение войны, соприкасаясь кое в чем в своей критике с Турчаниновыми.

А. И. Старцев

Партизаны на первом этапе Мексиканской революции

«Hispanic American Historical Review». Durham. 1976, № 4.

Преподаватель университета в Сан-Диего (США) П. Вандервуд в статье «Ответ на восстание: антипартизанская стратегия Порфирио Диаса» исследует проблемы первого этапа Мексиканской революции — с ноября 1910 по май 1911 г., когда партизанская борьба сторонников Ф. Мадеро привела к падению реакционной диктатуры П. Диаса и к триумфальному вступлению революционных отрядов в столицу г. Мехико. Вандервуд использовал архивы госдепартамента США, Национального архива Мексики и прессу.

Автор задается вопросом: почему такая мощная система подавления — армия, полиция (в том числе и сельская — рурales), равно как и другие карательные органы диктатуры Диаса,— развалилась в кратчайшее время — за полгода, от ноября 1910 до мая 1911 года? Вандервуд считает, что в партизанской войне противники не столько борются друг против друга, сколько стремятся обеспечить себе поддержку населения. Исходя из этой главной цели, вырабатываются стратегия и тактика их действий (стр. 552). Решающая победа той или иной стороны может определить настроение населения. Борьба федеральной армии против партизан была, по мнению автора, с самого начала безнадежной, и прежде всего из-за реального соотношения сил. Если в первые месяцы армия Диаса насчитывала около 14 тыс., в то время как Мадеро располагал всего несколькими тысячами, то к апрелю 1911 г. на стороне последнего было 10 тыс. человек, а к маю — уже 40 тыс. (стр. 559). В то время как правительственные войска находились в основном в городах, партизаны действовали мобильно, нарушая коммуникации сил Диаса и укрываясь в случае необходимости в труднодоступных местах.

Первым крупным успехом партизан был захват г. Герреро в Чиуауа, где они наголову разбили отряд федеральной армии и принудили к сдаче гарнизон в Герреро. Это резко подорвало доверие населения к правительству Диаса. Диас вернул Герреро, но партизаны укрепились в горной местности. Федеральная армия так и не смогла подавить очаги партизанской войны. Тактика партизан состояла в том, чтобы атаковать города превосходящими силами и уклоняться от схваток с более сильными соединениями правительственной армии. Решающий для первой фазы революции бой произошел в начале мая 1911 г. в районе г. Хуарес, где 3500 партизан, поддержанных местными жителями, атаковали отряд федеральной армии численностью 600—1000 человек (стр. 571). После

ожесточенного боя город был захвачен Мадеро. Мелкими же населенными пунктами партизаны обычно овладевали без боя. Они перерезали пути подвоза продуктов и амуниции, прекращали доступ воды, и голодные солдаты федеральной армии сдавались, чтобы не умереть от жажды и голода. Вандервуд приводит примеры, когда офицеры разоружали отдельные соединения диасовской армии, опасаясь, что солдаты перейдут на сторону повстанцев (стр. 572).

Причину поражения армии Диаса автор видит в его военно-стратегических упущениях, а главное — в недостаточной численности. Но дело, разумеется, не только в вопросах стратегии и тактики, о чем, собственно, свидетельствуют и факты, приведенные в статье. С течением времени Диасу все труднее удавалось рекрутировать новобранцев в армию: асендадос (латифундисты) отказывались отпускать пеонов (батраков) в армию под тем предлогом, что они необходимы для защиты асьенды от партизан. Губернатор штата Сакатекас писал военному министру в марте 1911 г., что он не может созвать чрезвычайное ополчение, поскольку ему не хватает сил для защиты местных поселков и городов. «Здешние жители,— писал губернатор,— любой ценой стремятся избежать призыва в армию. Они сочувствуют мятежникам. Они присоединятся к восставшим, потому что голодны и надеются отомстить землевладельцам. Было бы глупо призывать людей в армию, когда они могут перейти на сторону врага с оружием и снаряжением» (стр. 574). Отсюда вытекает, что победа революционных сил определялась более глубокими причинами, чем чисто военные обстоятельства. Даже поражение отряда Мадеро в районе г. Каса-Гранде на севере страны в марте 1911 г., которое автор изображает как решительную победу правительственных войск, не смогло остановить дальнейшего роста партизанского движения. Новые очаги войны возникли на юге, где действовал крестьянский вожак Э. Сапата. В мае 1911 г. партизаны захватили г. Хуарес, открыв революционным силам путь на столицу. Правительственная армия была деморализована. Диас был вынужден бежать из страны. Народ, как это признает и автор, полностью перешел на сторону повстанцев (стр. 579).

Приведенные автором факты о размахе партизанской войны и тактике народной войны, несомненно, представляют интерес. Однако попытка свести причины крушения диктатуры Диаса преимущественно к военно-стратегическим упущениям этого режима искажает самую суть Мексиканской революции, в ходе которой повстанцы боролись за демократические свободы, за землю, против американского империализма.

И. И. Янчук

Эволюция аграрной структуры Индии в колониальный период

«The Indian Economic and Social History Review». Delhi. 1975, №№ 2—3.

Этот журнал был основан группой прогрессивных ученых—историков и социологов во главе с Тапаном Райчаудхури, испытывавших потребность в печатном органе, где можно было бы развивать взгляды, не являющиеся общепринятыми в индийской науке. В нем публикуются в основном статьи материалистического направления, борющиеся как с империалистическими, так и с националистическими искажениями истории Индии. Авторы журнала пытаются, в частности, поставить аграрную историю на почву твердо установленных фактов.

В индологии, как известно, господствует следующая концепция. Англичане создали права частной собственности на землю (крупной помещичьей — на Севере и мелкой крестьянской — на Юге), а тем самым и возможности потери этих прав. В условиях товаризации хозяйства разорялись как помещики, так и крестьяне. Землю концентрировали в своих руках представители торгово-ростовщического капитала, крестьяне становились бесправными арендаторами или безземельными работниками. На этой основе создались условия для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Две статьи, написанные на материале районов Северной и Южной Индии, ставят под сомнение эту концепцию.

Э. Стокс в статье «Структура землевладения в Уттар-Прадеше, 1860—1948 гг.» отмечает, что в течение 90 лет, предшествовавших достижению Индией независимости, структура землевладения на изучаемой территории изменилась незначительно. Для XIX в. более характерной была скупка, приводившая к концентрации земельных владений, в XX в. ее стал заметно обгонять процесс раздробления имений между многочисленными наследниками. Вместе

с тем в 1919—1947 гг. количество заминдаров, то есть лиц, имевших собственнические права на землю и плативших налог, сохранялось на уровне несколько более двух миллионов. Автор считает, что происходило вымывание среднего звена заминдаров — мелких рентополучателей, а крайние слои — крупные магнаты и крестьяне-собственники — сравнительно слабо были затронуты этими процессами. Впрочем, это — одно из наименее аргументированных положений статьи.

По мнению автора, масштабы скупки земли торговцами и ростовщиками были в литературе преувеличены. Основные успехи торговых каст в приобретении земли относятся к периоду до 1872—1873 гг., то есть ко времени, когда товаризация сельского производства в этом районе практически еще не началась. Распространение землевладения брахманов нельзя считать показателем скупки земли торговцами. Что же касается района (дистрикта) Каннур, который почти неизменно фигурирует в литературе как пример концентрации земли торгово-ростовщическими кастами, то там переход земли в другие руки нередко был формальным. Случилось так, что еще в начале XIX в. доминировавшие здесь высокие касты (брахманы, раджпуты) потеряли право собственности на землю и были объявлены «арендаторами». Однако фактически они сохранили социальный контроль в сельской местности.

Вообще особенностью этой части Индии было то, что социально-экономическое размежевание не соответствовало юридическим категориям. Отношения между собственниками и их арендаторами, еще не успев сложиться в типично феодальные, были деформированы арендным законодательством. Англичане ввели законы, по которым арендатор, снимающий одну и ту же землю непрерывно в течение 12 лет, становился «защищенным», то есть его нельзя было согнать, а арендную плату с него можно было повысить лишь с согласия властей. Доля земли, находящаяся под «защищенной» арендой, росла и в некоторых районах достигла 70% (№ 2, стр. 118). Значительное повышение цен на сельскохозяйственную продукцию (с 1900 по 1926 г.— на 100%) привело к тому, что рента с «защищенных» арендаторов стала номинальной, последние превратились в фактических собственников и во многих дистриктах их имущественное положение было лучше положения заминдаров, а престиж — выше. В дистрикте Миратх отмечены случаи, когда заминдар снимал землю у своего «защищенного» арендатора за плату, в два раза превосходящую ту, которую он должен был получать с арендатора. При продаже арендаторское право на землю стоило дороже собственнического (№ 2, стр. 119).

Антагонизм существовал не между собственниками и арендаторами, а между собственниками-абсентеистами и сельскими хозяевами, как собственниками, так и арендаторами. Реальной силой в деревне стал слой «крестьянской элиты», как его называет Э. Стокс, сконцентрировавший в своих руках землю как объект хозяйства на самых разных условиях — от собственности до бесправной аренды. «Элита» охватывала 32,6% «земледельцев», это означает около 4 млн. хозяев, концентрировавших 77,2% земли (№ 2, стр. 128). Отмена системы заминдари в 1951 г. пошла на пользу именно этому слою. К этому выводу автора хотелось бы добавить: так как большое число этих «крестьянских» хозяйств было на самом деле эксплуататорскими — феодальными или полуфеодальными, то аграрная реформа 1951 г. не привела к кардинальным социальным преобразованиям в деревне.

В другой статье — нынешнего главного редактора журнала Джармы Кумар «Дифференциация земельной собственности в Мадрасском президентстве (1853—1854—1946—1947 гг.)» использован математический метод — кривые Лоренца. Все землевладельцы Мадрасского президентства, расположенные в порядке увеличения уплачиваемого ими налога (что служит неплохим показателем количества и качества их земельной собственности), разделены на десять равновеликих групп, каждая охватывает 10%. В зависимости от наличия данных для любого дистрикта на протяжении 90 лет избрано три или четыре момента, в которые произведено измерение дифференциации.

Кривые Лоренца показывают характер связи между двумя зависимыми величинами. В данном случае на горизонтальной оси откладываются проценты числа собственников — от 10 до 100, на вертикальной — точно в том же порядке процент находящейся у них земли. Если земля распределена равномерно, то 10% землевладельцев имеют 10% земли, 20% — 20% земли и т. д., то есть кривая совпадает с диагональю полученного квадрата. Таким об-

разом, выгиб кривой вниз от диагонали показывает степень неравномерности распределения земли. Кривые Лоренца удобны для изучения динамики, так как они могут быть нанесены на один и тот же график и свидетельствовать либо об увеличении дифференциации (если линия, основанная на более поздних данных, проходит ниже предыдущей), либо об уменьшении неравенства (если линия окажется выше). Автор подробно обосновывает возможность применения подобного метода и указывает, что неизбежные при нем, как и при других статистических методах, ошибки не превышают допустимых размеров. Например, не учтены сельские жители, не имеющие своей земли. Однако их доля оставалась стабильной: 16% работающих мужчин в 1871 г.; 18% — в 1901; 18% — в 1951; 17% — в 1961 году (№ 3, стр. 239).

Составленные Кумар графики свидетельствуют о больших территориальных различиях в распределении земли. Танджур, Малабар, Южная Канара отличались особенно большой концентрацией земли. Но кривые не показали ясной тенденции на протяжении изучаемого периода. Некоторая концентрация земли происходила в дистриктах Ганджам, Кришна, Южный Аркат, Южная Канара (в последнем в больших масштабах). В других концентрация земли уменьшилась — Тиручирапалли, Коимбатур, Малабар, Тирунелвели (в последнем — значительно). В Карнале, Неллуре, Селеме, по существу, изменений не произошло. В течение рассмотренного периода концентрация усиливалась и ослабевала без всякой видимой закономерности. Выводы Кумар следующие: «Распределение землевладения было уже очень неравномерным в 1853—1854 гг. ...Те, кто хотел бы доказать процесс концентрации, должны искать какие-то иные данные» (№ 3, стр. 254).

Результаты этих двух исследований заставляют вновь поставить вопрос о значительной устойчивости традиционного социального строя таких стран, как Индия. Советские индологи пришли к выводу, что к моменту колониального завоевания индийский феодализм не исчерпал ресурсов для своего дальнейшего развития. Следовательно, и его возможности сопротивления разрушающему воздействию колониализма и проникающего капитализма были велики. Во всяком случае, данные о большей стабильности аграрной структуры в колониальный период, чем это представлялось раньше, лучше согласуются с положением в современной индийской деревне, где капитализм все еще встречает серьезнейшие препятствия в своем развитии со стороны традиционных социальных институтов.

Л. Б. Алаев

Политические клубы Лондона в период Реставрации

«*The Historical Journal*». Cambridge — London. 1976, № 3.

Дэвид Аллен (университет в г. Бирмингеме, Великобритания) освещает малоисследованный как в зарубежной, так и в советской историографии вопрос о политических клубах Англии в период Реставрации Стюартов (60 — 80-е годы XVII в.). Изучение этой проблемы даст возможность получить более полное представление об идейно-политической борьбе между партиями тори и вигов. Указывая на недостаточное внимание к данной теме, в особенности на слабое изучение торийских клубов, автор отмечает, что сам вопрос о наличии клубов у тори ставился под сомнение Дж. Джонсом и К. Фейлингом [1].

Используя мемуары, дневники, «Календари государственных бумаг» и другие источники, автор дает характеристику политических клубов Англии. Во второй половине XVII в., говорится в статье, клуб обычно представлял собой совокупность нескольких человек, близких по своим политическим убеждениям, которые собирались в кофейне или таверне для того, чтобы обсудить те или иные вопросы. Клубы тори, как правило, располагались ближе к королевскому двору, клубы вигов — преимущественно в районе Сити. Наиболее трудным, по мнению автора, является вопрос о количестве клубменов, поскольку информация даже об одном и том же клубе зачастую оказывалась совершенно различной. Например, один из информаторов насчитал в клубе вигов «Королевская голова» («King Head») 3 тыс., а другой — всего лишь 48 человек (стр. 566). Аллен полагает, что численность и состав клубов, регулярность и процедура заседаний были неопределенными. Нередкими были и переходы из одного клуба в другой, из одной партии — в другую. Отмечая этот факт, автор не пы-

[1] K. Feiling. A History of the Tory Party 1640—1714. L. 1924; J. R. Jones. The Green Ribbon Club. «Durham University Journal». December 1956.

тается его объяснить. Между тем подобный переход был, по-видимому, связан с аморфным характером тогдашней партийной структуры, что проявлялось даже в сходстве ритуально-процедурной стороны деятельности клубов.

Аллен касается специфики политических концепций, которых придерживались тори и виги. Вигские клубы, например, обсуждали вопросы о ежегодных парламентах, назначении шерифов и мировых судей, о религиозной терпимости для всех протестантских диссентеров, об отмене «каминного налога» и т. д., многие из которых выносились вигами на обсуждение в парламент. Это, как полагает автор, свидетельствует, что указанные клубы отражали интересы партии вигов в целом (стр. 571). Поскольку автор не анализирует классовый состав вигов, остается неясным, почему же именно эти вопросы интересовали вигов. Более пристальное знакомство с социальным составом партии позволяет отметить, что в нее входили преимущественно представители буржуазии и «нового дворянства», то есть тех классов, которые в значительной степени упрочили свое экономическое положение после буржуазной революции середины XVII в., но в то же время не приобрели должной политической власти. Вот почему вопросы о привилегиях короля и парламента находили живой отклик и вызывали горячий интерес у вигов как в парламенте, так и в клубах.

Автор пытается выделить в среде вигов определенные течения — во-первых, «республиканцев», примыкавших к герцогу Бэкингему, а во-вторых, сторонников «билля об исключении», группировавшихся вокруг графа Шефтсбери. Различия между ними, по мнению автора, заключались лишь в том, что «республиканцы», относящиеся с подозрением к возможным претендентам на трон (герцогам Йорку и Монмауту), призывали к установлению контроля над исполнительной властью, в то время как сторонники Шефтсбери ограничивались требованием выбора кандидатуры наследника трона. Разумеется, вигская оппозиция в своих взглядах не была единой, и суммарно в ней можно было различить два течения: более умеренное — «монархическое» и более радикальное—«республиканское». Различия между ними заключались в неодинаковом подходе к решению вопроса о форме государственного правления и методов достижения желаемой политической структуры общества. На практике же во взглядах отдельных представителей вигской оппозиции эти тенденции переплетались в различных пропорциях. В целом политическая платформа ранних вигов являлась олицетворением реформаторского и соглашательского характера буржуазной оппозиции. Что же касается Бэкингема и Шефтсбери, которые, по словам Кр. Хилла, объявляли себя республиканцами [2], то оба они являлись представителями умеренного крыла вигов. Поэтому противопоставление автором двух лидеров этой партии вряд ли правомерно.

Вопрос о клубах другой партии, тори, освещен автором менее подробно. Он отмечает, что тори начали создавать свои клубы, «взволнованные агитацией вигов в 1679 г.», когда решался вопрос о том, чтобы «лишить» права престолонаследия брата короля герцога Йорка в силу его приверженности к католицизму. Тори собирались в своих клубах с тем, чтобы обсудить вопросы, как в стране «укрепить верноподданнические чувства к королю» (стр. 575), каким образом добиться победы своих депутатов на предстоящих выборах в парламент и т. д. Но чаще всего, отмечает автор, они приходили в клуб, чтобы «посоветоваться о делах королевской службы» (стр. 578). Ограничиваясь мимолетным замечанием о том, что в клубы тори входили, как правило, наиболее состоятельные и влиятельные люди, автор не дает сколько-нибудь существенного анализа социального состава и идейно-политических взглядов тори. Между тем более тщательное изучение воззрений клубменов позволило бы дать должную оценку идеологии партии двора и определить ее классовый состав.

Т. Л. Лабутина

[2] Chr. Hill. Republicanism after the Restoration. «New Left Review», 1960, № 3, p. 48.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М. 1975. 266 стр. Рец.: Skrzypek A. — «Zapiski historyczne». Toruń. 1977, s. 2, s. 130—133.

Чуйков В. И. Сражение века. М. 1975. 397 стр. Рец.: Sugar J. — «Hadtörténeti közlemények». Budapest. 1977, № 2, 294—297. old.

Хроникальные заметки

◆ 4—5 октября 1977 г. в Галле (ГДР) прошла научная конференция преподавателей истории в университетах ГДР, СССР, Польши, Венгрии и Чехословакии, посвященная 60-летию Великого Октября, по теме «Советская историческая наука». С основными докладами выступили: Э. Доннерт (ГДР) «Развитие советской исторической науки и научных связей между историками ГДР и СССР», член-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко и А. М. Сахаров (СССР) «Советская историческая наука, ее методологические проблемы и международное значение». Всего было заслушано около 20 докладов.

◆ Научная конференция к 30-летию победы чехословацких трудящихся над силами реакции в феврале 1948 г., организованная Институтом марксизма-ленинизма (ИМЛ) и Высшей политической школой при ЦК КПЧ и названная «Победный февраль и современность», прошла в декабре 1977 г. в Праге. С докладом «Победный февраль 1948 г. и ленинский путь революции в Чехословакии» выступил директор ИМЛ З. Снитил. В дискуссии приняли участие представители братских партий из Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии и СССР.

◆ VI конгресс Общества историков ГДР (Берлин, декабрь 1977 г.) рассматривал проблему «Народные массы и прогресс в истории». На конгрессе присутствовали 1300 ученых, преподавателей, архивистов, издательских и музейных работников, представителей 17 стран. Вступительный доклад сделал Э. Диль (ГДР). В секциях обсуждались сообщения об антиимпериалистической борьбе в капиталистических странах с 1945 г., о роли народных масс в национально-освободительном движении нашей эпохи, о буржуазных преобразованиях в XVII—XIX столетиях, о путях перехода к империализму в 1871—1917 гг., о партиях рабочего класса как знаменосцах передовых идей в 1917—1945 годы. Всего выступило около 100 человек. На заключительном заседании председателем Общества историков ГДР был переизбран проф. Ф. Штрейзанд.

◆ С 26 по 29 августа 1977 г. в Беловеже (Польша) состоялся международный коллоквиум на тему «Теория и объяснение в экономической истории». Программа предусматривала обмен мнениями по теме между возможными будущими участниками работы в секции методологии VII Международного конгресса экономической истории, который созывается в августе 1978 года. Будущий руководитель этой секции проф. Е. Топольский (Польша) вел заседания коллоквиума при содействии ректора Белостокского филиала Варшавского университета проф. Ю. Лукашевича. Были заслушаны и обсуждены следующие главные доклады: Е. Топольский «Типы объяснения в экономической истории», П. Янссенс (Бельгия) «Процесс проверки в экономической истории», Х. Пекк (ГДР) «Проблемы исторического объяснения в марксистской теории исторического процесса». И. Беренд (Венгрия) «Интерполяция взаимосвязей между экономическими и социальными факторами в экономической истории», А. Н Чистозвонов (СССР) «Социально-экономическое развитие и недоразвитие как историческая категория», Г. Буа (Франция) «К вопросу о переходе от феодализма к капитализму в Западной Европе», Х. Мадурович-Урбаньская (Польша) «Роль и понятие региона в объяснении экономической истории», Э. Шремммер (ФРГ) «Количественное измерение и оценочное суждение в современной экономической истории», А. Езерский (Польша) «Эконометрические векторы в экономических циклах после второй мировой войны (на материалах ПНР)». С заключительным словом выступил А. Вычаньский (Польша).

◆ В 1977 г. исполнилось полвека с начала деятельности Балтийского института в Гданьске, исследующего историю польского Поморья, а также Прибалтики и Скандинавии, в особенности польско-немецких и польско-скандинавских отношений. С 1964 г. институт возглавляет С. Потоцкий. Это учреждение издает свои сообщения («Komunikaty») и очерки («Gdańskie zeszyty humanistyczne») при участии Гданьского университета. С 1966 г. в рамках института действует Комиссия по скандинавистике во главе с Т. Цесляком. Институт поддерживает связи с учеными социалистических стран, прежде всего СССР и ГДР, а также стран Северной Европы. На очередной ежегодной сессии (1977 г.), посвященной юбилею, были рассмотрены результаты деятельности сотрудников института за 50 лет по изучению политики, военной и гражданской истории, международных отношений и демографических вопросов.

◆ Международная неделя специалистов по истории средних веков, работающих по теме «Монашеские учреждения на Западе в XII — XIII вв.», имела место в Мендоле (Италия) 28 августа — 3 сентября 1977 го-

да. Докладчиками выступили медиевисты из Италии, Франции, Нидерландов, США и Монако. Среди докладов и сообщений были: Р. Зербн (Милан) «Старое и новое монашество», Дж. Констэйбл (Кембридж, США) «Типы отшельничества», Дж. Фазоли и Ф. Бокки (Болонья) «Монастыри и городская структура». Ш. Игунэ (Бордо) «Первое столетие цистерцианского сельского хозяйства», Ч. Вьоланте (Пиза) «Монастыри и кредитная деятельность», Дж. Арнальди (Рим) «Монастырские школы», А. М. Романини (Рим) «Архитектура монастырей».

◆ Болгарские историки и публицисты П. Панайотов, А. Наков, Х. Дудевский и Л. Кехайова в коллективной работе об идеях Великого Октября и их воплощении в жизнь рассказывают о влиянии Октябрьской революции на Болгарию, участии болгар в защите Советской России, болгаро-советской дружбе, освободительной миссии Красной Армии в 1941—1945 гг., советской помощи социалистическому строительству в Болгарии и об отражении идей Октября в болгарской литературе и искусстве («Октомври 1917 знаме и съдба». София. Военно издателство. 1977. 278 стр.).

◆ Известный польский историк Ежи Топольский исследует в своей новой книге проблемы методологии истории преимущественно в связи с деятельностью личностей, общественных групп и классов в историческом процессе. Автором трактуются такие вопросы, как методологическая оценка достижений других гуманитарных наук, структурализм, применение теоретических установок при изучении революций, формирования наций и истории городов, значение социологии для историка (J. Topolski. Marksizm i historia. Warszawa. PIW. 1977. 468 str.).

◆ Януш Сымонидес (Польша) собрал, классифицировал и проанализировал международные документы по проблеме прав человека, принятые в ООН. Автор уделяет особое внимание роли Польши в выработке этих документов (J. Symonides. Międzynarodowa ochrona praw człowieka. Warszawa. KiW. 1977. 396 str.).

◆ Польский историк Юлиан Бартош анализирует «восточную политику» правительства В. Брандта как определенный этап в истории внешней политики ФРГ, направленный на решение германского вопроса с учетом послевоенных реальностей в Европе. Автор касается также развития политической доктрины СДПГ в годы второй мировой войны (J. Bartosz. Mitologia okrężnych dróg. Wrocław. Ossolineum. 1977. 258 str.).

◆ Специалист по истории второй мировой войны Евгениуш Дурачиньский (Польша) в своей новой книге рассматривает деятельность антигитлеровского подполья, формы освободительной борьбы польского народа, планы и результаты политики фашистских оккупантов в Польше. Книга является первым томом двухтомной работы о политической истории страны в годы второй мировой войны (E. Duraczyński. Wojna i okupacja. Wrzesień 1939 — kwiecień 1943. Warszawa. WP. 1977. 492 str.).

◆ Вышел в свет очередной том энциклопедического издания о книгопечатных мастерах эпохи позднего средневековья, посвященный печатникам Великой Польши. Предыдущие тома касались Поморья, Великого княжества Литовского, Малой Польши и русских земель Речи Посполитой («Drukarze dawnej Polski od XV—XVIII wieku». T. 3, cz. 1. Wrocław. Ossolineum. 1977. 250 str.).

◆ В Польше вышло третье издание двухтомного труда специалиста по истории культуры Яна Станислава Быстроня об обычаях позднего средневековья: нравы шляхты, горожан и крестьян, их образ жизни (J. S. Bystroń. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI—XVIII. T. 1—2. Warszawa. PIW. 1976—1977. 475, 626 str.).

◆ Сведения об искусстве всех континентов и эпох содержит работа Кароля Эстрейхера (Польша), охватывающая главные линии развития искусства как части культуры (K. Estreicher. Historia sztuki w zarysie. Warszawa. PWN. 1977. 561 str.).

◆ «Социальная утопия Шарля Фурье» — тема опубликованной докторской диссертации Гюнтера Беренса (Кёльнский университет, ФРГ). Автор использовал специальные работы (включая переводы трудов советских ученых на немецкий и французский языки), а также сочинения самого Фурье (G. Behrens. Die soziale Utopie des Charles Fourier. Köln. 1977. 641 S.).

◆ Роберт Айрлэнд, профессор Кентуккийского университета (США), в книге очерков «Маленькие королевства» освещает историю штата Кентукки в 1850—1891 годы. Властвовавшие в нем «маленькие короли» — крупнейшие местные буржуа, дельцы, финансисты, юристы и газетчики. Очерки базируются на прессе прошлого столетия, издававшейся во многих городах этого штата (R. M. Ireland. Little Kingdoms. Lexington. UPK. 1977. 184 p.).

◆ Уже в XVIII в. британские власти стали ссылать преступников в Австралию и иные отдаленные углы империи. Связь этой ссылки с развитием английской экономики, политической жизни и деятельностью административных органов вплоть до середины XIX в. прослеживает в своем исследовании преподаватель Сиднейского университета (Австралия) Э. Шоу (A. G. L. Shaw. Convicts and the Colonies. Carlton. MUP. 1977. 399 p.).

◆ При Католическом университете в Кито (Эквадор) функционирует Австрийский институт Латинской Америки. Его профессор Фриц Трупп, изучавший в северо-западной части бассейна Амазонки фольклор и быт индейцев Юго-Восточной Колумбии, положил собранные им материалы в основу книги «Мифы Макупы» (F. Trupp. Mythen der Makuna. Wien. Stiglmayr. 1977. 150 S., XVI pl.).

◆ На месте речной судоверфи при византийской крепости X—XII вв. в Пэкуюлуй-Соаре (Румыния) обнаружены при расчистке подъездных путей капители строений, известковые декоративные элементы

стен, серебряные и медные монеты, каркас незаконченного судна. Крепость служила преградой печенегам и половцам, пытавшимся прорваться за Дунай.

◆ В Енисале (Румыния) открыт гетский акрополь IV в. до нашей эры. Археологи Тульчинского музея во главе с С. Гаврилэ выявили до 200 захоронений под каменными плитами, содержащих родосские амфоры, бронзовое и железное оружие, стеклянные украшения, зеркала в оправе и конскую сбрую.

◆ Возле канала Бега (южнее Ремеця-Маре, Румыния) при раскопках фракийского селения X в. до н. э. были найдены жилища площадью 160 кв. м каждое с колодцами, жертвенниками, ямами для зерна, мастерскими ремесленников по бронзе и кости. Среди находившихся там предметов — металлические ведра с рельефами, ручные мельницы, глиняные идолы, пряжка, украшенная полудрагоценными камнями.

◆ При археологических раскопках в Щецине получен богатый материал вблизи замка поморских князей и башни Семи плащей, в том числе остатки свайного фундамента, рыбацкие снасти, деревянные лодки и фигурная каменная голова воина XIII века.

◆ Колодец VII—VIII вв. из дубовых брусьев, площадью в сечении 1,1 кв. м и по вертикали 1,2 кв. м, сложенный на славянский манер, откопан на восточной окраине Берлина. Он идентичен однотипным сооружениям у лютичей в том районе, где позднее германские феодалы образовали Среднюю марку.

◆ Возле Сиэттла (США), на полуострове Олимпия, некогда находилось приморское индейское селение Озетте, разрушенное европейскими переселенцами, а затем занесенное грязевыми потоками. Ныне под ними расчищен почти весь жилой комплекс с 65 тыс. орудий труда, бытовых предметов и украшений.

◆ Три деревянных дома викингов обнаружены в болоте вблизи английского г. Йорк. Оставаясь около тысячи лет без доступа воздуха, они сохранились почти полностью. Сейчас их обрабатывают специальным раствором для консервации деревянных конструкций, после чего передадут в Йоркширский национальный музей.

◆ Афганские археологи открыли в Джалалабаде захоронение двухтысячелетней давности с вещами буддийской цивилизации, на которых заметен налет греческого влияния, присущего большинству местных изделий того периода и типа Ангхары.

◆ Уникальная пятитонная часть древнеримского саркофага из белого мрамора с горельефами, посвященными героям Троянской войны, найдена в селении Эр-Растан (Сирия). Находка датируется I в. до н. э., когда на развалинах государств Селевкидов и Тигранидов возникала римско-сирийская цивилизация.

◆ В греческом селении Вергина (75 км западнее Салоник) археологи обнаружили под холмом замурованную гробницу с мраморной дверью. Чтобы не повредить ее, они проникли внутрь через раскоп в холме сверху. В погребении было найдено много вещей из бронзы, серебра и золота, расположенных вдоль стен, а в середине саркофаг, украшенный золотыми пластинками, в котором находился оссуарий — ящик из чистого золота весом 11 кг с костями умершего и размерами 44 на 39 сантиметров. Рядом лежали нагрудный щит, наколенники, шлем и меч. Над дверью видна настенная живопись, изображающая сцены охоты. Диадема, какую носили македонские цари, и скипетр свидетельствуют, что это захоронение правителя страны, вероятно, Филиппа II, отца Александра Македонского. Это подтверждают также 5 миниатюр, выполненных на пластинках из слоновой кости. На них изображены Филипп, его родители Аминтос и Эвридика, жена Олимпия, Александр. В передней части склепа стоял другой саркофаг, тоже с золотым оссуарием (весом в 8 кг) и останками, по-видимому, последней жены Филиппа Клеопатры. Находка датируется 340—330 гг. до нашей эры.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

ТРУДЯЩИЕСЯ БЕЛОРУССИИ В БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ (1918—1921 гг.)

За последнее время внимание советских историков все больше привлекает недостаточно разработанная в литературе проблема защиты завоеваний Великого Октября от подрывной деятельности внутренней контрреволюции в первые годы Советской власти. В центре и на местах опубликован ряд исследований о борьбе Республики Советов против контрреволюции на внутреннем фронте в годы военной интервенции и гражданской войны [1]. Опубликовано и несколько статей по Белоруссии, в которых в основном показаны организация в республике чрезвычайных комиссий и их деятельность [2]. Роль же рабочих и крестьян республики в ликвидации антисоветского подполья, в борьбе против контрреволюционных мятежей и восстаний освещена слабо. Некоторые новые данные по этому вопросу приводятся в настоящей работе.

В конце мая 1919 г. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский от имени Совета Обороны и Народного комиссариата внутренних дел обратились к народу с воззванием «Берегитесь шпионов!» [3]. Оно сыграло огромную роль в повышении революционной бдительности рабочих, крестьян, красноармейцев, призывая их на борьбу против явных и тайных агентов контрреволюции, стремившихся ослабить советский тыл и тем самым оказать помощь интервентам и белогвардейцам. Указания Ленина, Центрального Комитета РКП(б) были положены в основу деятельности партийных организаций, Советов, чрезвычайных комиссий Белоруссии по мобилизации рабочих и крестьян на подавление сопротивления эксплуататоров.

В целях вовлечения трудящихся в борьбу с контрреволюцией на внутреннем фронте партийные комитеты, Советы рабочих и крестьянских депутатов, другие советские органы и организации широко практиковали публикацию воззваний и обращений. В июле 1919 г. к трудящимся Витебска обратились городской Совет рабочих и красноармейских депутатов и губернский совет профессиональных союзов. В то время как Красная Армия ведет с интервентами и белогвардейцами ожесточенные бои, говорилось в воззвании, контрреволюционеры пытаются активизировать деятельность в советском тылу. Буржуазия и ее агенты распространяют ложные, клеветнические слухи, пытаются втянуть трудящихся в борьбу за свержение диктатуры пролетариата, организуют восстания и мятежи. Совет рабочих и красноармейских депутатов и совет профсоюзов призвали всех, кому дороги завоевания революции, к решительному подавлению выступлений эксплуататоров, к обеспечению надежной охраны тыла Красной Армии. «Пусть наши братья на фронте ведут уверенно свою геройскую борьбу. Защиту тыла и охрану в нем рево-

---

[1] П. Г. Софинов. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1922 гг. М. 1960; Ю. П. Титов. ВЧК в первые годы Советской власти. «Вестник Московского университета», 1963, № 1, серия право; Н. Я. Мильштейн. Из истории Туркестанской ЧК. Ташкент. 1965; А. С. Велидов. На страже завоеваний Октября. «История СССР», 1970, № 1; Л. Н. Маймескулов, А. Н. Рогожин, В. В. Сташис. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918—1922 гг.). Харьков. 1971; Д. Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М. 1975.

[2] С. І. Азараў, Н. В. Каменская. На варце завасёў Кастрычніка. «Полымя», 1967, № 12; В. А. Круталевич. От войны к миру. «Неман», 1968, № 3, 4; А. Г. Хахлоў. З дзейнасці КПБ у барацьбе з контррэвалюцыяй у 1921 г. «Весці» Акадэміі навук Беларускай ССР, 1975, № 1; И. И. Майданов. Чрезвычайные комиссии Белоруссии в 1918 году. «Вопросы истории», 1976, № 12; С. В. Дзержинская, Л. Б. Ривин. Будни пограничной ЧК. «Пограничник», 1977, № 2.

[3] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 399.

люционного порядка пусть возьмут на себя остающиеся в тылу» [4].

13 июля 1920 г. ЦК Компартии (большевиков) Литвы и Белоруссии (КП (б) Л и Б), придавая огромное значение роли трудящихся масс в борьбе с контрреволюцией, подготовил и распространил воззвание по поводу участия рабочих и крестьян в охране социалистических завоеваний. В воззвании внимание трудящихся обращалось на то, что помещики и фабриканты, купцы и белогвардейские агенты стремятся помешать победоносному шествию пролетарской революции. С этой целью они при содействии международного империализма организуют в советском тылу мятежи и восстания, пытаются взрывать мосты, дезорганизовать работу советского государственного аппарата. «Ловите их,— обращался ЦК КП(б) Л и Б к трудящимся,— передавайте особым отделам и чрезвычайным комиссиям» [5].

Призывы Коммунистической партии и Советской власти играли огромную роль в повышении политической сознательности и революционной бдительности рабочих и крестьян, поднимали их на активную защиту Советской власти. Сознавая, что охрана революционных завоеваний является их кровным делом, тысячи трудящихся становились в ряды добровольных помощников чрезвычайных комиссий. Вместе с чекистами рабочие и крестьяне обезвреживали контрреволюционные заговоры, подавляли кулацко-белогвардейские мятежи, пресекали деятельность шпионов, диверсантов, террористов и других врагов диктатуры пролетариата. Трудящиеся сообщали чрезвычайным комиссиям о действиях буржуазии, направленных на создание антисоветских организаций для подготовки мятежей. В июле 1918 г. правые эсеры и меньшевики пытались создать в Витебске контрреволюционную организацию (так называемое «совещание уполномоченных фабрик и заводов»), основной целью которой являлось противодействие мероприятиям Советской власти. Узнав об этом, витебские рабочие обратились в Совет с требованием пресечь деятельность правых эсеров и меньшевиков. Витебский губисполком немедленно отреагировал на заявление трудящихся. Контрреволюционное «совещание», замыслы которого были «направлены против Советской власти» [6], было разогнано. В ответ на действия Витебского губисполкома правые эсеры и меньшевики, опираясь на зажиточных горожан, предприняли попытку поднять контрреволюционное восстание. Однако их авантюра была своевременно пресечена. Совместно с представителями рабочих коллективов губернская ЧК арестовала наиболее активных контрреволюционеров и после окончания предварительного следствия предала их суду революционного трибунала [7].

В июне 1918 г. при участии рабочих и крестьянской бедноты чрезвычайные комиссии Белоруссии разгромили крупную шпионско-заговорщическую организацию во главе с бывшим генералом царской армии М. Дорманом [8]. Участники подполья при содействии агентов белогвардейского генерала А. П. Родзянко, командующего так называемой Северо-западной армией, готовили мятеж с целью свержения Советской власти и восстановления господства капиталистов и помещиков. Однако благодаря бдительности рабочих и крестьянской бедноты замыслы заговорщиков были сорваны. Основываясь на полученных от трудящихся и из других источников сведениях, чекисты арестовали заговорщиков, изъяв у них оружие и литературу контрреволюционного содержания [9]. Отмечая роль трудящихся в разгроме подполья, газета «Звезда» писала 31 июля 1918 г., что рабочий класс и трудовое крестьянство оказали большую помощь чрезвычайной комиссии Западной области в защите социалистических завоеваний, что они всегда «идут навстречу мероприятиям комиссии».

Осенью 1918 г. в Самохваловской волости Бобруйского уезда крестьяне-бедняки раскрыли заговор деревенской буржуазии, подготавливавшей мятеж против Советской власти. Руководимые правыми эсерами кулаки собирали оружие, распространяли клеветнические измышления о большевиках, Советах, составляли списки советских активистов, подлежащих уничтожению. Возмущенная деятельностью кулачества, сельская

[4] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 94, д. 236, л. 417.

[5] «Борьба за Советскую власть в Белоруссии». Сборник документов и материалов. Т. 2. Минск. 1971, стр. 379—380. Особые отделы — подразделения ВЧК — были созданы в начале 1919 г. для охраны Красной Армии от проникновения в ее ряды контрреволюционеров и шпионов.

[6] «Правда», 20.VII.1918.

[7] Там же.

[8] Подробнее о ее разгроме см.: И. И. Майданов. Указ. соч., стр. 37—38.

[9] «Правда», 21.VI.1918; «Известия ВЦИК», 6 и 22.X.1918.

беднота во главе с местными большевиками задержала и обезоружила заговорщиков. К приезду работников ЧК, которым было сообщено о заговоре, все контрреволюционеры уже были схвачены. Орган Северо-Западного обкома РКП(б) писал, что с помощью бедняков, стоящих на страже революции, «вся банда черных арестована и препровождена в чрезвычайку» [10]. В декабре 1918 г. в Дисненском уезде Витебской губернии белогвардейские агенты пытались организовать из кулаков и офицеров контрреволюционное подполье для подготовки мятежа. Узнав об этом, крестьяне Провотворовской волости задержали белогвардейских агентов и под конвоем отправили в чрезвычайную комиссию [11].

Летом 1919 г. рабочие и крестьяне приняли непосредственное участие в ликвидации контрреволюционных организаций в Минской, Гомельской и других губерниях. В Бобруйске группа рабочих, направленных уездным исполкомом в ЧК, помогла сотрудникам комиссии задержать 27 заговорщиков, готовивших мятеж. Совместно с работниками ЧК представители трудящихся участвовали в обысках домов, в которых проживали контрреволюционеры. В результате совместных усилий чекистов и рабочих у заговорщиков было изъято 5 пулеметов, сотни винтовок, 30 пудов пироксилина, гранаты и револьверы. Все это предназначалось для использования в борьбе против Советской власти [12]. В июле 1919 г. с помощью трудящихся были раскрыты контрреволюционные организации в Гомеле и Мозыре. Информируя население об антисоветских подпольных организациях, Гомельская губчека отмечала, что в результате совместных действий ЧК и трудящихся «удалось раскрыть крупный белогвардейский заговор, захватить... штаб белогвардейцев и их тайные явочные квартиры, перехватить все их донесения, сводки, планы, адреса, списки личного состава организации, шифры, деньги, пароли и условные знаки» [13].

В сентябре 1919 г. благодаря бдительности крестьян прекратила существование кулацко-белогвардейская организация в пос. Новки Витебского уезда. Сельская беднота арестовала заговорщиков и доставила их в ЧК. В приговоре по делу участников вражеского подполья подчеркивалось, что крестьяне сорвали замысел буржуазии, которая «рассчитывала нанести удар Советской власти в критический для Западного края момент наступления белогвардейцев» [14].

Всего в течение 1919 г. с помощью рабочих и крестьян в Белоруссии было обезврежено 15 подпольных контрреволюционных организаций, члены которых готовили мятежи против диктатуры пролетариата [15].

Трудящиеся Белоруссии активно участвовали в подавлении кулацко-белогвардейских мятежей и восстаний, которые поднимали представители буржуазных политических партий, белогвардейские агенты и другие враги Советской власти. В марте 1918 г. правые эсеры и меньшевики организовали кулацкий мятеж в г. Горки Могилевской губернии. Мятежники разгромили исполком и военный комиссариат. По призыву Горецкого укома РКП(б) в борьбу с врагами вступили передовые рабочие и крестьяне. Их действиями совместно с отрядом чрезвычайной комиссии мятеж был подавлен [16]. Активное участие принимали трудящиеся в разгроме кулацко-белогвардейских мятежей, вспыхнувших в Городокском и Витебском уездах в конце 1918 года. Северо-Западный обком и Витебский губком РКП(б) разработали план борьбы с мятежниками. Главная роль в обезвреживании контрреволюционеров отводилась рабочим и беднейшим крестьянам [17]. Отряды трудящихся, сформированные Советами, в сжатые сроки вместе с чрезвычайными комиссиями и подразделениями Красной Армии нанесли мятежникам решительный удар. Уже к концу ноября 1918 г. антисоветская авантюра буржуазии была ликвидирована. Отмечая заслуги трудящихся в борьбе с контрреволюцией, газета «Звезда» писала 15 декабря 1918 г., что в своем абсолютном большинстве мятежники не только не нашли поддержки у крестьян, на которых рассчитывали, а, напротив, обнаружили решительное

[10] «Бедняк», 18.XII.1918.

[11] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 131, лл. 10—11.

[12] «Известия Витебского губернского Совета», 26.VIII.1919.

[13] «Путь Советов», 16.VII.1919.

[14] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 7, д. 237, лл. 19—20.

[15] Подсчитано по следующим источникам: ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 7, д. 237, л. 19; д. 572, лл. 19, 20; «Бедняк», 6.V.1919; «Путь Советов», 16 и 22.VII.1919; «Известия Витебского губернского Совета», 29.VII и 26.VIII.1919.

[16] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 7, д. 340, лл. 6, 7.

[17] «Бедняк», 19.XI.1918.

осуждение ими «своих темных дел и даже вооруженное сопротивление» [18].

В марте 1919 г. трудящиеся наголову разбили вооруженное контрреволюционное выступление в Мстиславском уезде. 60 его участников было арестовано и предано суду революционного трибунала. В боях с мятежниками смертью героев погибли многие крестьяне Сенненской и Пирянской волостей, в том числе активисты Советской власти С. И. Ковалев, Т. П. Борода, И. Р. Шундик [19]. В августе 1919 г. белогвардейские агенты подняли мятеж в Дриссенском уезде. Контрреволюционеры разгромили ряд волостных исполкомов, зверски избили их руководителей. По призыву органов Советской власти на борьбу с мятежниками поднялась крестьянская беднота, которая вместе с прибывшим отрядом Витебской губчека подавила мятеж. Крестьяне задержали и передали в руки правосудия 19 наиболее опасных контрреволюционеров.

После окончания гражданской войны зарубежные контрреволюционные центры («Народный союз защиты родины и свободы», «Зеленый дуб», «Белорусский политический комитет» и др.) при поддержке буржуазно-помещичьей Польши и Франции пытались помешать социалистическому строительству в Белоруссии. С этой целью из интернированных в Польше белогвардейских формирований они сколачивали вооруженные банды и забрасывали их на территорию республики для проведения бандитской, террористической и иной враждебной деятельности. 25 мая 1921 г. к белорусскому народу обратился ЦИК БССР. Подчеркнув, что буржуазия и ее агенты, «изуверившись в возможности победить Советскую власть в открытом бою,.. замышляют новые козни против рабочих и крестьян», он призвал население республики теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии и Советов, оказать всемерную помощь чрезвычайным комиссиям и Красной Армии в борьбе с контрреволюцией [20].

В 1921 г. по всей республике проводились митинги, на которых трудящиеся выражали свою готовность защитить социалистические завоевания. 15 апреля на митинге в дер. Большое Стахово Борисовского уезда выступили представители Компартии Белоруссии, ЧК и военного командования. Они призвали крестьян встать на защиту завоеваний Октября, активно включиться в разгром политического бандитизма. Почти одновременно были проведены митинги трудящихся в деревнях Быча, Семебровичи и других населенных пунктах Минского уезда. Более 320 крестьян — участников митингов выразили свою готовность активно включиться в борьбу с внутренней контрреволюцией и ее иноземными пособниками [21].

Сельская беднота в целях оказания помощи чрезвычайным комиссиям в ликвидации контрреволюционных подпольных организаций и групп создавала красные партизанские отряды, а также отряды самообороны. Бойцы этих отрядов получали оружие от Красной Армии и ЧК. Такие партизанские отряды действовали в Речицком уезде (деревни Борщовка, Надвынь и др.). Они уничтожили несколько бандитских шаек, оперировавших в Ручаевской и Холмечской волостях Речицкого уезда. Наибольшую активность проявлял отряд красных партизан под командованием крестьянина-бедняка У. С. Филончика. Благодаря совместным действиям отрядов чрезвычайных комиссий и красных партизан Гомельской губернии было уничтожено около 300 бандитов [22].

Существенную помощь органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией оказали отряды крестьянской самообороны деревень Боровуха и Захарово Полоцкого уезда. Они не только информировали чекистов о бандах, но и вели против контрреволюционеров боевые действия, результатом которых явился крах ряда банд в Ошмянской волости [23]. Геройски вели себя бойцы дружины, организованной из крестьян дер. Старые Дороги Бобруйского уезда в количестве 167 человек под командованием крестьянина-бедняка М. С. Барона. Летом 1921 г. совместно с чекистами и бойцами Красной Армии дружинники ликвидировали несколько бандитских шаек в Бобруйском уезде, в том числе особо опасные банды Короткевича, Жука и Чуринца [24].

Активное участие рабочих и крестьян в борьбе с контрреволюцией было залогом успешного решения органами Советской власти задач обеспечения безопасности революционных завоеваний.

И. И. Майданов

[18] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 94, д. 64, л. 249 об.
[19] Там же, ф. 1005, оп. 7, д. 381, л. 1.
[20] ЦГАОР БССР, ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 32.
[21] ЦГАСА, ф. 1016, оп. 1, д. 114, л. 50.
[22] ЦГАОР СССР, ф. 6990, оп. 1, д. 7, лл. 1—3.
[23] ЦГАСА, ф. 104, оп. 3, д. 197, л. 84.
[24] Там же, ф. 1196, оп. 2, д. 255, л. 166.

ОДИН ИЗ ПЕРВЕНЦЕВ РУССКОЙ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ

На окраине Ессентуков, на р. Подкумок, работает гидроэлектростанция под названием «Белый уголь» — одна из старейших на территории нашей страны.

Одна из первых электростанций, предназначенных для освещения и снабжения электроэнергией города, была построена в Нью-Йорке, на Пёрл-стрит, в 1882 году. Она обслуживала район площадью 2,5 км и имела шесть динамомашин постоянного тока, приводившихся в движение паровыми двигателями. В 1883 г. фирма «Русские заводы Сименс и Гальске» построила в Петербурге для освещения Невского проспекта две электростанции с динамомашинами постоянного тока: одну на деревянной барже, другую на Казанской площади. В последующие годы появились электростанции в Москве и других российских городах. Они были небольшими и предназначались для освещения одной-двух центральных городских улиц или же отдельных небольших объектов: предприятий, мастерских, цехов. Такие электростанции работали на угле, керосине, нефти, мазуте, потребляли много горючего, и их эксплуатация обходилась довольно дорого. Ввиду того, что электроэнергию, вырабатываемую этими станциями, в то время не умели передавать на относительно большие расстояния, количество электростанций росло из года в год. В 90-е годы XIX в. в Петербурге насчитывалось 130 изолированных электростанций, а к 1900 г. их стало более 200.

Однако человеческая мысль продолжала работать над проблемой поиска более дешевых источников энергии, над усовершенствованием передачи электроэнергии на дальние расстояния. Огромные возможности сулило использование энергии рек. Применить водно-механическую энергию для получения электрической стало возможным лишь после изобретения генератора переменного тока, трансформатора и системы высоковольтных линий электропередач. В свою очередь, строительство более крупных электростанций около источников энергии и передача от них электричества к отдаленным потребителям стали возможными после изобретения выдающимся русским электротехником М. О. Доливо-Добровольским системы передачи трехфазного тока на большие расстояния. В 1891 г. им была спроектирована и под его руководством построена одна из первых в мире гидроэлектростанций на р. Неккар, в Германии, в местечке Лауфен. Электрический ток ее турбин поступал по медным проводам во Франкфурт-на-Майне на расстояние 170 километров. В сооружении станции активное участие принимал русский инженер Р. Э. Классон. Эта система передачи электроэнергии на далекие расстояния была продемонстрирована Доливо-Добровольским на Всемирной электротехнической выставке во Франкфурте-на-Майне в 1891 году. Вскоре трехфазный ток получил широкое применение, началась электрификация различных производств во многих государствах. Затем стали строиться ГЭС трехфазного тока в ряде стран Европы, а также в США.

В России открытия энергетиков внедрялись в жизнь крайне медленно. Инженеры Ф. А. Пироцкий, Н. П. Бернардос, В. Ф. Добротворский, Г. О. Графтио предложили проекты сооружения ГЭС на реках Нарве, Волхове, Днепре и др. Но их замыслы не были осуществлены. К концу XIX в. в России имелось значительное количество детально разработанных проектов ГЭС, однако сооружено было лишь несколько. Тем не менее наша страна стала одной из первых в мире, где получил применение трехфазный ток. В 1893 г. вступила в строй первая отечественная тепловая электростанция трехфазного тока в Новороссийске. В 1896 г. по проекту инженера В. Н. Чиколева в Петербурге, на р. Охте, стала действовать первая в России промышленная ГЭС местного значения, основанная на технике трехфазного тока. Электроэнергия от ее турбин поступала на пороховой завод. Просуществовала станция недолго. В начале XX в. в различных городах России насчитывалось

несколько ГЭС малой мощности. Например, Псырцхинская, сооруженная в 1902 г. в Новом Афоне для освещения монастыря.

В 1903 г. на р. Подкумок была сооружена крупная для того времени ГЭС трехфазного тока мощностью 700 киловатт. Она была не только самой крупной станцией подобного типа в России, но и первой районной электростанцией, имевшей промышленное значение. Ей дали название «Белый уголь». Станция строилась акционерным обществом «Сименс и Гальске» и предназначалась для снабжения электричеством городов-курортов Кавказских Минеральных Вод: Пятигорска, Кисловодска, Железноводска и Ессентуков, где было установлено 400 дуговых фонарей и свыше 300 ламп накаливания. От «Белого угля» к курортам прокладывались высоковольтные линии электропередач напряжением 8 квт и длиной около 50 км (в то время самые протяженные в России).

Строительство первой в России районной ГЭС широко освещалось в прессе. Журнал «Электрический вестник» (Петербург) 10 марта 1903 г. писал: «Недавно акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске» в С.-Петербурге получило заказ, который по своим размерам и техническим особенностям заслуживает всеобщего внимания. Дело касается устройства гидроэлектрической станции на реке Подкумок для снабжения всех групп Кавказских Минеральных Вод электрической энергией... По завершении работ, которые предполагается окончить в начале предстоящего лета, нами дано будет на страницах нашего журнала более подробное описание этого в высшей степени интересного сооружения. В заключение имеем возможность сообщить, что в целях ознакомления будущих инженеров-электриков с этого рода новым еще у нас сооружением фирмою приняты в качестве практикантов три студента старшего курса института императора Александра III». Стоимость строительства ГЭС определялась по смете в 0,5 млн. рублей.

«Белый уголь» был заложен в мае 1903 г., а в июле уже начал действовать. «Сила падения воды, низвергающейся с высоты 15 метров, рассчитана на развитие необходимой электрической энергии для следующих целей: для приведения в действие двух электрических трамваев — в Пятигорске и Кисловодске, для освещения всех групп Минеральных Вод и для приведения в действие электрической энергией всех существующих на группах машин. Напряжение рассчитано на 8000 вольт. Расстояние, на которое передается энергия, превышает 18 верст (имелись в виду 18 верст в одном направлении от ГЭС.— Авторы). Это один из первых опытов передачи энергии с электрической станции на такое большое расстояние... Самый способ использования водяной силы является новостью не только на Кавказе, но и во всей России» [1].

В сооружении «Белого угля» приняли участие видные энергетики М. А. Шателен и Г. О. Графтио, в годы Советской власти ставшие членами Комиссии ГОЭЛРО. Шателен считал, что эта ГЭС должна стать образцом строительства электростанций подобного типа. Предлагая провести работы по ее модернизации, он писал в 1905 г.: «Выполнение их крайне желательно, дабы наконец приведена была в исправное состояние первая в России крупная гидроэлектрическая установка для передачи энергии, которая должна послужить образцом для многих» [2]. В 1913 г. Шателен к одной из высоковольтных линий электропередач, сооруженных на «Белом угле», подключил тепловую электростанцию Пятигорска, которая находилась от ГЭС на расстоянии 20 верст. Таким образом были соединены между собой линией электропередач напряжением 8 квт две электростанции для параллельной работы. Эта техническая новинка впервые была применена в России. В отчете директору Горного департамента в 1913 г. Шателен писал: «Уже теперь, при предварительной пробе, когда машины еще не отрегулированы, испытания показали возможность параллельной работы дизельной и гидравлической станций, что представляет большой технический и экономический интерес» [3]. А Графтио производил на «Белом угле» расчет механической прочности проводов линий электропередач.

Закладывая здание ГЭС, строители замуровали в стену мемориальную доску. В январе 1943 г. фашистские оккупанты взорвали ГЭС. В одной из уцелевших бетонных глыб реставраторы обнаружили бронзовую пластинку с выгравированной надписью: «По проекту инженера-технолога С. М. Фридмана заложена гидроэлектростанция акционерным обществом русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске»

---

[1] «Кавказские Минеральные Воды». СПБ. 1904, стр. 293.

[2] Фонд М. А. Шателена в Ленинграде. Фотокопии документов хранятся на ГЭС «Белый уголь».

[3] Там же.

мая 11 дня тысяча девятьсот третьего года». Ныне доска экспонируется в городском музее Пятигорска. ГЭС вскоре после изгнания фашистских оккупантов была частично реконструирована и в 1944 г. дала ток от временной установки. «Конечно, энергия, вырабатываемая станцией, была весьма мала,— вспоминает об этом времени А. В. Ширяев, проработавший на станции около 40 лет.— Но как дорога была электроэнергия, пусть незначительная, в ту тяжелую годину войны. Она снабжала хлебозавод, госпитали, в которых лечили тяжелораненых бойцов Советской Армии, и другие важные объекты города»[4]. В сентябре 1947 г. гидроэлектростанцию полностью восстановили. Вновь поднялись стены машинного зала, ГЭС приняла прежний облик, воды Подкумка вращали гидротурбины, изготовленные на Урале, и генераторы в 350 киловатт. От старой станции сохранились часть кран-балки, деривационный канал и два напорных трубопровода для подачи воды в турбины. В июле 1952 г. «Белый уголь» стал работать в параллельном режиме с БаксанГЭС, а через 10 лет с помощью специальной подстанции ее генераторы подключены были к энергосистеме «Ставропольэнерго».

По сравнению с современными крупнейшими в мире ГЭС, построенными на Днепре, Волге и сибирских реках, мощность «Белого угля» мала. Но значение этой станции не в количестве киловатт-часов, которые выработали ее турбины за 75 лет существования. Для нас ГЭС «Белый уголь» — это начало отечественной районной гидроэнергетики.

А. С. Аванесов, Ю. М. Доронин

[4] Из архива музея ГЭС «Белый уголь».

К ИСТОРИИ КОНСТАНТИНОВСКОГО РУБЛЯ

История так называемого константиновского рубля более 100 лет занимает воображение историков и нумизматов многих стран. Ее драматизм определяется в значительной степени наличием в ней очевидного криминального зерна, из которого произросло несколько вполне детективных сюжетов, благодаря чему исследование этого, по существу, нумизматического курьеза давно превратилось в волнующее следствие. Но результатом такого следствия является стремление к аргументированному выводу об обстоятельствах чеканки и числе изготовленных в декабре 1825 г. монет, их нынешнем местонахождении и правильном направлении дальнейших поисков еще не обнаруженных экземпляров.

В последние годы интерес к истории константиновского рубля особенно возрос после появления книги И. Г. Спасского, в которой впервые критически рассмотрен весь относящийся к делу материал[1], и статьи В. В. Бартошевича, обнаружившего неизвестные прежде историкам важные документы[2]. Своеобразным отражением этой новой волны интереса к раритетной монете является беспрецедентный скачок коммерческой цены константиновского рубля на антикварном рынке Запада. Если одна из этих монет на люцернском аукционе 16 октября 1964 г. была продана за 11 650 долл., то после опубликования книги И. Г. Спасского та же монета на нью-йоркском аукционе 20 ноября 1965 г. принесла ее кратковременному владельцу 41 тыс. долларов[3]. Исследования И. Г. Спасского и В. В. Бартошевича прояснили многие загадки константиновского рубля, но не исчерпали всех недоумений, войдя в противоречие друг с другом по некоторым принципиальным вопросам. Отсылая читателя за деталями к указанным работам, приведем вкратце основные факты, связанные с чеканкой и дальнейшей судьбой монет «императора Константина I».

Сразу же после 27 ноября 1825 г., когда в Петербурге было получено известие о кончине Александра I и началась присяга Константину Павловичу, министр финансов Е. Ф. Канкрин, проявив угодливую инициативу, распорядился в спешном порядке, к 10 декабря, изготовить образцовые серебряные рубли с изображением, именем и титу-

[1] И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты. Л.-М. 1964.

[2] В. В. Бартошевич. Константиновский рубль. «Вопросы истории», 1976, № 7.

[3] «World Coins» (Sidney, Ohio), January 1966, vol. 3, № 25, p. 68.

лом императора Константина. Рисунок с проектом рубля был выполнен медальером Я. Я. Рейхелем, и 6 декабря на Монетном дворе началось изготовление трех пар штемпелей по этому рисунку. Работа была роздана «в разные руки для большего соревнования с тем, чтобы занимались день и ночь». Тем не менее указанный министром срок не был выдержан, и только в субботу 12 декабря удалось отчеканить шесть монет, две из которых в тот же день были отосланы Канкрину начальником Монетного двора Е. И. Еллерсом через управляющего Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнеева (непосредственного начальника Еллерса). Между тем в ночь на 14 декабря в заседании Государственного совета Николай провозгласил себя императором, и Канкрину пришлось срочно остановить работы и принять меры к их полному сокрытию.

14 декабря Еллерс отправил Карнееву еще четыре отчеканенные в субботу монеты, отметив при этом, что «прочие кружки, коими первоначальные штемпели пробованы, забиты так, что изображений на них не видно», а также два закаленных и четыре незакаленных штемпеля (то есть все три пары) и оловянные слепки — односторонние пробы на олове в процессе гравирования штемпелей, необходимые мастерам для корректировки работы на разных ее этапах. То обстоятельство, что эти оттиски не были сплавлены, а затребованы вместе с монетами и штемпелями, лучше всего демонстрирует нервную заинтересованность министра в сокрытии компрометировавшей его в новых обстоятельствах работы и его желание удостовериться в полной ликвидации малейших следов ставшего теперь опасным эксперимента.

Хранение отобранных на Монетном дворе материалов в сейфе Карнеева показалось Канкрину недостаточно надежным, и 20 декабря все материалы были препровождены в министерство финансов при сопроводительных записках Еллерса и Карнеева. В записке Еллерса сообщалось: «При сем же представляется в ящике шесть известных штемпелей с 19 оловянными слепками за казенной печатью Монетного двора. Вардейн Еллерс. 19 декабря 1825». Записка Карнеева более эмоциональна и отражает беспокойство министра: «Здесь равномерно представляю все штемпели и прочие приготовления, сделанные на счет известного нового рубля, закупоренные в ящике. На Монетном дворе ничего не осталось. Самый даже рисунок у сего прилагаю. Е. Карнеев. 20 декабря 1825». В министерстве финансов до конца 1870-х годов хранился запечатанный ящик со штемпелями и оловянными оттисками, пакет под печатью с рейхелевским рисунком рубля и приведенными выше записками, а также особый сверток с монетами.

В 1879 г. после того, как печати были сняты, монеты затребовал к себе Александр II, но их оказалось не шесть, а лишь пять[4], на что не было обращено внимания, поскольку в документах при хранящихся в министерстве материалах количество рублей не было обозначено. Ящик со штемпелями и оттисками, а также пакет с документами оставались в министерстве финансов до Октябрьской революции, затем были переданы в Эрмитаж. Но слепков в ящике оказалось не 19, а 17. Однако еще в 1874 г., то есть до рассекречивания дела, два оловянных слепка находились в распоряжении акад. А. Ф. Бычкова, который тогда предоставил их для издания Ю. Б. Иверсену[5]. Вместе с эрмитажными они составляют полный комплект, указанный Еллерсом.

Между тем еще в 1857 г. в зарубежных неподцензурных изданиях каталога нумизматической коллекции крупнейшего русского собирателя Ф. Ф. Шуберта была опубликована находившаяся у него константиновская монета со следующим пояснением: «Пробный рубль, отправленный в Варшаву с депутацией Сената для представления на утверждение Константину Павловичу; штемпели были разбиты непосредственно после этого»[6]. Это пояснение всегда было достаточно подозрительным, но после опубликования Бартошевичем донесений Еллерса Карнееву ложность его стала очевидной. В 1866 г., через год после смерти Шуберта, Б. В. Кёне изложил историю «приобретения» шубертовского рубля с «живыми подробностями». Оказывается, «более 20 лет тому назад» некий русский генерал, знаток

[4] Эти монеты были распределены так: одна оставлена в личном кабинете императора, одна передана в Эрмитаж, по одной подарено великим князьям Сергею Александровичу и Георгию Михайловичу, одна послана в Дармштадт принцу Александру Гессенскому.

[5] Ю. Б. Иверсен. Неизданные и редкие русские медали. СПБ. 1874, стр. 14, № 83, табл. 1, № 4.

[6] T. F. de Schubert. Catalogue du cabinet de monnaies et de médailles russes. Pt. I. Carlsruhe. 1857, № 3805.

нумизматики, находясь в игорном доме Хомбурга (именно там развивается действие «Игрока» Ф. М. Достоевского), обнаружил у одного из игроков эту монету и выменял ее на обычный рубль. В Хомбург же константиновский рубль попал из Варшавы, где он был в 1830 г. похищен повстанцами из резиденции Константина Павловича — Бельведера [7].

Отвергая «польскую» версию как, очевидно, вымышленную, можно было бы предположить, что к Шуберту какими-то затейливыми путями попал из министерского свертка недостающий шестой рубль, если бы не два обстоятельства. Монета Шуберта отчеканена теми же штемпелями, что и пять известных с 1879 г., но в отличие от них не на паровой машине с гуртильными кольцами, а на ручной машине без гурчения: гуртовая надпись на ней отсутствует. Следовательно, это не законченная монета из числа «министерских», а то, что Еллерс называл «кружками, на коих первоначальные штемпели пробованы». Во-вторых, уже в советское время в поле зрения нумизматов оказался двойник (или двойники) шубертовского рубля, не имеющий гурчения, иными словами, восьмой экземпляр константиновской монеты. Один такой рубль находился в петроградской коллекции Л. Х. Иозефа (умер в 1919 г.), другой (а может быть, тот же) из коллекции ленинградца Ф. Ф. Рихтера (умер в 1938 г.) был в 1962 г. на экспертизе в Эрмитаже. Из этого следует, что, кроме шести «министерских» монет, существует какое-то количество «кружков-проб», которые, вопреки уверению Еллерса, не все были забиты, а оказались вынесенными тайно с Монетного двора. К их числу относится и шубертовский рубль.

Тем временем еще в 1868 г. А. В. Трубецкой (известный пушкинистам как близкий друг Дантеса), бывший тогда русским консулом в Марселе, сообщил о поступившем к нему предложении купить пять константиновских рублей у вдовы некоего поляка, якобы собственноручно вынесшего их из варшавского Бельведера в 1830 году. Трубецкой предложил Эрмитажу (через Кёне), С. Г. Строганову и принцу Александру Гессенскому вступить с ним в компанию для приобретения этих монет. Предложение не нашло сочувствия у адресатов, заподозривших фальсификацию. В оправдание Трубецкой в 1873 г. выпустил брошюру, призванную подкрепить аутентичность предложенных им монет ссылками на покойного к тому времени обер-гофмейстера А. И. Сабурова, который в 1825 г., будучи ротмистром лейб-гвардии гусарского полка, якобы лично отвозил эти рубли Константину в Варшаву. Подделка Трубецкого была окончательно разоблачена И. Г. Спасским, доказавшим, что монеты Трубецкого изготовлены во Франции набором пунсонов, никогда не бывавших в употреблении на петербургском Монетном дворе. Основой подделки послужили издание шубертовского рубля или же бытовавшие к тому времени на антикварном рынке гальванокопии с него.

Итак, остаются нерешенными два вопроса: куда и при каких обстоятельствах исчез шестой «министерский» рубль? Сколько рублей без гурчения было вынесено с Монетного двора? Оба этих вопроса объединяются одним: сколько же в действительности существовало рублей Константина? Спасский полагал, что шубертовский рубль ранее принадлежал Рейхелю, нелегально вынесшему его с Монетного двора. Что касается экземпляра «Иозефа — Рихтера», то названный исследователь, не зная документов, позднее открытых Бартошевичем, не отвергал возможности, что в министерстве финансов было больше пяти рублей и, следовательно, этот экземпляр мог выйти из стен министерства: «Нельзя отклонить полностью предположение, что из свертка, обнаруженного, вероятно, одновременно с ящиком в конце 1860-х гг., что-то могло уйти — как ушли оттиски» [8]. Бартошевич склоняется к тому, что все рубли без гурчения были нелегально вынесены с Монетного двора в 1825 г., а причастным к пропаже шестого «министерского» рубля подозревает Д. Ф. Кобеко, бывшего начальником канцелярии министерства финансов в 1865—1879 годах. При нем и при его активном участии произошло рассекречивание заповедных материалов.

Имея в виду эти расхождения, рассмотрим вопрос еще раз, сосредоточившись на психологической природе существовавших первоначально объяснений судьбы константиновских рублей, которыми вуалировалось истинное их местонахождение в секретном сейфе министерства финансов. Эти объяснения всякий раз связаны с мнимой посылкой монет в Варшаву. Существуют две исходные версии о посылке рублей Константину

[7] B. Köhne. Der Konstantin-Rubel. «Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde». Bd. 3. B. 1866, S. 208—213.

[8] И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 82.

Павловичу. Первая восходит к Канкрину, что зафиксировано письмом Строганова к Трубецкому от 30 ноября (11 декабря) 1868 г.: «Я знаю от графа Канкрина, что после посылки 5 пробных рублей, отправленных в Варшаву, и после принятия короны Николаем штемпели были сломаны в его присутствии»[9]. Ложность этой версии очевидна: Канкрин прекрасно знал, что рубли в Варшаву не отсылались, а штемпели сохраняются в министерском сейфе. Очевидна и причина этой лжи, о которой догадался Спасский: отрицая наличие самих монет, министр гасил вожделения высокопоставленных нумизматов, а говоря об уничтожении штемпелей, избегал просьб об их использовании для изготовления новоделов. Однако главная ложь Канкрина не в этом. Он говорит о пяти пробных рублях, а не о шести, которые в действительности были отосланы ему 12 и 14 декабря 1825 года. Заметим это обстоятельство, чтобы вернуться к нему ниже.

Вторая версия идет от Рейхеля, хотя и опирается отчасти на канкринскую ложь. Эта версия фиксируется письмом Александра Гессенского к Трубецкому от 18(30) декабря 1868 года. Принц обратил внимание на то, что рассказ таинственного поляка, будто бы владевшего пятью подлинными рублями, «находится в противоречии с версией, которую мне доверил покойный Рейхель. Он утверждал, что существовало только 5 экземпляров, из которых 2 были сохранены, а 3 отправлены Канкриным великому князю Константину и украдены с его стола в Бельведере во время мятежа; Рейхель был вынужден сам разрушить штемпели в присутствии Канкрина и расплавил 2 рубля, сохранявшиеся для него»[10]. Еще в 1866 г. эта версия была опубликована Кёне, и рассказ Александра Гессенского может восходить к указанной публикации, однако в приведенной цитате важна ссылка принца на его разговор с Рейхелем. От Канкрина в этом рассказе идет неверное число пробных монет — пять. Рейхель, великолепно знавший, что в действительности рублей было шесть, добавляет новую ложную деталь: из пяти монет две уничтожены, а в Варшаву отправлены три.

Попытаемся понять причины, руководившие Канкриным в его заведомом обмане. Возможно только одно удовлетворительное объяснение. Канкрин знал, что из шести полученных им в 1825 г. монет на месте находятся только пять. Но если так, то к исчезновению шестой мог быть причастен только он сам. В сопроводительных документах число пробных рублей не указано, поскольку записки Еллерса о посылке этих монет адресовались Карнееву и не были приложены к делу. Мы не допускаем мысли, что до момента рассекречивания материалы оставались опечатанными печатью Монетного двора. Получив их 20 декабря, Канкрин должен был удостовериться в наличии всех посланных ему «приготовлений», то есть снять печати, чтобы затем опечатать ящик и свертки снова, но уже собственной печатью. Только наличие печати Канкрина было гарантией неприкосновенности «известного ящика», а ее отсутствие или же наличие любой другой, более поздней, было бы непременным поводом для составления особого акта при рассекречивании всего дела. Однако такого акта нет, как нет и соответствующих оговорок в первой публикации материалов, предпринятой последним ответственным за их хранение — Д. Ф. Кобеко.

Если бы Канкрин получил возможность рассекретить фонд при своей жизни, он всегда мог бы объяснить, что пять монет, посланных в Варшаву, затем были возвращены в министерство финансов. В более трудном положении он оказался бы, если после такого прижизненного рассекречивания изъятая шестая монета вдруг всплыла бы на нумизматическом горизонте. Объяснить ее существование при наличии пяти монет в министерстве невозможно, если только не обвинить в нечестности или халатности руководителей департамента и Монетного двора, что было скандальным и для министра. Поэтому единственно вероятным оказывается предположение о том, что шестую монету Канкрин взял себе, о чем знал и Рейхель (или по крайней мере догадывался), поскольку он поддержал ложную версию министра о пяти монетах. Заметим особо, что превращение шести монет в пять не может объясняться забывчивостью Канкрина. Было время, когда он сам говорил о шести экземплярах, о чем сообщил в 1886 г. вел. кн. Георгий Михайлович, написав о «засвидетельствованном несколькими лицами утверждении графа Канкрина, что чеканено было всего шесть экземпляров»[11].

[9] Prince A. Troubetzkoy. Rouble de Constantin Césarewitch, grand duc de Russie. Marseille. 1873, p. 63.

[10] Ibid., p. 71.

[11] Вел. кн. Георгий Михайлович. Описание и изображение некоторых редких

На предположение о хищении Канкриным «у самого себя» уместно следующее возражение. Спасский заметил: «Канкрин, не будучи собирателем, сочувственно смотрел на нумизматические увлечения своего приятеля (Рейхеля.— В. Я.)»[12]. Если Канкрин не был коллекционером, спрашивается, зачем же ему было утаивать для себя нумизматический раритет? Ответим на этот вопрос контрвопросом, почему-то никогда не ставившимся в литературе. А зачем, собственно, Канкрину было тайно хранить все эти материалы? По отношению к ним он был абсолютно неподконтролен. Сокрытие «приготовлений» 1825 г. было по существу сокрытием только от одного человека — Николая I. И если бы Канкрин не ценил изъятого с Монетного двора фонда, не видел бы в нем значения важного исторического свидетельства, не понимал бы материальной ценности раритетов, имевшей тенденцию к увеличению с течением времени, то имел безусловную возможность ликвидировать вообще все следы. Однако он не сделал этого даже тогда, когда какие-то слухи о чеканке монет Константина просочились наружу, а, оставив все как есть, стал сочинять легенду об отсылке монет в Варшаву и об уничтожении штемпелей. Чтобы присвоить один из таких раритетов, совсем не обязательно быть коллекционером.

В причастности Канкрина к исчезновению шестого рубля убеждает и судьба двух пропавших из запечатанного ящика оловянных оттисков. Как уже отмечено, Бартошевич предположил, что «виновником исчезновения шестого экземпляра был Д. Ф. Кобеко»[13]. Эта догадка не находит подтверждения именно в связи с оловянными оттисками. Кобеко стал начальником канцелярии министерства финансов в 1865 г., спустя 20 лет после смерти Канкрина. Уйдя из министерства в 1879 г., он в 1880 г. опубликовал сведения об «известном ящике» и сопроводительные к нему документы, что стало возможным после рассекречивания фонда этих материалов. Спасский полагает, что это рассекречивание относится к 1879 году. В действительности оно произошло годом раньше.

В нашем распоряжении имеется экземпляр брошюры Трубецкого 1873 г. о константиновском рубле. Как известно, эта брошюра отпечатана тиражом в 40 нумерованных экземпляров. Строгановский помечен номером 1 и содержит на полях многочисленные, порой пространные пометки владельца на французском языке, имеющие в наиболее важных случаях календарные даты. В интересующей нас связи наибольший интерес вызывает запись на 101-й (последней) странице брошюры: «Г-н Иверсонн (так транскрибирует Строганов фамилию Иверсена.— В. Я.) мне говорил, что он видел у г-на Кобеко, начальника канцелярии Министерства финансов, 5 рублей Константина, изготовленных в 1825 г., и 19 оттисков в олове. Из этого следует, что все, что рассказывается относительно посылки этих монет в Варшаву,— ложь. Он думает, однако, что рубль коллекции Шуберта (ныне — графа Толстого) — подлинный, ведущий его к предположению, что Рейхель его сохранил после 14 декабря 1825 г.; что он был тайно передан Шуберту, а этот последний изобрел сказку о генерале Третнере, чтобы защититься от ответственности. Г-н Иверсонн уверяет меня, что он видел у г-на Бычкова из имп. Библиотеки оттиск в олове, подлинный, этого рубля. Таким образом, рассеивается басня кн. Трубецкого и его таинственного поляка. 24 декабря 1878». Дополняет эту запись заметка на полях стр. 64: «Г-н Иверсонн утверждает, что он видел два штемпеля и нашел их чистыми».

Странным образом Строганову осталась неизвестной публикация тем же Иверсеном в 1874 г. двух находившихся у Бычкова односторонних оловянных оттисков константиновского рубля. Иначе он не ошибся бы, говоря об одном (!) таком оттиске. Дело в том, что бычковские экземпляры вместе составляют одну монету, поскольку один выполнен штемпелем лицевой стороны, а другой — оборотной. Как бы там ни было, очевидно, что именно Строганов был информатором Кёне, который отдельные оттиски своей статьи из бельгийского журнала 1879 г.[14] снабдил вклеенной страницей с сообщением: «Вследствие поисков, произведенных в Министерстве финансов, найдены три штемпеля рубля с именем императора Константина. Там имеется стальная матрица, один штемпель законченный и полированный и один недоделанный, затем пять экземпляров рубля и девятнадцать оттисков в свинце. Г-н статский советник

монет моего собрания. СПБ. 1886, стр. 22—25.

[12] И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 20.

[13] В. В. Бартошевич. Указ соч., стр. 212.

[14] B. de Köhne. Le rouble de l'impereur Constantin de Russie. «Revue Belge de numismatique». T. XXXVII. 1879.

А. Бычков является владельцем двадцатого оттиска».

Мы видим, что вскрытие секретных документов было произведено в 1878 г., но к этому времени двух оловянных оттисков на месте уже не имелось, коль скоро еще в 1874 г. они находились у Бычкова. Открывший в 1878 г. «известный ящик» Кобеко, как видно, не пересчитывал оттиски, вполне доверившись сопроводительной записке и оставаясь в уверенности, что все они налицо. В частности, о 19 (а не о 17) оттисках он писал в своей статье 1880 года [15]. Если бы изъятие двух оттисков было произведено некогда им, он никак не смог бы уклониться от разъяснения указанного несоответствия. Все же допустим на минуту, что Кобеко негласно открывал ящик до 1874 года. Мог ли он даже ради существенной материальной выгоды рисковать не только карьерой, но и репутацией, отдав часть содержимого этого ящика Бычкову? Предположим, что рискнул. Тогда возникает другой вопрос. Мог ли Бычков, зная о происхождении оловянных слепков своей коллекции, рисковать своей собственной репутацией и репутацией Кобеко, предоставляя эти предметы для издания Иверсену? Ответ на этот вопрос однозначен. Бычков не имел ни малейшего понятия о том, что существует комплект таких оттисков, что они конфискованы у Монетного двора и хранятся в министерстве финансов, и добросовестно заблуждался, полагая, что принадлежащие ему предметы имеют вполне тривиальное происхождение из «утиля» Монетного двора.

Какое же отношение вопрос о пропаже оттисков из «закупоренного ящика» имеет к пропаже шестого рубля? Достаточно очевидное. Оттиски исчезли из ящика до прихода в министерство Кобеко. И, заподозрив Канкрина в присвоении шестого рубля, мы вряд ли ошибемся, предположив, что и изъятие оттисков было сделано той же рукой. Отрицая причастность Кобеко к исчезновению шестого «министерского» рубля, мы в то же время должны согласиться с Бартошевичем, предположившим, что именно этот рубль идентифицируется с монетой, промелькнувшей в 1898 г. на аукционе фирмы Гамбургера во Франкфурте-на-Майне. Указанный экземпляр, имевший гуртовую надпись (то есть, очевидно, «министерский»), Спасский предположительно определил как принадлежавший ранее вел. кн. Сергею Александровичу. Не понятны в этом случае мотивы, побудившие столь видного представителя императорской семьи расстаться с фамильной реликвией. Между тем, допуская, что Бычков получил оловянные слепки от наследников Канкрина, мы может предположить, что он и был тайным владельцем шестого рубля. Бычков умер в 1899 г., и реализация им незадолго до смерти засекреченного в силу обстоятельств сокровища представляется вполне логичной.

В пользу этого предположения говорит еще одно обстоятельство. Бычков принадлежал к числу наиболее видных русских нумизматов XIX века. Еще в 40-х годах он был избран в действительные члены Археологическо-нумизматического общества, а в 1851 г. стал и его сотрудником, сменив Кёне на посту секретаря по иностранной переписке. Его гравированный портрет имеется среди таких же портретов выдающихся нумизматов в известном «портретном» комплекте свода медалей Иверсена. Однако ничего не известно о судьбе его собрания. Поскольку оно в России не продавалось, остается допустить его реализацию за рубежом.

Если изложенные соображения справедливы, то все же не вызывает сомнений личная честность Бычкова, несмотря на конспирацию им канкринского рубля. До смерти Николая I он должен был таиться в силу сложившейся ситуации, а с 1857 г. скандальность легализации еще одного рубля сделалась слишком явной. Не мог же Бычков, не желая компрометировать память Канкрина, изобретать еще одного поляка, еще один игорный дом, еще одного нумизмата-генерала и т. д. Поскольку он обладал отборными оттисками (остальные отражают главным образом промежуточные этапы работы), можно догадываться, что и шестой рубль, наверное, был наиболее удачным экземпляром из числа сделанных 12 декабря 1825 года.

Перейдем теперь к версии Рейхеля. С одной стороны, она покрывает Канкрина, повторяя заведомую ложь о пяти «министерских» монетах. С другой — сокращает число якобы посланных в Варшаву рублей до трех. Уже в силу этих расхождений несомненно, что эта версия возникла после смерти Канкрина (1845 г.); это подтверждается и внешними обстоятельствами. Ее услышал от Рейхеля принц Александр Гессенский, оживленные контакты которого

[15] Д. Ф. Кобеко. Рубль императора Константина. «Русская старина». Т. 27. 1880, стр. 187—189.

с Рейхелем начались с 1846 г., когда в Петербурге было основано Археологическо-нумизматическое общество, в котором Рейхель был членом-основателем и вице-президентом, а принц — действительным членом. Эти контакты продолжались до 1853 г., когда Александр Гессенский выехал из России.

Соглашаясь с давно уже высказанным предположением о том, что Рейхель был владельцем утаенного константиновского рубля, перешедшего затем к Шуберту, мы можем объяснить причины его лжи следующими соображениями. Зная, что в министерство было отослано шесть монет, но повторяя версию Канкрина о пяти рублях, Рейхель не мог не догадываться, что одна монета изъята и особо засекречена министром. Хотя Рейхель и был близким другом Канкрина, не думаем, что последний посвятил его в свои действия. Поскольку только Рейхелю было известно, что версия Канкрина об отсылке монет в Варшаву и уничтожении штемпелей сопутствует сохранению в руках министра одной монеты (шестой), он поверил в то, что «известного ящика» со всем его содержимым, равно как и пяти «министерских» монет, уже не существует, и активно поддержал эту версию, украсив рассказ о ней своим участием в уничтожении штемпелей и переплавке монет.

Однако он откорректировал этот рассказ выдумкой о разрушении лишь двух рублей и посылке в Варшаву не пяти, а трех монет Константина. Этот корректив, как представляется, был необходим единственно на случай легализации утаенных рублей, один из которых находился в руках самого Рейхеля. Ложь министра подсказывала способ именно такой легализации. Если монеты посланы в Варшаву и там остались, любой выплывший наружу экземпляр всегда можно связать с превратностями его судьбы, благо в 1830 г. восставшие поляки побывали в Бельведере. Как мы уже знаем, версия Рейхеля не сопровождалась при его жизни легализацией принадлежавшего ему экземпляра: слишком прозрачной была его роль в эксперименте 1825 года. Эта ложь начала реализовываться Шубертом в 1857 г., после смерти Рейхеля (1856 г.). Басня о приобретении монеты в игорном доме у некоего поляка самим Шубертом не публиковалась, но, по-видимому, с его слов введена в литературу Кёне сразу же после смерти Шуберта. «Обнаруживший» в Хомбурге монету русский генерал поначалу был анонимен, затем в 1878 г. Кёне дал ему фамилию Крейдеман, но в пометках Строганова на книге Трубецкого он называется иначе — Третнер.

Как отмечалось выше, шубертовский экземпляр рубля не имеет гуртовой надписи, изготовлен на ручном станке и не принадлежит к числу «министерских», будучи вынесен тайно с Монетного двора самим Рейхелем, а уже в советское время был обнаружен двойник (или двойники) этого рубля. Сколько же таких кружков было нелегально вынесено с Монетного двора? Думается, что ответ на этот вопрос дал сам Рейхель. Пытаясь своей версией легализовать хищение, он говорил о трех посланных в Варшаву рублях. Он мог бы назвать любое разумное их количество, сообщив, например, что было послано четыре монеты, а уничтожена одна, мог избавить себя от столь же драматической, сколь и фантастической детали, как переплавка монет чуть ли не в кабинете министра, повторив канкринскую цифру посланных в Варшаву монет — пять. Но он упомянул три, и в этом должна быть своя логика. Полагаем, что Рейхель мог опасаться того, что на антикварном рынке в конечном счете может появиться не больше трех монет. Две из них мы уже знаем. Одна — его собственная, другая — канкринская. Знаем и третью, объявившуюся сначала в коллекции Л. Х. Иозефа, а затем у Рихтера. Если в своих наблюдениях мы правы, то предположение Спасского, идентифицировавшего рубль Иозефа с рублем Рихтера, получает определенное подтверждение.

Таким образом, мы приходим к выводу, что всех константиновских рублей было восемь. Шесть из них, с гуртовыми надписями, — официально отправленные в министерство финансов. Два — пробы на серебре, утаенные Рейхелем. Из первых шести в настоящее время точно известно местонахождение трех: в Эрмитаже, в Государственном Историческом музее в Москве (бывший экземпляр Александра II), в Смитсоновском институте в США (бывший экземпляр вел. кн. Георгия Михайловича). Четвертый экземпляр, некогда принадлежавший принцу Александру Гессенскому, был продан на шульмановском аукционе в Нью-Йорке 20 ноября 1965 г. «анонимному европейцу». Пятый, похищенный Канкриным, прошел через руки Бычкова, а затем продавался на аукционе 1898 г., после чего следы его теряются. Судьба шестого, принадлежавшего вел. кн. Сергею Александровичу, остается неясной: вдова великого князя

Елизавета Федоровна между 1905 и 1918 гг. могла распорядиться им как угодно, могла сохранять и у себя. Из двух проб, не имеющих гурчения, одна от Рейхеля перешла к Шуберту и, сменив ряд владельцев, включая короля Фарука, осела в США. Другая появлялась в коллекциях Иозефа и Рихтера. В СССР, следовательно, возможны находки двух монет: «министерской» (экземпляр вел. кн. Сергея Александровича) и пробы «Иозефа — Рихтера».

Коснемся еще некоторых заметок Строганова на полях брошюры Трубецкого. Общий смысл многочисленных вопросительных знаков и восклицаний типа «какая чушь» (стр. 43), «ничего не доказано» (стр. 100), «басня фальсификатора» (стр. 101) имеет отношение к версии Трубецкого о его монетах. Относительно роли Сабурова Строганов писал: «Новость о смерти императора Александра достигла Петербурга 27 ноября. Сабуров отправился в Варшаву 28-го. Совершенно невозможно, чтобы новые рубли были изготовлены за один день» (стр. 100). Однако уже Строганов подверг решительному сомнению версию Канкрина — Рейхеля о посылке какого бы то ни было количества монет в Варшаву. На стр. 62 по поводу возможного похищения монет из «разграбленного» в 1830 г. Бельведера он замечал: «Император говорил мне, что разграбления не было и что заговорщики взяли только письмо императора Николая, бывшее на столе в кабинете великого князя в Бельведере. 16 декабря 1878». Очевидно, имеется в виду разговор Строганова с Александром II, а не с Николаем I; в противном случае было бы написано: «взяли только его письмо». Версия о похищении монет из Бельведера, таким образом, не разделялась и царской семьей. Впрочем, Строганов почему-то допускал возможность посылки к Константину оловянных оттисков, естественно, не с Сабуровым. Трижды на соответствующих страницах брошюры против упоминания посланных Константину рублей Строганов помечал: «Клише» (стр. 56), «свинцовые клише» (стр. 74), «свинцовые» (стр. 95). Не понятна при этом его логика: если штемпели были готовы, то столь же возможно отчеканить ими пробу на серебре, сколь сделать ее на свинце или олове.

Интерес представляет еще одна пометка Строганова. Против слов из письма принца Александра Гессенского: «Если не ошибаюсь, он (шубертовский рубль.— В. Я.) сегодня находится в Эрмитаже» (стр. 72).— Строганов написал: «Ценой в 6000 бумажных рублей». По-видимому, эта цена за шубертовский рубль была назначена наследниками Шуберта при несостоявшейся покупке его коллекции Эрмитажем, переговоры о которой велись в 1868—1872 годах.

Член-корреспондент АН СССР
В. Л. Янин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кораблев Юрий Иванович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, заместитель председателя Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» Отделения истории АН СССР. Автор монографий «Военная работа петербургских большевиков в годы первой русской революции», «Революционные восстания на Балтике в 1905—1906 гг.», «В. И. Ленин и создание Красной Армии», соавтор и редактор ряда обобщающих трудов.

Петропавловский Евгений Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Специализируется по истории КПСС и революционного рабочего движения в России, истории бесцензурной печати РСДРП и их источниковедению. Автор книги «Листовки как источник при изучении истории КПСС», один из авторов и редакторов книги «Из истории Москворечья», один из составителей и редакторов сборников документов «Октябрь в Замоскворечье», «Наш Ильич» и др. Им опубликован ряд статей по исследуемой тематике.

Пашуто Владимир Терентьевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, медиевист, зав. сектором Института истории СССР АН СССР.

Титков Василий Иванович — кандидат экономических наук. Специализируется по новой и новейшей экономической истории МНР. Автор ряда работ по этой тематике.

Святов Георгий Иванович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, автор ряда публикаций по проблемам военной, военно-морской, военно-технической политики США, американской политики в области ограничения вооружений, проблемам военной разрядки и советско-американских отношений.

Платонов Борис Александрович — полковник-инженер, автор ряда работ по истории войск связи и по технике связи.

Глейзер Марат Максимович — сотрудник Всесоюзного алюминиево-магниевого института (Ленинград). Автор статей по истории советского денежного обращения.

Сахаров Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, член коллегии Госкомиздата СССР. Автор ряда работ по социально-экономической и политической истории России эпохи феодализма.

SUMMARIES OF ARTICLES

Y. I. KORABLEV. **Defending the Gains of the Great October Socialist Revolution (October 1917-February 1918)**

The article briefly reviews the theoretical foundations and principles of organizing the defence of the gains of the Great October Socialist Revolution and socialism, which were formulated for the first time by V. I. Lenin. The author analyzes the Soviet experience of smashing the bourgeois army and using some of the links of the old military machine in the interests of defending the revolution. The article graphically shows how perseveringly the Communist Party and Soviet government tried to find new ways and forms of building up the revolutionary Armed Forces in the conditions marked by the victory of the dictatorship of the proletariat in one country taken singly, highlighting the first steps in the field of army organization up to the signing of the peace of Brest-Litovsk.

E. S. PETROPAVLOVSKY. **Some Aspects of Source Research in the Materials of All-Russian Congresses, Conferences and Meetings of the RSDLP**

The article is devoted to some questions of source research in the documents of pre-revolutionary congresses, conferences and meetings of the RSDLP held in the period from 1898 to 1917. These documents were highly valued and often used by V. I. Lenin and by many Social-Democrats during that period, and are extensively drawn upon by Soviet and foreign historians in our days. The author clearly shows that the minutes, resolutions, summary reports and other documents of RSDLP congresses, conferences and meetings represent not only one of the chief sources for studying the history of the CPSU and the theory of Marxism-Leninism, but also constitute the most valuable source shedding light on many aspects of Russian history at the close of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The article examines the general and specific conditions of the genesis of the materials of RSDLP congresses, conferences and meetings (the illegal position of the Party under tsarism, the existence of different factions in it, the specific character of taking minutes as distinct from stenographic records, etc.) and maps out the tasks of studying them on the basis of available sources.

L. V. CHEREPNIN, V. T. PASHUTO. **The Formation of the Centralized Russian State in the Comparative Historical Aspect (16th-17th Centuries)**

The formation of the centralized Russian multinational state undoubtedly represents a progressive phenomenon in world history. The authors make a comparative historical, typological comparison of the centralized Russian state with other analogical states at a similar stage of their development. It is graphically shown in the article that the strengthening of the centralized Russian state had profound historical traditions and was accompanied by the law-governed political decline of other ethnically heterogeneous states which had come into being on the European territory of our country or extended their rule over it. For all its peculiarities and distinctive features the centralized Russian state formed an organic link in the rising system of European states in the epoch of Europe's transition from feudalism to capitalism.

V. I. TITKOV. **The Historic Achievements of People's Mongolia**

The article examines the principal stages of Mongolia's development along the non-capitalist path, of her advance to socialism without having to go through the painful capitalist stage. The author describes the two basic stages of the people's revolution: the general democratic (1921—1940) and the socialist, brings out the distinctive features and the difficulties attending the process of building up a socialist economy, effecting collectivization in agriculture and carrying out a cultural revolution in Mongolia. The article makes a point of stressing the leading role exercised by the Mongolian People's Revolutionary Party in building socialism in the Mongolian People's Republic. Paramount importance is attached by the author to the ties of fraternal friendship and close cooperation binding the U.S.S.R. and the M.P.R., to Mongolia's participation in the Council of Mutual Economic Assistance.

G. I. SVIATOV. **U. S. Policy in the Sphere of Armaments**

The article examines U. S. policy in the field of armaments. The author analyzes a number of state documents (Presidential messages, reports by Defence Secretaries, etc.) and research works by American scientists. These and other materials enable the author to draw the conclusion that the Soviet Union's consistent peace policy, the tangible relaxation of international tension and the signing of Soviet-American agreements on the limitation of armaments have brought about a certain quantitative lessening of the armaments race in the U.S.A. in the first half of the seventies, although the improvement and perfection of armaments is continuing at a high rate. Owing to the efforts of the enemies of détente the U. S. military budget has begun to soar again in real terms during the past two or three years. This is coupled with the further intensification of the armaments race in the U.S.A. All the peace-loving forces both in the United States and beyond its borders must redouble their efforts and work persistently to curb this dangerous race in armaments.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 2, 1978

Articles: **Y. I. Korablev.** Defending the Gains of the Great October Socialist Revolution; **E. S. Petropavlovsky.** Some Aspects of Source Research in the Materials of All-Russian Congresses, Conferences and Meetings of the RSDLP; **Academician L. V. Cherepnin, V. T. Pashuto, Corresponding Member of the U.S.S.R. Academy of Sciences.** The Formation of the Centralized Russian State in the Comparative Historical Aspect (16th-17th Centuries); **V. I. Titkov.** The Historic Achievements of People's Mongolia; **G. I. Sviatov.** U. S. Policy in the Sphere of Armaments. Reminiscences. **B. A. Platonov.** The General Staff's Signal Centre in the Years of the Great Patriotic War. Historical Essays: **M. M. Gleizer.** The Soviet Chervonets; **A. N. Sakharov.** The Russo-Byzantine Treaty of 907: A Reality or a Chronicler's Invention? Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. **Book Reviews:** T. Bartenyev, Y. Komissarov. Thirty Years of Good-Neighbourship (Scanning the History of Soviet-Finnish Relations); Hadji Murat Ibraghimbeili. The Collapse of the "Edelweiss" and the Middle East; O. F. Suvenirov. The Communist Party—The Organizer of the Political Education of the Red Army and Navy. 1921-1928; "Russia's Foreign Policy in the 19th and the Beginning of the 20th Centuries." Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Second series (1815-1830). Vol. (IX) & Vol. II (X); "The Art of Primitive Society"; "Foreign Monopolies in Cuba. 1898-1959"; M. A. Barg. Shakespeare and History; "The U. N. and Disarmament, 1970-1975"; Shepard Formen. The Brazilian Peasantry (New York—London), etc. Scientiiic Notes. Facts, Events, People. Notes on articles published in foreign journals. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire» № 2, 1978

Articles: **Y. I. Korablev.** Problème de défense des conquêtes de la révolution (octobre 1917 — février 1918) ; **E. S. Pétropavlovski.** Certains aspects de l'étude de sources des matériaux de congrès, conférences et réunions du P.O.S.D.R. tenus à l'échelle de Russie ; **L. V. Tchérepnine, membre titulaire de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., V. T. Pachouto, membre correspondant de l'Académie.** La formation de l'Etat centralisé russe sous l'angle historico-comparatif (XVIe—XVIIe ss.); **V. I. Titkov.** Les réalisations historiques de la Mongolie populaire; **G. I. Sviatov.** De la politique des Etats-Unis dans le domaine de la création des forces armées et de la limitation des armements. Mémoires. **B. A. Platonov.** Nœud de liaison de l'Etat-major général pendant la Grande Guerre nationale; Aperçus historiques: **M. M. Gleïzer.** Le tchervonetz

soviétique; **A. N. Sakharov.** Le traité entre la Russie et la Byzance de 907 : est-ce une réalité ou une invention du chroniqueur? Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Comptes rendus des livres:** T. Barteniev, Y. Komissarov. Trente ans du bon voisinage (contribution à l'histoire de relations soviéto-finnoises) ; Khadji Mourat Ibraghimbeïa. L'échec de l'« Edelweiss » et le Proche-Orient ; O. F. Souvenirov. Le Parti communiste, organisateur de l'éducation politique de l'Armée et de la Marine rouges. 1921-1928; « Politique extérieure de Russie du XIXe et du début du XXe siècles ». Documents du ministère des Affaires étrangères de Russie. Série II (1815-1830). T. I (IX) ; t. II (X) ; « L'art primitif » ; « Les monopoles étrangers à Cuba. 1898-1959 » ; M. A. Barg. Shakespeare et l'histoire ; « L'O.N.U. et le désarmement. 1970-1975 ». Shepard Formen (New York — London). La paysannerie du Brésil, et autres. Notes scientifiques. Faits, événements, hommes. Notes sur les articles publiés dans les revues étrangères. Articles parus dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista "Cuestiones de historia" N 2. 1978

Artículos: **Y. I. Korablev.** Problema de la defensa de las conquistas revolucionarias (Octubre de 1917 — febrero de 1918); **E. S. Petropavlovskiy.** Algunos aspectos del estudio de las fuentes de materiales en materia de los congresos, de las conferencias y reuniones del Partido Obrero Social-demócrata Ruso; **Académico L. V. Cherepnin, miembro correspondiente de la Academia de Ciencias de la URSS V. T. Pashuto.** Creación del estado ruso centralizado desde el punto de vista del análisis histórico comparativo (XVI– XVII); **V. I. Titkov.** Realizaciones históricas de la Mongolia popular; **G. I. Sviatov.** Política de los EE.UU. en el terreno de la construcción de las fuerzas armadas y de la limitación de los armamentos. Memorias: **B. A. Platónov.** Nudo de enlace del Estado Mayor General en los años de la Gran Guerra Patria. Ensayos históricos: **M. M. Gleizer.** El chervonetz soviético; **A. N. Sájarov.** Tratado ruso—bizantino del año 907: ¿hecho real o invención del cronista? La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Reseñas de libros:** T. Bartenev, Y. Komissarov. Treinta años de buena vecindad (hacia la historia de las relaciones soviético — finlandesas); J. Jadzhi Murat Ibraguimbeily. Crac de «Edelweiss» y el Oriente Cercano; O. F. Suvenirov. Partido Comunista como organizador de la educación política del Ejército Rojo y de la armada. 1921—1928; «Política exterior de Rusia en el siglo XIX — principios del XX». Documentos del ministerio de asuntos exteriores de Rusia. Serie II (1815—1830). T. I (IX); T. II (X); «El arte primitivo»; «Monopolios extranjeros en Cuba. 1898—1959»; M. A. Barg. Shakespeare e historia; «La ONU y el desarme. 1970—1975»; Shepard Formen. Campesinado brasileño (New York—London) etc. Notas científicas. Hechos, acontecimientos, personalidades. Notas de artículos publicados en las revistas extranjeras. Artículos en las revistas históricas, soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю.А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 6/I 1978 г.
А 01365. Подписано к печати 7/II 1978 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 19,60. Учетно-изд. л. 22,29. Тираж 25 000 экз. Изд. № 549. Заказ № 1641.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

БАШЛИЕВ Д. **Социално-политически особености на аграрния въпрос в Латинска Америка.** София. Изд-во на БАН. 1977. 220 с.

Ботев в спомените на съвременниците си. Събрал и изследвал Стефан Каракостов. Т. I. 718 с. Т. 2. 588 с. София. Партиздат. 1977.

ВАКЛИНОВ С. **Формиране на старобългарската култура VI—XI век.** София. Наука и изкуство. 1977. 293 с.

ВЕНКОВ И. **Революционната ситуация в България през Втората световна война.** (Философско-социологически аспекти). София. Партиздат. 1977. 334 с.

ГИЦОВ А. **Работническата класа в света на капитала.** София. Партиздат. 1977. 166 с.

ДАМЯНОВ С. **Френската политика на Балканите 1829—1853.** София. Изд-во на БАН. 1977. 323 с.

ЗАХАРИЕВА Ю. **Прояви на тенденцията към политическо интегриране в Западна Европа.** — Венелин ЦАЧЕВСКИ. **Основни аспекти на политиката на Европейската икономическа общност в Средиземноморието.** Перник. Инст. за външна политика «Иван Башев». 1977. 196 с.

МИГЕВ В. **Утвърждаване на монархофашисткага диктатура в България 1934—1936.** София. Изд-во на БАН. 1977. 187 с.

ASZÓDY J. **A pokol zsoldosai.** Lapok az Idegenlégió történetébol. Budapest. Kossuth. 1977. 223. old.

GERGELY J. **A politikai katolicizmus Magyarországon. (1890—1950).** Budapest. Kossuth. 1977. 301. old.

JÁSZ D. **A sok közül egy.** (Tanácsmagyarországtól a Pireneusokig cimü könyvnek 2-ik bövit. és átdolg. kiad.). Budapest. Gondolat. 1977. 172. old.

KARSAI E. **Itél a nép.** Budapest. Kossuth. 1977. 291. old.

ROZSNYÓI A. **A szálasi-puccs.** 2-ik, átdolg. kiad. Budapest. Kossuth. 1977. 104. old.

ACSTEN R. und BOGISCH M. **LDPD auf dem Weg in die DDR.** Zur Geschichte der LDPD in den Jahren 1946—1949. 2 Aufl. Berlin. Der Morgen. 1977. 413 S.

BURG H. **Inflation und Klassenkampf.** Ursachen, Widersprüche und Konsequenzen der Inflation im Imperialismus. Berlin. Dietz. 1977. 173 S.

Die Sozialistische Internationale. Ihre Geschichte und Politik. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Werner Kowalski und Johannes Glasneck. Berlin. Deutscher Verlag der Wiss. 1977. 303 S.

Konzept für die «Neuordnung» der Welt. Die Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Wolfgang Schumann. Berlin. Dietz. 1977. 140 S.

SCHILLING H. **Krise und Zerfall des imperialistischen Kolonialsystems.** Berlin. Dietz. 1977. 124 S.

SCHÖNE B. **Kultur und Lebensweise Lausitzer Bandweber (1750—1850).** Berlin. Akademie-Verl. 1977. 197 S.

МИНИС А. **МНРП. во главе антифеодальных экономических преобразований в МНР.** Под общ. ред. Ш. Нацагдоржа. Улан-Батор. Госиздательство. 1976. 342 с.

DURKOVIC — JAKSIC L. **Z dziejów stosunków jugosłowiańsko-polskich 1772—1840.** Z serbskochorwackiego tłum. Halina Kalita. Wstęp. i red. Ludwik Bazylow Wrocław i i. Zakl nar. im. Ossolińskich, wyd-wo. 1977. 280 s.

LAMENTOWICZ W. **Reformizm szwedzki.** Warszawa. PWN. 1977. 464 s.

MEISSNER M. **Śladami arabskich kupców i piratów.** Warszawa. KiW. 1977. 317 s.

MIKOSZ J. **Państwo a ideowo-polityczne organizacje młodzieżowe w Polsce Ludowej.** Warszawa. PWN. 1977. 257 s.

SZSZEPAŃSKI J. A. **Imperium tysiąca bogów.** Kraków. Wyd-wo lit. 1977. 281 s.

ARMBRUSTER A. **La romanité des Roumains.** Histoire d'une idée. Bucureşti. Ed. Acad. RSR. 1977. 279 p.

Independenţa României. Com. de red.: St. Pascu, red. responsabil ş. a. Bucureşti. Ed. Acad. RSR. 1977. 526 p.

NAVRÁTIL J. **Stručné dějiny USA.** Praha. Svoboda. 1977. 353 s.

ŽAČEK V. **František A. Zach.** Praha. Melantrich. 1977. 321 s.

КОСТИЋ В. **Дубровник и Енглеска 1300—1650.** Уред. Мирослав Пантић Београд. 1975. 660 с.

PERHAUC R. **Upor mornarjev v Boki Kotorski.** Ljubljana. Partizanska knjiga. 1976. 125 s.

AITKIN D. A. **Stability and Change in Australian Politics.** Canberra. Austr Nat. Univ. Press. 1977. (13), 301 p.

CHANOK M. **Unconsummated Union.** Britain. Rhodesia and South Africa 1900—45. Manchester. Manchester Univ. Press. 1977. XI, 289 p.

HARVIE Ch. **Scotland and Nationalism.** Scottish Society and Politics, 1707—1977. London. Allen and Unwinn. 1977. 318 p.

PARKINSON C. N. **Britannia Rules.** The Classic Age of Naval History 1793—1815. London. Weidenfeld and Nicolson. 1977. 199 p.

RUMPF E. and HEPBURN A. C. **Nationalism and Socialism in Twentieth-Century Ireland.** Liverpool. Liverpool Univ. Press. 1977. XVII, 275 p.

НОВЫЕ КНИГИ

HALICZ E. **Danish Neutrality during the Crimean War (1853—1856).** Denmark between the Hammer and the Anvil. Trans. from the Polish by Jane Cave. Odense. Odense Univ. Studies in History and Social Sciences 1977. 247 p.

SNITKER H. **Det illegale Frit Danmark-bladet og organisationen.** Odense. Odense universitetsforl. 1977. 190 s.

JIMÉNEZ DUQUE B. **La espiritualidad romano-visigoda y muzárabe.** Salamanca. Univ. pontificia de Salamanka; Madrid. Fund. univ. esp. 1977. 299 p.

LAS CASAS B. de. **Brevisima relación de la destrucción de Indias.** Introd. y notas de Manual Ballesteros Giabrois. Madrid. Publ. de la Fund. univ. esp. 1977. XXVI, 135 p.

MILANI C. Itinerarium Antonini Placentini. Un viaggio in Terra Santa dei 560—570 d. C. Milano. Vita e pensiero. 1977. 324 p.

Problemi del movimento sindicale in Italia. 1943—1973. 2-a ed. Milano. Fond. Giangiacomo Feltrinelli. 1977. VIII, 1067 p.

BERNARD A. **La politique au Canada et au Québec.** 2-e ed. Montreal. Les Presses de l'Univ. du Québec. 1977. XXIV, 535 p.

CARDOSO A. L. **Luta pela reforma agrária.** Selecção e notas de J. Cândido de Azevedo. 2—a ed. Lisboa. Diabril. 1977. 243 p.

DIAS A. da C. **A crise da consciência pequenoburguesa.** O nacionalismo literário de geração de 90. 3—a ed. Lisboa. Estampa. 1977. 361 p.

DAVIDSON M. B. **New York. A Pictoral History.** New York. Scribners. 1977. XIII, 357 p.

FERNANDEZ R. A. **The United States—Mexico Border.** A Politico-economic Profile. Notre Dame (Ind.) — London. Univ. of Notre Dame Press. 1977. V, 174 p.

RIKKINEN K. **Suomen asutusmaantiede.** Helsinki. Otavan korkeakoulukirjasto. Helsinki. 1977. 163 s.

Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Siedlungsform-wirtschaftliche Funktion-soziale Struktur. Bericht über die Kolloquien der Kommiss. für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas in den Jahren 1973 und 1974. Hrsg. von Herbert Jankuhn u. a. Göttingen. Vandenhoeck und Ruprecht. 1977. 535 S.

SAUER K. **Die Verbrechen der Waffen-SS.** Eine Dokumentation. Hrsg. im Auftrag des Präsidiums der VVN-Bund der Antifaschisten. (Mit Anhang: SS und Bundeswehr). Frankfurt a. M. Röderberg-Verl. 1977. 88 S.

HEILBRONN M. **La princesse Catherine Ivanovna Troubetskoï (1800—1854).** Trad. du russe et adapt. de Max Heilbronn. Paris. Les Ed. franç. reunis. 1977. 285 p.

Les Africains. Sous la dir. de Charles-André Julien e. a. T. I. Paris. Ed. J. A. 1977. 327 p.

Partiliv i ståndskriksdagen. Adel och borgare 1850—1865. Stockholm. Almqvist and Wiksell. 1977. 383 s.

WESTER H. **Innovationer i befolkningsrörligheten.** En studie av spridningsförlopp i befolkningsrörligheten utgaende **från Petalax** socken i Österbotten. Uppsala. Acta Univ. Upsaliensis. 1977. 221 s.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр.); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному согласованию с редакцией, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки —6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах,—3—5 стр. Все материалы представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски — через полтора интервала) на обычной бумаге. Вставки (после доработки материала), а также тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Цена 70 коп. Индекс 70145

СОЮЗКНИГА ПРЕДЛАГАЕТ ИЗДАНИЯ

Бауэрман Р., Рёчер Г. **Ленинизм и классовая борьба.** Критика современных концепций антиленинизма. Пер. с нем. «Прогресс», 1976. 222 с. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма). 44 к.

Авторы книги — немецкие марксисты — показывают жизненную силу ленинских идей и положений о классовой борьбе и марксистской партии, разоблачают буржуазные и ревизионистские концепции, извращающие ленинское учение о социалистической революции, диктатуре пролетариата, социалистической демократии. В книге дан анализ взглядов советологов в США и ФРГ, критически рассмотрены буржуазные теории «индустриального общества» и «конвергенции». Книга написана с использованием новейшего фактического материала и будет интересна широкому кругу читателей.

Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. **Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации.** Политиздат, 1974. 312 с. 46 к.

В книге раскрыта сущность социально-исторической концепции К. Маркса, рассмотрена методология изучения исторического процесса. Особое внимание уделяют авторы генезису и тенденциям развития капитализма, социально-философским проблемам перехода к коммунизму.

Вопросы стратегии и тактики в трудах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. Материалы для преподавателей ЗВПШ при ЦК КПСС. «Мысль», 1971. 311 с. 61 к.

В сборник включены статьи по коренным проблемам социалистического строительства, мирового коммунистического рабочего и национально-освободительного движения. Авторы статей — преподаватели ЗВПШ при ЦК КПСС. Сборник могут использовать не только преподаватели, но и слушатели партийных школ.

Война, история, идеология. (Буржуазная военная история на службе милитаризма). Политиздат, 1944. 383 с. (Ин-т военной истории М-ва обороны СССР). 1 р. 56 к.

В книге анализируются социально-политические основы буржуазной военно-исторической науки, ее методология, империалистические военные идеи и теории. Авторы раскрывают идеологическую направленность различных буржуазных взглядов и доктрин, относящихся к событиям второй мировой войны, разоблачают фальсификаторов истории.

Общественно-политические движения в США (60-е — начало 70-х годов XX в.). Политиздат, 1974. 343 с. 1 р. 32 к.

В книге, созданной коллективом авторов Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, показана политическая активность различных слоев американского общества (рабочие, фермеры, молодежь, негры, женщины), рассмотрены основные общественные движения — от прогрессивных до ультраправых, освещена деятельность Коммунистической партии США.

Райсберг А. **Австрия, февраль 1934.** Причины и следствия. Пер. с нем. «Прогресс», 1975. 317 с. 94 к.

Книга историка ГДР посвящена вооруженному выступлению австрийского пролетариата в феврале 1934 г. Автор не только подробно излагает ход боев в Вене и других местах Австрии, но и освещает важнейшие моменты австрийского рабочего движения после ноябрьской революции 1918 года.

Уважаемый читатель! Эти издания Вы можете приобрести в местных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу, или заказать по адресу: **127540, Москва, ул. Дубнинская, д. 16-а, магазин № 194 «Книга—почтой».** Заказанные книги будут высланы наложенным платежом по указанному адресу.

СОЮЗКНИГА

Вопросы истории, 1978, № 2, 1—224.